

ГЛИНКА
полковник по армии

На 82 листах

№ 1

О П И С Ь

делу о состоящем по армии полковнике Глинке

Число
бумагСтраницы
в деле

1. Допрос, снятый с Глинки г[осподином] генерал-адъютантом Левашовым	1, 2
2. Копия с вопроса полковнику князю Трубецкому 26 генваря с ответами его	3
3. Копия с вопросов подпоручику Рылееву того ж числа и с ответов его	4, 5
4. Вопрос штабс-капитану Александру Бестужеву 26 же генваря с ответом на оный	6
5. Вопрос капитан-лейтенанту Бестужеву того ж 26 генваря с ответом его	7
6. Вопрос коллежскому асессору Пушину 26 же генваря и ответ на оный	8
7. Вопрос поручику князю Оболенскому 26 генваря и ответ его.	9, 10
8. Вопросы Глинке 15 февраля	11 по 14
9. Ответы его	14—20
10. Письмо Глинки на высочайшее имя 21 марта	20, 21
11. Письмо его же на имя г[осподина] военного министра 2 апреля	22, 23
12. Вопрос князю Трубецкому 6 апреля с ответом его	24, 25
13. Вопросы Глинке 3 апреля	26 по 40 //
	(л. 1 об.)
14. Ответы его 7 апреля	40 по 56
15. Очная ставка полковнику Пестелю с Глинкою 10 апреля	56, 57
16. Очная ставка Пестелю с титулярным советником Семеновым 10 же апреля	58
17. Показание Глинки 11 апреля	59, 60
18. Очная ставка Глинке с штабс-капитаном Александром Бестужевым 13 апреля	61
19. Очная ставка Рылееву с Глинкою того ж числа	62
20. Очная ставка Семенову с Глинкою 30 апреля	63
21. Очная ставка титулярному советнику Перетцу с Глинкою 30 же апреля ²	64—67
22. Послужной список Глинки	67—71
23. Выписка показаний разных лиц о полковнике Глинке	71, 72
24. Копия с записки о Глинке	73—82
	82

Надворный советник Ивановский // (л. 67)

¹ Вверху листа помета карандашом: «№ 82».² В подлиннике ошибочно «3 же апреля».

Формулярный список о службе и достоинстве

Выписана из такового же лейб-гвардии Измайловского полка.

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился			
			Чины	Годы	Месяцы	Числа	Полки и батальоны	Годы	Месяцы	Числа
Полковник Федор Николаев сын Глинка. Орденов Св[ятой] Анны 2-й ст[епени], Св[ятого] Владимира 4-й ст[епени], прусского «За заслуги», баденского «Верности», имеет золотую шпалу с надписью «За храбрость» и медаль «В память 1812 года»	35	Из дворян. Сын отставного капитана, имеет по наследству 90 душ Смоленской губернии Духовского уезда в селе Изгюхах.	Прапорщиком	[1]802	Июня	10	По высочайшему повелению выпущен из 1-го Кадетского корпуса с определением в Апшеронский пехот[ный] полк			
			Подпоручиком	[1]803	Дек[аб-ря]	14	В оном же полку			
			Поручиком	[1]806	Сент[яб-ря]	11				
			Штабс-капитаном	[1]815	Августа	10				
							Переведен в сей полк	[1]816	Феврал[я]	1
							Капитаном	[1]816	Июня	30
							Полковником	[1]818	Генв[аря]	26
							Высочайше повелено сос- тоять по армии с произ- вождением жалования	[1]821	Июня	5

состоящего по армии полковника Глинки.

доставленного от 1 генваря 1822 года // (л. 67 об. — 70)

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить	Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли	В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок	В штрафах был ли, по суду или без суда, за что именно и когда	Холост или женат, и имеет ли детей	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится	К повышению достоин или за чем именно не аттестуется
1805 и 1806 против французов в походе чрез Польшу, Селезину, Австрию до баварских границ и в продолжение ретирады от крепости Баунца, в сражениях: октября 22-го при защищении переправы на реке Эльбе, октября 24-го при Амштетине, октября 30-го при поражении генерала Монты у города Краона в повседневных с неприятельским авангардом сшибках ноября по 10 число, ноября 20-го в генеральном при г[ороде] Аустерлице, оттоль в походе чрез Венгрию, Галицию и Вольнию к реке Бугу. 1812-го октября 6-го при Тарутине в ночной экспедиции при разбитии авангарда короля неаполитанского, 11-го при г[ороде] Малом Ярославце и потом находился в авангарде, где кроме повседневных сшибок был в сражениях 22-го при г[ороде] Вязьме и 26-го при г[ороде] Дорогобуже, за отличие в сих делах награжден орденом Св[ятого] Владимира 4-й ст[епени] с бантом, засим в движении за неприятелем фланговым маршем до г[орода] Красного и в сражениях ноября 3-го при д[еревне] Ржавке, 4-го при с[еле] Мерлине, 5-го при с[еле] Уварове, 6-го у самого г[орода] Красного при избитии корпусов: маршала Даву, еще короля италийанского и маршала Нея, за отличие награжден золотой шпалой с надписью «За храбрость», после того при преследовании неприятеля чрез Борисов до рек Березины, Немана и до совершенного изгнания французов; в походе чрез Польшу и при занятии г[орода] Варшавы, а от оной в Шлезию к блокированной крепости Глагоу и оттоль в Саксонию и в сражениях 1813-го апреля 23-го при Вальдгейме, 24-го близ Эндорфа, 25-го по дороге от Паскена к Вильсдруфу, 27-го при защищении переправы чрез реку Эльбу при г[ороде] Дрездене, 29-го при вышке в окрестностях Бишофсверда, мая 3-го между селением Ратпаустиц и городом Бауценом в арьергардных делах, 7-го и 8-го в генеральном сражении при г[ороде] Бауцене, 9-го в большом арьергардном деле у Рейхенбаха при отступлении армии от г[орода] Бауцена, 10-го между Рейхенбахом и Герницею, 11-го по дороге от Герница к Лаубаху; за все сии дела награжден российским орденом Св[ятой] Анны 2-й ст[епени] и прусским за достоинство, а за усердие по службе на обратном ходу в Россию во время прохождения войск чрез Герцогство Баденское получил баденский орден	Языкам: российскому, французскому и польскому, арифметике и геометрии, фортификации, артиллерии, физике, истории, географии и ситуации.	Не бывал	Не бывал	Холост	Ныне состоит по армии, а прежде находился при генерале от инфантерии графе Милорадовиче для особых поручений	В сей графе ничего не сказано

Подлинный подписал: генерал-майор Мартынов

Верно: начальник отделения Пантюхин // (л. 1 «а»)

Чин и имя *ваши*?

По армии полковник Глинка.

Знали вы о существовании тайного общества в государстве?

В 1819 году был я сочленом общества, тогда существовавшего, коего занятия были вовсе не предосудительные и нимало не противозаконные. За всем тем обратившись на особого рода занятие², я решительно просил к[нязя] Трубецкого и Новикова³ меня к оному обществу более не считать причастным⁴. С тех пор ни о чем не знал и сношения никакого ни с кем не имел. Впрочем, образ жизни моей и занятия мои были известны покойному государю, о чем знает к[нязь] А.Н.Голицын.

Вы были в частом сношении с Рылеевым, Бестужевыми, Оболенским, Трубецким?

Со всеми лицами сими был я в сношении по словесности, а с некоторыми по встречам в домах. О участии⁵ в⁶ последнем сим обществе и о намерении их я ничего не знал и даже заметил, что они считали меня принадлежащим полиции по частым моим сношениям // (л. 1 «а» об.) с графом Милорадовичем.

Накануне или за два дня были ли вы у Рылеева и кого там видели?

За два дня до происшествия, узнав о болезни г[осподин]а Рылеева, я к нему зашел, где застал А.Бестужева и Сомова. Рылеев выходил со мною в другую горницу и просил у меня прозы для «Полярной звезды», говоря, что поэзия уже напечатана. Расставшись с ним, более уже его не видал.

В день происшествия где вы были?

В день происшествия был я в 9 часов у г[рафа] Милорадовича, от коего услышал, что вся гвардия присягнула и что все спокойно. От него поехал на квартиру г[осподи]на Воейкова, читал им манифест с приложениями, где и пробыл до 12-го часа. Потом пошел пешком по проспекту и, подходя к площади Дворцовой, услышал, что г[раф] Милорадович ранен и что он находится в конной гвардии. Я к нему подошел при первой передвижке и до позднего вечера оставался при нем, исключая⁷ короткое время в⁸ которое ездил // (л. 2) к Севладскому, у коего я в доме живу. Возвратился домой часов в 11 и на другой день поутру в 5 часов пошел опять к графу, но уже не застал и узнал, что тело его перенесли в его квартиру, куда я и пошел.

Состоящий по армии полковник Глинка⁹
Генерал-адъютант Левашов // (л. 3)

¹ Вверху листа помета карандашом: «Высочайше освобожден».

² Первоначально было «занятием».

³ Слова «к[нязя] Трубецкого и Новикова» вписаны над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто: «князя Трубецкого и Новикова».

⁵ Далее зачеркнуто: «их».

⁶ Далее зачеркнуто: «сим».

⁷ Далее зачеркнуто: «что несколько».

⁸ Слово «в» вписано над строкой.

⁹ Показания подписаны Ф.Н.Глинкой собственноручно.

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от г[осподина] полковника князя Трубецкого ответов на нижеследующие пункты:

1-е. Принадлежали ли к тайному обществу Гвардейского Генерального штаба поручик и прапорщик Искрицкие?

2-е. Какое принимали участие в намерениях и действиях общества?

3-е. Кем и когда были извещены предварительно о предприятии 14 декабря и сверх того?

4-е. Кем и когда полковник Федор Глинка был извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое к сему подал мнение?

Ответы

Принадлежали ли к тайному обществу Гвардейского Генерального штаба поручик и прапорщик Искрицкие и какое принимали участие в намерениях и действиях общества, сведения я не имею, равно и о том, кем и когда были извещены // (л. 3 об.) предварительно о предприятии 14 декабря.

Также неизвестно мне, был ли извещен предварительно полковник Федор Глинка о предприятии 14 декабря, и не знаю, какое он по сему подал мнение.

Подлинное подписал полковник князь Трубецкой
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 4)

№ 5 (3)

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от подпоручика Рылеева ответов на нижеследующие пункты:

1-е. Принадлежали ли к тайному обществу Гвардейского Генерального штаба поручик и прапорщик Искрицкие?

2-е. Какое принимали участие в намерениях и действиях общества?

3-е. Кем и когда были извещены предварительно о предприятии 14 декабря?

4-е. Кем и когда полковник Федор Глинка был извещен о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Ответы на 1, 2 и 3 пункты

Гвардейского Генерального штаба поручик Искрицкий к тайному обществу принадлежал, о чем он сам меня уведомил дни за два до 14-го числа, когда он¹ // (л. 4 об.) зашел ко мне и когда я завел с ним разговор о положении России. Кто же его принял, а равно, принадлежит ли к числу членов общества брат его, мне неизвестно. О предприятии 14 декабря он тогда не был извещен мною. Какое принимал прежде участие в намерениях и действиях общества, не знаю.

На 4

По вступлении моем в общество с Федором Глинкою я имел частые свидания и, полагая его в числе членов общества, нарочно склонял разговор к цели и намерению оного, но слыша от него общие суждения и никогда ничего решительного, уведомил о том Трубецкого, который сказал мне на то: «Его надо оставить в покое, он нам бесполезен», — что я и исполнил; несмотря на то общие суждения при каждом свидании моем // (л. 5) с Глинкою продолжались. Так случилось и пред 14 декабря, кажется, дни за два. Разговаривая о настоящем положении дел, я ему сказал, что общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. Он на то мне сказал только: «Смотрите, господа!» В дальнейшие суждения о предприятии 14-го числа я с ним не входил, ибо несмотря на слова Трубецкого, я полагал

¹ Далее повторено слово «когда».

его в числе главнейших членов общества и что ему, следовательно, все движения общества безызвестны.

Подлинное подписал подпоручик Рылеев
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 6)

№ 6 (4)¹

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от штабс-капитана Александра Бестужева² ответ о нижеследующем:

Кем и когда полковник Федор Глинка³ извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Ответ

Федора Глинку³ видел я дни за три или четыре у Рылеева до 14 декабря; заходил он туда на минуту, и как в то время, как он вошел, вскоре сказали, что Булгарин идет, а мы его опасались, то я и вышел задними дверями вон, чтоб не подать подозрения, что тут собираются.

Был ли он решительно извещен о намерении⁴ на 14 число, не знаю⁵, но что готовилось что-то — знал, ибо я сказал: «Ну, вот и приспевает время»⁶, — он отвечал: «Смотрите, вы, не делайте никаких насилий» (он всегда был миролюбивых правил) — и тогда-то я вышел.

Штабс-капитан Бестужев⁷
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 7)

№ 7 (5)⁸

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от капитан-лейтенанта *Николая Бестужева* ответ о нижеследующем:

Кем и когда полковник Федор Глинка⁹ извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Это обстоятельство совершенно мне неизвестно.

Капитан-лейтенант Николай Бестужев¹⁰
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 8)

№ 8 (6)¹¹

1826 года генваря 26-го дня Комитет, высочайше учрежденный, требует чрез сие от коллежского асессора Пущина³ ответ о нижеследующем:

Кем и когда полковник Федор Глинка³ извещен предварительно о предприятии 14 декабря и какое подал по сему мнение?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

¹ Вверху листа помета чернилами: «Чит[ано] 27 генв[аря]».

² Имя и фамилия подчеркнуты карандашом.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Слова «Был ли он решительно извещен о намерении» подчеркнуты карандашом.

⁵ Слова «не знаю» подчеркнуты карандашом.

⁶ Слова «Ну, вот и приспевает время» подчеркнуты карандашом.

⁷ Ответ написан А.А.Бестужевым собственноручно.

⁸ Вверху листа помета чернилами: «Чит[ано] 27 генв[аря]».

⁹ Имя и фамилия подчеркнуты карандашом.

¹⁰ Ответ написан Н.А.Бестужевым собственноручно.

¹¹ Вверху листа помета чернилами: «Чит[ано] 27 генв[аря]».

По требованию Комитета сим честь имею ответить, что мне неизвестно, кем и когда полковник Глинка¹ извещен был о предприятии 14 декабря. Я видал перед тем его у Рылеева; но разговора при мне² с ним³ о намерении нашем не было, и я никакого мнения его на сей счет не слыхал.

К сему ответу коллежский асессор Иван Пущин руку приложил⁴.
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 9)

№ 9 (7)⁵

1826 года 4 февраля высочайше учрежденный следственный Комитет требует от поручика л[ейб]-г[вардии] Финляндского полка князя *Оболенского* следующего основательного показания:

В списке о именах членов общества, представленном при всеподданнейшем письме вашему государю императору от 21 генваря, вы упоминаете о полковнике Федоре Глинке, сказав, что *о намерениях на 14 декабря он был извещен, но в оных ни лично, ни чрез других не участвовал*. Объясните, когда и от кого узнал Глинка о намерениях членов тайного общества на 14 число? Что именно сообщено ему было о сем и что было его на то ответом, присовокупив, с какою целию вверена была ему тайна предприятий общества, ежели он⁶, по словам вашим, отстал и не принадлежал к оному?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Полковник Федор Николаевич Глинка, печатая некоторые из своих писем, отдал, кажется, корректору оных поэту Сомову, живущему вместе с Бестужевым и в одном доме с Рылеевым. По сему случаю он в последние времена пред 14 декабря стал чаще посещать // (л. 9 об.) Рылеева нежели прежде, будучи, однако ж, с ним всегда в связи дружеской и литературной. По сему случаю мы не думали скрывать наших действий пред полковником Глинкой, который был известен нам как за человека честного, который не изменит тайне, ему вверенной. Ему лично никто предложения не делал участвовать в намерениях, ибо мы все знали, что он никогда не согласится брать в оных какое-либо участие; и потому мы ограничивались непринужденным разговором пред ним. Его ответ всегда был во время наших разговоров: «Господа, я человек сему делу чуждый и благодарю вас за доверенность вашу; мой совет и мнение может быть только, что на любви единой зиждется благо общее, а не на брани». Быв у меня также несколько раз, полковник Глинка мне то же самое говорил. К несчастью, многие из наших членов и я также в то время полагали, что он, как поэт, живет более на небесах, а не на земле. Что же именно было известно ему⁷ из намерений наших на 14 декабря, я, поистине, сказать не могу, ибо я лично не говорил ему подробно ни о действиях наших, ни о силах⁸; и вообще как я, так и все прочие члены не входили с ним в подробности, которые для него вообще были не нужны. Но мы в полковнике Глинке видели всегда такого человека, пред кем мы говорили свободно о действиях нашего общества. // (л. 10) Вот единственно почему он был известен о намерениях наших, не участвуя и не желая в оных участвовать ни лично, ни чрез других. Почему я полагаю, что полковник Глинка знал, что некоторые полки не будут присягать, что неприсягающие должны собраны быть на площади и что мы хотели сделать предложение Сенату о всеобщем Соборе. Впрочем, и в сем показании моем боюсь ошибиться, ибо, поистине, сказать не могу, что именно из наших намерений было

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слово «мне» вписано над строкой вместо зачеркнутого «нем».

3 Слова «с ним» вписаны над строкой.

4 Ответ написан И.И.Пушиным собственноручно.

5 Вверху листа помета чернилами: «Читано 5 генваря» (так в подлиннике, правильно «5 февраля»).

6 Слово «он» вписано над строкой.

7 Слово «ему» вписано над строкой.

8 Пять строк от слов «Что же именно было известно...» подчеркнуты карандашом.

известно полковнику Глинке, тем более, что я лично всего плана и всех действий ему¹ не объяснял и притом не могу припомнить всех слов моих после столь долгого времени, и притом разговаривая всегда с полковником Глинкою не как с действующим членом общества, но чуждым оному и посторонним лицом. Вот все, что по истинной совести и сущей справедливости я показать могу.

Князь Евгений Оболенский²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 11)

№ 10 (8)³

1826 года февраля 15 дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета полковник Федор Глинка спрашиван о нижеследующем:

1

Когда, где и кем именно вы были приняты в тайное общество, под именем «Союза благоденствия» существовавшее? Что побудило вас вступить в оное и кто были все известные вам члены его?

2

Кто были первоначальные основатели сего общества и какие причины подвигнули их к учреждению оного?

3

В чем заключалась прямая цель или намерения Союза благоденствия и какими средствами предполагалось исполнить ее?

4

Кто из членов наиболее // (л. 11 об.) стремился к распространению и утверждению мнений общества советами, сочинениями и личным влиянием на других?

5

Комитету достоверно известно, что в 1819 году в квартире вашей происходили собрания членов Коренной думы союза, рассуждавших о образе правления для России.

Объясните откровенно:

а) Сколько раз и кто именно из членов Коренной думы собирались в квартире вашей для совещаний по означенному предмету и был ли в числе их нынешний подполковник Лунин?

б) Князь Илья Долгоруков (в качестве блюстителя) по общему согласию и именем присутствовавших предлагал Пестелю изложить выгоды и невыгоды правления монархического // (л. 12) и республиканского с тем, чтобы каждый объявил свое мнение, которое из двух правлений почитает удобным для России?

в) После же того, когда Пестель представил свое изложение и когда по оному возникли между членами словопрения, было ли решено, чтобы каждый из них сказал положительно, кого желает, монарха или президента, и произнес ли на сие в свою очередь Николай Тургенев: «Президента, без дальних толков!»?

г) Затем присутствовавшие в собрании (не исключая и вас) приняли ли единодушно республиканский образ правления?

Здесь поясните: при рассуждениях членов говорили вы в пользу монархического // (л. 12 об.) правления и предлагали ли императрицу Елизавету Алексеевну? И что вас заставило отклониться от сего мнения?

д) Сие решение Коренной думы было ли тогда же сообщено всем управам и с того времени республиканские мысли остались ли господствующими в обществе?

¹ Слово «ему» вписано над строкой.

² Показания написаны Е.П.Оболенским собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 16 февраля».

Какое участие принимали вы в действиях Союза благоденствия после вышеприведенного совещания? Долго ли еще находились в сем обществе и с кем из членов были в сношениях и в каких?

Комитету также достоверно известно, что вы, бывая // (л. 13) в сообществе Рылеева, князя Оболенского и Александра Бестужева, знали о предприятии, исполненном 14 декабря 1825 г[ода], из разговоров их об оном, так как они от вас не таились, и вы однажды, не оуждая означенного предприятия их, просили только не употреблять насилия.

Объясните чистосердечно: каким образом сие происходило?

В заключение присовокупите все, что вам известно на счет тайного общества и лиц, к оному принадлежащих, сверх изложенных здесь вопросов.

Сверх того объясните, знали ли вы титулярного советника // (л. 13 об.) Григория Перетца в числе членов тайного общества, известного под именем «Союза благоденствия»? У кого и когда бывал он на совещаниях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 14)

№ 11 (9)

На 1-й вопрос.

В 1816 году, вступая в масонскую ложу, названную¹ ложью «Избранного Михаила» (в честь и память избрания родоначальника Романовых), я познакомился там с г[осподино]м Новиковым. По званию масона был я тогда в степени ученика и не знал еще², в чем состояла деятельность сего ордена. Г[осподи]н Новиков, бывший выше меня в³ степени, говорил мне, что в масонстве только теории, а что есть другое общество избранных молодых людей, которые положили, образуя себя, действовать в своих кругах по своим силам и возможностям на улучшение всех отраслей наук, художеств, даже ремесел, и упражняться в практической благотворительности, делая сборы для бедных, определяя сирот в училища, а безместным приискивая пристанища.

Сие общество, как мне сказано, называлось благотворительным или обществом благотворения и наук: его⁴ называли тем и другим именем.

Вышеприведенные слова, извлеченные мною теперь⁵ по памяти из многократных разговоров с Новиковым, и тогда ж⁶ поставленные мне на вид имена весьма почтенных (по крайней мере, по тому времени) и лучших фамилий молодых людей, склонили меня на вступление в общество; я дал и подписку (на отдельной осьмушке бумаги), в которой, сколько могу припомнить, не заключалось ничего важного.

После того Новиков познакомил меня с Никит[ою] Муравьевым и Сергием Трубецким; о других же членах сказали, что впоследствии они будут знакомиться со мною сами собою. В самом деле, после значительного времени я при разных встречах узнал имена и приобрел знакомство уже нескольких членов. Тут мне стали известны по⁷ именам: Никита Муравьев, к[нязь] Сергей Трубецкой⁸, Павел Пестель, Новиков, как уже сказано, кн[язь] Илья Долгорукий, почтенный⁹ Алекс[андр] Ал[ександрович]¹⁰ Ковелин, Николай Годейн¹¹, Миркович¹¹ (имени не упомяну), Александр (Данилович) Башуцкий¹¹, полковник Кошкуль¹¹ и граф

1 Первоначально было: «под названием».

2 Далее зачеркнуто: «свойство».

3 Слово «в» вписано над строкой.

4 Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

5 Слово «теперь» вписано над строкой.

6 Слова «тогда ж» вписаны над строкой.

7 Слово «по» вписано над строкой.

8 Слова «Никита Муравьев, к[нязь] Сергей Трубецкой» подчеркнуты карандашом.

9 Слово «почтенный» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

10 Слово «Ал[ександрович]» вписано над строкой.

11 Фамилия подчеркнута карандашом.

Федор Толстой¹ (известный художник), почтенный отец семейства и человек добрый. // (л. 14 об.) Последние *шесть особ* составляли то *отделение*, к которому приписал меня Муравьев. Я потому и помню яснее имена вышеозначенных.

На 2-й вопрос.

Первоначальными основателями были, кажется, (а верно не знаю) г[оспода] Муравьевы и, в особенности, *Александр*. С ним я не был знакомлен лично, и он меня, я думаю, не знает. Но впоследствии я слышал, что он даже прежде многих из нас отстал от общества и шел *совсем другою дорогою*.

Причины (основа[ния] обще[ства]), предъявленные мне², состояли, (сколько я могу упомянуть) в нижеследующем:

Многие из молодых людей, бывшие в последних походах и видевшие чужие государства, сравнивая всеобщее развитие просвещения и гражданственности в Европе с³ состоянием оных в Отечестве нашем, находили, что науки, особливо политические, у нас недовольно имеют хода, что художества мало ободряются, что изучение прав слишком поверхностно, что для благотворительности (для благотвор[ительных] заведений) нет довольно общих усилий, что молодые люди, окончив слегка учебные курсы, предаются слишком суетности, а нередко пристрастию к картам и проч[ее]. А посему они и полагали, что полезно составить общество в таком смысле, как оное ими было заведено. Они говорили мне: «Правительство занято важнейшими видами, а кто мешает нам, жертвуя своими способами и способностями, улучшать все вокруг себя постепенно и скромным образом? Когда же деятельность общества получит более правильный вид и будет о чем сказать, тогда скажем правительству и станем⁴ искать открытого покровительства на дальнейшие действия, предъявив о том, что уже сделано». // (л. 15)

На 3-й вопрос.

Цель общества, как мне она была представлена, объявлена уже мною в ответе на *вопрос 2-й*. Исполнять же ее (означенную цель) предположено было, во-первых, прочным приготовлением себя к гражданской службе на пользу отечества. По сему случаю и предпринято слушание курсов: а) политической экономии, б) статистики, с) истории в обширнейшем значении, d) прав римского и естественного, е) физики и химии и f) нравственной философии по системам немецких профессоров. Сие слушание *курсов* продолжалось несколько лет⁵.

На 4-й вопрос.

Разные члены действовали по⁷ смыслу своих отделений. Но *личного влияния* и как бы некоторой поверхности над другими, кажется, более домогались Н.Муравьев и Пестель. Часто они ценили себя выше⁶ прочих и не совсем осторожно. Сие-то, кажется, было первым поводом к отдалению от них других членов.

На 5-й⁷ вопрос.

Сколько я могу припомнить, ни *определенных собраний*, ни правильных *заседаний* нигде (по крайней мере, в моем присутствии) не было. Съезжались по пять, по шести человек в разных местах. Насчет же моей квартиры я помню следующее: Никита Муравьев¹ говорил мне однажды⁷: «Мы теперь все слушаем курсы, и в особенности политических наук, то чтобы лучше вразумляться в сих науках, мы (он говорил о своем отделении) // (л. 15 об.) положили производить между собою⁸ разговоры, даже заводить споры о разных системах и мнениях. Для сего собираются у меня (у Н.Мурав[ьева]), но как ваша квартира⁸ довольно также просторна и мы

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Далее зачеркнуто: «были».

³ Далее зачеркнуто: «тем же».

⁴ Слово «станем» вписано над строкой вместо зачеркнутого «будем».

⁵ Далее зачеркнуто одно слово.

⁶ Далее зачеркнуто: «др[угих]».

⁷ Далее зачеркнуто: «следующее».

⁸ Далее зачеркнуто несколько слов.

часто мимо¹ ее проезжаем, то позвольте нам иногда заезжать к вам». Я не находил тогда никакой причины в сем отказать, присовокупив только, что я по должности моей часто бываю долго занят у начальника и поздно разве возвращаюсь домой. После сего, действительно, в течение времени заезжали ко мне (кажется, не более раз трех)² когда трое, когда четверо из членов так называемого «отделения политических наук». Сии члены были: Никита Муравьев³, Павел Пестель⁴, к[нязь] Сергей Трубецкой⁵ (до отъезда за границу), также иногда Сергей Муравьев; кажется, бывали и Шиповы⁴, а Лунина, право, не помню: я его видал в доме Кат[ерины] Федоровн[ы] Муравьевой и заподлинно не знаю, был ли он и членом. Князь же Илья Долгорукий⁴ заезживал ко мне⁶ на короткое время, но более как *sosед*, ибо он жил тогда очень близко от меня. Что ж касается до Николая Тургенева⁴, то он, сколько мне памятно, был не в ладах с Муравьевым⁴ и Пестелем⁴, ибо они отзывались о нем невыгодно.

На вопрос же о каком-то как бы торжественном и важном заседании, где трактовали о правлении для России, я ничего другого сказать не могу, как только то, что такого заседания не было, а бывали, как я сказал, простые разговоры о разных системах, иногда и о формах правления, но все сие в общем политическом или учебном смысле. Это правда, что Пестель⁴ // (л. 16) особенно любил заводить такие разговоры и завлекать в споры других. Но такие споры в то время никакой в себе важности не показывали и оканчивались ничем. Подобные⁷ разговоры не только у меня или на других квартирах, но заводимы были встречавшимися членами повсюду: на балах, на вечеринках, в театре, везде толковали о политике и, я помню, когда проходили политическую экономию, то часто, встречаясь, друг у друга спрашивали: «Вы физиократ или меркантилист?».

Всемиловейшей государыни нашей Елисаветы Алексеевны я никогда не предлагал в таком смысле, в каком на меня показывают.

Надо знать, что в прежде бывшем обществе в числе положений оног⁸ было и то, чтобы возвышать добродетель, делая гласными чрез разговор и печатание⁹ добрые качества лиц и всякие благородные подвиги. По сему поводу, говоря о частных лицах, я поставлял особенно приятным долгом говорить о добродетелях государей. Около того времени, посещая бедных в подвалах (семейство коллеж[ского] ас[сесора] Уманца) и на чердаках (семейство придв[орного] музыкан[та] Иошкина), я встречался с именем благотворившей им государыни Елисаветы Алексеевны. Но восхвалял не именно ее одну, я говорил и печатал (около того времени) о¹⁰ добродетельных деяниях всемило/(л. 16 об.)внейшей государыни Марии Федоровны, когда она, купно с почивающим в бозе государем императором, призрела сирот франц[узского] полковника Лагранжа, взятых на поле Красненского сражения покойным¹⁰ графом Милорадовичем. Впрочем, я был и есмь истинно преданным государям нашим! И если бы целый свет не поверил мне в этом, то я и тогда оставил бы¹¹ сие чувство преданности, как богатство души моей, собственно для себя!

На 6-й вопрос.

В течение 1820 года по большим занятиям по должности и по разным¹² обстоятельствам я совсем почти не участвовал ни в каких действиях прежде бывшего общества и неоднократно говорил, что я уже намерен совсем отстать. В это же время, помню, Кавелин и другие члены нашего отделения поручали мне сказать,

1 Слово «мимо» вписано над строкой.

2 Слова «кажется, не более раз трех» вписаны над строкой.

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Слова «Павел Пестель» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «Сергей Трубецкой» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «ко мне» вписаны над строкой.

7 Слово «подобные» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

8 Слово «оного» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто одно слово.

10 Слово «покойным» написано вместо зачеркнутого слова.

11 Первоначально было: «оставлю».

12 Слово «разным» написано вместо зачеркнутого слова.

что и они отстают. Я исполнил их поручение и свое желание и очень¹, признаться, обрадовался¹, услышав, что общество совершенно разрушилось и навсегда разошлось. Я был сему тем более рад, что последнее время было уже, так сказать¹, эпохою *нравственного падения* общества, ибо между членов вкрались ссоры, личности, какие-то притязания на преобладание² умами других, ну, словом, не стало того доброго, дружественного согласия, которое, будучи плодом чистоты помыслов и ясности душевной, составляет красоту и счастье обществ человеческих. // (л. 17)

На 7-й вопрос.

Рылеев³ и Безстужев³ были членами высочайше утвержденного⁴ Вольного общества любителей российской словесности, в котором я председатель. Оболенский³ слушал со мною вместе курс философии¹ еще давно. С сим Оболенским не видался я, по крайней мере, года четыре, даже нигде не встречался. В прошлом (1825 году) именно в самый день⁵ именин его императорского⁶ высочества Михаила Павловича, приехав во дворец с покойным графом Милорадовичем, встретился я с Яковом *Ростовцовым*, который приехал туда же со своим генералом Бистромом. Ростовцова я любил с его детства. Вечеру того дня получаю записку от *Я. Ростовцова*, в которой, приглашая меня к себе⁷, он сказал: «И к[нязь] Оболенский³, мой сослуживец и ваш давний знакомый, рад очень будет вас увидеть». В тот вечер¹, придя несколько поздно и не застав Ростовцова, который ждал меня до 11-го часа и уехал к матушке, я зашел к Оболенскому, и мы только что раскланились, ибо он занимался с писарями деловыми бумагами. После того, заходя к Ростовцову, я был раз пять и у *Оболенского*³, но никогда, кажется, один. Оболенский читал мне: а) его выписки из индейской мифологии, б) выписки из еврейского законодательства (из одной франц[узской] книги), с) советовался насчет повести, которую он намеревался написать во нравах древнееврейских⁸ и d) показывал мне перевод свой из немецкой трагедии Раупаха, под заглавием, кажется, «Кн[язь] Хованский». // (л. 17 об.) Я его ссудил немецкою книгою, заключающею в себе древнее персидское богословие под заглавием «Зенд а вест» — вот все мои сношения с Оболенским. Оболенского, Рылеева и Александра Безстужева никогда не видал я даже и вместе. Добрая *Рылеева* жена мне кума: он сам был мне несколько одолжен и обходился со мною весьма уважительно. В исходе прошлого года отдал я одну из моих книг для печатания в типографию Главного штаба, а *корректуру* сей книги поручил писателю *Сомову*, который жил в одном доме с Рылеевым и бывал очень часто у него. Идя от себя в типографию или в город, я проходил (так по местному положению) ровно мимо окон Рылеева. Тут иногда мне дочь стучала в окно, иногда жена кланялась, и я заходил на минуту, часто и без Рылеева, который бывал у должности. В это же время печаталась «*Полярная звезда*», у меня просили стихов, я заносил их, да притом ходил обедать в тот же дом, к г[осподи]ну Прокофьеву.

Вот, сколько могу припомнить, все побуждения, по коим иногда⁹ выходил я¹⁰ в дом *Американской компании*.

Рылеев был болен сильною опухолью в горле и ни о чем не говорил со мною, как только о разных предначертаниях его¹¹ *поэм*, также о трагедии «Богдан Хмельницкий», которую начал писать и намеревался объехать разные места Малороссии, где действовал сей гетман, чтобы дать историческую правдоподобность своему сочинению. Сии литературные намерения, требовавшие долгого досуга и времени,

1 Далее зачеркнуто одно слово.

2 Далее зачеркнуто: «другими».

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Далее зачеркнуто: «общества».

5 Далее зачеркнуто: «его».

6 Слово «императорского» вписано над строкой.

7 Слова «к себе» вписаны над строкой.

8 Слово «древне» вписано над строкой.

9 Слово «иногда» написано на полях.

10 Слово «я» вписано над строкой.

11 Слово «его» вписано над строкой.

его болезнь и всегдашнее скромное со мною обхождение не давали мне даже возможности даже и подумать о чем-либо им замышляемом. // (л. 18)

Александр Безстужев, человек с головою романической, был из числа моих, так сказать, *встречных знакомых*. Никогда не имел я с ним никаких постоянных связей. Большею частию встречался он со мною на улицах. Я ходил задумавшись, а он рыцарским шагом и, встретясь, говорил мне: «Воевать! Воевать!». Я всегда отвечал: «Полно рыцарствовать! Живите смиреннее!» — и впоследствии всегда почти прослышивалось, что где-нибудь была дуэль, и он был секундантом или участником. Впрочем, я ссылаюсь на всех наших литераторов, что на их вечеринках и в собраниях¹ я и на людях бывал один: сидел себе в стороне и думал о своем. Часто, шутя, они же говорили мне: «Вы все живете на небесах, спуститесь на землю!» Это не моя похвальба, а их фраза. Перессорившихся литераторов старался я склонить к любви и² миру³, и вот все, что я делал³! Вообще я шел *совсем другою дорогою*.

Сказав все сие, теперь думаю я, из какого бы побуждения и для каких выгод сим господам открывать мне их тайнейшие планы? Уж я, конечно, не мог быть им ни³ в чем полезен. Будучи по природе неподозрительным, я привык видеть в людях более добра! Впрочем, у всякого душа³ закрыта грудь: я не мог видеть глубины их душ!

Тит[улярного] советника Перетца в числе членов³ прежде бывшего общества никогда не видал и ни в каком отделении даже об его имени не слышал. // (л. 18 об.)

В заключение я осмеливаюсь сказать, что в предпоследний день последнего месяца истекшего года был я взят и привезен в Зимний дворец. Там, в присутствии всемилостивейшего государя, чинимы были мне *обстоятельные допросы*. С мудрою прозорливостию вопрошал меня г[осподи]н генерал-адъютант Левашев в продолжении, думаю, 1¹/₂ часа и, признаюсь, только с правотою в душе и с богом над собою можно устоять противу таких вопрошений — правдивых и острых — особливо, если они приходят к человеку в *первый раз в жизни*! Засим мое показание представлено на высочайшее благоусмотрение, а там государь с кротостию непонятною и с благоволением обворожительным удостоил меня своего милостивого слова. Память о сем незабвенном мгновении глубоко залегла в душе моей. На лице августейшего монарха прочел я тайну той неодолимой силы, которая заставила некогда *целый народ Русский* сказать³ великому родоначальнику Романовых: «*Мы отдаемся тебе головами!*». Государь император повелел мне *быть спокойным*. Я и был спокоен, спокоен и пред лицом брата моего государя и в присутствии вождей, знаменитых сподвижников в бозе почивающего императора. О! Как я счастлив, что с светлою совестью могу⁴ воззвать // (л. 19) к великой душе его, которая теперь видит более, нежели глаз земного человека: «Государь! Ты знаешь, какие слезы я о тебе пролил, как душевно благоговел пред теми особенными добродетелями, кои, по великой скромности твоей, неизвестны всем людям или не поняты ими!»

Бога бояться. Государя чтить. Властям повиноваться. — Вот коренные правила души моей!

Я никого не обижаю, ничего не ишу и ничего — на всей земле — ничего не имею!

Одно было у меня заветное сокровище: доброе имя! По малым каплям собирал я сие благо. И как жестока должна быть та рука (я говорю о злоумышленниках), которая захочет отнять и этот последний грош у нищего!

Но бог заступит невинного: в нем мой покров; а благоусмотрительность высокознаменитых исследователей, свидетельство всех честных людей в Петербурге, законы моего Отечества, а более всего высокое благосердие нашего мудрого государя защитят того, кто сир и беден, но есть всегда вернопопданнейший его.

Федор Глинка, полковник, состоящий по армии⁵

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 20)

1 Далее зачеркнуто: «об».

2 Слова «любви и» вписаны над строкой.

3 Далее зачеркнуто одно слово.

4 Далее зачеркнуто: «теперь».

5 Показания написаны Ф.Н.Глинкою собственноручно.

Всемиловейший государь!

В том печальном положении, в каком нахожусь я теперь, несчастные, подобно мне, имеют одно утешение — данное от высочайших щедрот ваших дозволение *писать к родителям и родным.*

Государь! Я круглый сирота: нет у меня ни матери, ни отца; а потому и принял я смелость писать к общему отцу Отечества — к вам.

Я не знаю еще ни *кто* мой обвинитель, ни *в чем* моя вина.

Почтенный председатель и члены, составляющие комиссию исследовательную, все люди отличенные заслугами и званием; в числе их присутствует вселюбнейший брат ваш. — Итак, судьба моя в хороших руках.

Но, государь! Клевета с давнего времени преследует меня на пути жизни. Еще в 1821 году сделан был на меня донос. Но в бозе почивший император, мудрый и долготерпеливый, в течение двух лет сравнивал слова клеветника с теми обстоятельными донесениями, кои доставляли ему о моем поведении и, наконец, в 1823 году чрез одну особу, имевшую к нему прямой доступ, соизволил объявить следующее: «Мне описали Глинку человеком опасным, но скажи ему *от меня*, что он *может оставаться спокоен!*»

Я принял волю великого моего государя, как священное ободрение моего гражданского бытия. И не его кроткий дух из горнего блаженства своего обновил опять сию защитную волю свою в тех словах, которые изрекли мне милостивые уста ваши? // (л. 20 об.)

В предпоследний день последнего месяца истекшего года после подробного вопрошения, сделанного мне прозорливым испытателем в императорском дворце вашем, вы, государь, как бы повторяя слова вашего великого брата, с неизъяснимым благоволением изволили сказать мне: «*Ты можешь оставаться спокоен: будь спокоен!*»

Нельзя исполнить точнее воли в бозе почившего и богом хранимого государя: я был и остаюсь совершенно спокоен. Ни теснота моего заключения, ни позор тяжкого ареста, постигшего меня *в первый раз в жизни*, ничто не нарушает моего спокойствия и ничто, ничто даже ни на одну минуту не может поколебать той глубокой, смею сказать, той вечной преданности к высочайшей особе вашей, которую вы, государь, зародили в душе моей вашим ласковым царским словом. Свидетельствую сею частицею неба, которая видна из окна моей тюрьмы, что с 1821 года я не состоял ни в каком² *тайном обществе.*

Даже *общество масонов* оставил я за несколько месяцев прежде общего высочайшего повеления на закрытие лож. И сие сделал я по воле моего государя, изъясненной мне не как повеление, но в виде *его желания.*

Я всегда старался ходить под его, священную для меня, волею и было время (в 1820, 1821 и 1822 годах) когда я с личного ведения его величества занимался некоторыми делами и *одним*, смею сказать, очень важным, которое и осталось тайною в его кабинете.

И всеавгустейшая родительница ваша устаивала меня неоднократно своим особенным вниманием. Я мню, что и доселе, может быть, ей памятно мое скудное имя, также как мне незабвенны ее монаршие милости и благосклонные обо мне отзывы. // (л. 21)

Во время деятельной моей службы, бог провел меня мимо многих соблазнов корысти. Впоследствии я полюбил нищету: добрые люди давали мне приют и одеяние; я проводил жизнь простую, всегда открытую и не любя видеть в людях злое, минуя слабости, не замечая пороков и охотно прощая клеветникам, я любил всех как братьев.

Были у меня большие душевные несчастья: ум не находил для них исцеления; святая воля предложила свои утешения, и я по-детски прилепился к *сердечной простоте.* Я поверил, что с *ума* сойти можно, а с *сердца* никогда!

¹ Вверху листа пометы чернилами: «№ 829», «Читано 27 марта», «28 марта 1826».

² Слова «ни в каком» повторены дважды.

С тех пор среди поэзии и мирных трудов я жил как беззаботный гость мира, без *завтра* и *вчера*. Мое кроткое терпение, казалось, утомило врагов; мое политическое ничтожество отклонило завистников.

Имел я одно заветное мирское сокровище — *доброе имя*. Годами и честным трудом наживал я сие благо, и не знаю, чья рука желает *теперь* отнять и этот последний грош у нищего?

Всемилостивейший государь! Не смею утомлять более вашего терпения излишними моей души! Я ни на что не жалуюсь, ничего не желаю! Об одной только милости прошу, чтобы вы, мой добрый государь, удостоверены были, что тот, кому вы внушили беспредельную любовь и доверенность к особе вашей, к сердцу вашему, есть ваш и на свободе, ваш и в заключении.

С душевною вернопреданностию и с детскою покорностию лобызает державную руку вашу вашего императорского величества

верноподданнейший Федор Глинка,
полковник, состоящий по армии¹

1826 года *марта* 21-го

В крепости *свя[тых] Пет[ра] и Павл[а]*

Каземат №

В 9-й день заключения // (л. 22)

№ 13 (11)²

Ваше высокопревосходительство,
милостивый государь!

За *три* пред сим *недели* был я взят в конфетной лавке, где пил чай, и прямо привезен в крепость, где арестован и заключен в каземат. Ни до того, ни с тех пор никто не объявил мне, ни кто мой обвинитель, ни в чем моя вина. Отсеченный вдруг от живого гражданского мира, я просидел сии три недели как в воду опущенный. Вот, что подало мне смелость писать к вашему высокопревосходительству, как к человеку великодушнейшему и верховному члену высочайше учрежденной комиссии. По коренным законам нашего Отечества и самый дознанный преступник, схваченный и приведенный с места злодеяния (по уложению: *приводной*), не обретается более трех дней в заключении без вопрошания. И как в бозе почивший император, в указе 1810 года, августа 18-го дня определительно выразил: «Дабы обвиняемым давать всевозможные способы к *оправданию*», то я не имея доселе ни единого из таковых благодетельных способов, всеубедительнейше прошу дать мне возможность ответствовать на *вопрошания*, доставить случай пред очами комиссии *посмотреть* в очи тем или тому, кто решился обвинять меня по злобе или заблуждению и, наконец, сделать обо мне *повальный обыск*, хотя по всей столице, ибо (по уложениям) я не могу иначе быть как *оговорным* или только прикосновенным к делу, что и того менее. Между тем, опираясь на снисходительность, свойственную превосходной душе вашего высокопревосходительства, и доброту, правдолюбивому сердцу вашему, я приемлю смелость изложить нижеследующие рассуждения в *слове за себя*. // (л. 22 об.)

Человек в гражданском быту как член благоустроенного общества познается, а, следовательно, и *судится*: 1) по его *жизни*; 2) по его *делам* (по *службе* и частным поступкам, имеющим гласность и основание); 3) по его *занятиям*, особливо таким, где изображаются оттенки характера, мысли и чувства. И, наконец, 4) по его *речам*, т[о] е[сть] по общей связи всех или многих и постоянных³ его разговоров с людьми, не имеющими надобности стоять ни *за*, ни *против* обвиняемого. Отдельные же слова и полуизречения, ловимые на ветру или ветренными головами или подспудными доносителями, никогда не составляли достаточного извета, так как (по разуму законов) и самый *извет не есть обвинение*. Слово, не облеченное делом, есть то же, что мысль необлеченная словом, т[о] е[сть] ничто! А посему-то Великая

¹ Письмо написано Ф.Н.Глинкою собственноручно.

² Вверху листа пометы чернилами: «№ 886», «4 апреля 1826».

³ Слова «и посторонних» вписаны над строкой.

Екатерина, основываясь на всеобщих истинах законодательства, оказала в наказе: «За слова не судят!» Не далее как в 1823 году и первый вельможа того времени граф Ал.Ан.Аракчеев, когда я имел у него и лично с ним продолжительный кабинетный разговор о важных предметах, между прочим, сказал мне: «Государь (в бозе почивший) никого не желает преследовать за разговоры, разве кто уже выйдет слишком из меры, и тогда отечески смирим и помилуем!»

Засим, подводя мою собственную личность под вышеизложенные правила, общие всему гражданствующему человечеству, я прошу того же, чего некогда *Сократ* просил у судей своих; он говорил: «Рассмотрите мою жизнь, судите мои дела!» В моих бумагах (после сделанного у меня полицейского домашнего обыска) не нашлось, а в сочинениях (кои состоят из многих томов), конечно, не найдется ничего предосудительного ни вере, ни нравственности, ни особе моих государей; напротив, сыщется еще много громко похвального насчет всего царского дома, особенно в честь покойного императора, которого я душевно любил, и в честь августейшей его матери, которая меня лично знает и не раз устаивала своими благоволительными отзывами. // (л. 23)

Итак, если ни в жизни моей, ни в службе (как служу: обер-офицером с 1803-го, полковником с 1818-го) ни в делах, ни в бумагах, ни в сочинениях не найдется ничего наказанию подлежащего, то остаются к рассмотрению одни речи, но зловерность таковых, по разуму всех законов, должна быть доказана основательными актами и, по крайней мере, двумя годными свидетелями. Иначе, обращаясь ко всякому и даже ко многим из членов комиссии, я могу сказать: «Кто ж не был жертвой клеветы?». Еще в 1821 году сделан был на меня донос, в коем доносчик (благодетельствованный мною человек) изобразил меня пред императором самыми черными красками. Сие он сделал в представленном им описании прежде бывшего благотворительно ученого общества до 1821 года. Но в бозе почивший император, взвесив все на весах своей опытной мудрости, в течение двух лет устаивал меня особенными изучениями от своего лица, а между тем, сравнивал голословное показание доносчика с теми обстоятельными уведомлениями, кои доставляли ему с разных сторон, насчет моего поведения; и, наконец, уже в 1823 году чрез одну особу, имевшую к нему прямой доступ, соизволил объявить следующее: «Мне описали Глинку человеком опасным, но скажи ему от меня, что он может оставаться спокоен!» Я не могу опустить здесь стечения обстоятельств, имеющего свою разительно приметную сторону. В предпоследний день последнего месяца 1825 года, я был взят нечаянно с постели и при zabrании всех моих бумаг и тетрадей, отвезен в Зимний дворец. Там, после сделанного мне долгого и обстоятельного вопрошения (при коем я рассказал и о бытности моей в прежде бывшем обществе до 1821 года) удостоился я счастья предстать пред лицом самого государя, когда он уже изволил рассмотреть допрос, снятый с меня [господино]м [генерал-а[дъютанто]м Левашевым. С неизъяснимою благоприветливостью государь император после многих слов незабвенных моему сердцу, изволил сказать: «Ты можешь оставаться спокоен!.. Я повторяю тебе: будь спокоен!» Сие чудное повторение воли в бозе почившего из уст под богом стоящего императора преисполнило меня чувством несказанного умиления и вместе послужило залогом вернейшего обнадежения моего гражданского бытия. // (л. 23 об.)

Итак, две защитные воли двух самодержавных государей стеклись на судьбе их верноподданного. Засим император, прикоснувшись к покорной главе моей своею державною рукою, двукратно изрек: «Ты чист!.. Чист!» — и я был отпущен по высочайшей воле свободным и очастливленным. Чрез три дня возвращены мне чрез полицию бумаги мои, все рассмотренные. Спустя значительное время, засим я был потребован в комиссию негласно. Я стоял лично пред членами верховного судилища и дал на бумаге ответы, кои, кажется, могут достаточно покрыть мимоходные показания, не имевшие ничего твердого в основании своем. И затем я возвратился домой, исполняя в точности волю государей моих, т[о] е[сть] был спокоен. Но за три пред сим недели я был опять взят, опозорен стыдом тяжкого ареста, постигшего меня в первый раз в жизни, посажен в каземат и остаюсь заключенным в крепость. Конечно, господь, призирающий на сирот, заключил меня в крепость веры и терпения... Но за всем тем некоторые дни кажутся очень долги... Здесь, где теперь нахожусь, пространство весьма мало, а время очень пространно и, при лишении воздуха, почти и света, очень томительно!.. В ожидании призыва моего, я,

привыкши дорожить собственным личным мнением обо мне вашего высокопревосходительства, долгом почитаю объявить *здесь же*, что я готов *утвердить присягою* нижеследующие пункты: 1) что с 1821 года я не состоял ни в каком¹ *тайном обществе*; даже общество *масонов* оставил за несколько месяцев прежде общего закрытия *лож*. И сие сделал я именно по воле покойного государя, изъясненной мне партикулярно в виде его *желания*. О сем был сведом и гр[аф] Алекс[ей] Андреевич; 2) что о 14-м числе (декабря) я никакого сведения не имел и никакого ни малейшего участия в событиях сего дня не принимал; 3) что я душевно любил покойного императора; 4) что и к ныне царствующему сохраняю душевную вернопреданность. А как закон гласит: «*В чем застал, в том и сужу!*» — то я и прошу судить меня в сих верноподданнических чувствованиях. Засим всеижайше испрашиваю у вашего высокопревосходительства, чтобы вы с свойственною вам христианскою кротостию, простили меня, бедного затворника, в том, что окажется в письме моем *не-ловким* во уважение моего *горестного положения*. Я всеубедительно прошу также у вашего великодушия слова милости и защиты пред священной особою монарха, пред вашим сердцем и пред собранием высокоименитых сочленов ваших.

С отличным высокопочитанием и совершенною преданностию имеет честь быть вашего высокопре[восходительст]ва всепокорным слугою Федор Глинка, полковник, состоящий по армии²

Апреля 2-го 1826 года

В кре[пости] св[ятых] Петр[а] и Павл[а]

Каземат №

В 21-й день по заключении

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 24)

№ 14(12)³

1826 года 6 апреля от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] полковнику князю Трубецкому вопросный пункт.

Подпоручик Рылеев показал, что он, полагая полковника Ф.Глинку в числе членов тайного общества, но не встречая его ни в одном собрании членов, сходящихся иногда у вас и у полковника Митькова, спросил вас о причине того. На сие вы отвечали: «Его надо оставить в покое: он нам бесполезен». К тому Рылеев присовокупляет, что незадолго до 14 декабря вы говорили с Глинкою, но о чем, он не знает.

Объясните, принадлежал ли полковник Глинка к вашему обществу; не имели ли вы с ним разговора о намерениях общества; не был ли он предварен о предприятии на 14 декабря или точно ли вы сказали Рылееву вышеприведенные слова?

Я не довольно помню, спрашивал ли меня Рылеев о полковнике Ф.Глинке и что именно я ему отвечал, чтобы утвердительно показать о том; но, вероятно, что, если он меня спрашивал о г[осподине] Глинке, то я отвечал или то, что Рылеев показывает, или подобное тому; ибо Глинка // (л. 24 об.) уже давно совершенно отстал от общества. Он принадлежал к обществу, называвшемуся «Союзом благоденствия», но к восстановившемуся после обществу уже не принадлежал и, сколько мне известно, то ему и предлагаемо не было.

Незадолго до 14 декабря я действительно говорил с Глинкою, но о намерениях общества ему не сказывал и не полагаю, чтоб он был кем-либо предварен о предприятии на 14 число. По крайней мере, я ему ничего подобного не сказывал и из слов его не мог ничего заметить такого, которое бы могло заставить меня полагать, что ему что-либо касательно общества и намерений оногo известно. Глинка был вхож к графу Милорадовичу, и я его спрашивал, какие есть слухи? Он отвечал,

¹ Слова «ни в каком» написаны дважды.

² Письмо написано Ф.Н.Глинкою собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 7 апреля».

что ожидают, что привезет курьер, что, кажется, // (л. 25) решительного еще ничего нет и что граф Милорадович говорил, что должно быть благодарну государю императору, ибо должно признаться¹, что его величество думал о спокойствии и благе отечества, когда присягнул государю цесаревичу, и что граф удивляется, что от его высочества нет известия. Иного разговора касательно тогдашних обстоятельств, сколько могу упомнить, то я с полковником Ф.Глинкою не имел.

Полковник князь Трубецкой²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 26)

№ 15 (13)³

1826 года апреля 3-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета о злоумышленном обществе состоящий по армии полковник *Глинка* спрашиван и показал.

1

Давно ли вы знакомы с титулярным советником Григорием Перетцом и где познакомились с ним?

2

Часто ли он бывал у вас и взаимно вы у него? В чем состояли ваши беседы и кто разделял оные?

3

Не имели ли вы с ним каких-либо особенных сношений?

4

Были ль вы знакомы с италианцем Жильи (Gili) и не известно ли вам // (л. 26 об.) что-либо об образе жизни и связях его с Перетцом?

5

Вопреки отрицательного показания вашего, 15 февраля Комитету сделанного, Перетц утвердительно говорит, что осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) вы приняли его в члены тайного общества и представили Кутузову и Семенову. Объясните, точно ли и когда именно вы приняли его и представили означенным лицам?

6

Далее Перетц говорил, что о названии общества и образе управления оногo объявлено не было; нс при приеме его вы дали вид, будто бы // (л. 27) общество только что составилось; хотя сие казалось ему невероятным, но он нескромностию своею не хотел навлечь на себя подозрение.

Поясните:

- а) Какое название имело сие общество?
- б) Когда и кем было основано?
- в) В чем состояла цель сего общества и средства для достижения оной?
- г) Где находилось местоуправление оногo, кто начальствовал над ним и кто были члены, вам известные?

7

По словам Перетца причинами основания тайного общества были: несправедливости и ошибки правительства; целию — монархическое // (л. 27 об.) правление, а средствами — умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений.

¹ Слова «ибо должно признаться» вписаны над строкой.

² Ответ написан С.П.Трубецким собственноручно.

³ Вверху листа помета: «Читано 8 апреля».

Объясните: какие именно ошибки и несправедливости были причиной основания и средствами достижения цели общества?

8

По уверению Перетца, он не видал письменного устава, но вы, Кутузов и Семенов сказали ему, что по нарочитом усилении общества будет составлен план действий. Был ли оный составлен и в чем именно состоял?

9

Точно ли было сказано Перетцу, чтоб не иметь ничего письменного // (л. 28) кроме записок об именах кандидатов в члены для сообщения старшим членам, и точно ли на словах положено было:

- 1) Об употреблении сказанных средств с должною осторожностью?
- 2) О непринятии никого в члены и не открытии никому о существовании общества без согласия старшего члена, который должен был относиться к старшему же и так далее?
- 3) Не объявлять никому о многих членах, и не сказывать, что общество только что составилось, дабы не обескуражить тех, коих он будет принимать? // (л. 28 об.)
- 4) Иметь некоторое повиновение младшим старшему во всем до дел общества?

10

По предложению Перетца было принято знаком еврейское слово «Хейрут», свободу означающее, с тем, что в случае нужды для узнания друг друга члены должны были сообщать оное взаимно и постепенно по одной букве каждый.

Когда и кем было принято сие слово? Было ли оное передаваемо вновь поступавшим членам и употребляемо между ними?

11

Начальствующими лицами он знал вас, Кутузова и // (л. 29) Семенова, но более и почти единственно относился к вам по ближайшему с вами знакомству и от вас лично получал все почти разрешения на принятие членов.

Объясните: с какого времени и долго ли вы, Кутузов и Семенов начальствовали над обществом и кто заместил вас впоследствии?

12

Вы, Кутузов и Семенов возложили на него Перетца, обязанность приема в члены, преимущественно из военных.

Выбор долженствовал основываться на личных способностях // (л. 29 об.) и хороших правилах кандидата. Вся форма приема состояла в изустном сообщении постановлений общества и отобрании честного слова об исполнении оных и содействии к достижению цели, иногда с присовокуплением слов: обещаю всем, что для меня дорого и свяшенно.

Вследствие сего приняты им: Сенявин, Искрицкий, Данченко и Устимович и притом с его согласия принят Сенявиным Дребуш, а Искрицким Лаппа; сверх сего Сенявиным и Дребушем был приготовлен барон Корф, служивший в л[ейб]-г[вардии] Егерском полку. // (л. 30)

На прием Сенявина и Искрицкого Перетц разрешен был от вас, а о прочих от всех трех. Не представлял же вам их, избегая всяких сходбищ, могущих навлечь подозрение, чего вы и не желали.

Здесь объясните:

- а) Точно ли и когда сделано было Перетцу поручение о приеме в члены и особенно, когда приняты им были означенные лица?
- б) Не известны ли вам действия их в духе общества, а вместе и то, не уклонился ли кто из них от общества и когда именно? // (л. 30 об.)

13

Первую зиму по вступлении в общество Перетц однажды как-то разговорился с вами о дурном направлении французской революции. Он и вы приписывали сие тому, что участвовавшие в оной вместо преследования общей цели искали личных

выгод. При сем случае он говорил с вами, чтобы на случай успеха не искать ничего, а напротив оставаться в том положении, в каком тогдашние обстоятельства кого застанут.

Объясните, точно ли и когда был у вас с Перетцом означенный // (л. 31) разговор, о каких именно успехах он говорил вам, когда и какими средствами полагалось достигнуть оных?

14

Несколько лет назад, во время квартирования вашего в доме адрес-конторы, когда Перетц начал уже несколько удаляться от общества, вы сделали ему вопрос: почему давно он не предлагает о кандидатах? Чтоб отделаться от вас, он отвечал вам, что не находит лиц, в которых мог бы предполагать к тому расположение. При сем случае вырвались у вас // (л. 31 об.) слова, что можно бы удесятерить успех, если бы присоединиться к обществу Елисаветы, желавшему, будто, возвести на престол государыню императрицу Елизавету Алексеевну, которого знаки, по словам вашим, состояли в елке¹ и книге завета, на печати вырезанных, чего он, впрочем, не видал. Вы² говорили ему таким тоном, как будто бы сделалось вам о том известно по службе.

Объясните:

а) Когда и где находилось сие общество?

б) В чем состояла настоящая // (л. 32) цель одного и кто были первенствующие и обыкновенные члены одного?

с) У кого и когда видели вы печати сего общества с вышеозначенными знаками?

д) Каким образом вы думали соединить общество свое с обществом Елисаветы и усилить его действия?

15

Между прочим, Перетц говорит, что, кажется, от вас он слышал, будто бы какой-то раскольничий монах из Галиции разъезжал по монастырям в России и проповедывал вольность.

Ежели обстоятельство сие вам известно, то объясните, когда // (л. 32 об.) и где разъезжал сей монах, откуда он был и как его имя?

16

Предметы совещаний и рассуждений его с вами, Кутузовым и Семеновым, Селявиным и прочими сочленами в течение около двух лет, т[о] е[сть] в то время, как он усердствовал обществу, были или принятие членов или взаимное друг другу о действиях правительства извещение: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны были облигации по 50 коп[еек] серебром, о разорительных для России иностранных займах, // (л. 33) с 1817 года без существенной нужды сделанных, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях, особливо в делах, с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора, о малой его внимательности к гражданской части, о множестве чиновников и скудном жалованье, яко главных источников запутанности и злоупотреблений, об учреждении министерств, о Государственном совете, яко новой для замедления дел // (л. 33 об.) инстанции, о взыскательности бывшего тогда великого князя Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе императоре, коего³ описывали скупым и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев пред завоевателя-

¹ Слова «в елке» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

² Слово «Вы» написано другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

³ Слово «коего» написано другим почерком и другими чернилами.

ми — россиянами, о расходах России для Царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков // (л. 34) и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту, о строгом с сим полком поступлении, несмотря на то, что граф Милорадович будто бы обещал прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатках законодательства, о Священном союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства.

К тому Перетц присовокупляет, что в день Семеновского происшествия вы с ним встретились // (л. 34 об.) у Поцелуева моста, остановили его и сказали: «У нас начинается революция», — и рассказали ему о бунте, о коем он ничего не знал.

Здесь объясните:

а) Когда и где происходили между вами вышеизложенные рассуждения, что было поводом к тому и кто особенно в оных участвовал?

б) Точно ли при встрече с Перетцом в день беспорядка, бывшего в Семеновском полку, сказали вы: «У нас начинается революция» и почему беспорядок одного полка вы назвали революцией?

17

Для объяснения образа сношений ваших и коротких связей // (л. 35) с ним, Перетцом, он приводит следующее:

а) однажды вы говорили ему, что в разговоре с покойным графом Милорадовичем на слова графа, что и деспотизм иногда годится, вы отвечали: «Как меркурий в иных болезнях, и то гранями»;

б) вы говорили ему про одного чиновника, служившего в министерстве полиции по секретной части, который под видом донесения о слухах, носившихся в публике, будто бы подал Вязмитинову записку, в коей порицал невнимательность покойного государя императора к гражданской части; // (л. 35 об.)

с) пока усердствовал обществу, он бывал у вас часто и имел с вами частные сношения, сначала был у вас раза два или три вместе с Кутузовым и Семеновым, а после все один, впоследствии же реже чем в год раз, а с тех пор, как вы оставили квартиру свою, где находилась адрес-контора, до декабря 1825 года был у вас только один раз и то без всяких о делах общества разговоров;

д) стал он¹ удаляться от общества еще в 1821 году, ибо женился в январе 1822 года и до женитьбы долго не был у вас;

е) с первой половины 1822 года с Кутузовым только раз нечаянно у вас сошелся. // (л. 36)

18

В то время, когда Перетц стал уже уклоняться от общества и не был у вас долго, он встретился с вами на Театральной площади. Вы спросили его, куда он идет? На ответ: «К невесте своей», — вы сказали: «У вас в голове любовь, а не дело». Но причина удаления его от общества, продолжает Перетц, была не любовь, а мысль, что подобные предприятия не ведут к добру.

Не объявлял же о том правительству, во-первых, из опасения личных гонений членов общества, в том числе и от вас, по известности ему связей ваших по масонству, литературным // (л. 36 об.) обществам и по прежнему влиянию у графа Милорадовича; во 2-х, по следующему примеру, что капитан Сенявин вскоре по вступлении в общество проговорился о существовании одного из своих знакомых, корнету Ронову, который довел о том до сведения начальства; дело доходило до гр[афа] Милорадовича, и кончилось тем, что Ронов был выключен из службы.

Объясните:

а) точно ли при встрече с Перетцом на Театральной площади вы сказали ему означенные слова с намерением заметить бездействие его по делам общества? // (л. 37)

¹ Слово «он» вписано над строкой.

б) известно ли вам, что Ронов единственно за предвareние начальства о существовании общества и по¹ неимению доказательств к изобличению Сенявина исключен был из службы?

19

За несколько дней до 14 декабря Перетц² заходил³ к вам, но не застал вас; на другой день (не на⁴кануне 14 декабря, а близь того) нашел вас дома; после обыкновенных приветствий вы спрашивали Перетца о новостях; на ответ его, что говорят о скором восшествии на престол⁵ государя Николая Павловича, вы сказали, что сами то же слышали; несколько // (л. 37 об.) помолчав, вы спрашивали Перетца о его связях; на ответ, что они ограничены Сенявиным и Искрицким и что с последним почти не видится, вы сказали, что Искрицкий бывает во многих домах, и про себя, что и вы живете весьма уединенно; о народе вы сказали, что он необыкновенно тих и покоен, но что нельзя знать, не оттого ли, что ожидают Константина Павловича. На замечание же Перетца, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», вы изъявили подобное же мнение с присовокуплением, что от царствования Константина Павловича можно было // (л. 38) ожидать ненасильственной перемены; потом спрашивали Перетца, не видится ли он с Кутузовым, и на отрицательный ответ вы сказали, что Кутузов совсем переменялся и едва ли не шпион. Пред самым⁶ уходом Перетца вы произнесли как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим».

При сем посещении вас цель Перетца была узнать: не предпринимают ли чего-либо, ибо, помня о существовании общества, опасался он, чтобы не вздумали воспользоваться тогдашним случаем; последние слова // (л. 38 об.) ваши и собственные опасения утвердили его в сих мыслях.

Объясните:

1. Действительно ли и когда именно Перетц был у вас незадолго до 14 декабря и имел с вами вышеприведенный разговор?

2. Не сообщал ли он вам чего-либо насчет причин, возбуждавших в нем опасение и утвердивших его в ожидании возмущения?

3. Не говорил ли он вам о намерении своем предупредить о том начальство?

20

15 декабря Перетц опять заходил к вам, но не застал, а от человека вашего узнал, что вы // (л. 39) почти всю ночь не были дома и, придя домой, даже не раздевались и, напившись чаю, опять ушли. После того Перетц опасался быть у⁷ вас, а недавно нечаянно встретился с вами в книжной лавке Плавильщикова, где вы, между прочим, сказали Перетцу, что были взяты, но отпирались в желании перемены образа правления и опять отпущены и что будто говорили санкт-петербургскому военному генерал-губернатору, что вы перемены образа правления не желали, а видели несправедливость и вопияли // (л. 39 об.) и что будто сказали ему, что и его превосходительство сам прежде говорил против несправедливостей.

Перетц хотел быть у вас для совета, не объявить ли о себе, но вы сказали, что опасно видеться.

Объясните:

1. Где вы провели ночь с 14 на 15 декабря?

2. Точно ли вы имели с Перетцом в магазине Плавильщикова означенный разговор и почему вы сказали ему, что опасно видеться вам?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 40)

1 Слово «по» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

2 Фамилия «Перетц» вписана над строкой другим почерком и другими чернилами.

3 Далее стерто одно слово.

4 Слова «не на» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

5 Слова «восшествия на престол» написаны вместо стертых слов.

6 Слова «пред самым» вписаны вместо стертого слова.

7 Слово «у» написано вместо стертого слова.

Ответы полковника Глинки на присланные пункты

На 1-й, 2-й и 3-й пункт[ы]

Известное дело¹ отца Перца поступило в течении² своем, и именно со стороны личности самого Перца, в³ круг управления покойного гр[афа] Милорадовича; сын Перца, Григорий, числился в канцелярии гр[афа] Милорадовича, а я по высочайшему повелению находился⁴ в качестве чиновника по особым поручениям при графе Милорадовиче⁴, бывшем тогда⁵ в звании С[анкт]-П[етербургского]⁶ военного генерал-губернатора.

Некто ярославский крестьянин Синицын сделался особенно известным лицом в зале просителей, потому что с невероятным терпением в течение нескольких месяцев по несколько часов в день простаивал безмолвно у стены⁷, ожидая графа и повторяя ему всегда одну и ту же просьбу. Просьба же его состояла в том, чтобы бывшие откупщики Перец и Мещерский удовлетворили его 1500 рублей. Вот, однажды гр[аф] Милорадович на общей аудиенции сказал мне: «Надобно удовлетворить этого старика! Ты знаком с Перцем?» — Я отвечал: «Нет!». — «Ну, так все равно: сын его служит в моей канцелярии, сделай добро старику, уладь это дело». Получа сие приказание, я спросил в канцелярии Перца (Григория) и сообщил⁸ ему желание графа. Он обещал постараться у отца. Через некоторое время, когда помянутый Синицын переменял место своего неотступного просительства и стал уже всякий день ходить на квартиру ко мне, я написал учтивую записку к Перцу и послал ее чрез того же просителя. // (л. 40 об.)

Дня через два¹ Перец (Григорий) явился ко мне с ответом. Он был до некоторой степени удовлетворителен, т[о] е[сть] Перец (отец) соглашался уплатить часть претензии.

Вот первый раз появление Перца в моей квартире! Это было в 1820 году между концом лета и началом осени.

В этот раз Перец просил у меня позволения заходить ко мне. Я не имел причины отказать и дозволил. С тех пор г[осподи]н Перец сделался у меня почти то, что Синицын был в передней Милорадовича. Он стал заходить ко мне очень часто, не всегда заставал, но когда заставал, то сперва удивил, а там уже надоел мне своим словообилием.

Я с ним не беседовал, но одевался ль я, писал или занимался каким делом — он все, сидя, говорил беспрестанно. Отличительные черты его говорения (сколько могу чрез пространство пяти лет припомнить) были те, что⁹ иногда изливался он в жалобах (особенно на министра Гурьева) за то, что дело их велось так для них¹ невыгодно: большею же частию он старался всемерно выказывать важность своей особы, говоря, что он имеет связи и вхож в первые дома в столицах. Я слушал все это вскользь, полагая видеть в сем невинное усилие мещанина войти в дворянство.

Далее, припоминаю я нижеследующие более заметные мнения из многословной пустоты разговоров г[осподи]на Перца, а именно:

1. Придя ко мне однажды, Перец принес стихотворение, говоря, что оно его сочинения и что оно мистическое. «Вот, видите ли, — говорил он, — ныне мистики идут в гору... то я и решился к ним пристать и уже со многими знаком!» И назвал мне, как бы из главнейших, медика Лебошица. Засим просил меня поправить его¹⁰ стихи. // (л. 41) (Они были написаны на цельном листе бумаги и пра-

¹ Далее зачеркнуто одно слово.

² Над словом «течении» написано и зачеркнуто одно слово.

³ Далее зачеркнуто: «зав[...]».

⁴ Слово «Милорадовиче» вписано под строкой вместо зачеркнутых слов «бывшим», «нашим».

⁵ Слова «бывшим тогда» вписаны на полях.

⁶ Слова «С[анкт]-П[етербургского]» вписаны над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто: «и».

⁸ Слово «сообщил» написано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁹ Слово «что» вписано над строкой.

¹⁰ Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

вильными *строфами* с рифмою). Но я, прочтя сии стихи, отдал их обратно, сказав: «Я не могу поправлять того, чего не понимаю» (тогда я не знал еще *особенностей* и оборотов, усвоенных, так называемому, мистическому роду)¹.

2. В другой раз принес он мне те же стихи с присовокуплением еще других стихов; те, другие, помнится, написаны были не тою, что прежние, рукою и в них уже было более ясности, напевалось о чем-то любовном, стонательном, но все так, общие места, плоско!..

Тут же Перец давал мне чувствовать, что он очень желал бы быть принятым в *литературное общество*. Но я сказал на сие, что для сего нужно иметь решительный талант и уже быть мастером, по крайней мере, в механизме (в составлении) стихов.

3. В одно утро он очень много напевал о необходимости *общества к высвобождению евреев*, рассеянных по России и даже Европе, и к поселению их где-нибудь в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народа². Он говорил, что, кажется, отец его, когда был еще богат, имел мысль о собрании евреев, но что для сего нужно сообщество капиталистов и содействие ученых людей и проч[ее]. Тут распложился он о том, как евреев собирать, с какими триумфами их везти и проч[ее], проч[ее]. Мне помнится, что на все сие говорение я сказал: «Да вы, видно, хотите придвинуть *преставление света*? Говорят, что в *писании* сказано (тогда я почти³ не знал еще *писания*), что когда жида выйдут на свободу, то свет кончится». // (л. 41 об.)

4. Из памятейших мне предметов говорения Перца был разговор об известном тульчинском *раввине*, который хаживал к Милорадовичу играть в шахматы, был знаком со знатными людьми и слыл⁴ *кабалистом*. Заметив, что я охотнее слушаю и говорю что-нибудь о сем раввине, чем о чем другом (ибо, признаюсь, я всегда имел склонность к чудесному) Перец⁵ часто *мотивировал* свой приход, начиная тем: «Я видел раввина, раввин приказал вам кланяться», а там садился себе и болтал.

5. Перец, узнав, что⁶ производится⁷ сбор на выкуп Сибирякова, приносил (и несколько раз по 25 и 50 рубл[ей]⁸) *деньги*.

6. Перец однажды просил меня о принятии его в масоны и говорил, что он знаком с доктором Элизенным (бывшим маст[ером] ложи⁹ Петра) и другими важными¹⁰ масонами. Но я подумал про себя: как мне рекомендовать этого ба- лагура; смеяться станут. Затем спросил: «Вы, [господи]н Перец, кажется, очень охотники до обществ?» «Да, — отвечал он, — мне бы хотелось проникнуть¹¹ *особенно* в¹¹ тайные общества», — и начал бредить что-то неясное о какой-то скры- той¹² науке, посредством коей можно открывать все *тайные общества*, и намекал, будто и он в сей науке сведущ. Но что это и как, не сказал, а я и не спрашивал.

7. Однажды, накануне, было у меня собрание мал[ого] колич[ества] некоторых членов общества учреждения *школ взаимного обучения* или проще, *ланкастерских*. Перец приходил, но его не¹³ пустили: человек сказал: «Нельзя сегодня вам войти, теперь занимаются, тут *общество!*» // (л. 42)

8. На другой день Перец был уже у меня и заводил разговор об обществах, впрашивался опять в масоны. Но в масоны я решительно ему отказал, а сказал: «Вот, коли у вас такая охота до общества, то не хотите ли сейчас вступить в одно

1 Три строки от слов «чего не понимаю (тогда я...)» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

2 Четыре строки от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

3 Слово «почти» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто: «ка[...]».

5 Далее зачеркнуто: «уже».

6 Далее зачеркнуто: «что».

7 В слове «производится» часть «водится» вписана над строкой вместо зачеркнутой части слова.

8 Далее зачеркнуто: «как от родных лиц».

9 Слово «ложи» вписано над строкой.

10 Слово «важными» вписано над строкой.

11 Далее зачеркнуто одно слово.

12 Слово «скрытой» написано над строкой вместо зачеркнутого.

13 Слово «не» вписано над строкой.

прекрасное общество; члены-управляющие люди все благородные и цель преблагодетельная». Перец очень охотно вызвался, потом спросил: «Какое же это общество?»¹ Я отвечал: «Это ланкастерское!». — «Какие ж тут обязанности? Какая цель?» Вместо ответа я подал ему² *печатный листок*, в котором накоротке сказано о вновь учредившемся обществе. К сему присовокупил я: «*Устав общества*, когда будет утвержден, вам предьявится, ваши обязанности: хвалить везде общество, рекомендовать его цель (изображенную в печатн[ом] листке), набирать членов и присылать деньги в кассу *комитета*. Вы же сами должны внести единовременно 25 рублей, а если угодно³, более и ежегодно по столько же». Перец тотчас вынул, помнится⁴, более 25 *рублей*; имя его было записано, и он впоследствии, кажется, приискал и еще несколько человек и присылал деньги.

9. В одно утро, когда сидел у меня Перец, вошел мой приятель Николай Иванович Кутузов (бывший измайловец). Мы с ним⁵ заговорили, а Перец продолжал болтать⁶ опять что-то неясное, кажется⁷, о тайнах контрабандистов, о городских вестях и проч[ее]⁸. Тут Кутузов дернул меня потихоньку за рукав и, вызвав в другую комнату, сказал: «Не *шпион ли это?*». «Нет, — сказал я ему, — это жид Перец, который приносит деньги для Сибирякова, записался в ланкастерскую школу (в л[анкастерское] общес[тво]) и уж надоел мне ужасною болтливостью... Хотите ли я вас познакомлю с этим чудачком?» Засим мы вошли, и я сказал: «Вот Перец, сын такого-то! А вот Николай Иванович Кутузов, друг мой!». Потом прибавил: «Г[осподи]н Перец поступил в нашу ланкастерскую школу членом // (л. 42 об.) и обещается нам приискать членов и пожертвователей». Перец тотчас и начал изливать свое словообилие на Кутузова.

10. После того не знаю, два ли, три ли раза Перец виделся у меня с Кутузовым, но Кутузов, как казалось, трактовал Перца более⁹ как шута. Однако ж, скоро после сказал мне: «Воля ваша, вы всякий сброд к себе пускаете, а этот Перец *что-нибудь* да должен быть¹⁰. Я никак не¹¹ могу привыкнуть к этому лицу!» Я рассмеялся, однако ж про себя подумал: «Может быть, он подсылается от *Гетуна*, у которого он жил под крылом и который тогда свирепствовал против меня? Что значат эти частые посещения? Эта неотвязчивость? Как знать?» И с сего¹² времени я стал уже смотреть *иными глазами* на Перца...

11. Невдольге затем, захав от должности на минуту домой, я застал в моей комнате дверь отпертою и Перца там, позирующего около стола, на коем лежали мои бумаги. Я обошелся с сим непрошеным гостем очень¹³ сухо, и Перец убрался. Тогда я крикнул человека и начал его бранить: «Зачем ты пускаешь без меня этого Перца?» «Да, помилуйте! — сказал человек. Нет дня, чтоб он не приходил, да вас часто не застаёт; он сидит у нас в лакейской и разговаривает, дает на водку деньги и все расспрашивает, что вы делаете? Когда ложитесь? Где больше бываете? Кто к вам ездит? Ему до всего дело...» Тогда я уже сказал решительно: «Слушай, ты! Не пускай Перца никогда! Никогда! И говори прямо: "Барин, де, не велел принимать!"».

Вот с этого уже времени Перец и не вступал в мою комнату. Сколько мне ведомо, раз *десять* или более приходил он в лакейскую, но его далее не пускали.

1 Восемь строк от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто «и».

4 Слово «помнится» вписано над строкой вместо зачеркнутого «кажется».

5 Далее зачеркнуто: «что-то».

6 Далее зачеркнуто: «что-то». Слово «болтать» вписано над строкой вместо зачеркнутого «врать».

7 Слово «кажется» вписано над строкой.

8 Слова «неясное, кажется, о тайнах... вестях и проч[ее]» вписаны над строкой вместо зачеркнутых.

9 Слово «более» вписано над строкой.

10 Далее зачеркнуто два слова.

11 Три строки от слов: «Перца более как шута...» на полях отчеркнуты карандашом.

12 Слова «с сего» вписаны над строкой вместо зачеркнутых «после того».

13 Далее зачеркнуто одно слово.

И наконец, уже чрез значительное время человек ко мне вошел и сказал: «Перец-с!» — «Ведь тебе не велено его впускать!..» — «Да он просил доложить, что он // (л. 43) отъезжает завтра и надолго из Петербурга...» Я отвечал: «Ну скажи, что барин велел вам пожелать счастливой дороги!..» От сего времени я уже потерял Перца совсем¹ из виду и более не думал о нем².

На 4-й пункт

С итальянцем Жильи (Guli) *никогда нигде и ни через кого ни знаком не был, не видался и³ не слышал о нем (NB итальянца: певца и музыканта Жюльиани я знаю, он в хороших домах учит петь) даже и от Перца, который любил говорить о своих знакомствах, но все более с известными людьми и знатными домами.*

На 5-й пункт

5-й пункт объяснен уже всем выше предшествовавшим. Повторить могу только то, что я Перца ни в какое *тайное общество* не принимал. Как его Кутузов узнал и понял — описано; а следует только сказать о Семенове и о его у меня *помещении* на время.

О Семенове

Семенов, по имени Степан Михайлович, по чину (тогда был) *титулярный советник*, сын священника Курской губернии, учился с большим успехом в гимназии, потом в Моск[овском] университете. Сей Семенов не был бы принят в *прежде бывшее* (ученое и благотворительное) *общество* по званию своему; но рекомендован был как знающий законы (юрист) и практически⁴ исполняющий обязанности различных добродетелей, а именно: человек он был трезвый, умеренный, весьма прилежный⁵ по службе (служил тогда у министра духовн[ых] дел по уголовной части), а более всего рекомендовало его то, что он получая не более *тысячи рублей*, содержал себя, воспитывал детей брата и поддерживал престарелую мать. // (л. 43 об.)

По всем сим отношениям я познакомился с Семеновым и — когда у него не достало квартиры — предложил ему у себя комнату на время. Таким образом Перец и видел у⁶ меня Семенова, но, кажется, очень редко. Я думаю, что едва ли он (Перец) знает хорошенько не токмо род и родство, но даже имя и отчество Семенова; ибо он слышал, что я слуге говорю: «Скажи Семенову то-то», и все называл более⁷ *по фамилии*. После⁸ Семенов от меня переехал, но там от высшего начальства отправлен в Курск *на следствие*, где и был несколько лет и, таким образом, и скрылся из моего вида.

На 6-й пункт

На 6-й пункт со всеми его подразделениями (а, b, c и d) могу только сказать то, что я ни имени такого общества, ни⁸ где оно было, ни что делало, ничего вовсе не знаю!

На 7-й пункт

Первая половина сего пункта, составленная из слов Перца, не имеет никакой правды. Но поелику 2-я половина (сего 7-го пункта) имеет некоторое *подобие* с тем, что было в *прежде бывшем* (ученом и благотворительном) *обществе* в отношении деятельности к обнаружению⁹ *злого* и восхвалению *доброго* и поелику я о сем имел честь¹⁰ говорить в последний раз пред высокоименитым Комитетом, то я и

¹ Слово «совсем» вписано над строкой.

² Три строки от слов «пожелать счастливой дороги...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Далее зачеркнуто: «даже».

⁴ Далее зачеркнуто: «исполняющий добро».

⁵ Слова «весьма прилежный» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «неутомимый».

⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

⁷ Слово «более» вписано над строкой.

⁸ Далее зачеркнуто: «что».

⁹ Слово «обнаружению» вписано над строкой вместо зачеркнутого «открытию».

¹⁰ Слово «честь» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

поставляю обязанностию здесь о сем распространиться более. В *прежде бывшем обществе*, преимущественно¹ в *отделениях*, упражнявшихся в *науках*, *благотворении*, *правосудии* и *улучшении нравственности*, существовал обычной *стараться* обнаруживать² действительно дознанное зло и³ возвышать *добро*, подавая руку помощи и *заступление по закону*⁴ // (л. 44) угнетенной *невинности* и *простодушной правоте*, уловленной *теми*, о коих в настольном указе (на зеркале) сказано, что они «подбирают законы как карты и подкапывают *фортецию правды*». Сие обыкновение порицать зло и помогать добру казалось *тогда* невинным, ибо люди (за 7 лет пред сим) были моложе, и чувствительность их была раздражительнее, а чувство⁴ правды было более пылко и более порывисто. Желание² отклонить какое-либо⁵ *местное* злоупотребление и приобрести *уменьше* помочь беспомощному, отстоять на суде сироту и *объяснить*, доводя до начальства, *существо* дела: вот побуждения, заставлявшие² членов с любовью заниматься сухим и скучным изучением законов. Тогда с благоговением читали сей *указ* (императрицы Елисаветы Петровны), который начинается в таком разуме: «Возболело материнское сердце наше, когда достигло нашего слуха, что в земле российской в народе благочестивом начинает распространяться более и более зло, называемое⁶ *лихоимством*». Тут следуют⁷ увещания и примеры⁸, почерпнутые из истории и св[ященного] писания: говорится, что «суд правый — есть суд божий» (смот[ри]: ветхоз[аветная] к[нига] 2, гл[ава] 2)⁹ и проч[ее], проч[ее].

Вследствие сего по¹⁰ обнаружении *злоупотреблений*^{*11} (чрез *доведение* об оных до сведения высшего начальства и высочайших особ) памятно мне следующие *события*:

а) Некто *Михайло Васильев*, крепостной человек помещика Е[...], был посажен, находясь¹² в здравом разуме, в *дом сумасшедших*, где и сидел несколько месяцев (до 4-х месяц[ев]). О сем проведаль как-то *Н. Годиин* и, рассказав мне сие, с большим желанием¹³ советовался, как бы избавить сего несчастного? // (л. 44 об.) О сем снесено было с другими и положили *так*, чтобы *одни* взялись чрез² знакомых постыдить деликатно помещика и сказать, что дело уже известно..., что о сем говорят уже в городе², а потому не лучше ли ему вынуть своего человека и помиловать его. *Другие*¹⁴ (кажется, о сем просили *Перовского*) обещали довести до сведения бывшего в[еликого] к[нязя] Николая Павловича, а я взялся рассказать о сем графу Милорадовичу. Чрез несколько времени помещик не смягчился: а е[го] и[мператорское] в[ысочество] Николай Павлович изволил отдать однажды во дворе Милорадовичу кусочек бумаги с именем «Михайло Васильев». И видно, при том что-то Милорадовичу сказал, потому что он, приехав домой начал шуметь и говорил: «Вот что у нас делается!» и хотел было, увидя меня, рассказывать, но я дал ему знать, что про это уже знаю, и *пояснил дело*. Итак, тотчас послали в дом *сумасшедших*, вынули оттуда человека, призвали медицинский факультет — и нашли, что он *здоров и совсем не сумасшедший!* Таким образом, кажется, для пользы

* Мы жили при таком благодатном государе, что, видя зло, молчать¹⁵ казалось стыдно, а говорить было не опасно! *Порицать* худое иногда заставляло *тихое желание лучшего*, а желать того — *любовь к отечеству*.

1 Далее зачеркнуто: «существова[...]».

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто: «подавить».

4 Далее зачеркнуто несколько слов.

5 Слова «какое-либо» вписаны над строкой.

6 Далее зачеркнуто: «лих[...]».

7 Слово «следуют» вписано над строкой вместо зачеркнутого «начинаются».

8 Слова «и примеры» вписаны над строкой.

9 Слова «(смот[ри]: ветхоз[аветная] к[нига] 2, гл[ава] 2)» вписаны над строкой.

10 Слово «по» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

11 Далее зачеркнуто: «доведение».

12 Слово «находясь» вписано над строкой вместо зачеркнутых двух слов.

13 Слова «с большим желанием» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «чувством».

14 Далее зачеркнуто: «обещали».

15 Далее зачеркнуто одно слово.

общей и правительства¹ многие *взяточники* обличены*, люди бескорыстные восхва-
лены², многие невинно угнетенные получили защиту, многие выпущены из тюрем
и, между прочим, целая толпа, сидевшая по оговору воровского атамана Розетти³.
Иные⁴, уже *высеченные*⁵, (по пересмотрении дел) прощены и от ссылки избавлены.
Духовской купец *Савастеев* уже с дороги⁶ в Иркутск возвращен и водворен бла-
гополучно в семейство, а другой, костромской мещанин, высеченный, лишенный
добраго имени и сосланный в крепостную работу, когда *успели сделать*, чтобы дело
о нем было *пересмотрено* (разумеется, по высочайшему повелению *Московским се-
натом*), был (сей мещанин)⁶ найден невинным и освобожден от крепостной рабо-
ты, и возвращен восвояси и⁷ отдано ему честное имя³. Для показания, за образец,
каким образом совершалось в совокупности какое-либо *доброе предприятие*, я //
(л. 45) укажу на одно из собраний *нашего*³ *отделения*. В квартире Кошкуля собра-
лись однажды: Кавелин, Миркович, Годаин, я, Кошкуль, Башуцкий, еще не помню,
кто! Толковали о том, как *помочь целому бедному семейству*, кажется, чиновника *Ба-
ранова* (*Кавелин* вернее о сем знает, ибо, кажется, он о помощи⁸ и предлагал). Дело
состояло в том, что сей чиновник сидел *шесть лет*⁹ на гауптвахте под судом, а когда
кончился суд, то признан невинным. Но в протечении сего времени сие семейство ли-
шилось *всего* и не имело ни угла, ни хлеба куска. А потому *одни* и взялись довести
до начальства (не помню, в каком начальстве был сей чиновник) о *пострадании*
сего *человека*³; Кошкуль³ вызвался выпросить денег у гр[афа] Потоцкого, я взялся
составить записку, а *некоторые* положили стараться в городе о помещении двух ма-
люток сего³ бедняка и хотели послать доктора к больной их матери.

Успех сего был таковой, что, когда свиделись³ не то у меня, не то у Годайна,
то оказалось, что чиновник получил от своего начальства некую *награду за постра-
дание*; Кошкуль привез от Потоцкого (граф[а] Александр[а]) 200 рубл[ей] денег; да
из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])¹⁰; матери помог док-
тор, а детей разместили по добрым людям... Так и совершилось круговое благопо-
лучие сего семейства.

Но сколь ни привлекательна кажется сия живая, сердечная деятельность, имев-
шая вид некоего *нравственного рыцарства* чрез мирное воевание противу зла и за-
щиту *добра*, однако и она, как я *теперь* вижу, может почеться *зablуждением*... //
(л. 45 об.)

Но что ж делать, если уже законы природы¹¹ таковы, что и *душа* человеческая
умудряется и, как все прочее, созревает *постепенно*!.. Если б я имел за 5, 6 и 7 лет
пред сим тот же опыт как теперь, то не подвергся бы ныне¹² порицанию за то (за
борьбу противу зла), что тогда казалось очень хорошим. А, может быть, меня об-

* В известной (французской) печатной книге о *карбонарах* сказано: «Чтоб огорчить
народ, старайтесь всеми мерами определять к *местам взяточников* и поддерживайте их,
закрывайте их дела; бедных давите, отличайте криводушных, пренебрегайте добродете-
ли, словом, шадите всякие *злоупотребления*, дабы народ, прискучив настоящим поряд-
ком вещей, сказал: «Дайте нам что-нибудь *новое*!». Такова *деятельность карбонаров*! А
прежде бывшего (до 1821 г[ода]) общества деятельность¹³ в *непоощрении зла* была со-
вершенно *противукарбонарская*!..

¹ Слова «кажется, для пользы общей и правительства» вписаны над строкой.

² Слова «люди бескорыстные восхваляются» вписаны над строкой.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Слово «Иные» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «Одни».

⁵ Далее зачеркнуто: «из».

⁶ Далее зачеркнуто: «и».

⁷ Слово «и» вписано над строкой вместо зачеркнутого «с».

⁸ Слова «о помощи» вписаны над строкой.

⁹ Далее зачеркнуто: «на».

¹⁰ Слова «да из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])» написаны вставкой на полях.

¹¹ Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

¹² Далее зачеркнуто дважды написанное слово «пор[...]».

¹³ Слово «деятельность» вписано над строкой.

манывало и мое¹ самолюбие!.. Но — как мне замечено высокоименитыми членами Комитета — *признаться*² почтеннейшему генерал-адъютанту Левашеву (в той нашей деятельности) не умел я потому, что я³, право, те дела считал в числе⁴ довольно хороших дел моей жизни!

Теперь же, при последнем моем стоянии пред лицом Комитета, когда его высокопревосходительство Павел Васильевич (на мои слова о том, что делалось) произнес: «А кто вам дал право?» и проч[ее], я сими его словами, как бы словом здравого смысла и правды, смутился более, нежели всеми пустыми показаниями Перца и, когда пришел к себе в каземат, то в слухе моем все отзывалось: «Кто вам дал право?» Соображая сие с тем, что приобрел в течение 5 лет несчастий и бдения над собою — когда, закрыв глаза для слабостей других, смотрел только на собственные пороки — я признаюсь, что был в заблуждении.

В позднейшие времена (противу вышеозначенных)⁵, взирая на вещи с высших точек зрения, узнал я *те* великие истины, кои, вводя ретивость наших чувств в покорность и бесстрашие, поставляют человека в безмолвное созерцание всего делающегося на земле. Великие *часы земные* заводятся *ключом небесным*, и все идет так, как ему идти надобно. // (л. 46) Ропот твари огорчает и тварь, и создателя. Я познал, что и зло попускается *на времена*². Полезно и зло, ибо оно бывает уроком к добру! Одно поколение, наскучив мздоимством, коварствами, безмерною роскошью и всепокорительною суетностью, невольно передает детям своим любовь к бескорыстию, к прямотушию, к² простой бескабальной жизни, ко всему благороднейшему, возвышеннейшему, чистейшему!.. А почему я охотно и сознаюсь в заблуждении... Но поелику *бывшего* можно только *не повторять*, а нет уже⁶ возможности сделать *бывшего* как бы не существовавшим, то я и заменяю сию неотвратимую невозможность чистосердечнейшим раскаянием.

Объяснив все сие, поспешаю обратиться к делу Перца.

На 8-й и 9-й пункты

8-й и 9-й пункты, как в целом, так и в подробностях, суть пустое сочинение и, как мне сдается, отзываются некоторым сходством с теми обществами, кои описаны аббатом *Барюелем* в известной книге «Волтериянцы».

10

Такого общества, где употреблялось еврейское слово «Хейрут», поистине, поистине (если такое общество еще было?), я не знал и не могу сказать ничего, *где и что оно такое*. // (л. 46 об.)

11 пункт

На сей 11-й пункт я могу тоже сказать, что такого общества я и в глаза не видывал! Начальствовать же ни мне, ни Кутузову, ни Семенову и⁷ не над чем было, ибо такого общества в виду нашем не было!

12 пункт

Первая половина сего⁸ 12-го пункта заключает в себе также только сплетения. Останавливаюсь на именах:

а) *Синявина* я никогда нигде не знал, думаю, и он не знает меня! И⁹ его отца (адмирала), коего душевно уважаю по славе его, доселе не знаю, т[о] е[сть] не знаком с ним лично!

1 Слово «мое» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Слово «я» вписано над строкой.

4 Слова «в числе» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

5 Далее зачеркнуто: «узнал я».

6 Слово «уже» вписано над строкой.

7 Слово «и» вписано над строкой.

8 Слово «сего» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «к».

б) *Искрицкий*. Когда я был *раз* у старика Перца на чинном обеде (вместе с председателем угол[овной]¹ палаты и прокурором), то, кажется², он с Искрицкими жил *так*, что он в среднем, а те в верхнем этажах: следовательно, Григорий Перец с Искрицким однодомцы, могли видаться каждый день, и Перец мог принять его *во что-нибудь*. А доказательством тому, что³ Искрицкий *не от моего имени* принят служит то, что я одно время⁴ встречался с ним часто у камергера графа Д., где я по давнему знакомству с графом был как свой, а Искрицкий там искал и ко мне ласкался, то чего ж бы было ближе *Искрицкому* сказать мне, что он *одного со мною общества* и тому подобное? Но *Искрицкий* никогда не токмо словом, ниже видом не показал мне, что он в каком-либо обществе обретается, иначе бы я тотчас вывел его из заблуждения, ибо тогда⁵ (после 1821 года) прежде бывшее общество уже разрушилось. // (л. 47)

Устимовича и *Лаппу* я в жизнь мою⁶ никогда нигде не видал и с ними никаких сношений ни личных, ни письменных не имел.

Данченко же и *Дребуша*, хотя я лично не знал, но припоминаю (по фамилиям), что они точно состояли (и по крайней мере, с 1818 года) в прежде *бывшем обществе* (учено-благотворительном). Спросить бы их: как же дозволили они (если так было?) *перепринять себя*⁷ в *другое* и какое-то странное — с жидовским словом⁸ — общество, когда в обычности *прежде бывшего* (до 1821 года) *общества* было именно то, чтобы⁹ *сказываться* своим, если кто даже и в¹⁰ *масоны* вступить приглашался?

13 пункт

Французская революция! Сие имя возбуждает во мне *всегда* ряд ужасных представлений и сильно волнует мою чувствительность! Сие смешение крови, огня, мятежей и неистовств, сие взаимное сотерзание страстей, гибель невинности, торжество порока, сей *Марат*, требующий *трех миллионов голов*, дабы остальным просторнее было жить, сей *Робеспьер*, который свирепствовал как тигр, а умер — как подлец, сей параличный *Кутон*, разрушитель Лиона, сей холодный кровопийца *Ле-Бон*, который по суду и систематически зарезал целый город *Аппас* (свою родину) и велел вырезать у себя на печати *гильотину* и всю живность для своей кухни *резать на гильотине (!!!)* — сии люди, сии обстоятельства чего могут быть достойны кроме беспредельного омерзения? // (л. 47 об.)

Безумные хвалили ум; беззаконники срамили закон; проповедывали свободу, закрепостив души страстям; и благородная *Ролан* (жена министра) сказала, восходя на *эшафот* (подле которого стояла колоссальная статуя свободы): «О свобода! Сколько злодеяний совершается во имя твое!» Они судили и на суд их не являлись ни кроткое жаление, ни всепрощающая *любовь*, ни *милосердие*, утоляющее ярый огонь обличения: во всяком обвиняемом они искали виновного и суд их был только — *осуждение!*

Какие же тут лица? Какие *личные выгоды*?!! Я уважаю только *два* лица: аббата *Еджеворта* и высокородного *Малерба*, который — и под кинжалами убийц — осмелился говорить за *страдальца*, развенчанного насилием и осужденного по закону беззаконием!.. Еще люблю я немножко *Верньо*. Его большая статуя и *теперь* подле лестницы люксембургской. В руке его развернут свиток, на нем читаешь: «Правосудие должно быть открыто и светло, как солнце небесное!» Но солнце имеет *два* великих качества: светлость (только сияющую) и теплоту (греющую). Первое — *правда*, а вторая — *милость*. Вот мои мысли! Вот мои

¹ Слово «угол[овной]» вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: «его».

³ Далее зачеркнуто: «с».

⁴ Далее зачеркнуто: «вид[...]».

⁵ Далее зачеркнуто: «пре[...]».

⁶ Слова «в жизнь мою» вписаны над строкой.

⁷ Слово «себя» вписано над строкой.

⁸ Слова «и какое-то странное — с жидовским словом» вписаны над строкой.

⁹ Слова «то, чтобы» вписаны над строкой.

¹⁰ Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

слова! Так я *всегда* говорил, так *печатал* и теперь запечатываю *сие* истинностью и чистосердечнейшим уверением в том, что не имею иных понятий о великом бедствии, постигшем Францию, которое называют Французского революцією. // (л. 48)

14 пункт

И на¹ сей 14 пункт то разве могу сказать, что я знака *елки и книги завета* ни у кого не видал, печатей с сим знаком никогда не имел, ни в *слепках*² (с печатей) нигде не видал изображения *елки и книжки*. О существовании же, якобы, общества под сим знаком, ни где оно, ни что оно³, мне совершенно неизвестно! А говорил я не раз⁴, когда ланкастерская школа была в свежем ходу, что: «Если бы общество Елисаветы соединилось с нашим (с Михайловским), то мы гораздо бы сильнее были в способах и могли бы сделать какое-нибудь заведение более прочное»⁵.

Примеч[ание] при *профанах* (или непринятых в таинства масонства) не говорили Восток, Великий Восток или Елисаветы — к добродетели или ложа *Избр[анного] Мих[аила]*, а говорили просто: общество Елисаветино, общество Михайловских б[ратьев] и проч[ее].

Я говорил *сие* потому, что *члены* (по-масонски — *братья*) обще[ства] Елисавет[ы] заводили также *училище* на *двадцать пять сирот*, а у нас⁶ школа человек на 200, только у них дети и жили, и ели⁷, и спали в заведении, а наши только могли приходить часа на три в сутки и потом возвращаться домой, где часто не находили и хлеба⁸!..

На 15 пункт

Вот образчик показаний! Тут совсем дело шло не о вольности, а о нелепейшей⁹ деревенской басне. Один мужик рассказал, а там дал и на записке — лично мне и не по обязанности, а так... — нижеследующий слух или молву, что якобы какой-то // (л. 48 об.) монах, но не *наш* (не в кlobуке), а раскольниковый монах, такой же мужик, проезжая из *Устилуга по некоторым местам*, говорил своим толкунам (так называются раскольниковы ученые), что не надо де ни браков *брачить*, ни детей родить, ибо близко уже есть *преставление света* и что есть уже¹⁰ и апокалипсическое лицо, имеющее явиться пред концом мира, понеже сказано в *апокалипсисе* (и это соврано: так не сказано!), что оно (сие лицо) должно быть царь великий, славный, имущий многие народы под собою! Посему и намекал он на¹¹ покойного государя, который, напротив, *весь был во Христе*!.. Ничем не будучи подтверждено, это было принято за сущий вздор и брошено! После, иногда, когда кто-нибудь из приятелей заговаривал о женитьбе, я шутя, говорил иным: «Ей, постерегитесь: мужик ездил по России и проповедывал, что не надо жениться: скоро будет *преставление света*!».

На пункт 16-й

В сем пункте есть некое тщательное собрание, сближение, слитие воедино таких вещей, в коих, с одной стороны, мне мнится узнавать те слухи или *толкованья*, кои досужими шпионами *мелкого разбора* собираются по харчевням, в торговых банях, на мостах и даже самую полицию почитаются за пустяки. С другой

¹ Далее зачеркнуто: «на».

² Далее зачеркнуто: «ни».

³ Далее зачеркнуто: «мне».

⁴ Слова «не раз» вписаны над строкой.

⁵ Четыре строки от слов «ходу, что: "Если бы общество..."» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

⁷ Слова «и ели» вписаны над строкой.

⁸ Шестнадцать строк от слов «А говорил я не раз, когда ланкастерская школа...» отмечены на полях вначале и в конце косыми линиями.

⁹ Первоначально было: «нелепой».

¹⁰ Слова «есть уже» вписаны над строкой.

¹¹ Слово «на» вписано над строкой.

стороны, кажутся тут слышны отголоски тех воплей, кои некоторые частные лица произносят, когда их собственные дела не так идут, как им желательно¹. Например, в² жалобе, что правительство систематически медлит удовлетворять претензии частных людей и далее..., тотчас узнаешь лицо Перца и его дело, и его претензию... // (л. 49) А чтоб так подробно и мелочно³ и⁴ привязчиво толковать о каком-то долге 1812 года, надобно непременно быть или барышником или жидом!

Я же, как всем моим приятелям известно, и жизнь моя то доказывает, человек совсем нерасчетистый⁵. И о сем каком-то долге, ей, ей, никакого понятия не имею: ибо в 1812 году был там, где⁶ отстаивали престол и алтарь⁴ и где (как сказано в писании) сражались за души и законы свои.

Но среди⁷ сей безобразной мозаической наклейки слухов, вестей и толков, более всего ударяет на чувства мои то, будто бы мы (т[о] е[сть] и я!) бранили великих князей! Беру 6 или 7 лет⁸ назад и рассматриваю: за что бы их и бранить тогда?

Едва вышедшие из круга юнейших лет⁹ и занятий учебных, наши великие князья в то время совершали путешествия, то по России, то в чужие края. Характер их еще не был развернут: ни нрав, ни обычаи их еще не могли быть известны¹⁰! Между тем, бог обложил их благообразием, наделил цветущею молодостию и здоровьем. Ясность душ, над которыми не протекали еще бури жизни, некий остаток детства, оттененный важностию сана, скромность в поступки и ласка во взоре: вот, сколько помню, черты их (тогдашних) особ, которые и по самой¹¹ наружности не могли подлежать злословию! Доказательством же щедлости Николая Павловича могу служить сам я!

Когда я был еще при Сипягине, не знаю, от кого узнал обо мне Николай Павлович и без всяких заслуг моих // (л. 49 об.) сказал раз Сипягину: «У тебя есть Глинка — такой и такой — я хочу прибавить к его жалованью из собственных моих», и назначил¹² значительную сумму. Но Сипягин отблагодарил и отвечал¹³, что не нужно. Приехавши ж домой, сказал мне: «Я за тебя отвечал то и то: хорошо я сделал?» Я сказал: «Хорошо! Потому, что великий князь теперь домом заводится, ему самому нужны деньги, а мне начинают выдавать столовые: то мне и довольно!» Вот это правда! Сипягин — живой человек: можно навеститься!

Спросить можно у почтенной генеральши Ахвердовой, у И.Ф.Паскевича, у Павл[а] Ив[ановича] Арсеньева, у доброго генерала Мартынова, у Воропанова и друг[их]: как я отзывался в частых свиданиях с ними о великих князьях? Я избржал мои чувства и письменно: стихотворение мое некогда¹⁴ поднесено было ее величеству Марии Федоровне, и государыня, повелев¹⁵ пригласить меня в Павловск к своему обеденному столу, изволила говорить мне⁹: «Я благодарю вас за чувства, изъятые императору и моим младшим детям: Нелединский читал ваши стихи...» и потом прибавила, обратясь к другим: «J'admire la délicatesse des sentiments de jeune homme!»¹⁶ Вот, сии слова августейшей монархии сбережены моею благодарностию, и клевета еще не выкрала их!

1 Слово «желательно» вписано над строкой вместо зачеркнутого «хочется».

2 Слово «в» вписано над строкой. Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

3 Слова «и мелочно» вписаны над строкой.

4 Далее зачеркнуто «и».

5 Первоначально было: «нерасчетливый».

6 Далее зачеркнуто несколько слов, заключенных в скобки.

7 Далее зачеркнуто: «сего».

8 Слово «лет» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто одно слово.

10 Далее зачеркнуто: «Меж[...]».

11 Слово «самой» вписано над строкой.

12 Слово «назначил» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

13 Слово «отвечал» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

14 Слово «некогда» вписано над строкой.

15 Слово «повелев» вписано над строкой.

16 «Я восхищаюсь утонченностью чувств этого молодого человека» (франц.).

день же Семеновской истории я тем менее мог *отклоняться* в сторону от обыкновенной прямой черты.

Итак, если Перец и шел¹ к *Поцелуеву мосту* (конечно, от себя из Коломны) в ту минуту, как я выходил из ворот, то все я не мог с ним, как он говорит, «*встретиться*», ибо встречаются *те, кои сходятся*, а мы *расходились* и я² мог только быть с Перцем как две *параллельные линии*, кои иногда видятся, но никогда не сходятся. // (л. 51)

Пункт 17-й

В пункте 17-м на³ *зачало под буквою «а»* имею честь ответить ниже следующее:

У Милорадовича однажды болели глаза. Его лечил *Реньери*. Я жил в это время, под осень, на даче⁴ (на Камен[ном] остр[ове]) у Кусовых, имея дозволение некоторое время полечиться. К Милорадовичу же пришел партикулярно, без должностей. При мне приехал (кажется, присланный от государыни Мар[ии] Фед[оровны]) врач (после сказали, что это Л.М.Миллер). Граф сел дописывать бумагу к к[нязю] Волконскому (ибо император был в отлучке); а мне сказал: «Займи врача разговором!» Вот мы и стали говорить о медицине, о фармакопее Я.В.Вилье, которую издавал мой приятель *Орлай*, о применении химии к хозяйству (шапталя) и к медицине и коснулись до *кислот*. Тут доктор сказал, что он получил новый трактат о *кислоте* — *Acide Prussique*⁵ и начал описывать, как остра и едка сия кислота... Тогда Милорадович, вслушиваясь, сказал: «Да на что ж она годится?». — «А, В, С! Когда ее усластит (разбавят), тогда она *преполезное лекарство*...» Вот, немного погодя, вошел чиновник и доложил графу о садовнике *Шереметьева*, англичанине. Граф, шутя, как он часто делывал, зашумел и густым голосом протяжно воскликнул: «В кандалы его! Я его грубияна проучу! Нужна *строгость* и *сила*: сильные меры!», — и обратясь ко мне, сказал: «Не правда ли, что это хорошо!» — «Да, в[аше] с[иятельство], — сказал я вполголоса, — когда у места и в меру, как та *кислота*, о которой говорил г[осподи]н⁶ доктор». Граф расхохотался и шепнул мне: «Я ведь так... только пугаю...» // (л. 51 об.) Потом к чиновнику (смягчив тон): «Ну, так не в кандалы его, а сказать, что он будет под судом!» Тем и кончилось! Граф был предобрый, а это были так, выходки в его характере. Сие деялось при многих и не составляло *никакой тайны*. После граф шучивал: «Чтобы *кислоту* (строгость) надобно услащать?» — «Да! Кротостию и снисхождением».

На букву b) (того ж 17 пункта) могу только сказать, что покойный *gr[аф] Вязмитинов* был сам человек деловой, долго служивый и крайне осторожный. Он не дозволил бы сделать с собою то, что под сею буквою сказано³.

18 пункт

Перец не потому не ходил ко мне, что⁷ будто от меня уклонялся. Но ходил ли бы он⁸ или нет, его бы не впустили⁹ — ибо я, как уже сказал, не велел его принимать. Он говорит, что потому *не открыл*, что боялся *меня*, моих связей и проч[ее], и проч[ее]... Меня бояться? Чтоб я стал *теснить, преследовать, угнетать*? Хорошо! Пусть сделают обо мне (по 54 главе *уложения*) *большой повальный обыск*, начиная с *нищих* у Казанского собора, с которыми я знаком, до первых домов в городе, которые меня знают; пусть спросят: кого я *утеснял*? Кого *преследовал*? Кого *обидел с намерением*? Даже на самых уж тех, которые меня грызли, я не злобствую и в этом нет *большой цены*, ибо нет *труда*, потому что я не могу принудить себя ни *мстить*, ни *ненавидеть*: могу только рассердиться и простить. // (л. 52)

¹ Далее зачеркнуто: «от себя».

² Слово «я» вписано над строкой.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Далее зачеркнуто: «у».

⁵ Синильная кислота (*франц.*).

⁶ Слово «г[осподи]н» вписано над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто: «укло[...]».

⁸ Слово «он» вписано над строкой.

⁹ Слово «впустили» вписано над строкой вместо зачеркнутого «приняли».

Пусть так! Если Перец меня боялся до 1822 года, то в сем году¹, когда я от масонства отстал (закрыл [] ложу), от литераторов и собраний (по душевным горестям) удалился*, когда Милорадович по подспудным действиям ябеды** и взыскности на меня рассердился, когда у меня взяли квартиру, содержание, столовые деньги..., все... Когда я, оттолкнутый, забытый, в нищете, в чужом углу, на чужом хлебе, сидел в загоне, как раздавленная муха, когда мои враги... нет! Врагов я не имею! Когда так... глупые люди (ибо злость есть глупость) распускали обо мне молвы — с одной стороны, что я опасный шпион, и меня уже во многих порядочных домах стали принимать иначе, с другой стороны, — что я (зачитавшись библии) сошел с ума (так, что я должен был ездить по домам, чтоб показываться — о сем можно спросить у Кусовых, Уваровых, у графа Толстого и у сестры графа Милорадовича, которая встреться со мною у графа Дивьера, глядела на меня со слезами и призналась, что уж посылала человека проводить, до какой степени я сошел с ума, как ей о том сказал полковник NN): то вот в такое-то удобное время, кто ж мешал [господи]ну Перцу (если было о чем доносить!) пуститься со своим доносом и меня лежачего добить и (по примеру другого некоего господина, скропавшего на меня замысловатый донос) даже выслужиться чрез открытие каких-то ему известных тайнств?.. За что ж он (Перец) говорит, что боялся меня!.. Меня, которого никогда никто не боялся?... // (л. 52 об.)

О деле корнета Ронова я знаю следующее:

а) В продолжение сует по Семеновск[ой] истории приехал однажды генерал Васильчиков (с ним был адъютант, помнится, Протасов) и разговаривал наедине с графом вверху в² его комнате, у камина. Спустя долго, граф кликнул меня и велел подать подписывать *подорожные*. Тогда Васильчиков уже отходил, и граф сказал следующее: «Ну, вот этот Батулин! Его подбил полицейский шпион, а он стянул с меня 700 рубл[ей], чтоб потчевать ваших уланских офицеров и выведывать. А теперь уланы спокойны, офицеры в истории совсем не участвуют, Ронов — маленький мальчик, а Синявин оказался прав!.. Вот, как все делается!» Васильчиков что-то сказал на полицейских³ и расстались⁴. б) После, когда я отвозил бумаги к гр[афу] Кочубею, он, окончив со мною разговор, сказал: «Ну, теперь доложите графу Михаилу Андреевичу, что⁵ об известном деле — о корнете Ронове я уже имел счастье донести от себя государю императору».

* Точно тогда постигла меня такая година, что: «и ближние мои далече мене сташа!» Но я помнил, что Магомет говорит в Алкоране в главе о неизбежности (откровений в Медине): «Довольно иметь покровителем одного бога!»

** Дело, по которому я должен был стать не у дел имеет в себе одну⁶ любопытную черту: один человек лишен звания второй гильдии купца, оглашен и потерпел за букву Ж (живете) — точно за одну букву Ж. Сие дело производил я с близкого сведения государя императора, а граф Аракчеев рассматривал его, и мне сказали: «Ваше производство сделано по совести, по здравому рассудку и по законам!» И граф был очень ласков... При таковых случаях, конечно, иногда вспоминаются как бы⁷ сами собою некоторые выражения, как например, нем[ецкого] фил[ософа] Зейме: «Установите только правосудие, а благоденствие придет само!» Или сие китайского мудреца Хенг-Дэн-Фое (кажется, в V кн[иге] о наро[дной] нравст[венности]): «Благополучна та страна, где тюрьмы пусты, а житницы полны, доктора пешком, а хлебники верхами, где на ступенях⁸ храмов божьих толкается народ, а крыльца судилищ заросли травой»⁹.

1 Первоначально было: «сего года».

2 Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого «у».

3 Слова «на полицейских» вписаны над строкой.

4 Слова этой фразы сверху помечены цифрами, указывающими порядок прочтения: «Васильчиков» — 1, «что-то» — 3, «сказал» — 2, «на полицейских» — 4, «и расстались» — 5.

5 Далее зачеркнуто: «о деле».

6 Слово «одну» вписано над строкой.

7 Слова «как бы» вписаны над строкой.

8 Первоначально было: «ступени».

9 Слова «толкается народ, а крыльца судилищ заросли травой» вписаны ниже вместо зачеркнутых слов «покрыты грязью (с ног), а крыльца судилищ заросли травой и проч[ее]».

В моей маленькой квартире Перец никогда при мне не бывал в течение нескольких лет. А вскоре после кончины покойного императора вдруг в одно утро явился в моей комнатке. Человек уже забыл давнее приказание и как-то его пропустил. Я был уже готов к выходу, а потому и потому, что Перец непрощенный гость, и не просил его *садиться*... «Как вы теперь живете?» — сказал он. «А вот как, — и отворил крохотную перегородку. — Я, да две // (л. 53) птички — втроем живем потихоньку...» Он: «Вы точно живете как монахи?» Я: «А peu près»¹. Потом он сказал: «Вот и государь нас оставил!». Я рассказал² несколько черт, как народ горюет. Потом, кажется, он сказал: «Что-то будет?» А я, помнится, отвечал: «Ожидают государя из Варшавы». — «Да когда-то он будет?» — «Не знаю!» — «Да, как вы думаете, что будет?» — «Я ничего не думаю, а *что будет, то будет, что будет, то будет, а будет то, что бог даст!*...» Прощайте, г[осподи]н Перец! Я иду!», — и проводил его до двери — два шага!.. Потом я человека бранил, а он сказал: «Да я, ведь, его и забыл, сколько лет не бывал!» — «Ну, вперед помни, и не пускай!» // (л. 53 об.)

На 20-й и последний пункт

Выспрос г[осподи]на Перца у моего лакея точно справедлив. Точно, я провел только часть ночи у себя на 15 декабря. Но вот, как сие было. Когда все уже давно затихло на площади и в казарму конногвардейскую к раненому Милорадовичу, где я проводил день, приходили разные особы и говорили, что *все уже кончилось* и государь уже во дворце и площадь уже³ очищена и проч[ее], проч[ее] и когда приехал уже генерал Стрекалов, с которым я разговаривал, то — это было уж поздно вечером — я, взглянув еще раз на графа, который лежал тихо, пожал руку Яворского, который прописывал рецепт, не хотел будить Петрашевского, который от усталости сидя спал, а Пращевскому, Каплуновскому, кажется, Махонину⁴ и другим чиновникам сказал: «Я зайду теперь домой проведать еще своих хозяев, а там приду к вам ночевать». Они сказали: «Пожалуйста⁵: мы вам местечко сыщем». Вот и пошел я — площадь вся была обставлена войском, на ней горели огни, я подумал: «Точно военное время». И пришел я в дом Всеволожского уже часу в 12-м, но господа были еще за столом⁶ (позже обыкновенного). Встали. Я рассказывал дамам, что знал, а там с самим Всеволожским, ходя по зале, проговорил еще с час, более о Милорадовиче. Домой пришел я уж часу во 2-м и, переменя сапоги, хотел было идти к Милорадовичу. Но человек мне сказал: «От полиции ходили, чтоб запирасть все ворота, и по улицам ездят разъезды. Куда ж вам ночью? Ведь конная гвардия далеко!» Я подумал прежде и сказал: «Пожалуйста, разбуди меня часа через два, а много три, я хочу застать еще Милорадовича живого!» // (л. 54)

* Примеч[ание]. Богдан Хмельницкий около 1654 года⁷ в ответ на грозную⁸ грамоту Амурата IV, написал на целом листе только сии слова: «*Что будет, то будет; что будет, то будет; что будет, то будет...*» и, исписавши сим весь лист, в конце поставил: «*А будет то, что бог даст!*», потом двинул войско, разбросав его⁹ конными партиями, перешел границу¹⁰, зажег (в один день) в сорока местах пожар и разбил турок наголову. Я писал поэму Хмельницкого и его выражение сделалось моею пословицею, о сем знают мои приятели: я говорю ее особенно тогда, когда с кем не хочется разговора плодить, особенно о том, что будет.

1 «Почти» (франц.).

2 Первоначально было: «сказал».

3 Слово «уже» вписано над строкой.

4 Слова «кажется, Махонину» вписаны над строкой.

5 Первоначально было: «Пожалуйста».

6 Далее зачеркнуто: «более».

7 Слова «около 1654 года» вписаны над строкой.

8 Слово «грозную» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «на ко[...]».

10 Слова «перешел границу» вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов «вошел в Молдавию».

Вот тут, помолясь, и лег¹, скинув только мундир. Так я и часто сплю. Часу в 5-м меня разбудили. Я встал, умылся, богу помолился, сварил сам чай (зеленый) на конфорке и, выпив, спросил, встали ль дворники? Сказали: «Да!» И я уже часу в 6-м пошел в казармы к[онной] гвард[ии]. Входя на лестницу, изумился (туда ли я иду?), что не слышно шуму... Все глухо... Постучал и спросил: «Здесь Милорадович?» На спрос голос ответил²: «Милорадович приказав уже³ долго жить!» Это было не неожиданно, но я⁴ очень тронулся. «Где он?» — «Перенесли в его дом». Я и побежал. При входе в первых комнатах встретился я и поговорил с минутку с полковником *Хатовым*. Засим вошел в *траурную комнату*. Покойный уже лежал на столе, как живой. Я подошел, поклонился, поцеловал руку и зарыдал... Мне вспомнились те счастливейшие минуты его цветущей жизни и моего детства, когда я, придя к нему еще мальчиком (из корпуса по 14-му году)⁵, возрастал при нем постепенно, как и⁶ его слава... Когда я видел⁷ сего героя, сего верного слугу, который *служил и прямил* государю, блестящим в лучших обществах Польши, бесстрашным на войне, с умом, который не всегда показывал, но которому иногда *очень удивлялись*, с детским сердцем, веселым на волшебных празднествах, которые давал среди оружия и в поле, и с тою безоблачною душою, каковой уже не видала в нем столица сия... И теперь плачу! А тогда при⁸ теле его я чувствовал, что все нервы во мне тряслись, все жилы ходили!.. Не понимаю! Ужели и здесь нашла клевета место углубить свое всепроникающее жало!!

Чтоб объяснить встречу в магазине Плавильщикова я должен прежде сказать нижеследующее: после того незабвенного для меня⁹ события, как государь император изволил осенить меня своею милостию, я тотчас из дворца пошел к военному губернатору. В кабинете е[го] в[ысоко]коп[ре]восх[оди]тельства был тогда *Д.П.Позняк*. Павел Васильевич изволил разговаривать со мною кротко и благово-лительно, и я ему сказал точно сии слова: // (л. 54 об.) «Ваше высокопревосходи-тельство! Я с злоумышленниками никогда не был, но, находясь на¹⁰ таком месте, с которого видно было зло, я скорбел душою и часто *вопил** противу ябеды и¹¹ злоупотреблений». На сие его высокопревосходительство изволил сказать: «Это хо-рошо... Это почтенно...» Вот эти слова остались у меня в памяти, и я, рассказывая о милости государя (ибо всемилостивейший сказал: «Ты можешь *рассказывать...*»), говорил и о сих словах и в доме г[оспод] *Лихониных*, душевно преданных Павлу Васильевичу, и в других почтенных домах, как о речах, сказанных при третьем лице (при Позняке), и просто, *не за секрет*. Я говорил, истинно думая сделать сим более похвалу *характеру*, основанному на одной прямизне¹² и русскому правдолю-бию *Павла Васильевича*. Если я в сем провинился, то прошу всеубедительнейше у его высокопревосходительства *простить меня*, ибо я, умея ценить достоинство людей, очень буду скорбеть, если *неволью*, по сущему неведению, прогневил мужа, издавна мною уважаемого!..

Теперь о *Перце*. На другое утро после как я⁴ был во дворце, он уж являлся у меня. Я тогда лежал еще в постели... Человек сказал: «Перец!». Я сказал: «Зачем пустил?» — «Пришел навеститься, как вы здоровы?» — «Скажи, что я не могу его

* Ябеда сама, в своем имени вопиет нам, что она беда: я — беда! Так как же не вопиять, как и она, против нее?!

1 Далее зачеркнуто: «не».

2 Слова «На спрос голос ответил» вписаны над строкой.

3 Слово «уже» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто одно слово.

5 Далее зачеркнуто: «нравственно».

6 Слово «и» вписано над строкой.

7 Первоначально было: «видя».

8 Далее зачеркнуто: «теле».

9 Слова «для меня» вписаны над строкой.

10 Слово «на» вписано над строкой вместо зачеркнутого «при».

11 Слова «ябеды и» вписаны над строкой.

12 Слова «основанному на одной прямизне» вписаны над строкой.

принять!» Вот Перец как пришел, так и ушел! А после, уж чрез изрядное время я вхожу к Плавильщикovu, аж *Перец* тут! И ко мне: «Я у вас был — да не приняли!» и с вопросами: «Вас возили во дворец! Ну, скажите, что там было?» Я, видя, что тут были знакомые лица, говорил *вслух* о милости моего государя, о том, что был после у военного губернатора и что он не опорочил моих слов насчет злоупотреблений, ибо о моем воевании с крючками в свое время многие¹ знали: мне случилось некогда и самого хозяина лавки (или книж[ного] магазина)² вызволить, когда его раз прижали... Я с Перцем тотчас развязался и не говорил и пяти минут, а стал смотреть *новые* книги и заговорил с *другими*, а он ушел. Вот и о магазейне все и о Перце!.. // (л. 55)

Но что он, сей Перец? Если сам чем провинился, думает ли обезвинить себя обвинением меня? Что значат эти встречи не *при ком*? Эта ловля *слов*? Это толкование³ полуизречений? Эти посещения без зову? Зачем он, как некое таинственное существо, ходил по следам моим? Зачем⁴ как провешая *комета* являлся *по временам* на скудном горизонте моего гражданского бытия?! Да! Все показывает, что мы уже далеки от тех добронравных времен наших отцов, когда ни проговориться, ни провиниться не страшно было! Когда полагали за великую добродетель *покрыть грех ближнего*⁵... *Писание* говорит: «Настанет *время лукавое*, когда человек будет *следить* человека, дабы уловить стопы его в сеть!» Теперь-то начинаю я видеть, *отчего* можно сделаться *холодным эгоистом*: жить только с собою и *про себя*; а мне всегда так противно казалось это состояние!.. Но я знаю, я уверен, что *часть* не может поколебать *целого*! Что значат эти предприятия? Вспышки воспаленных мечтаний!.. Россия тверда! Россия крепка! Россия — луна! Ибо наше отечество составляет 1/7 долю земли, а луна в *семь крат* менее нашей планеты.

Я представляю себе *Россию*, как некую могучую жену, спокойно, вопреки всего, почиющую. В головах у ней — вместо подушки — *Кавказ*, ногами — плещет в *Балтийском море*, правая рука закинута на *хребет Урала*, а левая — простертая за Вислу — грозит перстом Европе!.. Я знаю, я уверен, что превращать *древнее течение вещей* есть то же, что совать персты в мельничное колесо: персты отлетят, а колесо все идет своим *ходом*... Вот моя *политическая вера*! Вот мои мысли! Вот мои чувства!

В последний раз явления моего пред Комитетом, когда я вышел из тесного каземата, свежий воздух и красивый день порадовал и утомил мои чувства; притом же *неизвестность* о предметах вопрошения.., а потому я не мог ответствовать столь светло как бы того желал. Духом я покоен, но *тело* — все тело!.. Ныне же написал наиподробнее и все (кроме одной странички) *прямо набело*. // (л. 55 об.)

Странное уединение *каземата* придает некую одичалость нраву, отъемля у него ту мягкость, которую дает свежее дыхание и вид и движение живого *гражданского мира*, а посему я и прошу наипокорнейше простить меня великодушно в том, что может найтись *неловкого* в сих листах и приписать сие *единственно* моему несчастному положению... Бог милует милующих и отпускает отпускающим!..

Я обращаюсь к высокопочтеннейшему председателю, яко верному и давнему слуге престола и Отечества и мужу благосердному! Я припадаю к светлой душе порфирородного брата моего государя! Я взываю к иным *членам*, или отличенным делами добра и правды, или стяжавшим воинскую славу с *венценосным сослуживцем*, к сим вождям, коих дел и подвигов и я, *скудный*, был или свидетелем или изобразителем для дальних родов⁶ (я имел честь описывать (некоторые)⁷ подвиги г[оспод] Дибича, А.И. Чернышева и г[енера]ла Бенкендорфа). Я прошу их судить меня по их рыцарской чести и не по букве, а *по сердцу*!

1 Слово «многие» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто: «помочь».

3 Первоначально было: «толкованием».

4 Далее зачеркнуто одно слово.

5 Слова «было! Когда полагали за великую добродетель *покрыть грех ближнего*...» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «было».

6 Слово «родов» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

7 Слово «(некоторые)» вписано над строкой.

Засим кладу мою голову ко стопам вселюбнейшего государя нашего и с полным чувством глубочайшей покорности погружаюсь в его милосердие!

Федор Глинка, полковник, состоящий по армии¹

1826 года апреля 7-го дня

В крепости св[ятых] Пет[ра] и Пав[ла]

Каземат №

В IV неделю по заключении и на VI велик[ого] поста

В среду

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 56)

№ 17 (15)

1826 года 10 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по отрицанию полковника *Глинки* дана ему очная ставка с полковником *Пестелем*, который показал, что в начале² 1820 года в квартире *первого* было совещание членов Коренной думы, где после долгих рассуждений о выгодах и невыгодах монархического и республиканского правлений положено было, чтобы каждый из членов объявил, чего он желает: монарха или президента. Вследствие сего каждый из них объяснил причины своего выбора, а когда дело дошло до *Тургенева*, то он сказал: «Le président sans phrases!»³. В заключение все единогласно приняли республиканское правление, не исключая и *Глинки*, который во время прений один говорил в пользу монархического правления и предлагал императрицу Елисавету Алексеевну. Когда заключение сие было сделано Коренною думою, яко законодательною властью союза, то положено было и сообщить об оном всем частным думам. Он, *Пестель*, исполнил сие по Тульчинской думе и полагает, что оное также сделано и по прочим думам. С того времени и по возобновлении Южного общества постоянною целию оного было республиканское правление и революционные способы действий. Напротив сего *Глинка* утвердительно отвечал, что показанного *Пестелем* совещания вовсе не было // (л. 56 об.) и что вообще, сколько он помнит, ни определительных *собраний*, ни правильных *заседаний* нигде не было, но что, когда он и некоторые из членов слушали курсы наук (означенных в ответах его) с намерением приуготовить себя к службе на пользу отечества, то по удобности квартиры его, действительно заезжали к нему не более трех раз когда трое, когда четверо из членов так называемого *отделения политических наук*. Единственно с тою целию, чтобы лучше вразумиться в сих науках, заводили между собою разговоры и даже споры, где между прочими предметами были иногда простые разговоры о разных системах и о формах правления, но все сие в общеполемическом или ученом смысле. Подобные разговоры часто заводимы были между членами везде, где они ни встречались. Равным образом государыню императрицу в таком смысле, в каком показал *Пестель*, он, *Глинка*, никогда не предлагал, но говорил и печатал о добродетельных деяниях как ее величества, так покойного государя императора и государыни Марии Федоровны.

На сей очной ставке утвердили: // (л. 57)

Полковник *Пестель*

Полковник *Глинка*,

утвердил показание свое с приведением разных доводов для подкрепления своего показания.

отрицая улику полковника *Пестеля*, остался при прежнем своем показании.

Полковник *Пестель*⁴

Полковник *Глинка*⁴

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 58)

1. Показания написаны Ф.Н.Глинкою собственноручно.

2. Слова «в начале» написаны по стертому тексту.

3. «Президент без дальних толков» (франц.).

4. Протокол очной ставки подписан П.И.Пестелем и Ф.Н.Глинкою собственноручно.

1826 года 10 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка полковнику *Пестелю* с титулярным советником *Семеновым* в том, что *первый* из них между прочим показал, что в начале 1820 года в Петербурге, в квартире полковника *Глинки*, было собрание членов Коренной думы Союза благоденствия, где по приглашению он, *Пестель*, излагал выгоды и невыгоды как монархического, так и республиканского правлений, и где каждый член объявлял свои суждения. После долгих разговоров и прения заключено было, чтобы каждый член сказал, чего он желает: монарха или президента, а когда дело дошло до *Тургенева*, тогда он сказал: «Le président sans phrases!»¹ Вследствие чего все единогласно приняли республиканское правление, не изымая и *Глинки*, который во время прений один говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу *Елисавету Алексеевну*. Сие заключение Коренной думы, яко законодательной власти союза, положено было сообщить всем частным думам. Он, *Пестель*, исполнил сие в отношении к *Тульчинской* думе и полагает, что то же сделано и по прочим думам. С того времени и по возобновлении Южного общества постоянно // (л. 58 об.) целью оного было республиканское правление и революционные способы действий. *Семенов* же показал, что в 1819 или в 1820 году в Коренном совете было рассуждаемо о выгодах и невыгодах разных образцов правлений. *Пестель* доказывал превосходство пред прочими правления Соединенных Штатов Америки. Все были согласны с *Пестелем*, что правление Соединенных Штатов лучше всех доселе известных правлений. Но когда начали рассуждать о том, может ли сей образ правления введен быть в России, тогда мнение большей части членов было отрицательное и *Глинка* сильно доказывал, что в России, где монархические начала вкоренены в понятиях народа, введение республиканского правления невозможно. Спор сей не был кончен общим согласием и положено было возобновить рассуждение в следующем заседании, только сего не было и вопрос остался нерешенным. Произносил ли *Тургенев*: «Le président sans phrases!» и предлагал ли *Глинка* государыню императрицу, не помнит. Но знает, что упомянутые рассуждения членам здешней управы сообщены не были и что мысли здешних членов всегда были в пользу монархического представительного правления.

На сей очной ставке утвердили:

Полковник *Пестель*

Титулярный советник *Семенов*

утвердил свое показание, приведя некоторые доводы к подкреплению своего показания.

остался при своем показании, присовокупляя, что, как помнится ему, князя *Долгорукова* на сем совещании не было.

Полковник *Пестель*²

Титулярный советник *Семенов*² // (л. 59)

№ 19 (17)³

В высочайше учрежденный Комитет
от полковника *Глинки*

Вчерашнего числа в субботу⁴ пред лицом высочайше учрежденного Комитета имел я очную ставку с [господино]м полковником *Пестелем*. Краткость времени и определительность обряда не могли дать места к подробному изложению всех обстоятельств, тесно соединенных с предметом той очной ставки. Она кончилась прочтением письменных показаний того и другого, и каждый подписал свое. Но как,

¹ «Президент без дальних толков» (франц.).

² Протокол очной ставки подписан П.И.Пестелем и С.М.Семеновым собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 12 апреля».

⁴ Слова «в субботу» вписаны над строкой.

с одной стороны, (по закону), все *новые обстоятельства*, могущие пояснить дело, *принимаются к делу*, а с другой (по указ[у] 1810-го ав[густа] 18-го) — дарованы всевозможные способы оправдания лицу *обвиняемому*, то я, находясь ныне в сем последнем качестве, и прошу убедительнейше в[ысочайше] у[чрежденный] Комитет принять от меня то, что я ниже сего имею изложить, как к пояснению самого дела, так и к моему оправданию. Именно:

1. До вчерашнего числа полагал я, что г[осподи]н Пестель основывает свои как бы *исторические* показания, по крайней мере, на верных *поденных записках* с точным показанием месяца, числа, места, качества разговора, количества лиц (членов) и прочего.

2. Но вчерашнего числа ясно усмотрел я, что г[осподи]н Пестель утверждает все свои показания только на одной своей *памяти*.

3. Посему, нисколько не укоряя нравственного характера г[осподи]на Пестеля и весьма удаляясь от того, чтобы чем-либо обременить прискорбное его положение, я полагаю всю *неточность* его показаний в одной только его *памяти*, которой *неверность* сами собою подтверждают нижеследующие обстоятельства:

а) *В отношении ко времени*. Г[осподи]н Пестель не мог назначить не только дня, *ниже* месяца, *ни времени года*, а сказал, что он лишь помнит, что сие было в 1820 г[оду] и что тогда было на дворе непогодно и грязно (ибо одному из гостей приходилось идти пешком и проч[ее]). // (л. 59 об.)

б) *В отношении к месту*. Г[осподи]н Пестель не мог наименовать даже квартиры, ни по имени хозяина дома, князя Кропоткина¹, ни по *всенародно известному* месту: *конторы адресов* (где я жил в 1820 году), а говорил только: «У вас в *квартире*». И о прежней моей квартире сказывал, что я жил *где-то* у инспекторского департамента, где я *никогда* не жила, а находился я (до дому конторы адресов) также в весьма известном (особливо для военных месте): в *доме Главного Гвардейского штаба*, инспекторский же департамент находился *тогда* еще совсем не там, где он ныне, и отнюдь не подле и не близко прежде бывшей квартиры моей. Сие привожу единственно для улики в *неверности памяти* г[осподи]на Пестеля.

с) *В отношении к количеству лиц* (членов). Г[осподи]н Пестель, между прочим, говорил, что в заседании (коему он придает особенную торжественность и важность были):

I. *Трубецкой*. Но я ссылаюсь на *справку* и полагаю, что окажется, что к[нязь] *Трубецкой* в сие самое время не только не находился в С[анкт]-Петербурге, но был еще в *Париже* при больной своей родственнице *Куракиной*.

II. К[нязь] *Илья Долгорукий*. Не говорю утвердительно, но помнится, что он около тех времен, когда настало ненастье, был одержим сильною геморроидальною болюю, от коей *никуда* из комнаты не выходил в течение нескольких недель, когда я его и навещал (сие подлеж[ит] справке).

III. *Сергей Муравьев*. О нем я могу сказать только то, что при всех с ним моих встречах никогда не слышал я от него (я говорю о *том* времени) ни одного резкого суждения. А при случае разговоров в *полемиическом* смысле, он никогда не спорил, а часто шутил насчет тех, кои усиливались выказать ученость и ум.

IV. Наконец, *Никита Муравьев*. Я достоверно знаю, что Н.Муравьев пробыл все лето в *Одессе*, где брал полный курс морского купанья, а оттоль уже к осени заехал в свои (в тех краях) деревни, куда приехала и его мать и где они занимались большим *межевым делом* по процессу с г[осподами] Пушкиными. Я знаю о сем потому, что, возвратясь из вояжа, Н.Муравьев советовался со мною насчет приискания законов о *генеральном межевании* (1799 и других годов). // (л. 60) И возвратясь даже в С[анкт]-Петербург, Н.Муравьев был долго нездоров от дорожной простуды и оставался дома. А посему я и не думаю, чтобы Никита Михайлович решился *взять* на свою совесть, что он *действительно* помнит и утвердительно знает, что будто бы был в том заседании, коему придает таковую важность г[осподи]н Пестель.

Сверх того: V. Касательно лица даже² и самого *Пестеля*, я имею честь изложить здесь *только к соображению* нижеследующее: при самом открытии *греческих дел*, т[о] е[сть] при первом шаге Ипсилантия за р[еку] *Прут* — если еще не прежде —

¹ Слова «князь Кропоткина» вписаны над строкой.

² Слово «даже» вписано над строкой.

что было в самом начале 1821 года, граф Витгенштейн послал полковника Павла Пестеля переодетым в Молдавию и Буковину для собрания подробных сведений (от молд[авских] и валахских туда¹ уклонившихся бояр и проч[их]) об известном греческом тайном обществе под названием «Элевферии». Пестель был в Германштаде и в Яссах и написал меморию, за что и дан ему после² чин и полк. Сие я узнал в то время от его отца при встрече с ним.

Следовательно, подлежит еще к решению, достаточен ли был краткий промежуток времени между одним и другим годом, чтоб³ г[осподи]н Пестель мог успеть быть по дурным дорогам⁴ в течение сего промежутка в С[анкт]-Петербурге, в Тульчине, в Кишиневе и за границу (в Трансильвании, Буковине, Молдавии) до Ясс и проч[его]? Кажется, что в памяти г[осподина] Пестеля обстоятельства и времена смешались.

3) В отношении к качеству (или⁵ характеру) разговоров. Г[осподи]н Пестель, утвердив в своем показании, что разговор был (весь) только об одном его предложении, потом сам же допустил, что тут же был разговор, о котором он гласно объявил так⁶: «Но это никакого отношения к делу не имело!»

4) Г[осподи]н Пестель не опроверг и сознал справедливым: а) читанное ему мое письменное показание; б) что общество упрямилось в суждениях в полемическом (учебном) смысле. К чему он присовокупил сам: «Прежние суждения ни к чему не вели!» Тут, говоря о лекциях Германа, он забыл, что были еще и после политические лекции у пр[офессора] Куницына; с) соглашался⁷, что общество занималось благотворением; d) приняв сии⁸ слова мои: «Вы никогда не говорили мне открыто ваших мыслей!», подтвердил сам и сказанное мною, что он, Пестель, иногда заезжал ко мне и говаривал вместо своих мыслей, что слышал будто бы от лиц важных, что государь уже заказал писать конституцию Новосильцеву, что на сей же предмет вызывают Сперанского и проч[ее]. А под сим предлогом намекал о своих мнениях индифферентно⁹, // (л. 60 об.) е) наконец, г[осподи]н Пестель допустил и то, что я часто приезжал от должности домой поздно и заставал уже разговоры их конченными.

5) В отношении к последствиям (будто бы бывшего заседания), г[осподи]н Пестель говорит (в своем показании): «О последствиях сего заседания положено дать знать во все управы». Я ссылаюсь на сотоварищей моих измайловских: Кавелина, Годейна и друг[их]. Было ли¹⁰ им от меня или от кого иного что-либо сказано о словах (или идеях) официальных г[осподи]на Пестеля и кому и от кого¹¹ предписано принять его образ мыслей?

Засим, как по закону (улож[ение] и в оном: проце[сс]) двум дозволяется чинить ссылку на третьего, то я и вызываю г[осподи]на Пестеля: не угодно ли ему сослаться на третье лицо и не на одно, а на два: на графа Толстого (кого именует председателем) и на самого князя Илью Долгорукого, кого он полагает быть блюстителем того времени. Они, сии лица, находятся: а) при добром имени, б) в положении, в коем ни нравственно, ни физически не стеснены, с) как показание Пестеля есть лишь дело памяти, то сии лица имеют по их положению и более свежую память, а по силе к другим приметам (по закону)¹² и могут из себя составить, по крайней мере, более, нежели другие лица, свидетелей годных.

Поспешив изложить все сие, я повергаю себя в покровительство высочайше учрежденного Комитета и убедительнейше прошу повелеть сие мое доношение при-

1 Слово «туда» вписано над строкой.

2 Слово «после» вписано над строкой.

3 Первоначально было «что».

4 Слова «по дурным дорогам» вписаны над строкой.

5 Первоначально было: «и».

6 Слово «так» вписано над строкой.

7 Слово «соглашался» вписано над строкой.

8 Слово «сии» вписано над строкой.

9 Десять строк от слов «мое письменное показание; б) что общество...» отчеркнуты на полях карандашом.

10 Слово «ли» вписано над строкой.

11 Слова «и от кого» вписаны над строкой.

12 Слова «(по закону)» вписаны над строкой.

соединить актом к той обоюдной очной ставке, на коей Пестель показывал, а я отрицал. Всеусердно прошу, да исполнится сие на благодетельном основании законов и благой воли монаршей.

Полковник Глинка, состоящий по армии¹

1826 года апреля 11 дня

Воскресенье в 6 часов пополудни // (л. 61)

№ 20 (18)

1826 года 13 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по отрицанию полковника *Глинки* дана ему очная ставка со штабс-капитаном Александром *Бестужевым*, который показал, что был ли *Глинка* решительно извещен о намерении на 14 декабря, не знает, но что готовилось что-то, знал, ибо он при свидании с ним дня за три до 14 числа в квартире Рылеева сказал: «Ну, вот и приспевает время», — он, *Глинка*, отвечал: «Смотрите, вы, не делайте никаких насилий». *Глинка* же противу сего показал отрицательно, говоря, что, поручив Сомову, известному литератору, жившему в одном доме с Рылеевым, корректуру своего сочинения, заходил к ним и что *Бестужев*, человек с головою романическою при встречах с ним, *Глинкою*, говаривал: «Воевать! Воевать!», на сие отвечал он: «Полно рыцарствовать! Живите смиреннее!»

На сей очной ставке утвердили:

Полковник *Глинка*

Штабс-капитан *Бестужев*

Я сего разговора с г[осподино]м Бестужевым не помню, а о слове «насилие» утвердительно заверить могу, что никогда ни сего слова, ни чего подобного ему не говорил.

Штабс-капитан Бестужев подтверждает прежнее свое показание кроме того, что не помнит, было ли в ответе полковника *Глинки* слово «насилие», но смысл ответа его был точно такой, как он, Бестужев, показал.

Полковник *Глинка*²

Штабс-капитан Алекс[андр] Бестужев³
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 62)

№ 21 (19)

1826 года 13 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по отрицанию полковника *Глинки* дана ему очная ставка с подпоручиком *Рылеевым*, который показал, что по вступлении его в общество имел с *Глинкою* частые свидания и, полагая его в числе членов, нарочно склонял разговор к цели и намерению оною, но слышал от него общее суждение и никогда ничего решительного. Кажется, дня за два до 14 декабря, разговаривая с ним о настоящем положении дел, он, *Рылеев*, сказал, что общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. На сие он сказал: «Смотрите, господа!» *Глинка* же отвечал, что *Рылеев* ни о чем с ним не говорил, кроме о разных предначертаниях его поэм и других сочинений и что болезнь *Рылеева* и всегдашнее скромное его обращение с ним не давали ему и возможности даже подумать о чем-либо им замышляемом.

На сей очной ставке утвердили:

Подпоручик *Рылеев*

Полковник *Глинка*

подтвердил свое показание кроме того, что вместо слова «общество», может быть, сказал

Когда я зашел за несколько дней до 14-го к г[осподи]ну Рылееву и зашел разговор о бывшем слухе, что Константин Павлович

¹ Показание написано Ф.Н.Глинкой собственноручно.

² Показание от слов: «Я сего разговора...» написано Ф.Н.Глинкой собственноручно.

³ Показание подписано А.А.Бестужевым собственноручно.

«мы»¹, полагая, что г[осподин] Глинка должен был принадлежать к тайному обществу.

задержан в Варшаве и войска о нем беспокоятся и даже говорят, чтоб его выручать, то г[осподи]н Рылеев на сие возразил: «Ну если солдаты пойдут, то и мы готовы надеть сумы за Константина, чтоб выручить».

Подпоручик Кондратий Рылеев²

Полковник Глинка³

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 63)

№ 22 (20)

1826 года 30 апреля в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка полковнику Глинке с титулярным советником Семеновым в том, что сей последний между прочим в ответах своих показал, что в 1819 или в 1820 году Глинка представил ему титулярного советника Перетца как члена тайного общества. Перетц говорил ему, Семенову, и Глинке, что он или располагался принять или уже принял в свои сочлены Сенявина, Искрицкого, Устимовича и Данченко. В начальствующие члены сего общества назначались: Глинка, Кутузов и он, Семенов. По предложению Глинки общество Перетца должно было действовать независимо от Союза благоденствия. Полковник же Глинка отвечал, что он Перетца ни в какое тайное общество не принимал, а предложил ему вступить в число членов ланкастерского общества, на что он, Перетц, и согласился.

На очной ставке утвердили:

Титулярный советник Семенов
утвердил свое показание.

Полковник Глинка
остался при своем показании.

Титулярный советник Семенов⁴

Полковник Глинка⁴

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 64)

№ 23 (21)

1826 года апреля 30-го⁵ дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета по разноречию в показаниях дана очная ставка полковнику Глинке с титулярным советником Перетцом, который показал: 1) что в 1819 или 1820 году был он принят полковником Глинкою в тайное общество, имевшее целью монархическое представительное правление, и тогда же представлен им Кутузову и Семенову, коих вместе с Глинкою и знал он, Перетц, начальствующими лицами в обществе; 2) что Глинка, Кутузов и Семенов возложили на него обязанность приема в члены преимущественно из военных и на прием Сенявина и Искрицкого был разрешен от Глинки, а о Данченко и Устимовиче от всех трех; 3) что по предложению его было принято Глинкою, Кутузовым и Семеновым еврейское слово «Хейрут» (свободу означавшее) условным знаком для узнавания друг друга в случае нужды; 4) однажды в разговорах Глинка сказал ему, Перетцу, что можно бы усилить успехи их общества присоединением оного к обществу Елисаветы, желавшему возведения на престол государыни императрицы Елисаветы Алексеевны и имевшему знаками на печати елку и // (л. 64 об.) книгу завета; 5) что в течение двух лет, то есть когда он усердствовал обществу, предметами совещаний и рассуждений его с Глинкою, Кутузовым, Семеновым и прочими сочленами были или принятие членов, или взаимное сообщение разных сведений о действиях правительства, где порицали и укоряли

¹ Слово «мы» вписано над строкой.

² Показание подписано К.Ф.Рылеевым собственноручно.

³ Показание от слов: «Когда я зашел...» написано Ф.Н.Глинкою собственноручно.

⁴ Протокол очной ставки подписан С.М.Семеновым и Ф.Н.Глинкой собственноручно.

⁵ Дата «30-го» написана другим почерком и другими чернилами.

покойного государя, великих князей и вельмож; 6) незадолго до¹ 14 декабря он был у *Глинки*, который на замечание его, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», изъяснил подобное же мнение, сказав, что от царствования Константина Павловича можно бы ожидать ненасильственной перемены, а пред уходом *Перетца* *Глинка* сказал как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим» и 7) при встрече в книжной лавке Плавильщикова *Глинка* сказал *Перетцу*, что был взят, но отпирался в желании перемены образа правления, и опять отпущен. Противу сего *Глинка* отвечал: 1) что он, *Перетца* ни в какое тайное общество не принимал; познакомился же с ним по тому случаю, что граф Милорадович велел ему, *Глинке*, сказать *Перетцу*, находившемуся в канцелярии графа, переговорить с отцом его насчет удовлетворения ярославского крестьянина Синицына, искавшего с откупщиков 1500 р[ублей]. *Перетц* // (л. 65) был у него, *Глинки*, с ответом на сие и, с тех пор начав иногда посещать его, просил о принятии его в масоны и не раз возобновлял о том разговор, в чем он, *Глинка*, решительно отказал *Перетцу*. Однажды во время бывшего у него, *Глинки*, собрания членов общества учреждения школ взаимного обучения или ланкастерских *Перетц* заходил к нему, но человек *Глинки* отказал ему, говоря, что теперь собрание общества. На другой день, когда *Перетц*, являсь к нему опять, завел речь об обществах, то он, *Глинка*, предложил ему вступить в общество ланкастерское и показал ему печатный листок об оном, присовокупив, что устав общества, когда будет утвержден, ему (*Перетцу*) предъявится и что его обязанность состоит в том, чтоб хвалить общество сие и набирать членов; 2) что он никогда не возлагал на *Перетца* обязанности приема в члены тайного общества и не разрешал его на прием означенных им лиц, из коих, как помнит, Данченко и Дребуш с 1818 года состояли в прежде бывшем обществе, а потому не полагает, чтобы после сего они могли быть вновь приняты *Перетцом*; 3) что слова «*Хейрут*» никогда не знал и не слышал от *Перетца*; 4) общества, // (л. 65 об.) имевшего знаками на печати елку и книгу завета, — не знал, а не раз говорил: «Если бы ложа *Елисаветы* соединилась с нашею ложею *Избранного Михаила*, то мы гораздо сильнее были бы в способах и могли бы сделать заведение более прочное». Это было говорено потому, что общество первой имело училище на 25 сирот, а другое — школу человек на 200; 5) *Глинка*, отрицая показание *Перетца* насчет осуждения действий правительства и порицания покойного императора и великих князей, говорит, что 7 лет тому назад, когда по показанию *Перетца* имел он с ним подобные разговоры, характер великих князей наших, совершавших тогда путешествия то по России, то в чужие края, в то время не был еще развернут: ни нрав, ни обычаи их еще не могли быть известны, а ласковость их, скромность и приятная наружность не могли подлежать злословию, доказательством же щедрости его величества Николая Павловича может служить сам он, *Глинка*; 6) вскоре после кончины императора, *Перетц* явился к нему, *Глинке*; после слов: «Вот и государь нас оставил», *Перетц* сказал: «Что-то будет?». Он, *Глинка*, отвечал только: «Что будет, то будет, а будет то, что бог даст», — за сим и простился с ним; 7) войдя в книжную лавку Плавильщикова, он, *Глинка*, нашел там *Перетца*, который стал спрашивать // (л. 66) его, что было во дворце, куда его призывали. *Глинка*, видя, что там были знакомые лица, говорил вслух о милости государя императора, о том, что был после у г[осподина] военного генерал-губернатора, который не опорочивал слов его насчет злоупотреблений и тому подобное; приписываемых же ему *Перетцом* выражений не говорил, да и вообще не разговаривал с ним тогда и пяти минут.

На сей очной ставке утвердили:

Титулярный советник *Перетц*

Полковник *Глинка*,

утвердил свое показание.

отрицая слова *Перетца*, остался при своем показании.

Титулярный советник *Перетц*²

Полковник *Глинка*²

¹ Слова «незадолго до» вписаны над строкой другим почерком и другими чернилами. Первоначально слова были написаны карандашом.

² Протокол очной ставки подписан Г.А.Перетцом и Ф.Н.Глинкою собственноручно.

К тому противу показания полковника Глинка прибавил, что о принятии в масоны не просил, а насчет поступления в члены ланкастерской школы утвердительно сказать не может, не помня о сем твердо, но, кажется, что нет.

Перетц¹

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 71)

№ 24 (23)

Показания, сделанные на полковника Федора Глинка

Кн[язь] Трубецкой, на
обор[оте] 36 стр[аницы]

Полковник Глинка (состоящий по армии) был членом общества, составленного в 1818 году, но давно с оным не имеет никаких сношений.

Полк[овник] Митьков,
на обор[оте] 9 стр[аницы]

Что полковник Глинка был членом прежнего общества.

Пав[ел] Колошин
тит[улярный] сов[етник],
лист 12

Что Глинка (не называя ни чины, ни имя) вместе с княз[ьями] Трубецким, Долгоруким и гр[афом] Толстым были попеременно председателями и блюстителями Коренного совета.

Подп[олковник]
Комаров, на 9 листе

Глинка (состоявший при графе Милорадовиче) показан Комаровым² в списке членов тайного общества.

Ген[ерал] майор
Фон-Визин, лист 1

Что в 1821 году было у него, Ф[он] Визина², в доме совещание, в коем после продолжительных разговоров положено было общество разрушить. В сем совещании между прочими был и полковник Глинка, и что он был из числа более охладевших членов³.

Якушкин от[ставной]
капит[ан], на обор[оте]
19 лист[а]

Что Глинка в 1820 году бывал вместе с прочими на совещаниях общества и также в 1821 году на совещаниях, бывших в Москве.

на обор[оте]
2 листа, 13 пункт

Что Глинка и после сделанного постановления в 1821 году объявить некоторым членам об уничтожении⁴ общества знал, что существование оного продолжено. // (л. 71 об.)

Ник[олай] Бестужев, на
1 лист[е]

Что видал Глинку часто у Рылеева.

Каховский, лист 1

Что познакомился с Рылеевым у Ф.Н.Глинка.

Оболенский 1-й, лист 15

Что полковник Федор Глинка был в обществе, но отстал от оного до первого разрушения, о существовании нынешнего общества знал, но к оному не принадлежал; о намерении 14 декабря был извещен, но в оном ни лично, ни чрез других не участвовал.

¹ Слова «но, кажется, что нет» и подпись написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

² Фамилия вписана над строкой.

³ Слова «и что он был... охладевших членов» написаны другими чернилами.

⁴ Слова «об уничтожении» написаны вместо стертых слов.

Рылеев, лис[т] 6

Краснокутский,
на обор[оте] 7 и 7

Кюхельбекер

Пестель, лист 20

на обор[оте] 20 листа

Гр[аф] Толстой, лис[т] 3
на обор[оте]

Сергей Муравьев-
Апостол, в деле Коренной
думы

Колошин, там же

Пестель, там же

Ник[ита] Муравьев,
там же

Мат[вей] Муравьев

Сергей Муравьев

Что был позван к г[осподину] Мордвинову
через полковника Ф.Глинку.

Что Глинка был членом общества в 1819 и
1820 годах.

Что Глинка (племянник его, Кюхельбекера, не
называет ни имени, ни чина его) дал ему после
происшествия 150 р[ублей] и знал, что он бежит.

Что Глинка был из числа первых, говоривших
об учреждении общества.

Что Глинка присутствовал в Коренной думе и,
защищая монархическое правление, предлагал
императрицу Елисавету Алексеевну.

Что Глинка был его сочленом в благотвори-
тельном обществе.

Что просвещенный ум, доброе и чувствительное
сердце и благородная душа полковника Федора
Николаевича Глинки всегда // (л. 72) привлекали
его к нему, и он один из сочленов, которого он
узнал короче других, с которым был в
дружеских связях и дружбою коего гордится и
теперь.

Что в совещании Коренной думы, где рас-
суждали о выгодах и невыгодах монархического и
республиканского правлений в общем полеми-
ческом разговоре присутствовал и Глинка, кото-
рый один против прочих держал сторону
монархического правления.

Тоже, что Глинка был в сем совещании, в
кчем было рассуждаемо о формах правления, но
ничего не было говорено насчет особ августейшей
царствующей фамилии.

Что Глинка в сем совещании, хотя и говорил
в пользу монархического правления, но, наконец,
голос дал в пользу республиканского.

Что Глинка был в сем совещании, в кчем
однако ж ничего о царствующей фамилии не
было говорено, и что он в том же году отстал¹. //
(л. 72 об.)

Что Глинка вступил в петербургскую ланкас-
терскую школу с тем, чтобы союз имел бы влияние
на оную.

Что Глинка имел свою управу, сколько ему
известно, но разделение управ было более на
бумаге, чем на деле, ибо многие члены не
принадлежали никакой управе.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 73)

¹ Внизу листа помета карандашом: «Торсона».

О полковнике
Федоре Глинке

На подлинной докладной записке означена следующая высочайшая резолюция за подписанием барона Дибича: «Выпустить, перевести в гражданскую службу и употребить по оной в Олонец, где и жить ему безвыездно под бдительным тайным надзором полиции».

Показание
Пестеля

Глинка показал, что в 1819 году был членом общества, имевшего целью благотворительность и просвещение. При принятии его *Новиковым* объявлено ему, что когда деятельность общества получит более правильный вид, то представят правительству и станут искать открытого покровительства на дальнейшие действия, предъявив о том, что уже сделано. Однако *Глинка* оставался в сем обществе только до 1821 года.

О том, что *Глинка* действительно отстал от общества, показывают князь *Трубецкой*, *Оболенский*, *Н.* // (л. 73 об.) *Муравьев* и генерал-майор *Фон-Визин*, из коих последний, называя членов, находившихся в совещании, бывшем в Москве, в коем после продолжительных рассуждений положено было общество уничтожить, показывает в том числе и *Глинку*, но присовокупляет, что он был из числа более охладевших членов.

Из показаний других открывается:

1. Что в начале 1820 года в квартире *Глинки* было совещание коренных членов Союза благоденствия, где после долгих рассуждений и прений о выгодах и невыгодах // (л. 74) монархического и республиканского правлений заключено было, чтобы каждый член сказал, чего он желает: монарха или президента; собирали голоса и когда дело дошло до *Тургенева*, тогда он произнес: «*Le président sans phrases*»*. Вследствие чего единогласно приняли республиканское правление, не изымая и *Глинки*, который во время прений, один говоря в пользу монархического правления, предлагал императрицу *Елизавету Алексеевну*. Противу сего *Глинка* отвечал, что определительных заседаний не было и что // (л. 74 об.) многие из членов так называемого политического отделения, слушая курсы политических наук, по удобности квартиры его, съезжались к нему когда трое, когда четверо, заводили разговоры и даже споры о разных системах, иногда и о формах правления, но все в общем полемическом или ученом смысле и с тем единственно намерением, чтобы лучше вразумляться в сих науках. Государыню императрицу в таком смысле, как показал *Пестель*, не предлагал, но говорил и печатал о добродетельных деяниях как ее величества, так и покойного государя и государыни // (л. 75) *Марии Федоровны*. По сему разноречию дана *Глинке* с *Пестелем* очная ставка, на коей оба остались при своих показаниях. Сверх того требовались ответы от всех² присутствовавших в том совещании коренных членов, по разноречию коих тоже даны были им с *Пестелем* очные ставки, и на оных *Сергей Муравьев-Апостол* и *Никита Муравьев* согласились с показанием *Пестеля*, что действительно все подали мнение на принятие республиканского правления; *Колошин* и *фон-дер Бриген* утверждали, что сие совещание действительно было формальное, но присовокупили: // (л. 75 об.) первый — что не помнит всего происходившего в оном и потому показание

* Т[о] е[сть]: «Президент без дальних толков».

¹ Вверху листа помета карандашом: «88».

² Первоначально было: «все».

Пестеля не отвергает, а последний — что предмет совещания не был решен и что *Глинка*, не дав решительного мнения, сказал: «Как Россия всегда блаженствовала под правлением императриц, то желательно бы иметь императрицу на престоле», и, наконец, *Семенов*, отвергнув показание *Пестеля*, объяснил, что, хотя в сем совещании действительно все согласились с мнением *Пестеля*, доказывавшего превосходство правления Американских Штатов пред прочими, но когда коснулся он до возможности // (л. 76) введения сего образа правления в России, то мнения большей части членов, в том числе и *Глинки*, были отрицательные, и спор сей оставили нерешенным до следующего заседания, которое не состоялось; что касается до того, предлагал ли *Глинка* государыню императрицу, то он, *Семенов*, о том не помнит.

Показание *Перетца*.

2. Что *Глинка* в 1819 или 1820 году принял *Перетца* в тайное общество, имеющее целью введение монархического представительного правления, что он, *Глинка*, представил *Перетца* *Кутузову* и *Семенову* как члена, // (л. 76 об.) что сими тремя, то есть *Глинкою*, *Семеновым* и *Кутузовым*, коих знал он начальствующими лицами в обществе, возложена на *Перетца* обязанность принимать новых членов, преимущественно из военных, вследствие чего приняты *Перетцом* с разрешения *Глинки* *Синявин* и *Искрицкий* и с разрешения всех трех — *Данченко* и *Устимович*, что по предложению *Перетца* принято *Глинкою*, *Кутузовым* и *Семеновым* еврейское слово «*Хейрут*» (свободу означающее) условным знаком для узнавания друг друга в случае нужды, что однажды в разговорах *Глинка* сказал // (л. 77) *Перетцу*, что можно бы усилить успехи их общества присоединением одного к обществу Елисаветы, желавшему возведения на престол государыни императрицы Елисаветы Алексеевны и имевшему знаками на печати ель и книгу завета, что в течение первых двух лет бытности *Перетца* в сем обществе *Глинки* предметом рассуждений *Кутузова*, *Семенова* и проч[их] были или принятие членов, или взаимное сообщение разных сведений о действиях правительства, где порицали и укоряли покойного государя, великих князей и вельмож, что незадолго до // (л. 77 об.) 14 декабря *Перетц* был у *Глинки*, который на замечание его, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», изъяснил подобное же мнение, сказав, что от Константина Павловича можно бы ожидать ненасильственной перемены в образе правления, а пред уходом *Перетца* *Глинка* сказал как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим!» и что при встрече в книжной лавке *Плавильщикова* *Глинка* сказал *Перетцу*, что был взят, но отрицался в желании перемены правления и опять отпущен.

Семенов, спрошенный по показанию *Перетца*, отвечал, // (л. 78) что *Глинка* в 1820 году представлял ему сего последнего как члена тайного общества, и *Перетц* говорил ему, что он или располагаетеся принять или уже принял в свои сочлены *Синявина*, *Искрицкого*, *Устимовича* и *Дребуша*. В начальствующие члены сего общества назначались: *Глинка*, *Кутузов* и он, *Семенов*; по предложению *Глинки* общество *Перетца* должно было действовать независимо от Союза благоденствия.

Глинка, отрицая все сии показания, объяснил, что *Перетц*, хотя и помогался быть принятым чрез него в масоны, но он решительно ему в том // (л. 78 об.) отказал и после того принял его в ланкастерское общество и поручил ему набирать членов; другого общества, имевшего знаками на печати ель и книгу завета, не знал, а не раз говорил: «Если бы *ложка Елисаветы* соединилась с нашею *ложкою Избранного Михаила*, то мы гораздо сильнее были бы в способах и могли бы сделать заведение более прочное». Это было говорено потому, что общество первой имело училище на 25 сирот, а другое — школу человек на 200; действия правительства и особу императора и великих князей никогда не порицал, приводя в доказательство как то, что // (л. 79) характер великих князей в то время (сие было за 7 лет тому назад) не был еще совершенно развернут и ни нрав их, ни обычаи еще не могли быть известны. Притом он, сам испытав над собою щедрость государя императора *Николая Павловича*, когда был еще великим князем, не злословил, а превозносил всегда императорскую фамилию как словесно, так и письменно (в стихотворениях). По разноречию *Глинки* с *Перетцом* и *Семеновым* даны им очные ставки, на коих каждый остался при своих показаниях.

Действительный статский советник *Гурьев* на вопрос // (л. 79 об.) Комитета по поводу показания *Перетца*, что означенные слова *Глинки*: «Что-нибудь да будет, посмотрим» заставили его тогда же обратиться к нему, *Гурьеву*, с просьбою предварить графа *Милорадовича* о могущем произойти возмущении, отвечал, что 12 или 13 декабря *Перетц* точно был у него и на вопрос его, какие имеет причины опасаться возмущения, говорил, что все более привязаны к *Константину Павловичу*, нежели к *Николаю Павловичу*, но от кого и что слышал — сего не говорил.

По показаниям *Перетца* и *Семенова*, что был он, *Перетц*, // (л. 80) представлен от *Глинки* *Кутузову* и *Семенову* как член тайного общества и что с разрешения их, т[о] е[сть] *Глинки*, *Семенова* и *Кутузова* принял *Перетц* *Искрицкого*, *Синявина*, *Данченко* и *Устимовича*, спрошенный *Кутузов* отвечал, что *Глинка* представлял ему *Перетца* не как члена тайного общества, а как члена ланкастерской школы и что не возлагал на него никаких обязанностей и не слышал, кого и куда принимал он членами; показание сие *Кутузов* подтвердил и на очной ставке с *Перетцом* и *Семеновым*, которые тоже остались при своих показаниях. // (л. 80 об.)

Сверх того спрошены *Искрицкий* и взятый по сему показанию *Перетца* *Синявин*, из коих первый показал, что *Перетц* ему намекал о том, что будто *Глинка* член общества, а *Синявин* совершенно отвергнул показание *Перетца*, что подтвердил и на очной ставке; от *Устимовича* же по нахождению его в Грузии показания не имеется.

Показание
Александра
Бестужева

3. Был ли *Глинка* извещен решительно о намерении 14 декабря *Александр Бестужев* не утверждает, но что готовилось что-то, знал, ибо при свидании с ним за три дня до 14-го числа в квартире *Рыльева* говорил ему // (л. 81) *Бестужев*: «Ну вот, и приспевает время!» *Глинка* на сие отвечал: «Смотрите, вы, не делайте никаких насилий!»

Показание Рылеева

Также при свидании с *Рылеевым* за два дня до 14 декабря сей последний, разговаривая с ним о настоящем положении дел, сказал, что общество положило непременно воспользоваться переприсягою, что оно взяло уже для того свои меры и что некоторые роты приготовлены. На сие он сказал: «Смотрите, господа!..»

По отрицанию *Глинки* от сих показаний на него даны ему с помянутыми лицами очные ставки, на коих *Александр Бестужев*, подтвердил // (л. 81 об.) свое показание и присовокупил, что не помнит, было ли в ответе *Глинки* слово «насилие», но смысл ответа его был точно такой, как он, *Бестужев*, показал. *Рылеев* тоже подтвердил свое показание, кроме того, что, может быть, вместо слова «общество» сказал: «мы», полагая, что *Глинка* должен был принадлежать к тайному обществу.

Глинка утверждал, что сего разговора *Бестужева* не помнит и слова «насилие» или что-нибудь подобного он *Бестужеву* не говорил. На показание же *Рылеева* отвечал, что когда зашел к нему, то разговор был о слухе, что Константин Павлович // (л. 82) задержан в Варшаве, что войска о нем беспокоятся и даже говорят, чтоб его выручить; причем *Рылеев* сказал: «Ну, если солдаты пойдут, то и мы готовы надеть суммы за Константина, чтоб выручить».

Содержится в крепости с 11 марта.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

Об участии в тайном обществе полковника Федора Николаевича Глинки правительству стало известно вскоре после восстания. К.П.Торсон и Н.А.Бестужев, в показаниях, данных 15 и 16 декабря 1825 г., отмечали частое присутствие Глинки в доме К.Ф.Рылеева среди членов тайного общества¹. 19 декабря 1825 г. Рылеев признал факт своего знакомства с Глинкою². 25 декабря П.Г.Каховский указал, что познакомился с Рылеевым в доме Глинки³. Более конкретные сведения об участии Глинки в тайной организации содержались в показаниях Н.И.Комарова и С.П.Трубецкого от 27 декабря. Последний назвал имя Глинки в списке членов общества, образовавшегося в 1818 году, отметив, что тот давно не имеет «никаких с обществом сношений»⁴. Об участии Глинки в Союзе благоденствия упомянул 26 декабря А.А.Кавелин в письме на имя Николая I⁵. Указанные сведения были обобщены на заседании Следственного комитета 28 декабря. «Некоторые из соучастников показывают, отмечалось в протоколе, — что были в знакомстве с полковником Глинкою, который в 1818 году также принадлежал к обществу, но принадлежит ли теперь, неизвестно и показаний нет»⁶.

30 декабря 1825 г. Глинка был арестован. На допросе, снятом В.В.Левашовым, ему удалось оправдаться (док. № 3/1). Он был отпущен в тот же день Николаем I со словами: «Можешь оставаться спокоен»⁷. Распоряжение царя было тотчас объявлено в Следственном комитете: «Полковника Глинку освободить и бумаги его, если в них ничего не найдется подозрительного, ему возвратить»⁸. Глинка получил взятые при аресте документы 2 января 1826 г.⁹

Однако последующее дознание резко изменило положение Глинки. В январе 1826 г. Комитет собрал против него значительный материал. Помимо свидетельств участия Глинки в тайном обществе (показания С.Г.Краснокутского 2 января, И.Г.Бурцова 16 января, Митькова 24 января, Н.И.Кутузова 26 января, С.Г.Волконского 30 января) имелись данные о том, что он был в числе основателей тайного общества (показания М.И.Муравьева-Апостола), участником Московского съезда 1821 года (показания Н.М.Муравьева и М.А.Фонвизина от середины января), председателем и блюстителем Коренного совета Союза благоденствия попеременно с Трубецким и Ф.Толстым (показания Павла Колошина от 24 января)¹⁰. Самые серьезные обвинения Глинки Комитет почерпнул из показаний П.И.Пестеля и Е.П.Оболенского. Отвечая на вопросы от 13 января 1826 г., Пестель кратко показал всю историю развития тайного общества. Он

¹ ВД. Т. II. М.—Л., 1926. С. 60; Т. XIV. С. 198.

² ВД. Т. I. С. 155.

³ ВД. Т. I. С. 342.

⁴ Наст. том. Д. 213 (Н.И.Комарова). Док. № 2/1; ВД. Т. I. С. 46.

⁵ Наст. том. Д. 248 (В.А. и Л.А.Перовских и А.А.Кавелина). Док. № 2.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 40.

⁷ Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 11/9.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 42.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 45.

¹⁰ ВД. Т. XII. М., 1969. С. 67; Т. III. С. 64, 97; Т. X. М., 1953. С. 115; Т. IX. М., 1950. С. 224; Т. I. С. 307; Т. XVIII. С. 159; Наст. том. Д. 95 (И.Г.Бурцова). Док. № 5/4; Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 4/3.

назвал Глинку в числе старейших членов тайного общества, образовавшегося в 1816 г. Тогда же Пестель впервые рассказал о заседании Коренной думы Союза благоденствия, состоявшемся в 1820 г. на квартире Ф.Глинки, подчеркнул принципиальное значение происшедшей там дискуссии о формах будущего государственного устройства России после переворота. Отметив принятое единогласно решение о необходимости введения республики, Пестель упомянул, что во время прений «один Глинка говорил в пользу монархического правления, предлагая императрицу Елизавету Алексеевну»¹.

Другим важным пунктом обвинения Глинки стало свидетельство Оболенского от 21 января об осведомленности Глинки «о намерениях на 14 декабря». В то же время Оболенский отметил, что Глинка давно отошел от тайного общества и в выступлении 14 декабря не участвовал². Для выяснения этого обстоятельства 26 января были опрошены Трубецкой, Рылеев, А.Бестужев, Н.Бестужев, И.Пушин и сам Оболенский. Рылеев и А.Бестужев отвечали, что Глинка знал о готовящемся восстании, но был против любых «насилий», причем Рылеев полагал его в «числе главнейших членов» общества (док. № 5/3, 6/4). Ответы Трубецкого, Н.Бестужева и Пушина не содержали сведений, лишь Пушин отметил, что встречал Глинку у Рылеева незадолго до восстания (док. № 4/2, 8/6)³. Развернутый ответ Оболенского давал общую картину отношения к Глинке в Северном обществе, как к честному человеку, разделявшему взгляды участников организации, но формально в ней не состоявшему и активно не действовавшему. Эти показания очень выразительны (док. № 9/7). Ответ Оболенского о том «кем и как полковник Федор Глинка был извещен о намерении произвести возмущение, бывшее 14 декабря», был заслушан в Комитете 5 февраля и взят «в соображение»⁴.

В конце января — начале февраля Комитет приступил к расследованию заседания Коренной думы в 1820 г. (см. комментарий к делу № 5, а также к делам И.А.Долгорукого, И.П.Шипова и Ф.П.Толстого). Поскольку заседание происходило на квартире Глинки, его имя постоянно присутствовало в материалах следствия. Выясняя позицию каждого участника совещания 1820 г., следователи обращали особое внимание на мнение Глинки, предложившего, как отмечалось выше, установить конституционную монархию, возведя на престол Елизавету Алексеевну. 8 февраля Пестель подтвердил свое прежнее показание о заседании Коренной думы, подчеркнув, что хотя на нем Глинка «говорил в пользу монархического [правления], но голос, наконец, дал также в пользу республиканского»⁵.

Днем раньше, 7 февраля, в Комитете была заслушана докладная записка на имя Николая I о лицах, участвовавших в совещании Коренной думы. В записке отмечалось в частности, что заседание происходило на квартире Глинки, который в конце прений как и все присутствовавшие высказался за республику, хотя вначале и «говорил в пользу монархического правления». Комитет предложил вновь привлечь Глинку к следствию в связи с появлением против него новых обвинений. Особенно обращалось внимание на осведомленность Глинки о готовящемся выступлении⁶. 12 февраля согласно резолюции Николая I было принято решение «полковника Федора Глинку и графа Федора Толстого призвать в Комитет не арестованных для снятия словесного допроса»⁷.

15 февраля Глинка и Ф.Толстой были допрошены в Комитете, им были заданы одни и те же вопросы, ответы на которые во многом сходны (см. комментарий к делу Ф.П.Толстого). «Глинка сознался, — записано в журналах заседаний Комитета, — что был в Союзе благоденствия, который, однако, под сим названием не знал, а принадлежал к отделению благотворения и наук. По близости квартиры его от театра члены других отделений сходились тоже у него после спектакля, ибо сие было удобно для свиданий, совещаний никаких не было, но бывали разговоры политические и преимущественно и государственном устройстве, чему было причиною, что тогда все почти молодые люди слушали лекции политической экономии. Предложений и суждений о введении в России республиканского правления никогда он не слышал. О происшествии 14 декабря предварен не был даже намекающим о том разговором. Григория

¹ ВД. Т. IV. С. 100—102.

² ВД. Т. I. С. 238.

³ Подлинники ответов Трубецкого и Рылеева находятся в деле Д.А.Искрицкого (ВД. Т. XVIII. С. 124).

⁴ ВД. Т. XVI. С. 87.

⁵ Наст. том. Д. 5. Док. № 3/2.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 89—91; Наст. том. Д. 5. Док. № 4/3.

⁷ ВД. Т. XVI. С. 97.

Перетца членом не знал и даже положительно может утвердить, что его бы никогда и принять не захотели»¹. После устного допроса Глинка получил письменные вопросы, в ответах на которые он «повторил словесное показание, но несколько пространнее». Письменные ответы Глинки были зачитаны в Комитете 16 февраля (док. № 10/8, 11/9) и взяты «в соображение»².

В эти же числа имя Глинки было упомянуто в показаниях Д.А.Искрицкого, слышавшего от Перетца об участии Глинки в тайном обществе³. 21 февраля был арестован Перетц, после чего произошло резкое изменение всего хода расследования роли Глинки в тайной организации. Уже в первом показании, данном в день ареста, Перетц сообщил, что был принят Глинкой в тайное общество, имевшее целью «сделать изменение в правительстве и ввести конституцию»⁴. Комитет тотчас потребовал пояснить о каком именно Глинке шла речь. На допросе в Комитете 22 февраля Перетц дал точные сведения о Ф.Н.Глинке, подчеркнув, что именно им был принят в тайное общество в 1819 или в 1820 г., с ним поддерживал наиболее тесные отношения; Перетц сообщил некоторые детали о поведении Глинки 14 и 15 декабря, рассказал также о встрече с Глинкой после его первого ареста⁵.

8 марта, заслушав письменные ответы Перетца, Комитет предположил, что «существует еще одно тайное общество, действовавшее отдельно от ныне разрушенного». Вследствие этого было принято решение «внимательно и строго исследовать» и готовить новые вопросы ряду лиц, в том числе Глинке. Последнего же «по важности и многочисленности сделанных на него Перетцом показаний взять, испросив на то высочайшее повеление»⁶.

10 марта последовала резолюция Николая I: «Полковника Глинку арестовать»⁷. 11 марта был дан приказ об его аресте⁸. В тот же день Глинка, по его словам, был «взят в конфектной лавке, где пил чай, и прямо привезен в крепость, где арестован и заключен в каземат» (док. № 13/11). Комендант Петропавловской крепости А.Я.Сукин извещал А.И.Татищева 11 марта о том, что Глинка принят и посажен в «особый арестантский покой»⁹. В дальнейшем он содержался в казематах № 1 и № 4 Петровской куртины.

В течение первых трех недель своего заключения Глинка в Комитет не вызывался и вопросов не получал. Снедаемый неизвестностью, он дважды обращался с письмами сначала к Николаю, затем к Татищеву, убеждая их в своей невинности и отсутствии связей с тайным обществом после 1821 г. (док. № 12/10, 13/11). О подавленном настроении Глинки в это время сохранились свидетельства одного из его тюремщиков унтер-офицера Шеховцова, настроенного, впрочем, к узнику весьма благожелательно¹⁰.

В это время в Комитете продолжали откладываться материалы, касающиеся Глинки. Так, 9 марта И.Д.Якушкин подтвердил свое показание об осведомленности Глинки о продолжении деятельности тайного общества после Московского съезда 1821 г.¹¹ М.М.Нарышкину 18 марта был задан вопрос, не принадлежал ли Глинка к Измайловской управе Союза благоденствия. Ответ был дан отрицательный, однако Нарышкин подтвердил, что Глинка был членом тайного общества¹². О позиции Глинки на совещании Коренной думы в 1820 г., спрашивали М.С.Лунина 24 марта, но тот, по его словам, не имел сведений об этом совещании¹³. 29 марта несколько членов тайного общества получили вопросы об управах Союза благоденствия. С.И.Муравьев-Апостол показал, что одной из управ в Петербурге заведовал Глинка. А.Ф.Бригген и М.И.Муравьев-Апостол отметили, что Глинка руководил в Петербурге ланкастерской школой для обучения детей бедных родителей, причем, М.Муравьев-Апостол указал, что Глин-

¹ ВД. Т. XVI. С. 102.

² ВД. Т. XVI. С. 103.

³ ВД. Т. XVIII. С. 130.

⁴ Наст. том. Д. 66 (Г.А.Перетца). Док. № 19/18.

⁵ Наст. том. Д. 66. Док. № 21/20, 22/21.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 122—123.

⁷ ВД. Т. XVI. С. 125.

⁸ ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 433.

⁹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 434.

¹⁰ Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангбллова. М., 1888. С. 100—101.

¹¹ ВД. Т. III. С. 57.

¹² ВД. Т. XIV. С. 409, 410.

¹³ ВД. Т. III. С. 119.

ка вступил в нее для того, «чтобы Союз [благоденствия] имел влияние на оную»¹. Комитет спрашивал о знакомстве с Глинкой также Н.Д.Сенявина, но получил отрицательный ответ².

Главным обвинителем Глинки оставался Перетц, предлагавший неоднократно «уличить Глинку на очных ставках»³. Именно на основании многоречивых показаний Перетца от 28 февраля, 12 и 18 марта⁴ был проведен допрос Глинки в Комитете 3 апреля 1826 г. (док. № 15/13). В подробных ответах Глинка полностью отверг все обвинения Перетца, заявив, что тайное общество, в которое он якобы принял Перетца, было ни чем иным, как обществом учреждения ланкастерских школ. Подчеркивая клеветнический характер показаний Перетца, Глинка упорно отрицал содержащиеся в них сведения о контактах между ним, Глинкой, Кутузовым, Семеновым и Перетцом по делам тайного общества. Он вновь подтвердил свои прежние показания, где говорилось о его собственном участии лишь в «прежде бывшем ученом и благотворительном обществе» (док. № 16/14). Глинка при допросе «не сознался, — записано в журналах заседаний Комитета, — чтобы Перетца принял в тайное общество, и все сделанные сим последним на него показания частью совершенно опровергает, частью признает за справедливые, но толкует их так, что винить его по оным нельзя»⁵. Также оценил Комитет и письменные ответы Глинки: «повторяя последнее словесное показание, распространяется в описании подробностей, посторонних обстоятельств и неудовлетворительно отвечает на вопросы. Положили: уличить на очных ставках»⁶.

К этому времени Комитет располагал письменными показаниями С.М.Семенова от 6 апреля, который лишь в этом месяце признал себя членом тайного общества и стал отвечать на вопросы. Семенов фактически подтвердил показания Перетца о существовании отдельного общества, «составленного Федором Глинкою». Им должны были руководить Глинка, Семенов и Кутузов. В эту организацию и был принят Перетц, не осведомленный, однако, по словам Семенова, о связи этого общества с Союзом благоденствия⁷.

Указанные выше вопросы были предметом очных ставок, состоявшихся 30 апреля между Глинкой, с одной стороны, и Семеновым и Перетцом, с другой. Глинка отверг свидетельства Перетца и Семенова и в обоих случаях «остался при своем показании» (док. № 22/20, 23/21)⁸.

Вопросы об обществе Глинки—Перетца задавались также Н.И.Кутузову, приглашенному в Комитет 7 мая 1826 г. уже после его освобождения из-под ареста в феврале того же года. Кутузов и Глинка, старые товарищи, вероятно, согласовали заранее свои ответы на случай ареста Перетца и его возможных признаний. Напомним, что Глинка вторично был арестован лишь 11 марта и, таким образом, он и Кутузов одновременно находились на свободе более месяца. Кутузов дал ответы, полностью совпадающие с показаниями Глинки. Он указал, что Глинка принял Перетца лишь в общество ланкастерских школ, где он и сам состоял членом комитета правления⁹.

В апреле продолжали выясняться также те пункты обвинения Глинки, которые затрагивались в начале расследования: его позиция на заседании Коренной думы в 1820 г. и осведомленность о подготовке выступления 14 декабря. По первому вопросу в деле Глинки имеются протоколы двух очных ставок от 10 апреля 1826 г.: между ним и Пестелем, а также между Пестелем и Семеновым. На очной ставке с Пестелем (док. № 17/15) Глинка вновь, как и в показаниях от 15 февраля, утверждал, что никакого формального совещания Коренной думы не было, а имел место «только разговор политический о разных образах правлений вообще; спорили, но голосов не собрали и никакого положения не сделали»¹⁰. На очной ставке Пестеля и Семенова о заседании Коренной думы первый продолжал утверждать, что Глинка в конце заседания согласился с мнением большинства о необходимости введения республики; Семенов же,

¹ ВД. Т. IV. С. 327; Т. IX. С. 245; Т. XIV. С. 437.

² Наст. том. Д. 198 (Н.Д.Сенявина, А.Н.Ронова). Док. № 9/8, 10/9.

³ ВД. Т. XVI. С. 128, 135.

⁴ Наст. том. Д. 66 (Г.А.Перетца). Док. № 22/21, 26/24, 35/34.

⁵ ВД. Т. XVI. С. 156.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 161.

⁷ ВД. Т. XVIII. С. 188—189; Т. XVI. С. 159—160.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 190.

⁹ Наст. том. Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 5/4.

¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 164.

подчеркнув выступление Глинки против республиканского правления, заявил, что «спор сей не был кончен общим согласием» (док. № 18/16). На следующий день Глинка направил в Комитет дополнение к очной ставке между ним и Пестелем, где стремился подкрепить свою позицию ссылками на якобы плохую память Пестеля. Характерно, что он приводил в свидетели Ф.П.Толстого и И.А.Долгорукого, то есть тех участников заседания, которые, как он знал не были арестованы, а в показаниях, представленных в Комитет, полностью отрицали факт проведения подобного совещания Коренной думы (док. № 19/17). Как отмечалось в журналах заседания Комитета при чтении письма Глинки, он «в доказательство справедливости отрицания своего приводит разные местные и другие обстоятельства. Показание сие не основано на верных доказательствах»¹.

Вопрос об осведомленности Глинки о подготовке вооруженного выступления в декабре 1825 г. вновь возник в начале марта 1821 г. в связи с показаниями Рылеева. Он остановился на своих отношениях с Глинкой в течение последних четырех лет, повторил, что считал его членом общества и поэтому говорил «с ним свободно о преобразовании правительства». О готовящемся восстании Глинка, по словам Рылеева, знал, так как бывал у него на квартире два раза перед 14 декабря и присутствовал на происходящих там разговорах. «Также помнится, — показывал Рылеев, — что я сказал ему, что некоторые роты приготовлены»². При чтении показаний Рылеева 2 марта Комитет постановил: вопрос о Глинке «привести в бульшую ясность допросами князю Трубецкому, бывшему у Рылеева пред 14 числом декабря, когда приходил туда Глинка, с которым и он имел разговор»³. Вопрос Трубецкому был задан 6 апреля (док. № 14/12). «На страстной неделе... — вспоминал Трубецкой, — я имел еще удовольствие получить вопросные пункты такого рода, ответы на кои должны были служить к облегчению судьбы тех лиц, кого они касались... В одном вопросе спрашивали, почему я просил Рылеева, чтобы не сообщал он полковнику Глинке о наших намерениях...»⁴ 7 апреля Комитет зачитал ответ Трубецкого, в котором тот, как отмечено в журналах, «объявляет, что пред 14-м числом декабря действительно виделся с Глинкою у Рылеева, но о намерении общества действовать с ним не говорил»⁵.

Очные ставки, состоявшиеся 13 апреля по тому же вопросу между Глинкой, с одной стороны, и А.Бестужевым и Рылеевым, с другой, Глинка в целом выдержал; однако, ему пришлось смягчить категорическое отрицание. Так, на очной ставке с А.Бестужевым Глинка заявил, что не помнит разговора о подготовке «чего-то» (то есть выступления) (док. № 20/18). На очной ставке с Рылеевым Глинка попытался слегка изменить смысл сказанных ему Рылеевым накануне восстания слов о подготовке солдат к выступлению, придав репликам Рылеева более «мирный» характер (док. № 21/19). В то же время журналы Комитета зафиксировали, что на очных ставках 13 апреля А.Бестужев и Рылеев подтвердили свое показание, а «Глинка оное отверг»⁶.

В целом, принятая Глинкой тактика защиты оказалась довольно удачной. Как справедливо отмечал С.Н.Чернов, «он выступал на следствии упорным и часто для следствия неуловимым отрицателем»⁷.

В начале мая имя Глинки несколько раз упоминалось при допросе Кутузова и при очных ставках, данных последнему с Семеновым и Перетцом⁸. Это был финал расследования вопроса о существовании отдельного тайного общества, зависимого от Союза благоденствия, с участием Глинки, Семенова, Перетца и других. Следствие закончилось безрезультатно.

11 мая Следственный комитет заслушал докладную записку о Ф.Н.Глинке⁹. 15 июня Николай I сделал на ней резолюцию: «Выпустить, перевести в гражданскую службу и употребить по оной в Олонец, где и жить ему безвыездно под бдительным тайным надзором полиции». Резолюция царя была оглашена в Комитете 17 июня (док. № 25/24)¹⁰.

¹ ВД. Т. XVI. С. 165.

² ВД. Т. III. С. 235.

³ ВД. Т. XVI. С. 119—120.

⁴ Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности. Т. I. Иркутск, 1983. С. 272.

⁵ ВД. Т. XVI. С. 160.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 167.

⁷ Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960. С. 19.

⁸ Наст. том. Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 5/4, 6/5, 7/6; ВД. Т. XVI. С. 201—202.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 206.

¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 222; ГАРФ. Ф. 48. Д. 40. Л. 40—50.

Днем раньше Глинка был освобожден и тотчас обратился с письмом к Николаю I, прося разрешения отсрочить свой отъезд к месту ссылки из-за необходимости «устроить дела». Он не находил никаких средств «сделать скоропалительным переход... из военной... в статскую службу. Не на что сделать мундира губернского, — писал он, — не во что переодеться из военного»¹. В ответ Глинка получил разрешение задержаться в столице на несколько дней. В это время он, по его словам, «делал что мог, чтобы изготовиться к отъезду, а ночевать ходил под арест»². Глинка был переименован в коллежские советники и согласно «высочайшего» приказа от 7 июля 1826 г. «во уважение прежней его службы и недостаточного состояния» отправлен в Петрозаводск для употребления «по гражданской части»³. Прибыл он к месту ссылки 30 июля 1826 г. с фельдъегерем и был назначен советником Олонецкого губернского правления⁴. Олонецкому гражданскому губернатору предписывалось ежемесячно доносить о его поведении⁵.

Характер наказания, понесенного Глинкой, в свое время обратил на себя внимание Н.К.Шильдера. Он писал: «Каким образом удалось Глинке, участвовавшему в делах тайного общества до самого взрыва 14 декабря, избежать суровой кары, постигшей других менее деятельных участников, это остается тайною и до сих пор не разъяснено. Существует мнение, что умирая граф Милорадович просил государя пощадить Глинку как человека увлеченного, но не преступного и душевно преданного престолу»⁶.

Примеров произвольного решения судеб отдельных участников тайных обществ как в сторону смягчения наказания, так и в сторону его ужесточения во время процесса декабристов было немало. Следственные дела ряда членов Союза благоденствия наглядно свидетельствуют об этом.

Помимо указанных выше документов в следственное дело Глинки входят: его по службой список (док. № 2/22) и выписка показаний о нем других декабристов (док. № 24/23).

Отдельные фрагменты следственного дела Ф.Н.Глинки издавались С.Н.Черновым: см. его публикацию «К истории Союза благоденствия (из бумаг Ф.Н.Глинки)»⁷.

Следственное дело Ф.Н.Глинки хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 82. По современной нумерации в деле 85 листов, заполненных текстом. По сохранившейся на страницах нумерации А.А.Ивановского при формировании дела в нем насчитывалось 82 листа. Лист документа № 1 не был первоначально пронумерован.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания Ф.Н.Глинки по разным вопросам, не вошедшие в состав дела № 82.

1. Дело № 293 «О деньгах и вещах, принадлежащих арестованным лицам», л. 2 (расписка от 2 января 1826 г.).

2. Дело № 305, л. 159 (прошение от 29 мая 1826 г.).

3. Дело № 244 «Справки, собранные о разных лицах, в описи означенных, о принадлежности их к злоумышленным обществам», л. 75 (показание без даты).

4. Дело № 303, л. 105 (показание без даты).

ПЕРЕТЦ

титулярный советник

№ 1

О П И С Ь

делу о титулярном советнике Перетце

Число
бумаг

Страницы
в деле

Вопросы, сделанные 11 февраля:

1. Капитану Муравьеву с ответом его	1
2. Подпоручику Рылееву с ответом	2
3. Подполковнику князю Трубецкому с ответом	3
4. Штабс-капитану Александру Бестужеву с ответом	4
5. Поручику князю Оболенскому с ответом	5
6. Коллежскому асессору Пушкину с ответом	6
7. Полковнику Нарышкину с ответом его	7
8. Полковнику Митькову с ответом	8

Вопросы, сделанные 15 февраля:

9. Генерал-майору князю Волконскому с ответом его на оный	9
10. Штабс-капитану Поджио с ответом	10
11. Подпоручику Бестужеву-Рюмину с ответом	11
12. Подполковнику Матвею Муравьеву-Апостолу с ответом его	12
13. Подполковнику Сергею Муравьеву-Апостолу с ответом	13
14. Штабс-ротмистру князю Борятинскому с ответом	14 //
	(л. 2 об.)
15. Полковнику Давыдову с ответом его	15
16. Полковнику Александру Муравьеву и ответ его	16
17. Полковнику Пестелю с ответом	17
18. Допрос, снятый с титулярного советника Перетца г[осподином] генерал-адъютантом Левашевым	18
19. Показание Перетца 24 февраля	19, 20
20. Вопросы Перетцу 22 февраля	21 по 26
21. Ответы его на оные 28 февраля	26—40
22. Дополнение к оным 4 марта	40
23. Вопрос Перетцу 11 марта	41
24. Ответ его на оный	42—46
25. Вопрос капитану Муравьеву 12 марта с ответом его	46
26. Вопрос капитану Якушкину того же числа и ответ на оный	47
27. Вопрос полковнику Александру Муравьеву 12 же марта с ответом его	48
28. Вопрос полковнику Нарышкину того же 12 марта с ответом	49
29. Вопрос князю Оболенскому того ж 12 марта с ответом	50
30. Вопрос подполковнику Михайле Муравьеву того ж числа с отве- том	51

¹ Вверху листа помета карандашом: «№ 66».

Число бумаг	Страницы в деле
31. Вопросы титулярному советнику Семенову 12 же марта и ответы его на оные	52, 53 // (л. 3)
32. Письмо Перетца	54, 55
33. Вопросы ему 14 марта	56 по 70
34. Ответы Перетца 18 марта	70—80
35. Донесение его 19 марта	80
36. Очная ставка Перетцу с Семеновым 22 марта	81
37. Показание Перетца того же числа	82, 83
38. Прощение его 25 марта	84
39. Отпуск с отношения к г[осподину] коменданту С[анкт]-Петербургской крепости от 29 марта № 534	85
40. Показание Перетца 30 марта	86, 87
41. Вопросные пункты действительному статскому советнику Гурьеву с ответами его	88, 89
42. Донесение Перетца 6 апреля	90, 91
43. Прощение его 11 апреля	92, 93
44. Вопросы Семенову 18 мая	94, 95
45. Ответ его 21 мая	96
46. Вопросы Перетцу с ответами на оные	97, 98
47. Аттестат, данный Перетцу из экспедиции о государственных доходах за № 3898	99
48. Показание о нем же, Перетце	100
49. Записка о нем же, Перетце	101 и 106

Надворный советник Ивановский // (л. 4)

№ 2 (1)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] капитана Муравьева следующего показания.

Титулярный советник Григорий Перетц с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества? Был ли известен о предприятиях на 14 декабря и не способствовал ли к произведению известного неурядиства¹?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Честь имею донести, что титулярный советник Перетц, без сомнения, вошел в общество после моего отбытия из Петербурга, поелику он и сношения его с обществом, мне равно неизвестны.

Капитан Муравьев²

Февраля 11-го дня

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 5)

¹ На полях против вопросов Следственного комитета карандашом написан список декабристов: «1. Никита Муравьев, 2. Нарышкин, 3. Митьков, 4. Рылеев, 5. Трубецкой, 6. Александр Бестужев, 7. Оболенский, 8. Пушкин» и сделана помета чернилами: «О Перетце спросить еще Александра Муравьева, Пестеля, обоих Муравьевых-Апостолов, Бестужева, Юшневского, Волконского, Давыдова, Барятинского, обоих Поджио».

² Ответ написан Н.М.Муравьевым собственноручно.

№ 3 (2)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] отставного подпоручика *Рылеева* показание сего:

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятиях ононого на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неурейства?

Г[енерал]-ады[ютант] Бенкендорф

Кем и когда принят в члены тайного общества титулярный советник *Перетц*, мне неизвестно; равномерно, какое принимал участие в намерениях и действиях общества. Я его вовсе не знаю, и потому не знаю также, был ли он известен о предприятии нашем на 14 декабря и способствовал ли произведению ононого.

Подпоручик Кондратий *Рылеев*¹

Г[енерал]-ады[ютант] Бенкендорф // (л. 6)

№ 4 (3)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] полковника князя *Трубецкого* следующего показания:

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии ононого на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неурейства?

Г[енерал]-ады[ютант] Бенкендорф

Я совершенно ничего не знаю относительно означенного титулярного советника Григория *Перетца*.

Полковник князь *Трубецкой*²

Г[енерал]-ады[ютант] Бенкендорф // (л. 10)

№ 5 (4)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] штабс-капитана л[ейб]-г[вардии] Драгунского полка *Бестужева* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии ононого на 14 число декабря и не способствовал ли произведению известного неурейства?

Г[енерал]-ады[ютант] Бенкендорф

Ответ. Я знаю только по слуху бывшего банкира *Перетца*, но о титулярном советнике слышу впервые. Знаком я был по литературе с чиновником *Перцовым* (имени не знаю), но тот к обществу никогда не принадлежал, и я месяца полтора до происшествия его не видел. О первом только, судя по фамилии, думаю, что он не мог принадлежать к обществу, ибо оно избирало преимущественно русских.

Штабс-капитан Алекс[андр] *Бестужев*³

¹ Ответ написан К.Ф.Рылевым собственноручно.

² Ответ написан С.П.Трубецким собственноручно.

³ Ответ написан А.А.Бестужевым собственноручно.

Прибавление. Припомнив теперь обстоятельства, предшествовавшие происшествию, я долгом почитаю сказать, что кн[язь] Одоевский говорил мне об одном из Плещеевых, кажется, о том, который повыше ростом.

Да, не помню, кн[язь] ли Оболенский или Никита Муравьев, ска// (л. 10 об.)зал мне в прошлом годе, на выходе, когда поздоровался с кн[язем] Вяземским (тем, который из карабинеров в кавалергарды переведен) — он наш. Впрочем, как это было давно и сказано мимоходом, то я боюсь ошибиться.

Штабс-капитан Алекс[андр] Бестужев¹
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 11)

№ 6 (5)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует л[ейб]-г[вардии] Финляндского полка от г[осподина] поручика кн[язя] *Оболенского* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неуроядства?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Титулярный советник *Григорий Перетц* ни по прежнему обществу, ни по нынешнему мне совершенно неизвестен, и потому я совершенно ничего не могу об нем показать, исключая того, что из числа членов, лично мне известных, никто его в общество не принимал, разве скрытно от меня, впрочем и в сем сомневаюсь, ибо между членами общества я его никогда не видел и лично даже не знаю и не знал его никогда.

Князь Евгений Оболенский²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 12)

№ 7 (6)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] коллежского асессора *Пущина* следующего показания.

Титул[ярный] советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии оногo на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неуроядства?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

По требованию Комитета сим честь имею ответить, что мне совершенно неизвестно, принадлежит ли к обществу титулярный советник *Перетц*; я его не знаю и никогда об нем не слыхал.

К сему показанию коллежский асессор Иван Пушин руку приложил³.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 13)

№ 8 (7)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] полковника *Нарышкина* следующего показания.

¹ Дополнение к ответу написано А.А.Бестужевым собственноручно.

² Ответ написан Е.П.Оболенским собственноручно.

³ Ответ написан И.И.Пушиным собственноручно.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Ответ. Честь имею известить, что я г[осподи]на *Перетца* не знаю и никогда не слышал об нем.

Полковник Нарышкин¹

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 14)

№ 9 (8)

1826 года 11 февраля высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] подковника *Митькова* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят? Какое принимал участие в намерениях и действиях общества, был ли известен о предприятии на 14 декабря и не способствовал ли произведению известного неустройства?

О всем вышесказанном касательно титулярного советника *Перетца* я ничего не слышал.

Полковник Митьков²

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 17)

№ 10 (9)³

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] генерал-майора князя *Волконского* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Чрез сие число имею почтеннейше донести, что мне неизвестно, принадлежал ли к числу членов общества вышеозначенный господин *Перетц*; лично с ним я не знаком и никогда о нем не имел сведения, либо он принадлежал к тайному обществу, и по сему не могу дать показания по вышеозначенным от меня требуемым сведениям о г[осподи]не *Перетце*, и заверяю, что объясняю сие по чистой справедливости.

Февраля 15 дня

Генерал-майор князь Волконский 4-й⁴

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 18)

№ 11 (10)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от штабс-капитана *Поджою* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

¹ Ответ написан М.М.Нарышкиным собственноручно.

² Ответ написан М.Ф.Митьковым собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 15 февраля».

⁴ Ответ написан С.Г.Волконским собственноручно.

1826 года февраля 15 дня. Высочайше учрежденный Следственный комитет требует от меня показания на счет г[осподи]на Перетца, честь имею донести, что я ни от кого из знакомых не слыхал, чтобы титулярный советник Григорий Перетц принадлежал к оному — я г[осподи]на Перетца совершенно не имею чести знать и не известно мне, кто из членов общества тайного с ним имеет знакомство, и для того не могу сказать, с какого времени г[осподин] Перетц принадлежит к обществу, кем он принят был и какое принимал участие в намерениях и действиях общества.

Отставной штабс-капитан Поджио¹
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 19)

№ 12 (11)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] подпоручика *Бестужева-Рюмина* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Буде Комитет узнает от кого-либо, что мне *существование* Перетца известно, да предаст меня тягчайшему наказанию. Я готов присягою утвердить сие.

Подпоручик Бестужев-Рюмин²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 23)

№ 13 (12)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от подполковника *Матвея Муравьева-Апостола* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Титулярного советника Григория Перетца я вовсе не знаю. Когда я был в Петербурге в 1822 году он не принадлежал Северному обществу.

Отставной подполковник Матвей Муравьев-Апостол³
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 24)

№ 14 (13)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от подпоручика *Сергея Муравьева-Апостола* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

О титулярном советнике Григории Перетце я ничего не знал и не слыхал никогда, чтобы он был член Северного общества, Южному он не принадлежит.

Подпоручик Муравьев-Апостол⁴
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 25)

¹ Ответ написан И.В.Поджио собственноручно.

² Ответ написан М.П.Бестужевым-Рюминым собственноручно.

³ Ответ написан М.И.Муравьевым-Апостолом собственноручно.

⁴ Ответ написан С.И.Муравьевым-Апостолом собственноручно.

№ 15 (14)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от штабс-ротмистра князя *Борятинского* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Я никогда не слыхал о члене сего имени и совершенно не знаю ничего на его счет.

Л[ейб]-гвардии Гусарского полка князь *Барятинский*¹
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 29)

№ 16 (15)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Следственный комитет требует от г[осподина] полковника *Давыдова* следующего показания.

Титулярный советник Григорий *Перетц* с какого времени принадлежит к числу членов тайного общества? Не известно ли вам, кем он принят и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Честь имею донести высочайше учрежденному Комитету, что о титулярном советнике *Перетце* я совершенно не знаю и имени сего не слыхал никогда.

Отставной полковник *Давыдов*²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 30)

№ 17 (16)

1826 года февраля 15 дня высочайше учрежденный Комитет требует от г[осподина] подполковника *Александра Муравьева* сведения.

Не известно ли вам, когда и кем был принят в члены тайного общества тит[улярный] советник Григорий *Перетц* и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Честь имею донести высочайше учрежденному Комитету, что я тит[улярного] советника Григория *Перетца* вовсе не знаю и никогда ничего о нем и не слыхал.

Полковник Александр Николаев сын *Муравьев*³
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 31)

№ 18 (17)

1826 года 15 февраля высочайше учрежденный Комитет требует от г[осподина] полковника *Пестеля* сведения.

Не известно ли вам, когда и кем был принят в члены тайного общества титул[ярный] сов[етник] Григорий *Перетц* и какое принимал участие в намерениях и действиях общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

1 Ответ написан А.П.Барятинским собственноручно.

2 Ответ написан В.Л.Давыдовым собственноручно.

3 Ответ написан А.Н.Муравьевым собственноручно.

Никогда не слыхал ни от кого, чтобы Перетц принадлежал к тайному обществу и даже совершенно ничего про него не знаю.

Полковник Пестель¹

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 35)

№ 19 (18)²

№ 240. Титулярный советник *Перетц*

В 1819 или 1820 году я был принят в тайное общество г[осподино]м Глинкою³. Намерение оно было сделать изменение в правительстве и ввести конституцию. Членами знал я Семенова, служащего в министерстве народного просвещения, и Кутузова Измайловского полка. Мне препоручено было принимать членов, но с ведома сих лиц. В 1820 году я принял прапорщика Искрицкого, Синявина, Дребуша и Данченко; двое последние уже умерли. Впоследствии времени узнал, что Искрицкий принял Лаппу. Общество полагало средством достижения своей цели⁴ распространение всеобщего неудовольствия, делая гласным несправедливости и ошибки⁵ правительства. Я сим занимался около двух лет; но, наконец, видя невозможность извлечь из сего ожидаемого доброго⁶ последствия, решился от общества отдалиться. Явным манером я не отказался, но сношения⁷ старался прервать. На совещаниях, во все продолжение времени, я не был, и более вышеупомянутых лиц к обществу принадлежащими не знал. О происшествии 14-го числа я заранее ничего не знал⁸. В день происшествия ни малейшего участия // (л. 35 об.) в оном не брал, и с тех пор нового сношения с обществом не имел. Несколько недель тому Искрицкий приходил ко мне⁹, сказал, что он в сей день будет арестован, и просил 100 рублей денег, которые я ему дал. Насчет принятия в общество сына генерал-губернатора Кутузова, препоручения Искрицкому я, кажется, не давал, но утвердительно сказать сего не могу и не знаю, был ли он принят или нет. Я думаю, что показал все, что знаю; но буде что запомнил, то готов сделать все зависящие от меня дополнения.

Григорий Перетц¹⁰

Генерал-адъютант Левашов // (л. 36)

№ 20 (19)¹¹

В высочайше утвержденный Комитет для изыскания о злоумышленных обществах

титулярного советника Перетца

Покорнейшее прошение

Желая исполнить со всею зависящею от меня точностию приказание оногo Комитета о чистосердечном без всякой утайки показании касательно лиц и действий тайных обществ, я, для лучшего приведения себе на память всех обстоятельств, не

1 Ответ написан П.И.Пестелем собственноручно.

2 Вверху листа помета карандашом: «На главной гауптвахте», внизу листа помета карандашом: «22 февр[аля]».

3 Далее зачеркнуто: «О».

4 Слова «Общество полагало... своей цели» вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов «средство достижения цели особенно».

5 Слова «и ошибки» вписаны над строкой.

6 Слово «доброго» вписано над строкой.

7 Далее зачеркнуто: «медленно».

8 Слова «О происшествии 14-го числа... не знал» подчеркнуты карандашом.

9 Далее зачеркнуто два слова.

10 Показания подписаны Г.А.Перетцом собственноручно.

11 Вверху листа помета чернилами: «Читано 24 февраля».

могу не замедлить несколько ответом на учиненные мне вопросы; между тем осмеливаюсь всепокорнейше просить оный Комитет: не благоугодно ли будет справиться, предварил ли я г[осподина] действительного статского советника Василия Петровича Гурьева для доклада покойному с[анкт]-петербургскому господину военному генерал-губернатору графу Михайле Андреевичу Милорадовичу об опасении насчет возмущения? Хотя сие для г[осподина] Гурьева, конечно, будет неприятно, во 1-х, потому, что никому не желательно быть по подобному делу и малейше прикосновенным и, во 2-х, по преданности его к покойному, // (л. 36 об.) бывшему его благодетелем, и вследствие представления коего, он и теперь уповаает на высокомонаршую милость; за всем тем надеюсь на честные его правила, а более еще уверен я в правосудии и проницательности господ следователей, что какой бы оборот г[осподин] Гурьев обстоятельству сему не дал, все откроется, что я не только не содействовал в бунте, но, напротив, исполнил в сем случае долг верноподданного и отца семейства, сделав все, что в слабых моих силах состояло, для отвращения опасности, всем вместе и каждому особенно равно грозившей, о которой я, как по делу окажется, знал только гадательно; слух о том, может быть, дошел до членов тайных обществ, и сие купно с удалением моим от них в течение последних лет, по которому, как догадываюсь, давно уже разные терплю неприятности, вооружают их вредить мне как прямо наговорами, так косвенно внушениями и происками через неоткрытые еще связи, по которым могут иметь влияние и на умы людей поли[[(л. 37) тического образа мыслей совершенно противоположного; всепокорнейше прошу войти в благорассмотрение вышеизложенного со всем человеколюбием святой вере¹, священной волей монаршей и благим нашим законам соответствующим.

Титулярный советник Григорий Перетц²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Февраля 24-го дня
1826 года // (л. 38)

№ 21 (20) ³

1826 года 22⁴ февраля в присутствии высочайше учрежденного Комитета титулярный советник *Перетц* спрашиван о нижеследующем.

1

Как ваше имя, отчество и фамилия, какого вы исповедания, сколько вам от роду лет, ежегодно ли бываете на исповеди и у святого причастия, где служите, не были ль под судом, в штрафах и подозрениях и за что именно?

2

Где вы воспитывались, каким особенно учились наукам и кто преподавал вам оные?

3

В котором точно году, где и каким именно Глинкою вы были приняты в члены тайного общества? Кто был свидетелем приема вашего и кому потом вы были представлены из членов общества? // (л. 38 об.)

4

Не имело ли то общества какого-либо особенного названия, где находилась дума или управление оно, кто были начальствующими лицами и кого знали вы вначале и впоследствии времени членами общества?

¹ Слова «святой вере» вписаны над строкой.

² Прошение написано Г.А.Перетцом собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 8 марта».

⁴ Число «22» вписано другим почерком и другими чернилами.

Кто были первоначальными основателями сего общества и какие причины подвигнули их к учреждению оног¹?

В чем заключалась настоящая цель или намерения сего общества и какими средствами предполагалось действовать для достижения оной?²

В чем состоял устав или правила общества, где и у кого вы оный видели и читали? Скажите его содержание или главные черты³. // (л. 39)

Что побудило вас вступить в сие общество и с каким намерением вы присоединились к нему?⁴

У кого, где и когда бывали вы на совещаниях или беседах членов? Кто именно разделял оные и что было предметом сих совещаний; объясните сие подробно, сказав, о чем было рассуждаемо, что было положено и кто какие подавал мнения утвердительные и отрицательные?⁵

Кто из членов наиболее стремился к распространению и утверждению мнений общества советами, сочинениями и личным влиянием на других?⁶

Кто именно⁷, когда и при ком⁸ возложил на вас обязанность принимать // (л. 39 об.) членов? На чем должны вы были основывать свой выбор, какие при том наблюдать формы⁹ и отбирать обязательства и кому о том¹⁰ доносить?¹¹

Комитету известно, что вы бывали во многих местах России. Объясните, где именно встречали вы членов общества и сверх поименованных вами кого, где и когда вы еще приняли, что именно открывали им о духе и цели общества и какие возлагали на них обязанности?

Будучи членом и пользуясь правом приема, вы само по себе должны были знать о постепенности успехов и образе действий общества, как равно о изменениях правил, видов и средств оног¹². Объясните все сие и то, с кем // (л. 40) и когда на совещаниях или отдельных встречах рассуждали вы о всем том и какие правила принимали себе в руководство?¹²

¹ Против 5-го пункта помечено карандашом на полях: «8».

² Против 6-го пункта помечено карандашом на полях: «9».

³ Слово «черты» подчеркнуто карандашом. Ниже помета карандашом: «какие». Против 7-го пункта помечено карандашом на полях: «10».

⁴ Против 8-го пункта помечено карандашом на полях: «13».

⁵ Против 9-го пункта помечено карандашом на полях: «14».

⁶ Против 10-го пункта помечено карандашом на полях: «15».

⁷ Далее вставлено над строкой карандашом: «и».

⁸ Слова «и при ком» зачеркнуты карандашом.

⁹ Далее вставлено над строкой карандашом: «И кого вы приняли?»

¹⁰ Слова «о том» вписаны над строкой.

¹¹ Против 11-го пункта помечено карандашом на полях: «16».

¹² Против 13-го пункта помечено карандашом на полях: «17».

На кого возложено было рассмотреть и доказать выгоды и невыгоды как монархического, так и республиканского правления с тем, чтобы каждый из членов объявил свое мнение, которое из двух правлений почитает удобным для России. Объясните, когда и кем было предпочтено республиканское правление, какого вы были мнения и кому объявили оное?¹

На чем основаны были надежды общества в исполнении плана его, требовавшего сильных подпор? И кто // (л. 40 об.) из известных в государственной службе лиц подкреплял своим участием сии надежды?²

Когда общество предполагало начать открытые действия, какими средствами думало оно преклонить на свою сторону войска и произвести революцию и что в сем случае замышлял употребить противу священных особ августейшей царствующей фамилии? Кто какие делал о том предложения и настаивал о исполнении оных?³

У кого видели вы экземпляры конституций, для России приготовленных? Не участвовали ль и вы в составлении оных? В каком духе они были написаны и кто составлял их?⁴ // (л. 41)

Что известно вам было о существовании тайных обществ, ту же цель имевших, на Юге и в Польше? Равным образом о их сношениях между собою и о членах первого и последнего? Наименуйте кого вы знаете.⁵

Что и от кого известно вам было о покушении капитана *Якушкина* в 1817 году на жизнь покойного государя, а равно и о новых замыслах капитана *Якубовича* и членов Южного общества в 1825-м покунуться на жизнь покойного государя?⁶

Дали ль вы подписку не принадлежать к масонским ложам и ни к каким тайным обществам? Когда и кому дали оную и какие причины побудили // (л. 41 об.) вас скрывать от правительства, что вы член тайного общества, имеющего цель политическую и столь вредную для общего и частного блага и спокойствия?⁷

Накануне происшествия 14 декабря были ли вы у кого-либо на совещаниях? Кто находился на оных и кто какие подавал мнения? Что было положено на сих совещаниях, кому какие сделаны поручения, что положено было употребить противу августейших особ царствующей фамилии и кто вызывался для нанесения удара и завладения дворцом?⁸

Сверх того в особенности объясните о *Искрицком*:

а) Когда и где вы его приняли? // (л. 42)

1 Против 14-го пункта помечено карандашом на полях: «18».

2 Против 15-го пункта помечено карандашом на полях: «19».

3 Против 16-го пункта помечено карандашом на полях: «20».

4 Против 17-го пункта помечено карандашом на полях: «21».

5 Против 18-го пункта помечено карандашом на полях: «22».

6 Против 19-го пункта помечено карандашом на полях: «23».

7 Против 20-го пункта помечено карандашом на полях: «24».

8 Против 21-го пункта помечено карандашом на полях: «25».

- б) Не жили ль вы с ним вместе или¹ где и когда видались?
- с) Не давали ли вы² ему каких-либо политических книг или конституций, иностранных и для России приготовленных?
- д)³ Какие мнения вы старались поселить в нем насчет образа правления в России и насчет иного порядка вещей, по мнению вашему, выгоднейшего для оной?
- е) Какого он был во всем том мнения и какие когда делал с своей стороны предложения о способах и действиях для приближения к цели общества?
- ф) Что открыл он вам о намерениях общества на 14 декабря, к какому участию в том приглашал вас и что на сие вы отвечали? // (л. 42 об.)
- г) После происшествия 14 декабря сколько раз, когда и где вы с ним виделись и о чем его просили?
- h) Для чего он у вас просил и вы дали ему 100 рублей?

23

Сверх всего того вы должны чистосердечно и без всякой утайки показать все, что известно вам о составе тайных обществ, о их намерениях и действиях, о лицах, к ним принадлежавших; равно о собственных действиях ваших в духе тайного общества и о происшествии 14 декабря?

[Генерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 43)

№ 22 (21)

В высочайше учрежденный Комитет для разыскания о злоумышленных обществах титулярного советника Григория Перетца

Покорнейшее объяснение

На учиненные мне вопросные пункты честь имею доложить:

На 1-й. Имя мое Григорий, отчество Абрамов, фамилия Перетц, исповедания евангелического, от роду мне 36 лет, исповеди у нас нет, у святого причастия бываю, но не ежегодно; служу я при канцелярии с[анкт]-петербургского господина военного генерал-губернатора, под судом, в штрафах и подозрениях не бывал.

На 2-й. Воспитывался я в самом детстве Белорусско-Могилевской губернии, в местечке Дубровне, потом сей же губернии, Чериковского повета, в деревне Устье и, наконец, здесь в доме отца моего; особенно учился я статистике, истории и государственному хозяйству или политической экономии, науки сии преподавал мне швейцарец Лоран из Лозанны, оставшийся с того времени в России и служащий теперь профессором при Ришельевском лицее в Одессе. // (л. 43 об.)

На 3-й. Осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) был я к несчастью принят в члены тайного общества полковником Федором Николаевичем Глинкою, служившим тогда при с[анкт]-петербургском [господине] военном генерал-губернаторе; свидетелей при этом не было, а представил он меня потом служившему тогда лейб-гвардии в Измайловском полку офицером Кутузову (кажется Николаю Ивановичу) и Семенову⁴, служившему тогда при министерстве духовных дел и народного просвещения (имени его и отчества не помню, тоже не помню, обоим ли вдруг он меня представил или каждому особо).

На 4-й. О каком-либо особенном названии общества мне не было объявлено, ни о думе или управлении оно, а дан был вид, будто общество только что составлялось, хотя мне сие казалось невероятным; но я не хотел нескромностью

¹ Далее стерто: «и».

² Слово «вы» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

³ Буква «д» написана вместо стертой.

⁴ Три строки от слов «свидетелей при этом не было...» подчеркнуты карандашом.

жется, что и Кутузов¹ однажды у меня был, но² // (л. 46) наверно не помню; у Сенявина¹ я бывал довольно часто, он у меня реже; с Дребушем¹ я имел свидание у Сенявина¹, два раза я был у него и два раза он был у меня; с Лаппою¹ и Данченко¹ я имел свидание у Искрицкого¹, с которым я жил в одном доме³ (в доме графа Гудовича близ Аларчина моста, что ныне Энгельгардовых) и с коим потому весьма часто друг у друга видались⁴; раз я был у Данченко¹, с коим Лаппа¹ стоял на одной, кажется, квартире в Измайловских казармах, а раз я был у него, когда он был в карауле у Смольного монастыря; Данченко¹ также раза 2 или 3 у меня был; с Лаппою¹ я о делах общества или вовсе не говорил, или очень поверхностно; наверно, не помню; Устимович¹ бывал у меня довольно часто, а я был у него раза три или четыре; предметами наших совещаний (кроме посещений для препровождения времени без особой цели) были или принятие членов и сообщение сделанных о их правилах и характере замечаний, или взаимное друг друга о действиях правительства извещение или подкрепление и утверждение в принятом намерении; рассуждаемо было: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны облигации на 50 коп[еек] серебром⁵, о разорительных для России иностранных займах, с 1817 года без существенной нужды сделанных⁶, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях, особливо в делах с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора, о малой его внимательности⁷ к гражд[анской] части, о множестве чиновников и скудном жаловании, яко главных источников запутанностей и злоупотреблений, об учреждении министерств, об отягощении войска учением, о Государственном совете, яко новой для замедления дел инстанции, о взыскательности тогдашних великих князей Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе императоре, коего описывали скучным и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши⁸, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев пред завоевателями россиянами, о расходах России для Царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о причислении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к семеновскому бунту (NB. В день сего происшествия встретился я с Глинкою¹ у Поцелуева моста, который, остановив меня, сказал: «У нас начинается революция» и рассказал о бунте сем, о коем я ничего не знал), о строгом с сим полком⁹ поступлении, несмотря на то¹⁰, что покойным графом Михайлою Андреевичем Милорадовичем якобы обещано было прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатке законодательства, о Священном союзе и о делах Гишпаний и Италии. // (л. 47)

Все единогласно порицали меры¹¹ правительства; положений или приготовлений к действию, кроме прежде изъясненных общих средств у нас не было; и как, по словам Глинки, Семенова и Кутузова, общество¹² только что составилось, то

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Семь строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом.

³ На полях помета карандашом: «NB».

⁴ Слова «часто друг у друга видались» подчеркнуты карандашом.

⁵ Слова «о невыгодном займе... серебром» вписаны над строкой.

⁶ Слова «с 1817 года без... сделанных» вписаны над строкой.

⁷ Тринадцать строк от слов «Устимович бывал у меня довольно часто...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁸ Слова «о восстановлении Польши» вписаны над строкой.

⁹ Пять строк от слов: «Выборгской губернии к Великому княжеству...» отчеркнуты на полях карандашом.

¹⁰ Слово «то» вписано над строкой.

¹¹ Слова «Все единогласно порицали меры» подчеркнуты карандашом.

¹² Слова «как по словам... общество» подчеркнуты карандашом.

столь же неуместно было бы о том говорить, как бы при разведении роши о продаже ожидаемого от оной леса.

На 10-й. Я всегда почитал Глинку¹ более всех по летам, чину и личным качествам; Кутузов¹ и Семенов¹, кажется, не менее его уважали, но, как члены все² вместе никогда не сходились, то нельзя сказать, чтоб он имел прямое влияние на всех³; сочинения кого-либо из членов нам никогда сообщаемы не были.

На 11-й. Обязанность о приеме членов возложили на меня Глинка, Кутузов и Семенов; притом⁴ более никого не было; выбор основывался на личных способностях и хороших правилах кандидата, преимущественно велено было набирать военных; кроме вышеизъясненных правил о предварительном согласии старшего члена и изустном сообщении кандидату постановлений общества⁵, вся форма состояла в отобрании у него честного слова об исполнении оных и содействии к достижению цели общества, иногда с присовокуплением слов: «Обещаю всем, что для меня дорого и священо». Но сие предоставлялось произволу принимающего, о чем всем доносимо было старшему члену, а тот далее; обязательств письменных не отбиралось⁶.

На 12-й. По вступлении моем в общество я жил безвыездно здесь, бывал только иногда в окрестностях, ни разу далее 60 верст, но кроме помянутых лиц, я никого, яко члена общества, не знал. // (л. 47 об.)

На 13-й. Кроме уже изложенного, ничего присовокупить не могу, исключая того, что за несколько лет, не помню, когда именно, но Глинка жил еще в доме, где адрес-контора, он сказал мне однажды, что можно б усилить успехи нашего общества присоединением к обществу Елисаветы, желавшему возведения на престол ныне вдовствующей государыни императрицы Елисаветы; знаки оного общества, по словам Глинки, состояли в елке и книге завета, на печати вырезанных; более он ничего не сказал⁷.

На 14-й. О республиканском правлении для России при мне никогда речи не было, я всегда б считал сие величайшим сумасбродством.

На 15-й. Надежды общества основаны были: во 1-х, на умножение членов, во 2-х, на возрастающее с годами влияние каждого из них; в 3-х, на продолжение со стороны правительства распоряжений, неудовольствие породивших, которые, будучи всемерно оглашаемы, более еще оное бы усилили, и, в 4-х, на постепенное знакомство публики с политическими правами и порядком народов конституционных; о подкреплении кем-либо из известных в государственной службе лиц надежд общества своим участием я ни от кого не слышал.

На 16-й. Выше уже сказано, что, как мне подавали вид, будто общество только что составилось, то неуместно было и думать о подробностях, о коих в сем пункте спрашивается; говорили только, что по нарочитом усилении общества составят план действий, смотря по тогдашним обстоятельствам.

На 17-й. Экземпляров конституций для России я никогда не видал, и в составлении оных я ни малейше не участвовал; кто их составлял и в каком духе они были написаны мне неизвестно. // (л. 48)

На 18-й и 19-й. По содержанию сих пунктов я ни малейшего сведения не имел.

На 20-й. Подписку о том, чтоб не принадлежать к масонским ломам и ни к каким тайным обществам, я дал в канцелярии с[анкт]-петербургского господина военного генерал-губернатора вместе с другими чиновниками (когда именно, не помню); с того времени, а кажется и гораздо прежде, я от дел общества удален, а если, как кажется, сие было после отъезда отсюда помянутого Устимо-

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слово «все» вписано над строкой.

3 Слова «то нельзя сказать... на всех» подчеркнуты карандашом.

4 Слова «Обязанность о приеме... притом» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «постановлений общества» подчеркнуты карандашом, на полях помета карандашом: «В чем они состояли?».

6 Пять строк от слов «в отобрании у него...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

7 Ответ на 13-й вопрос отчеркнут на полях карандашом.

веча¹, то и ни малейшего в пользу одного не сделал; ему же я пред отъездом его дал ключ для переписки, коего на бумаге объяснить почти невозможно, а на словах с какою-либо книгою в руке доложу², ключом сим мы, однако, ни разу не пользовались; Данченко³ умер в первых, кажется, месяцах 1822 года; с Лапоу³ я с первой половины 1822 года, а может быть и долее, не видался; с Семеновым³ тоже; с Кутузовым³ только раз нечаянно сошелся у Глинки³; Дребуша³ посещал два раза во время болезни, от коей он умер, но никаких политических разговоров не имел; Искрицкого³ до происшествия 14 декабря 1825 года с самой первой половины 1822 года посетил только раз и притом видал его нечаянно у отца его, другой раз увидел он меня с балкона и просил к себе, чего я, однако, не⁴ исполнил, третий раз встретил он меня с женою на улице, а 4-й раз сошлись мы уже в декабре 1825 года нечаянно в кондитерской, о чем далее будет рассказано, но во все сие время политических разговоров у нас не было; с Сенявиным³ видался хоть чаще, но касательно дел общества несколько уж лет разговора не было; у Глинки бывал // (л. 48 об.) я реже, чем раз в год⁵ (с тех пор как он выехал из дома, где адрес-контора, до декабря 1825 года я был у него только один раз) и то без всяких о делах общества разговорах, кроме последнего свидания у него и встречи⁶ у Плавильщикова, о чем ниже объяснено будет; с Устимовичем³ я с отъезда его в Грузию раза два или три переписывался⁷; но вовсе о посторонних предметах; во время похода гвардии, который однако был, кажется, до подписки о тайных обществах, я с Сенявиным³ и Дребушем³ изредка переписывался, но тоже не о делах общества; словом сказать: я уже несколько лет к обществу не принадлежал; не помню, когда именно стал удаляться, но сие было еще в 1821 году; ибо я женился в январе 1822 года, а до женитьбы моей, не быв долго у Глинки⁸, встретился я с ним на Театральной площади; на вопрос⁹ его, куда иду, отвечал я: «К невесте». На что он сказал: «У вас в голове любовь, а не дело»¹⁰, но причина моего удаления была не любовь, а возникшая мысль, постепенно до уверенности созревшая, что подобные предприятия ведут к общему злу, а не к добру; не объявил же я о том правительству: во 1-х, опасаясь ответственности, яко ложный доноситель, по трудности или невозможности почти представить в подобных случаях ясные и явные доказательства, как законы повелевают; сему и был пример с Сенявиным³, скоро по вступлении его в общество он проговорился о существовании тайного общества одному // (л. 49) из своих знакомых (фамилии не помню, но, кажется, он был юнкером лейб-Уланского полка); сей или проговорился далее, или с намерением доносил, но дело доходило до покойного господина военного генерал-губернатора, к которому Сенявин³ был призван; но по отпирательству Сенявина³ и неимению доказательств тот знакомый его был, кажется, выключен; во 2-х, опасался я личных гонений от членов общества¹¹; полагаю даже, что одно удаление мое имело уже невыгодное на судьбу мою влияние во многих случаях, зависевших от людей, противного, может быть, с ними политического образа мыслей, но в связях и знакомстве с ними или их приятелями состоявших, и, в 3-х, непреодолимая нравственная невозможность губить людей, из коих некоторые сами мною соблазнены; да позволено мне будет привести пример одного англичанина, обвиненного в укрывательстве претендента Эдуарда Стурта; вместо оправдания обратился он к судьям

¹ На полях помета карандашом: «Устим[ович]».

² Слова «а на словах с какою-либо книгою в руке доложу» подчеркнуты карандашом.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Две строки от слов «посетил только раз...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁵ Слова «у Глинки бывал я реже, чем раз в год» подчеркнуты карандашом.

⁶ Слова «без всяких о делах общества...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слова «раза два или три переписывался» подчеркнуты карандашом. Шесть строк от слов «я реже, чем раз в год...» отчеркнуты на полях карандашом, против них помета: «Устим[ович]».

⁸ Слова «января 1822 года... у Глинки» подчеркнуты карандашом.

⁹ Далее зачеркнуто: «мой».

¹⁰ Слова «У вас в голове любовь, а не дело» подчеркнуты карандашом.

¹¹ Слова «во 2-х, опасался я личных гонений от членов общества» подчеркнуты карандашом.

с вопросом: «Что б вы на моем месте сделали?». Они были столь чистосердечны, что единогласно ответствовали: «То же, что ты», и тем решили дело.

На 21-й. Накануне 14 декабря я на совещаниях не был (свидание мое с Глинкою у него дома было, кажется, прежде) и потому я по содержащимся в сем пункте вопросам ни о чем неизвестен.

На 22-й.

а) Искрицкого я принял в 1819 или 1820 году¹ в С[анкт]-Петербурге в доме Главного штаба, где он был дежурным.

б) О жительстве с ним сперва в одном доме и свиданиях до происшествия 14-го декабря выше уже сказано; присовокуплю только, что в первых числах декабря 1825 года виделись мы нечаянно в конди// (л. 49 об.)терской в доме Котомина, у Полицейского моста², где я сидел и читал газеты, а он подходил ко мне и сказал, что давно не виделись; на ответ мой, что он у меня не был, извинился он множеством занятий, сказал мне, где живет и в какие дни бывает дома и просил к себе, более мы тут ни о чем не говорили; не помню, поздравили ли мы друг друга с новым государем. Вследствие того я заезжал к нему, но не застал дома и таким образом мы до происшествия 14 декабря и в сей даже день не виделись.

в) Я давал ему, кажется, конституцию Царства Польского и гишпанскую и одну часть сочинения графа Lanjuinais³ под названием «Constitutions des peuples de l'Europe» или «de tous les peuples»⁴ мною у Глинки занятую⁵, кроме того, жив в одном доме, мы часто заимствовались книгами историческими и прочими; конституций же, для России приготовленных, я ему никогда не давал, да и сам их не имел.

д) Я внушал ему, как действительно тогда думал, что для России выгоднее образ правления монархический представительный⁶ и что по обширности империи и другим местным обстоятельствам власть монарха должна быть соразмерно обширнее.

е) Он обнаруживал тогда образ мыслей с моим согласный; о способах и действиях для приближения к цели Общества он со своей стороны новых предложений не делал.

ж) О намерениях Общества на 14 декабря он мне чего-либо открыть или меня к участию пригласить не мог, поелику мы, как сказано, задолго перед тем не виделись, кроме встречи в кондитерской, где ни малейшего политического разговора не было.

На г и h) После происшествия // (л. 50) 14 декабря виделся я с Искрицким⁷ четыре раза, а именно⁸: раз, встретившись нечаянно в помянутой кондитерской, поехали оттуда по его приглашению к нему, там он сказал мне⁹, что чудом избавлен от опасности, что он, не знаю, накануне ли 14 декабря или близ того, был у Рылеева⁷, что Рылеев⁷ вызвал в особую комнату ротных командиров, а ему сказал, что сам к нему будет, но не был, и что в самый день 14 декабря он, Искрицкий⁷, шел вперед (не сказал он мне, для соединения ли с бунтовщиками, или из любопытства), пока один полковник Семеновского полка, коего он мне и именовал, но я фамилию забыл, а помню только что немецкая, не остановил его, объявив, что велено стрелять в того, кто пойдет дальше; еще раз был я у него по случаю, что он заезжал ко мне и, не застав дома, оставил записку, в коей просил быть у него на другой день под предлогом пособия в займе денег для отца его, но настоящая цель была та, чтобы сообщить мне, что дядя его, журналист Булгарин, поссорив-

¹ Слова «Искрицкого я принял в 1819 или 1820 году» подчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

² Две строки от слов «в первых числах декабря...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Ланжюине (франц.).

⁴ «Конституции народов Европы» или «всех народов» (франц.).

⁵ Слова «Constitutions des peuples... занятую» подчеркнуты карандашом.

⁶ Слова «Я внушал ему... представительный» подчеркнуты карандашом.

⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁸ Строка от слов «14 декабря виделся я с Искрицким...» отчеркнута на полях.

⁹ Две строки от слов «раз, встретившись нечаянно...» отмечены на полях знаком «NB».

шись с ним за непочтительность его, Искрицкого, или брата его к жене Булгарина, написал к нему записку, в коей грозил доносом¹; два раза он был у меня, первый раз по уговору нашему, что если он не будет арестован, чтоб он в тот день единственно для известия о том ко мне был, а последний раз, приехав ко мне, сказал он, что дядя его, тот же Булгарин², сообщил ему, якобы он тот день будет арестован, и что Булгарин² хотел ехать к [господину] Позняку³, // (л. 50 об.) кажется, для того, чтоб попытаться, нельзя ли сего отвратить, но, как жена моя тогда вошла в комнату, то я того порядочно не расслышал; по выходе ее он мне сказал, что у него нет ни копейки денег, и просил ссудить его 100 [рублями]; хотя я знал бесполезность оных на случай ареста, но, во 1-х, думал, может быть, и не будет арестован и, во 2-х, не хотел я в несчастном его положении⁴ опечалить его отказом, который он мог бы приписать скупости, почему и дал их ему; при сем случае условились мы, если он не будет арестован, чтоб на третий день пополудни в 3-м часу быть в той же кондитерской; я там был, но его не видал⁵.

В бытность мою у Искрицкого² после 14 декабря в последний раз просил я его надписать, если может не своею рукою, адрес на письмо в Лондон, от чего он, однако, отказался, отзываясь невозможностию скрыть свой почерк; повод к тому был следующий: В 1817 или 1818 годе был здесь английский миссионер Way⁶, между прочим, в обращении евреев весьма усердствовавший; при нем находился тогда один обращенный еврей, который, как я впоследствии узнал, отстал от него; благочестие [господи]на Way, на любви к ближнему основанное, возбудило во мне отличное к нему уважение; он взаимно оказывал мне благорасположение и в память прислал мне из Англии Новый завет; в бытность его здесь и по отъезде его чувствовал я неоднократно склонность участвовать в его предприятиях, но положение отца моего и разные обстоятельства в том препятствовали; после манифеста о происшествии 14⁷ // (л. 51) декабря паки возродилось во мне желание таковое, сопровождаемое свойственным всякому человеку попечением о своей безопасности; писать к нему прямо от своего имени опасался я, на случай письмо мое на почте распечатают, чтоб намерением уехать из России в теперешних обстоятельствах⁸ не навлечь на себя подозрения, почему приготовил я письмо, в коем изяснял, что человек с некоторым воспитанием и способностями и с большим еще усердием, которого он некогда знал и ласкал, желает участвовать в его трудах к обращению евреев и готов приехать на свой счет, если только может надеяться, что, буде окажется годным, он будет употреблен с жалованьем для умеренного содержания себя, жены и 2-х детей, что некоторые несчастные стечения препятствуют мне именовать себя и чтоб он, если рассудит уважить мою просьбу, объявил трикратно в гамбургских газетах, что согласен на предложение под № 1, ему сделанное; письмо сие хотел я отдать переписать⁹ кому бы ни было, латинскую азбуку знающему, а французского или немецкого языка не понимающему¹⁰, но насчет адреса не хотел я всякому ввериться и потому просил я Искрицкого²; по отказу его я письма такового и не отправил.

В продолжение последних четырех свиданий с Искрицким², бывших все после уже происшествия 14 декабря и никакого предприятия против правительства целию не имевших, следующие были между нами разговоры: рассуждая об ошиб-

1 Три строки от слов «журналист Булгарин, поссорившись...» подчеркнуты карандашом.

2 Фамилия подчеркнута карандашом.

3 Фамилия подчеркнута карандашом, двадцать строк от слов «от опасности, что он, не знаю, накануне ли 14 декабря...» отчеркнуты на полях карандашом.

4 Слова «я в несчастном его положении» вписаны над строкой.

5 Десять строк от слов «кажется, для того, чтоб попытаться...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

6 Way (англ.).

7 Четырнадцать строк от слов «В бытность мою у Искрицкого после...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

8 Слова «чтоб намерением уехать... обстоятельствах» подчеркнуты карандашом.

9 Слово «переписать» вписано над строкой.

10 Семнадцать строк от слов «декабря паки возродилось во мне желание...» отчеркнуты на полях карандашом.

ках в день 14 декабря с обеих сторон, говорил я, что бунтовщики весьма глупо сделали, начав дело, не быв уверены в войске и¹ // (л. 51 об.) без артиллерии, самого решительного орудия; что вместо дворца, пошли на площадь², что, не видев со стороны правительства артиллерии, за всем тем простояли неподвижно, как бы дожидавшись, чтоб ее на их погибель привезли, и что соединенная с ними чернь вышла против господ, чем раздражили они всех, малейше хоть благомыслящих; на сие Искрицкий сказал, что они надеялись на артиллерию, кажется конную, но что бывшие в оной на их стороне офицеры были арестованы, что, кажется, намерены были идти ко дворцу, но не знает, почему сего не сделали; насчет неистовства черни он промолчал, а касательно того, что они простояли понапрасну на площади, сказал он: тем глупее, что в выведенных против них полках и многие офицеры были на их стороне и даже полковник Шереметьев³, командовавший первым взводом, был их соумышленник; слышав от Искрицкого³, что некто Ростовцов³ предвараля государя императора о бунте, я сказал, что сомневаюсь: ибо, во 1-х, могли б арестовать главных заговорщиков, а во 2-х, по крайней мере, обезопасили бы дворец, в котором я был часу в 10-м или 11-м⁴, и кроме обыкновенных караулов войска не заметил; еще говорил я, что если до требования присяги растолковали бы манифест с приложениями, то, может быть, до возмущения бы не дошло, а если б некоторые и усомнились, то предоставить им отправить несколько человек в Варшаву для удостоверения, а между тем, дали бы они условную присягу; на сие сказал он, будто некоторые фельдфебели были в заговоре, что им обещано было⁵ // (л. 52) уменьшение службы и прибавка жалованья; говорил он мне, что в обоих штабах, то есть как в Главном, так и в Гвардейском, многие офицеры замешаны, что, кажется, граф Коновницын³ и еще некоторые любопытствовали, кто его принял в общество?

Но он будто меня не именовал, за что я его благодарил, просив вперед о таковой же скромности и обещав ее и с моей стороны; по его словам, Рылеев³ заставил прочих действовать 14 декабря, сказав, что случай сей невозвратный⁶; о Муравьеве-Апостоле³ и Муравьеве³, командовавшем каким-то гусарским полком, отзывался он, как о людях отличных способностей, и что если первый допустил грабеж и насилие в Василькове, то разве из крайности; на вопрос мой, правда ли, что когда кричали: «Конституция», солдаты спрашивали, что это значит, и им сказали, будто это имя супруги Константина Павловича, — отвечал он: «Да», но в армии бунтовавшие⁷ солдаты будто знали цель общества, и что им обещано было уменьшение службы и прибавка жалованья; удивлялись мы, что долго не было донесения о присяге г[осподина] генерала Ермолова³, и он говорил, что обыкновенно, кажется, в месяц получал от него ответы⁸, о поступке Ростовцова³ сказал он мне, что, вообще, его не все одобряют; о дяде своем Булгарине³ отзывался он, что Рылеев³ и другие всегда считали его шпионом; слышал я от него, будто какой-то адъютант г[осподина] генерала Рудзевича³ был привезен сюда по найденному⁹ у полковника Пестеля³ приготовленному к нему письму, чтоб он своего генерала арестовал, но что по неимению против него доказательств, он отпущен; советовались мы, что нам делать; сначала, полагал я, объявить о нашей вине, надеясь на

¹ Три строки от слов «рассуждая об ошибках...» подчеркнуты карандашом. Шесть строк от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB».

² Слова «что вместо дворца, пошли на площадь» подчеркнуты карандашом.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Слова «дворец, в котором я был часу в 10-м или 11-м» подчеркнуты карандашом, на полях помета карандашом: «У кого и зачем?».

⁵ Вся страница от слов «без артиллерии, самого решительного орудия...» отчеркнута на полях карандашом.

⁶ Семь строк от слов «уменьшение службы и прибавка жалованья...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁷ Слово «бунтовавшие» вписано над строкой.

⁸ Три строки от слов «обещано было уменьшение...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечено знаком «NB».

⁹ Четыре строки от слов «о поступке Ростовцова сказал он мне...» отчеркнуты на полях карандашом, отмечены знаком «NB». На полях помета карандашом: «Он знал Рылеева».

милосердие государя императора; он сказал, сие хорошо, но иных в подобных случаях отпустили, а потом опять взяли; // (л. 52 об.) после оставленной им у меня записки с приглашением о свидании под видом займа денег условились мы, если впредь понадобится видаться и не застанем друг друга, оставлять такие же записки¹; надеялся он быть адъютантом при господине генерал-адъютанте Александре Ивановиче Чернышеве; его превосходительство за столом будто выпытывал его насчет участия в тайном обществе, но он отпирался; рассказывал он мне, что у него останавливался приезжий адъютант князя Хованского², фамилии не помню, кажется, Чевкин³, который накануне 14 декабря ездил с каким-то офицером в какие-то казармы; офицер тот пошел к своим знакомым, а помянутый адъютант, оставшись внизу, стал говорить с солдатами и возмущать их⁴; солдаты, опасаясь в нем шпиона, спрашивали о его фамилии и по необъявлению хотели представить к дежурному офицеру, но не помню, после как-то его отпустили, а ночью он был призван к господину генерал-адъютанту Потапову, который, кажется, сделал ему за то выговор; сей адъютант, по словам Искрицкого, членом общества не был⁵, а действовал только по безрассудной пылкости; еще сказал он мне, что Лапа⁶ взят и на допросе у государя императора показал будто, что он принят в общество Данченком⁷ на 16-м году от роду; по словам его, было у него письмо от Лапы⁶, во время нахождения Лапы⁶ в отпуску писанное, где он кланялся мне⁸ с изъяснением, что связь наша основана на священных чувствах, которое письмо он, якобы, уничтожил⁹ (прежде мне о сем письме не говорил), про Глинку сказал¹⁰ он, что он тоже был взят и представлен государю императору, пред которым он, якобы, показал, что он перемены образа правления никогда не желал, // (л. 53), а только больше правды, на что государь император соизволил отвечать: «Надеюсь, что до того доведу», и с тем его отпустил¹¹.

На 23-й. За несколько дней до 14 декабря 1825 года заходил я к Глинке, но не застал его; на другой день (сие было, кажется, не накануне 14 декабря, а близ того) нашел я его дома, после обыкновенных приветствий спрашивал он меня о новостях; я сказал, что говорят о скором восшествии Николая Павловича, на что отвечал, что и он тоже слышал; несколько помолчав, спрашивал он о моих связях¹²; на ответ мой, что они ограничены Сенявиным⁶ и Искрицким⁶; с последним из коих почти не вижусь, он сказал, что Искрицкий¹³ бывает во многих домах, а про себя, что и он весьма уединен; о народе сказал он, что необыкновенно тих и покоен, но что нельзя знать, не от того ли, что ожидали Константина Павловича; на замечание мое, что у нас от революции лучшего ожидать нельзя, он изъяснил подобное же мнение с присовокуплением¹⁴, что от царствования Константина Павловича можно было ожидать ненасильственной перемены; потом спрашивал меня, не вижусь ли с Кутузовым⁶, и на отрицательный мой отзыв он сказал, что Кутузов совсем переменился и едва ли не шпион¹⁵; пред самым уходом моим он сказал, как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим»¹⁶.

1 Три строки от слов «приглашением о свидании...» подчеркнуты карандашом. На полях карандашом поставлен знак «NB» и помета: «Так ли цель своих свиданий?»

2 Слова «князя Хованского» подчеркнуты карандашом.

3 Слова «кажется, Чевкин» подчеркнуты карандашом.

4 Слова «говорить с солдатами и возмущать их» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «Искрицкого, членом общества не был» подчеркнуты карандашом.

6 Фамилия подчеркнута карандашом.

7 Слова «Что он принят в общество Данченком» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «в отпуску писанное, где он кланялся мне» подчеркнуты карандашом.

9 Слова «якобы уничтожил» подчеркнуты карандашом.

10 Слова «про Глинку сказал» подчеркнуты карандашом.

11 Слова «Надеюсь, что... его отпустил» подчеркнуты карандашом.

12 Слова «спрашивал он о моих связях» подчеркнуты карандашом.

13 Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

14 Пять строк от слов «о народе сказал он, что...» подчеркнуты карандашом.

15 Слова «Кутузов совсем... не шпион» подчеркнуты карандашом.

16 Слова «Что-нибудь да будет, посмотрим» подчеркнуты карандашом.

При сем посещении Глинки цель моя была узнать: не предпринимают ли чего-либо¹. Ибо, помня о существовании общества // (л. 53 об.) опасался я, чтоб не вздумали воспользоваться тогдашним случаем; последние слова его и собственные опасения побудили меня ехать от него к г[осподину] действительному статскому советнику Василию Петровичу Гурьеву², к которому я знал, что покойный граф Михайла Андреевич Милорадович весьма был расположен; а как по характеру покойника я полагал, что для обращения его внимания надлежало адресоваться чрез человека, им любимого, то просил я г[осподина] Гурьева доложить ему от моего имени³, что на случай восшествия Николая Павловича должно опасаться возмущения. Г[осподин] Гурьев сказал⁴ мне на то: «Тебя посадят в крепость», на что я отвечал: «С тем и говорю, что готов идти в крепость» и излил пред ним одушевлявшие меня чувства любви к общему благу; он до такой степени был восхищен, что, восклицав неоднократно: «C'est sublime! C'est sublime!»⁵, вместе со мною вышел и сказал, что едет прямо к графу и будет ко мне с ответом; вечером он точно был у меня, но привез ответ, о котором у имел честь доложить господину члену Комитета, которого повторить здесь благопристойность не дозволяет⁶, я думал, или что граф полагает слова мои пустыми, или что уже без меня извещен, и приняты меры, а лучше сказать: я не знал, что думать, а только видел, что мне нечего было делать⁷, ибо прибегать к ныне царствующему государю императору, не имевшему еще никакой торжественной власти, мимо графа⁸, главного в столице // (л. 54) начальника, я считал бесполезным и даже опасным особенно, когда известия мои были только предположительные и без доказательств.

Видеться с Искрицким² я полагал излишним; поелику он, пригласив меня к себе⁹ и зная, что я у него был, не приезжал ко мне, я заключил, или что он ни в чем не участвовал, или что он со мной не откровенен; притом же я знал, что у него нет никакой команды и потому не считал его опасным; насчет Сенявина², командующего ротою, я более боялся и скорее надеялся узнать от него что-либо и иметь на него влияние, посему и заходил к нему 14-го рано; не застав его и узнав, что он назначен в караул во дворец, был я там часу в 10-м или 11-м, но еще его не было, а солдат бывшего тогда в карауле полка сказал мне, что смена придет не прежде 1-го часу; с намерением возвратиться туда к тому времени, пошел я в канцелярию г[осподина] военного генерал-губернатора, где узнал официально о восшествии ныне царствующего государя императора; при выходе оттуда увидел я отряд войск, идущий по Морской и восклицавший: «Ура!»¹⁰. Не быв никогда в столице при подобном случае, думал я, что сие в порядке, и остановился у крыльца, но при приближении отряда, услышав внушение офицера часовым кричать: «Ура, Константин!», я догадался, что начался бунт, что к дворцу уж поздно идти, пошел скорым шагом вперед и, взяв у Синего моста извозчика, поехал домой; по дороге, близ ворот квартиры отца моего, увидев жену мою, я сошел с саней и спросил, куда идет? На ответ ее: «К бульвару, за отданным в черную краску платьем», я завел ее к батюшке, сказал о виденном // (л. 54 об.) мною, пустил ее к супруге отца моего, а сам пошел к нему в кабинет, сообщил ему о сей ужасной новости и вышел чрез несколько времени в гостиную, где застал мачеху и жену, насчет трусости моей смеявшихся; жене все хотелось идти за платьем, но спустя еще несколько времени приходил кто-то¹¹ с известием, что граф Михайла Андреевич ранен; так пробыли мы у батюшки до исхода 2-го или до начала 3-го

1 Слова «не предпринимают ли чего-либо» подчеркнуты карандашом.

2 Фамилия подчеркнута карандашом.

3 Слова «то просил я... моего имени» подчеркнуты карандашом.

4 Слова «должно опасаться... сказал» подчеркнуты карандашом.

5 «Как это прекрасно! Как это прекрасно!» (франц.).

6 Слова «здесь благопристойность не дозволяет» подчеркнуты карандашом.

7 Слова «я не знал, что думать... было делать» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «не имевшему еще никакой... мимо графа» подчеркнуты карандашом.

9 Слова «он, пригласив меня к себе» подчеркнуты карандашом.

10 На полях помета карандашом: «Во дворец зачем он ходил, спр[осить] Искрицкого».

11 Слово «кто-то» подчеркнуто карандашом и отмечено на полях знаком «NB».

часа; тогда батюшка поехал со мною к бульвару, мы остановились близ Лобанова дома или несколько вправо, то есть к Невскому проспекту, там видели нас г[оспода] генералы Бажевич¹ и Лобри¹, оттуда поехали в Морскую, где близ дома г[осподи]на военного генерал-губернатора видели г[оспод] Фогеля¹ и Булгарина¹, рассказавших нам подробно о положении графа; Булгарина¹ спрашивал я об Искрицком¹, и он сказал мне, что он с его женою, присовокупив, что он малый умный и не пойдет на такой вздор, чему я весьма обрадовался; оттуда батюшка сvez меня опять к себе, где я остался до глубокого вечера; не имев верного известия и опасавшись грабежа, пошел я с женою и конторщиком отца моего Федором Ивановым Шеллером¹ за детьми и домашними; но теща моя сама не хотела идти к батюшке и детей не советовала взять, во 1-х, по болезни батюшкиных детей заразительным коклюшем, во 2-х, что на случай, не дай бог, беды и у батюшки большой защиты не было, и, в 3-х, говорила она, если и придут грабить, то «меня, старухи, и маленьких детей не тронут», а имение я сам велел отдать без сопротивления; после того жена моя, я и помянутый Шеллер¹ поехали к тетке жены моей, г[оспо]же действительной статской советнице Воеводской¹, живущей // (л. 55) по Мойке в собственном доме рядом с домом господина военного генерал-губернатора; оставив там жену, пошел я не один, а вместе с Шеллером¹ к бульвару, Дворцовой и Сенатской площадям и, удостоверясь, что все успокоено, возвратились к г[оспо]же Воеводской, откуда взяв жену, поехали домой.

На другой день был я у Сеньявина¹; его хоть не застал, но в разговорах с отцом узнал я, что сын вел себя как долг верноподданного повелевает, что весьма меня успокоило; после того заходил я несколько раз к сыну, чтоб посоветоваться: не лучше ли объявить о себе, но все слышал, что он в полку, куда, кажется, после и жить перебрался, а туда я боялся идти, чтоб не навлечь подозрения; недавно только виделся я с ним² у отца его, но на минуту и при чужих и ни о чем говорить не мог; просил я его к себе, он обещал быть, но до взятия меня под арест еще не был.

К Глинке я 15 декабря³ тоже⁴ заходил, но не застал, а от человека его узнал, что почти всю ночь он не был дома и, пришед домой, даже не раздевался, напился чаю и опять ушел⁵; после того опасался я идти к нему, а недавно встретился с ним нечаянно в книжной лавке Плавильщикова, что у Синего моста; сказал он мне, что был взят, но отпирался в желании перемены образа правления⁶ и опять отпущен, весьма бранил бунтовщиков, сказал, что можем ожидать правосудного // (л. 55 об.) и мудрого царствования, а более и желать не должно; я желал быть у него для совета, не объявить ли о себе, но он сказал, что опасно видеться⁷. При одном из свиданий с Искрицким после⁸ 14 декабря пересказал он мне слышанное якобы от господина генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышева, что его превосходительство нанес во 2-й армии решительные удары; еще сказал Искрицкий, что во 2-й армии заговор открыт по случаю, что казначей полка, под командою полковника Пестеля¹ состоявшего, промотал 6.000 р[ублей] казенных денег, и что, несмотря на убедительные его просьбы, Пестель¹ сие огласил, за что казначей на него донес.

Все вышеписанное изъяснено мною чистосердечно без всякой утайки против неумышленного разве⁹ изменения слов разговоров, коих в точности припомнить человечески невозможно, или, может быть, чего-либо неумышленно забытого, но, верно, не нарочно скрытого; на всякий вопрос я по мере силы моей памяти готов дать самый искренний ответ.

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слова «с ним» подчеркнуты карандашом.

³ Слова «К Глинке я 15 декабря» подчеркнуты карандашом.

⁴ Далее зачеркнуто: «не».

⁵ Слова «не был дома и, пришед... опять ушел» подчеркнуты карандашом.

⁶ Две строки от слов «сказал он мне, что был...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слова «но он сказал, что опасно видеться» подчеркнуты карандашом.

⁸ Слова «с Искрицким после» подчеркнуты карандашом.

⁹ Слово «разве» вписано над строкой.

Если в рассказах моих не соблюден должный порядок, то всепокорнейше прошу о милостивом снисхождении к крайнему расстройству моих мыслей, не престанно тревожимых ужасным воображением об отчаянии жены, в рассуждении коей по беременному ее положению и сильной ко мне // (л. 56) привязанности всего опасаюсь; я столь злополучен, что должен считать теперь несчастьем то, в чем всегда полагал величайшее счастье: взаимную любовь жены любимой.

О предмете, о коем я имел честь доложить господину члену Комитета изустно, по изъясненной тогда же причине не смею здесь упомянуть; могу только сказать, что целию моею по оному были не скрытные виды какого-либо тайного общества, но явные пользы общества явного — дражайшего отечества¹.

В заключение долгом считаю доложить, что если Комитету благоугодно будет дозволить, то осмелюсь подвергнуть прозорливому его усмотрению средство к открытию всех отраслей и изгибов тайных обществ, которое, лаская себя, удовлетворяет равномерно всем душевным потребностям христианина, богу, государю, человечеству и отечеству истинно преданного².

Титулярный советник Григорий Перетц³
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Февраля 28-го дня
1826 года // (л. 57)

№ 23 (22)⁴

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о злоумышленных обществах
титулярного советника Перетца

Покорнейшее объяснение

В дополнение объяснения моего от 28 февраля честь имею доложить: 1-е. Искрицкий сказал мне тоже, что Кутузов, о коем в том объяснении упомянуто, арестован⁵; 2-е. О принятии Искрицким в члены тайного общества Кутузова⁶, сына с[анкт]-петербургского г[осподи]на военного генерал-губернатора (о чем меня, кажется, изустно спрашивали), мне неизвестно; 3-е. Сказанное в оном же объяснении, что рассуждаемо было о Государственном совете, как о новой для промедления дел инстанции, разумеется по делам тяжбы и 4-е. Сказанное о ключе для тайной переписки, Устимовичу мною данном, что ни он, ни я из оного употребления не сделали, разумеется, что я из оного никогда и ни с кем никакого употребления не сделал, а про него могу сказать, что ни со мною и, сколько мне известно, ни с кем⁷ ключ сей им не употреблен, // (л. 57 об.) а не сделано ли им из оного какое-либо употребление без моего ведома, в том я не уверен, но повода к подозрению в том тоже не имею.

Титулярный советник Перетц⁸
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 4-го дня
1826 года // (л. 77)

1 Четыре строки от слов «члену Комитета изустно...» подчеркнуты на полях карандашом.

2 Абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

3 Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

4 Вверху листа помета: «Читано 12 марта».

5 Слова «Искрицкий сказал мне тоже... арестован» подчеркнуты карандашом.

6 Фамилия подчеркнута карандашом.

7 Слова «сколько мне известно, ни с кем» подчеркнуты карандашом.

8 Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Всеобщая знаменитость человеколюбивого благорасположения вашего превосходительства к помощи несчастным оживотворяет и меня утешительною надеждою, что следующая покорнейшая моя просьба удостоена будет благосклонного снисхождения.

Ваше превосходительство изволили обещать мне спасение, ежели скажу правду; я исполнил волю вашу и долг свой, докладывал тогда же о всем, о чем в ту минуту при крайнем моем расстройстве мог вспомнить и дополнил свои показания поданными в высочайше учрежденный Комитет объяснениями, содержание кото// (л. 77 об.)рых вашему превосходительству, верно, известно; а как после 22 февраля я ни разу допрашиваем не был (вчера хотя и был требован в Комитет, но отпущен без всякого допроса), то и заключаю, что в показаниях моих ничего сомнительного не усмотрено, как оные действительно на самой истине основаны.

Беспомощное состояние, в коем осталось мое семейство, и важнейшие для меня дела требуют неукоснительных с моей стороны распоряжений, угрожая в противном случае неминуемым разорением и лишением дневного пропитания семейства, которым дорожу более, чем собою.

По всему вышеизъясненному, дерзая прибегнуть к высокомонаршему милосердию со всеподданнейшею просьбою // (л. 78) о всемилостивейшем освобождении меня *под благонадежное поручительство* хоть на несколько дней, приемлю смелость обратиться к вашему превосходительству, всепокорнейше прося: удостоьте быть ангелом-спасителем погибающего семейства неоставлением милостивым покровительством в сем случае, от коего вся участь его зависит; горестные слезы отчаяния, благодеянием вашим в слезы радостной признательности обращенные, будут вечно неиссякаемым источником непрерывных благ и милостей божьих для вашего превосходительства и всего вам милого и дорогого.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего превосходительства всепокорнейшим слугою

Григорий Перетц²

Марта 11-го дня
1826 года // (л. 58)

№ 25 (23)³

1826 года 11 марта от высочайше учрежденного Комитета титулярному советнику Перетцу.

В заключение ответов своих вы предлагаете представить средства к открытию всех отраслей и изгибов тайных обществ.

Комитет требует от вас немедленного представления сих средств с означением всех известных вам тайных обществ и предваряет вас, что при усмотрении чистосердечия вашего и важности открытий он не преминет представить о сем государю императору для обращения на вас высочайшего внимания.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 59)

№ 26 (24)

В высочайше учрежденный Комитет для разыскания о злоумышленных обществах титулярного советника Перетца

Покорнейшее объяснение

На всепочтеннейшее предписание Комитета от 11-го сего марта долгом считаю доложить, что кроме прежде мною уже объясненного, я о тайных обществах других

¹ Вверху листа пометы чернилами: «К сведению», «Читано 17 марта».

² Письмо написано Г.А.Перетцом собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 12 марта».

положительных сведений не имею, а если б имел таковые, то для объявления о том не осмелился бы испрашивать особого дозволения, когда сие в вопросных пунктах от 22 февраля от меня именно требовалось, но умозрительно предполагаю: 1-е, что существовавшие в России масонские ложи, вероятно, имели тайную политическую цель, о которой одни члены высших степеней были известны, и нельзя быть уверенным: не продолжают ли они своих действий скрыто; 2-е, что некоторые расколы не чужды политических видов; не помню наверно, но, кажется, что Глинка однажды мне сказал, якобы какой-то их монах из Галиции разъезжал по монастырям в России // (л. 59 об.) и проповедывал вольность¹, 3-е, что в течение последнего десятилетия, когда умы были заражены неудовольствием против правительства² и страстию к составлению тайных обществ, могли составляться общества, которые, не созрев еще для действия и не быв в связи с обществами доселе открытыми, долго еще могут оставаться неизвестными; 4-е, многие члены обществ доселе даже открытых, умысленно, может быть, не участвовали в совещаниях и действиях и самими своими товарищами от оных были устранимы, дабы на случай неудачи оставаться в виде резерва для возобновления козней при благоприятнейших обстоятельствах, и посему они едва ли будут открыты, и 5-е, как враги общего спокойствия других земель крайне опасаются влияния самодержавной России³, укрощению бунтов в Италии и Гишпании толико споспешествовавшего, то нет сомнения, что они употребят все возможные усилия для наводнения нас новыми обществами, возмутительным их намерениям соответствующими⁴.

С другой стороны, полагаю, что большая часть членов тайных обществ, быв сначала обольщены мнимыми видами общего блага, со временем образумились, особливо теперь по открытии как нелепости предположений многих их сотоварищей, так безрассудства и гнусности, с которыми приступали к действию, сей перемене в умах более всего благоприятствует столь мудрое и благое начало правления ныне царствующего государя императора, удовлетворяющее всем желаниям истинных сынов отечества и обнаруживающее вместе с тем, всю злонамеренность // (л. 60) клеветы прежде распространенной; но таковые члены тайных обществ при совершенной искренности своего раскаяния не объявляют правительству ни о себе, ни о своих соумышленниках по следующим, может быть, причинам: во 1-х, сами опасаются строгого наказания, во 2-х, не хотят губить товарищей, из коих иные ими же вовлечены, а другие состоят с ними в коротких связях приятни или родства, и в 3-х, как в подобных делах почти невозможно иметь ясных законных доказательств, то на случай отпирательства соумышленников опасаются ответственности за ложный донос.

С благосклонного дозволения Комитета имею честь изложить в главных чертах средство, помянутыми соображениями мне внушаемое, а именно:

обнародовать высочайшим указом

1. Чтоб всякий верноподданный, внутри России или за границу находящийся, и всякий иностранец, в России пребывание имеющий, состоящий или состоявший когда и где-либо хоть вне империи⁵ в тайном обществе, духовном ли, политическом, благотворительном или какого бы наименования и цели ни было, а паче участвующий или участвовавший в каком-либо предприятии или намерении против какого-либо правительства, объявил о том начальству (означить именно какому) в течение сроков, кои имеют быть определяемы по отдаленности местопребывания объявителей от начальств, к коим должны // (л. 60 об.) обращаться с подробным показанием о цели и намерении общества, о средствах денежных и прочих, о числе и именах членов, о тайных знаках и способах сообщений, переписок и действий, словом, о всех обстоятельствах, кои правительству благоугодно будет включить в особой форме таковых объявлений с присовокуплением всего того, чего правитель-

¹ Три строки от слов «но, кажется, что Глинка...» подчеркнуты карандашом.

² Слова «умы были заражены неудовольствием против правительства» подчеркнуты карандашом.

³ Далее зачеркнуто: «к».

⁴ Против слова «соответствующими» на полях поставлен чернилами крест.

⁵ Слова «хоть вне империи» вписаны над строкой.

ство в виду не имело, а объявителю известно, равно и всех доводов и доказательств, к подтверждению истины показания служить могущих.

2. Подтвердить запрещение вступать в тайные общества или продолжать существующие с оными связи, распространяя сие запрещение на тайные общества всякого рода и как на верноподданных, за границею находящихся, так и на иностранцев, в России пребывание имеющих, вместе с сим подтвердить о терпимости всех вероисповеданий и расколов, общественного благонравия не нарушающих, лишь бы не было ничего скрытного.

3. Всякий верноподданный, где б ни находился, и всякий иностранец, в России пребывающий, которому известно или со временем сделается известно о существовании какого-либо тайного общества в России или за границею или о членах оного, а паче о каком-либо предприятии или намерении против какого-либо правительства обязан объявить о том в установленные сроки и во всем согласно § 1-му.

4. Содержащимся по участию в тайных обществах объявить о мере ожидающего их наказания с тем, что если // (л. 61) учинят новое признание, то ни в каком случае участь их тем не отяготится, а по мере важности открытий обнадешить облегчением.

5. Всякому, намеревающемуся объявить об участии другого лица в тайном ли обществе или намерениях и предприятиях против правительства, дозволить предварительное с ним свидание для склонения к добровольному признанию, хоть бы один из них или оба по сему поводу уж были арестованы или хоть бы по отдаленности местопребывания потребовалось продление установленных по § 1 сроков; но в обоих сих случаях объявитель испрашивающий свидания или отсрочки должен вместе с тем представить запечатанную записку с подробным содержанием предполагаемого им объявления, которой записки до минования отсрочки без согласия его не распечатывать.

6. Объявления разделить на два рода: на объявление-показание и на объявление-извет; первое может быть или вовсе без доказательств, или с доводами, полной силы законных доказательств не имеющими; имя объявителя в таковом случае без крайней необходимости остается негласным, и он не подвергается никакой ответственности, разве явно доказано будет, что объявление его ложное или что он что-либо умышленно утаил¹; взаимно же объявления сего рода не подвергают обвиненного, если он верноподданный, аресту или другому какому-либо стеснению, а только тайному над ним надзору, допросу, пересмотрению его бумаг при нем или его поверенном, не вынося их из его квартиры, и единственно в отношении к предмету объявления // (л. 61 об.) тайных обществ и то не иначе как с разрешения высшего начальства; если он иностранец и не может представить благонадежного поручительства, то высшее начальство, уважая степень вероятности объявления, может выслать его за границу, куда он пожелает² с предоставлением ему некоторого времени для устройства своих дел; по объявлениям второго рода, то есть по изветам, поступать как законами о доносах установлено.

7. Тем, кои исполнят в точности содержание § 1 по собственному ли побуждению или по убеждению других согласно § 5, даровать право на милосердие государя императора; определить именно случаи, в коих могут быть уверены в совершенном прощении, равно и меру облегчения на случай важной вины, совершенного прощения не допускающей, с оказанием, однако, во всяком случае всей только возможной пощады и снисхождения.

8. По мере важности открытий обещать явнее снисхождение и даже награды; оные по желанию объявителей могут состоять в прощении или облегчении участи лиц, ими обвиняемых.

9. Напротив, за неисполнение вышеписанного подвергать строжайшим наказаниям, в важнейших случаях смертной казни; для обуздания отсутствующих из отечества принять меры касательно их имения.

10. Указу сему дать возможную гласность всенародным чтением в церквях, объявлением во всех наших и главных иностранных газетах и подобными мерами; сверх того с дворян, разночинцев, купцов, торгующих мещан и иностранцев взять

¹ Слово «утаил» написано вместо стертого.

² Слова «куда он пожелает» вписаны над строкой.

подписки в том, что оный им объявлен, и при вступлении кого-либо в государственную или общественную службу или купеческую гильдию, при // (л. 62) приезде иностранца в Россию или возвращении в оную верноподданных объявлять им оный особо тоже со взятием подписок.

11. Всякий закон должен быть паче всего ясен и определителен; сей в особенности; во 1-х, дело идет о невозвратном благе — о жизни человеческой; во 2-х, для внушения полного доверия к искренности, обещаемой за признание пощады, и в 3-х, дабы отнять у злонамеренных повод к клевете, будто правительство обещаний своих не исполняет; буде же за всем тем встретится какое-либо недоразумение, то толковать оное в пользу обвиняемого, и

12. Указ сей должен дышать любовью к народу вообще и к виновным в особенностях, дабы всяк и каждый был удостоверен, что владыка земной подобно владыке небесному любит и милует самих врагов, а карает зло единственно по необходимости для общего блага и спасения.

Дружественные державы пригласить к соответственным с их стороны распоряжениям; приобретаемые сведения сообщать взаимно.

Если вышеизложенное не удостоится одобрения Комитета, то всепокорнейше прошу вменить мне оное в ошибку, а не в вину; бог свидетель чистосердечного моего стремления к искоренению зла, мною отчасти распространенного.

Титулярный советник Перетц¹

Марта 12-го дня
1826 года

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 63)

№ 27 (25)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] капитану *Никите Муравьеву* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу *Дребуша* и *Данченко*, уже умерших, объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях?

Честь имею донести, что Дребуш² принят был в Союз благоденствия в Москве Александром Муравьевым вместе с Горсткиным и был в сношении с ним и с Челищевым. О Данченко я ничего сказать не могу, потому что и имя его даже мне неизвестно было до сего запроса.

Капитан Муравьев³

Марта 12 дня

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 64)

№ 28 (26)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] капитану *Якушкину* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу *Дребуша* и *Данченко*, уже умерших. Объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

¹ Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Ответ написан Н.М.Муравьевым собственноручно.

Мне никогда не было известно даже о существовании *Дребуша* и *Данченко*, почему я и не могу объяснить, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях.

Отставной капитан Якушкин¹
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

1826 года марта 12-го дня // (л. 67)

№ 29 (27)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] полковнику *Муравьеву* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу *Дребуша* и *Данченко*, уже умерших. Объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Честь имею донести высочайше учрежденному Комитету, что я никогда и не слышал даже о фамилиях *Дребуша* и *Данченко*, и вовсе не знал сих особ; следовательно, никаких и² сведений о них подать не в состоянии, равно как и о том, с кем они в сношениях были.

Отставной полковник Александр Николаев сын Муравьев³
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 68)

№ 30 (28)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] полковнику *Нарышкину* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений Комитету нужно знать о времени принадлежности к Союзу благоденствия известных вам *Данченко* и *Дребуша*, уже умерших. Когда и кем именно они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях по делам общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Г[осподи]н *Дребуш*, сколь мне известно, находился в Союзе благоденствия в 1819 или 1818 году, кем принят, не знаю, и также с кем был в особенных сношениях; кажется, что г[осподи]н *Горский* был с ним знаком, служа в одном полку. Г[осподи]на *Данченку* я совершенно не знаю.

Полковник Нарышкин⁴
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 71)

№ 31 (29)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета л[ейб]-г[вардии] Финляндского полка князю *Оболенскому* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений Комитету нужно знать о времени принадлежности к Союзу благоденствия известных вам *Данченко* и *Дребуша*, уже умерших, когда и кем именно они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях по делам общества?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

¹ Ответ написан И.Д.Якушкиным собственноручно.

² Союз «и» вписан над строкой.

³ Ответ написан А.Н.Муравьевым собственноручно.

⁴ Ответ написан М.М.Нарышкиным собственноручно.

Сколько я могу вспомнить ныне, фамилия *Данченки* была мне известна между членами¹ общества, состоявшими лейб-гвардии в Измайловском полку; но поистине не могу упомнить, кем он был принят и с кем именно состоял в сношении; впрочем, со времени назначения в адъютанты как Капниста, как и Миклашевского, все сношения общества с Измайловским полком рушились и возобновлены лишь [с] прошлого года. Кем именно был принят *Дребуш*, я сказать не могу; но сколько помню, он сделался // (л. 71 об.) мне известен как член общества в 1818 или 1819 году. Впрочем, в то время принятие членов и сношения их не ограничивались одним членом; но для принятия требовалось согласие всей управы, сношения же² были обыкновенно с председателем управы или с одним из членов по его назначению; по назначении же *Дребуша*³ в адъютанты вскоре последовал перевод в армию всех членов общества, состоявших в егерском полку, и потому все сношения общества с *Дребушем*³ рушились; ныне же по вступлении его вновь во фронт, имев случай видеть его раз или два (не могу вспомнить где), напомнул я ему о прежнем обществе, желая знать, не сделал ли он связей по обществу; но он мне отвечал, что полагая общество совершенно разрушенным, он никаких новых связей не сделал, и, живши в Дерпте и Риге, более занимался удовольствиями общественными в кругу родных и знакомых; вот все, что могу я вспомнить из разговора моего с ним; вскоре после сего болезнь прекратила дни его, и я более уже не видел его.

Князь Евгений Оболенский⁴
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 73)

№ 32 (30)

1826 года 12 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] подполковнику *Михайле Муравьеву* вопросный пункт.

Для некоторых пояснений дела Комитету нужно знать о принадлежности к обществу *Дребуша* и *Данченко*, уже умерших. Объясните, когда и кем они были приняты в члены тайного общества и с кем состояли в особенных сношениях?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Во всех своих ответах высочайше учрежденному Комитету имел я честь по чистой совести объяснить, что с 1821-го я отклонился от всех сношений и совещаний с тайным обществом, и потому существование оно для меня совершенно неизвестно в течение пяти лет, и потому не могу я знать о принадлежности к каким-либо обществам г[оспо]д *Дребуша* и *Данченко*, я никогда и имен сих не слыхал. Утверждаю // (л. 73 об.) всем, что для меня есть священное, что я всегда был покорен и верен своему государю, никогда не был ни мятежником, ни возмутителем, в течение пяти лет ни совестью, ни делом не участвовал ни в каких замыслах и от всего отклонился и потому все действия тайных обществ, равно и имена членов для меня безызвестны. В чем своеручным подписанием и утверждаю.

Отставной подполковник Михаил Николаев сын Муравьев⁵
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 74)

№ 33 (31)

1826 года 12 марта⁶ от высочайше учрежденного Комитета титулярному советнику *Семенову* вопросные пункты⁷.

¹ Слово «членами» вписано над строкой.

² Слово «же» вписано над строкой.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Ответ написан Е.П.Оболенским собственноручно.

⁵ Ответ написан М.Н.Муравьевым собственноручно.

⁶ Слова «12 марта» зачеркнуты карандашом, над ними неразборчивая помета карандашом.

⁷ Между строчками этого абзаца написано карандашом: «старший адъютант Гвардейского корпуса штабс-капитан Кутузов спрашиван».

Комитет, имея в виду, что осенью 1819 года¹ полковник Федор Глинка принял в члены тайного общества титулярного советника Григория Перетца и тогда же² представил его³ вам и Кутузову⁴, требует откровенного и утвердительного показания вашего в том:

1) Точно ли Перетц был принят осенью 1819 года полковником Глинкою и представлен вам и Кутузову⁵?

2) Какое название имело то общество, в которое Перетц был принят и в чем состояли цель, правила и средства действий сего общества?

3) Действительно ли Глинка, вы и Кутузов⁶ были начальствующими лицами сего общества⁷?

4) Часто ли вы бывали у него, Перетца, а равно и он у вас, где бывали вы с ним на совещаниях и кто разделял оные? // (л. 74 об.)

5) Известно ли вам было, что Перетц находился в короткой связи с итальянцем Жильи (Gili)⁸ и что сей последний был сочлен его? Не знали ли вы лично сего Жильи, а равно и круг его действий в духе тайного общества?

6) С кем из членов, кроме вас, Глинки и Кутузова состоял Перетц⁹ в особенных сношениях по делам общества¹⁰?

7) По показанию его, Глинка, вы и Кутузов⁵ возложили на него обязанность принимать в члены общества; вследствие чего он принял Сенявина, Искрицкого, Данченко и Устимовича¹¹. Поясните¹², когда возложили вы на него обязанность, знали ли вы о принятии им сих лиц и вообще известны ли вам были его действия в духе общества?

8) Точно ли побудительными причинами основания сего тайного общества объявлено ему было: *несправедливость и ошибки правительства*, целью — представительное правление, а средствами достижения оного — умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений? Кто именно все сие объявил ему? // (л. 75)

9) Точно ли не было объявлено ему письменного устава¹³ и по предложению его¹⁴ вами и¹⁵ другими, было принято знаком для узнавания друг друга в случае нужды еврейское слово «Хейрут» («свобода»), которое надлежало выговаривать взаимно каждому по одной букве? Кем было сие принято и употребляемо?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

10) Часто ли Перетц с вами и Кутузовым вместе бывал у Глинки и о чем именно рассуждали?

11) Справедливо ли то, что вы¹⁶ в беседах с Перетцом осуждали и порицали действия правительства насчет систематической медленности правительства¹⁷ в удовлетворении претензий частных людей¹⁸, многих несправедливостей, упрекали и порицали государя за его вояжи и строения, за невнимательность к гражданской

1 Далее над строкой вставка карандашом: «или в нач[але] 1820».

2 Далее стерто одно слово.

3 Слово «его» вписано над строкой.

4 Над словом «Кутузову» написано слово «Семенову».

5 Слово «Кутузову» зачеркнуто карандашом, над ним помета карандашом: «Семенов».

6 Слово «Кутузов» зачеркнуто карандашом, над ним помета карандашом: «Семенов».

7 Далее написано карандашом: «как всем говорил Перетц».

8 Слово (Gili) написано другим почерком.

9 Слово вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

10 5-й и 6-й вопросы перечеркнуты карандашом.

11 Далее над строкой неразборчивая вставка карандашом.

12 Слово «Поясните» вписано над строкой, далее помета карандашом: «то что».

13 Слова «не было объявлено ему письменного устава» зачеркнуты карандашом.

14 Слово «его» зачеркнуто карандашом, над ним написано карандашом: «Перетцем».

15 Союз «и» вписан над строкой.

16 Далее вписано карандашом над строкой: «Глинка, Семенов и другие члены».

17 Слово «правительства» зачеркнуто карандашом, над ним написано карандашом: «оного».

18 Далее карандашом написан союз «и».

части¹ и отягощение войск учением, за учреждение министерств и Госуд[арствен-ного] совета, осуждали великих князей и самовластие вельмож и пр[очее], и пр[очее]. Отвечайте, чистосердечно ли, справедливо ли все сие и кто именно разделял сии беседы ваши?² // (л. 75 об.)

1) Был ли когда Перетц принят полковником Глинкою в число членов тайного общества, я не знаю, но он, как член тайного общества, ни Глинкою и никем никогда мне представляем не был.

2) Мне неизвестны ни название, ни цель, ни правила, ни средства общества, в которое Перетц, по показанию его, был принят.

3) Были ли Глинка с Кутузовым начальствующими сего общества, не знаю; но я ни начальствующим, ни подчиненным членом никакого опасного общества никогда не был.

4) Сколько припомнить могу, Перетц у меня и я у него более одного раза друг у друга не были и после того нигде не встречались³. На совещаниях же ни⁴ у него, ни с ним ни у кого я никогда не был.

5) Я никакого сведения не имею о связях Перетца, равно и о том, был ли Жильи сочленом по тайному обществу. Жильи ни лично, ни по слухам не знал, и фамилию сию в первый раз слышу.

6) С кем Перетц был в особенных сношениях по делам общества, мне неизвестно; но я с ним в таковых сношениях никогда не был.

7) Я никогда не возлагал обязанности на Перетца принимать кого-либо в члены тайного общества и не знаю, принимал ли он кого и какие были его действия в духе общества.

8) Мне неизвестно, какие побудительные причины основания тайного общества и кем⁵ объявлены были Перетцу; но от меня ему ничего по сему предмету никогда объявляемо не было.

9) Ни слова «Хейрут» и никакого условного знака у Перетца со мною никогда не употреблялось, ни принято не было.

10) Перетца у Глинки я видел один раз и тут с ним познакомился; но Кутузова с нами в то время, кажется, не было. Рассуждали мы тогда, помнится, о литературе.

11) Я никогда не говорил с Перетцом о действиях правительства и ни за что не порицал ни государя, ни великих князей, ни вельмож. Бесед, кажется, никто не разделял. Кроме того, как выше сказано, что однажды мы были вместе у Глинки.

Титулярный советник Семенов⁶
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 79)

№ 34 (33)⁷

1826 года марта 14 дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета титулярный советник *Перетц* спрашиван и показал.

Комитет, рассмотрев ответы ваши, находит в них явные несообразности и неудовлетворительность показаний противу данных вам вопросов пунктов, а потому еще раз предупреждает вас, чтобы вы не вынуждали к употреблению тех средств, какие Комитет имеет к обнаружению неправды и скрытности вашей, ибо в таком случае вы потеряете всякое право на снисхождение правительства и на облегчение вашей участи, как // (л. 79 об.) между тем одно только чистосердечие и раскаяние ваше может смягчить строгость правосудия.

Вследствие сего Комитет поставляет на вид вам нижеследующее:

1 Слово «части» написано вместо стертого.

2 Вопросы 10-й и 11-й написаны другим почерком.

3 Слова «нигде не встречались» подчеркнуты карандашом.

4 Слово «ни» вписано над строкой.

5 Слова «и кем» вписаны над строкой.

6 Ответы написаны С.М.Семеновым собственноручно.

7 Вверху листа помета чернилами: «Читано 20 марта».

Полковник Глинка утвердительно говорит, что он не только никогда не принимал вас, но и никогда не решился бы принять в то общество, к которому некогда он принадлежал, а следовательно, не мог и возлагать на вас обязанности приема членов.

Вы показали, будто бы Глинка по принятию вас в члены представил вас Кутузову и Семенову, но они утвердительно отрицают сие показание ваше. // (л. 80)

Сначала вы говорите, что о названии общества вам не было объявлено, а потом именно пишете, что вам не велено было говорить, что оно только что составлялось.

а) Когда не велено было говорить о времени существования общества, следовательно, время сие ясно и прямо было вам открыто или известно. Но вы притом умалчиваете, кто не велел вам о том сказывать и по каким причинам?

б) Если бы и действительно случилось так, что вначале вы не знали названия общества, то по продолжительной и особенной деятельности вашей, оно не утаилось бы от вас впоследствии. // (л. 80 об.)

Вы говорите, что устава общества не видали и что было сказано, чтобы не иметь ничего письменного, кроме записок о именах кандидатов. Несправедливость сего доказывается тем:

а) Вы умалчиваете, кто именно сказал вам сие.

б) Напротив того, общество, к которому принадлежал Глинка¹, имело уставы свои, не раз с согласия членов изменявшиеся.

с) Уставы сии никогда не были тайною для членов, а напротив, ни один из них не мог быть принят иначе, как по прочтении хотя некоторой части правил и по добровольному избранию // (л. 81) одного из отделений устава, сообразного с способностями новопоступившего.

д) Не зная названия и устава общества, а равно места управления оного и начальствующих лиц, вы не могли бы ни действовать, ни принимать членов.

Вы показали, что сами поступили в общество осенью 1819 года и что вами принят Данченко, а Сенявиным, с согласия вашего, Дребуш. Но Комитету известно, что оба они еще в 1818 году принадлежали к тайному обществу. Из сего следует, что вы с намерением указываете на умерших, желая скрыть своих сообщников. // (л. 81 об.)

Далее вы говорите, что по предложению вашему принято условным знаком еврейское слово «Хейрут» (свобода), но умалчиваете:

1) Кому вы сделали сие предложение.

2) Кем, когда и каким образом было сие принято.

3) Кто из членов и взаимно с кем именно и при каких случаях вы употребляли сие слово «Хейрут» для узнавания друг друга.

Комитету известна двоякая цель того общества, к которому принадлежали Глинка, Кутузов и Семенов, известны все намерения и средства действий, как и предметы, // (л. 82) бывших совещаний оного; но вы решительно ничего не открываете.

¹ Слова «к которому принадлежал Глинка» вписаны между строк другим почерком и другими чернилами.

Вы пишете, что Глинка, Семенов и Кутузов возложили на вас обязанность приема в члены. Но они решительно отрицают сие показание.

Вы говорите, что начальствующими лицами знали Глинку, Кутузова и Семенова и что положено было о непринятии никого в члены без согласия старшего члена, который должен был *относиться тоже к старшему и так далее*. Следовательно, вам были известны еще // (л. 82 об.) *старейшие члены* кроме трех, означенных вами, кои, впрочем¹, равно отвергают и сие на них² показание ваше. Отвечайте:

- 1) Кто были сии старшие члены и какое вы имели с ними отношение?
- 2) У кого именно вы испрашивали согласия на принятие Сенявина, Искрицкого и других и кому представляли их как вновь принятых членов?

Вы говорите, будто бы полковник Глинка сказывал вам, что можно бы усилить успехи тайного общества присоединением к обществу *Елисаветы*, // (л. 83) которое желало возвести на престол ныне вдовствующую государыню императрицу Елизавету Алексеевну.

Открытие сие так важно, что невозможно верить, чтобы вы могли оставить оное без дальнейших расспросов.

В сем случае Комитет требует, чтобы вы привели себе на память и объяснили вернейшим образом:

- а) От кого именно известно вам об обществе Елисаветы и о желании возвести на престол государыню императрицу Елизавету Алексеевну? // (л. 83 об.)
- б) В чем заключалась цель общества Елисаветы, с каких пор и где оно существовало?
- в) Кто были членами оного и не находились ли и вы в числе их?
- д) У кого и когда видели вы на печатях знаки общества, состоявшие в елке и книге завета?

В 16 пункте своих ответов вы изъяснялись так: *говорили* вам (стало, многие говорили), что по нарочитому усилении общества составят план действий, смотря по обстоятельствам. // (л. 84) Объясните, кто говорил вам о сем?

Дальнейшие показания ваши имеют такой вид, что вы бывали на совещаниях общества, участвовали в мнениях и предположениях его и знаете правила, совершенно особенные, и средства и действия оного; но не сделали ни одного показания, где, когда и у кого были сии совещания, с кем именно вы разделяли их, в чем оные заключались и кто суть члены сего общества. Объясните все сие подробно³.

Прежде вы показали, что бывали у Глинки часто, а он у вас // (л. 84 об.) *никогда*, потом пишете, что *вы у него бывали реже, чем в год раз, но и то без всяких о делах общества разговоров*. Кутузов же и Семенов только один раз посетили вас. Из сего ясно видно, что вы, не будучи в тесной связи с сими членами общества, не имея всегдашних сношений с ними, не зная их правил и не разделяя их совещаний, решительно не были и не могли быть сочленом сих лиц.

Из всего вышеизложенного и из других сведений, какие правительство уже имеет // (л. 85) у себя, Комитет находит, что вы есть член *другого тайного общества*, частию уже известного правительству, коего полное раскрытие ожидается и требуется от вас с тем, что сие вменится вам в особенную услугу.

¹ Слово «впрочем» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

² Слова «на них» вписаны над строкой другим почерком и другими чернилами.

³ Слово «подробно» приписано другим почерком и другими чернилами.

А потому, не допуская до улик и дальнейших изобличений вашей скрытности и неправды, могущих усугубить вину вашу, отвечайте откровенно и без всякой утайки.

1

По каким причинам и с каким намерением вы решились указывать на Глинку, // (л. 85 об.) Кутузова и Семенова тогда, когда первый вас не принимал, а последние никогда не знали вас сочленом своим?

2

Кем именно, когда и где вы были приняты в члены вашего общества?

3

Под каким названием существовало ваше общество, когда и кем оно основано было?

4

Кто были начальствующие лица сего общества и где находились управления оно?

5

Кто из сочленов ваших известны вам были вначале и впоследствии? // (л. 86)

6

В чем именно заключалась цель и правила вашего общества и какими средствами действовало оно для достижения своей цели?

7

Чрез кого и с какими именно обществами, вне России существующими, имели вы сношения и в чем оные заключались?

8

- а) Кто именно возложил на вас обязанность приема в члены?
- б) Кого сверх показанных вами лиц и когда вы приняли в члены свои?
- с) Что сообщали им о цели общества и какие возлагали // (л. 86 об.) на них обязанности?
- д) Какие именно статьи из Моисея вы внушали им для убеждения, что сам бог покровительствует народные правления?

9

Когда общество ваше предполагало начать открытые действия свои? Где надлежало начать оные и каким образом?

10

Что общество ваше измышляло употребить противу правительства, государя и августейшей фамилии его?

11

- а) С каким намерением дали вы Устимовичу секретный ключ для переписки? // (л. 87)
- б) От кого и когда оный сами вы получили и в чем он состоит?
- в) Когда и о чем имели вы с ним переписку по сей азбуке?
- г) С кем кроме вас он имел сношение посредством сего ключа?
- д) С каких пор и какого рода имели вы связь с Устимовичем и давно ли он и о чем писал к вам?

12

По какому поводу и когда говорили вы с Глинкою, чтобы на случай успеха не искать ничего для своих видов? // (л. 87 об.)

Точно ли ему, а не другому кому, говорили вы сие и при ком именно?

Какие именно успехи разумели вы, когда и какими средствами думали достигнуть их?

На чем были основаны надежды ваши, ежели действительно знали вы только Глинку, Кутузова и Семенова? Откройте всех ваших соумышленников, не доводя до дальнейших мер изобличения.

13

Вы говорите, что брали уроки у бежавшего из отечества своего *карбонария* италиянца *Жили*? // (л. 88)

Комитету известно, что он был член вашего общества.

Отвечайте:

- a) Что известно вам о принадлежности его к тайному обществу?
- b) Какие имели вы с ним связи и дела и с кем он был в коротких сношениях?
- c) Что открыл он вам о своих намерениях и действиях?
- d) Кого и когда он принял в общество?

14

Когда, где и с кем именно имели вы беседы и суждения, изложенные // (л. 88 об.) в 9 пункте ваших показаний, заключающие многочисленные осуждения, негодования и укоризны, произносимые на правительство, вельмож, государя и великих князей? Кто был свидетелем сих бесед ваших и чем вы можете доказать, что все изложенные вами преступные суждения разделяли с вами другие? Здесь особенно требуется ясное, подробное и утвердительное показание.

15

Вы говорите, что благо отечества было основою действий вашего общества и что вы будто бы давно раскаялись и оставили оное // (л. 89), но не донесли правительству, опасаясь *личных гонений от членов общества*. Ежели это справедливо, то:

a) Кто именно сии члены, от коих вы опасались личных гонений, ибо Глинка, Кутузов и Семенов не могли быть ни в каком случае опасными для вас сколько потому, что вы вовсе не имели с ними сношений по обществу, столько и потому, что они никогда не были довольно сильны для гонения и причинения вам какого-либо вреда? // (л. 89)

b) Какие именно причины побудили вас бежать в Англию и склонять Искрицкого на фальшивый поступок: сделание адреса чужим почерком на письме вашем в Лондон?

c) Какие меры были приняты вами к побегу, кто знал о сем и кто обещал вам способствовать к тому?

d) Когда и чрез кого вы писали в Лондон?

16

Вы показали, что за несколько дней до 14 декабря вы были у *Глинки* с тем намерением // (л. 90), чтобы узнать, не предпринимают ли что-либо противу законной власти, что будто бы Глинкою сказанные слова: «Что-нибудь да будет, посмотрим» и собственные опасения ваши побудили вас ехать к Гурьеву и просить его довести до сведения графа Милорадовича, что *на случай восшествия на престол государя императора Николая Павловича должно опасаться возмущения*.

Из сего обстоятельства Комитет усматривает:

1) Что ни выше приведенные слова, ни подобные // (л. 90 об.) сему, если бы и точно были сказаны Глинкою, не могли дать вам ни малейшего повода к *заклочению о возмущении*.

2) Что за несколько дней до 14 декабря и само правительство не имело никаких видов к подозрению о заговоре, а тем менее не могло родиться в вас сие *опасение*, если бы не знали о заговоре от тех самых людей, кои произвели известное неустройство. Справедливость сего подтверждается // (л. 91) и дальнейшими показаниями вашими о заблаговременных разведываниях ваших и о многократном явлении вашем к месту возмущения, а потому отвечайте чистосердечно:

a) когда, где и от кого именно узнали вы о замышляемом на 14 декабря заговоре?

- b) кто известен вам был из заговорщиков?
c) какое вы сами в оном принимали участие?

17

При ком именно говорил вам Глинка в магазине Плавильщикова, что он был взят, но // (л. 91 об.) *отрекся в желании перемены образа правления* и что на желание ваше видеться с ним он сказал, что *опасно видеться*, и чем вы можете утвердить, что действительно все сие говорил он?

18

В конце ответов своих вы говорите, что о предмете, о коем изустно докладывали члену Комитета, по изъясненным тогда же причинам не смеез здесь упомянуть. Комитет требует от вас полного о сем показания.

19

Что сообщили вы Сенявину за несколько дней до 14 декабря // (л. 92) о том, что на случай присяги государю Николаю Павловичу будет возмущение, и что он отвечал вам на сие, и когда и где вы с ним виделись накануне и после происшествия?

20

Какое сделали вы условие с Сенявиным и Искрицким насчет взаимных пред судом показаний ваших в случае, ежели сего потребуют от¹ вас?

21

По арестовании Искрицкого где и когда вы виделись с Сенявиным и также в чем именно² состояло подтвердительное условие ваше?

22

Наконец, еще подтверждается вам, чтобы вы не доводили // (л. 92 об.) до необходимости улики и других средств, а прямо и со всею истинною подробностью отвечали на сии вопросы.

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 93)

№ 35 (34)

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловредных обществах
титularного советника Перетца

Покорнейшее объяснение

На учиненные мне вновь вопросные пункты честь имею доложить:

На 1-й. Прописываемое в сем пункте показание полковника Глинки³, будто он никогда не принимал меня в тайное общество, вовсе несправедливо, а мое о том показание совершенно истинно, и я готов сказать ему сие в глаза; явных и ясных доказательств не имею и иметь не могу, как я в прежнем объяснении докладывал, что сие в подобных делах почти невозможно, и что опасение осуждения за непредставление оных, между прочим, удерживало меня от объявления правительству прежде о существовании тайного общества, но, по всей вероятности, кто заслуживает более веры? Я ли, давно от общества удалившийся, остерегавший начальство насчет возмущения и признавшийся при первом допросе в собственной вине, или Глинка³, ничего подобного не учинивший (по крайней мере, я о том ничего не знаю), а напротив, утвердительно отпиравшийся сначала

¹ Слово «от» вписано другим почерком.

² Слова «в чем именно» вписаны над строкой другим почерком.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

в желании о перемене образа правления? Кроме того, что может побудить меня, сознавшего в собственной вине, скрывать о соумышленниках, меня в оную вовлекших, особливо когда с самого начала и поныне обещается мне за то облегчение участи, для всякого столь желательное, более еще для человека семейного, а // (л. 93 об.) всего более еще для человека подобно мне, к семейству крайне привязанного, и оклеветать Глинку¹, человека в связях со мною будто невинного? Я против Глинки¹ никакого неудовольствия иметь не могу кроме того, что вовлечен им в преступное тайное общество и тем подвергся многим неприятностям; он же, напротив, должен питать на меня неудовольствие, во 1-х, за удаление мое от общества, во 2-х, за предвещение мною начальства об опасении насчет бунта², о чем он или товарищи его, может быть, узнали и, в 3-х, за то, что я при допросе о нем объявил; сии причины, вероятно, руководствуют им к навлечению на меня подозрения и неудовольствия начальства всевозможными средствами; и, конечно, какое приятнейшее для членов тайных обществ торжество, как гибель отступника, старавшегося предотвратить преступные их замыслы предвещением начальства о своих опасениях, и тем приятнее если могут навесить самое³ начальство быть орудием сей гибели? Кроме удовольствия мщения, непримиримому духу партий только свойственного, заключается в том видимая их польза⁴; ибо как редко, что остается тайною, то известность о таковой удаче их ухищрений будет удерживать других от удаления от них, а паче от каких-либо против них в пользу правительства покушений; несчастье Ронова¹, например, много содействовало к удержанию меня от открытия правительству о существовании тайного общества; если удастся им погубить меня возбуждением в начальстве сомнения в моей искренности после моего удаления от общества, предвещения об опасении насчет бунта и действительно чистосердечного моего показания, то сие, конечно, удержит многих от подобного удаления, предвещения и чистосердечного признания, сверх всего того Глинка¹ по обстоятельствам дела его, мне неизвестным, может иметь причины отпираться в приеме меня, повторяю, что доказательств не имею и иметь не могу, но к прежним моим о Глинке¹ рассказам присовокуплю следующее, вероятность⁵ // (л. 94) показаний моих усиливающее: во 1-х, рассказывал он⁶ мне, что в разговоре с покойным графом Михайлою Андреевичем на слова графа, что и деспотизм иногда годится, отвечал он: «Как меркурий в иных болезнях, и то гранами», и, во 2-х, говорил он мне про одного чиновника, при покойном г[осподине] министре полиции Сергее Козмиче Вязмитинове по секретной части состоявшего, который будто подал записку, в коей порицал невнимательность покойного государя императора к гражданской части под видом донесения о слухах в публике носившихся; рассказывают ли подобные подробности без короткой связи? Не могу сказать⁷ утвердительно, в то ли общество он меня⁸ принял, в котором он⁹ сам был членом; ибо, как мною уж объяснено, он мне говорил, будто общество только что составилось и именовал мне членами только Семенова¹ и Кутузова¹, может быть, сделано им сие из хитрости или осторожности, как я слышал и, кажется, читал, что тайные общества новым членам часто не открывают своих видов и средств и, вообще, мало что открывают, пока временем и большими опытами в них совершенно не удостоверятся¹⁰, а, может быть, и то, как я в объявлении Комитета в газетах читал, что между членами тайных обществ не всегда гос-

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слова «за предвещение мною начальства... насчет бунта» подчеркнуты карандашом.

3 Слово «самое» вписано над строкой.

4 Слова «Кроме удовольствия мщения... их польза» подчеркнуты карандашом.

5 Две строки от слов «меня; повторяю, что доказательств...» на полях отчеркнуты карандашом.

6 Слово «он» подчеркнуто карандашом.

7 Пять строк от слов «г[осподине] министре полиции...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

8 Слова «Не могу сказать... он меня» подчеркнуты карандашом.

9 Слово «он» вписано над строкой.

10 Три строки от слов «и, кажется читал, что...» подчеркнуты карандашом.

подставляло согласие в предположениях, Глинке, Кутузову и Семенову действительно вздумалось¹ составить отдельное общество, планам их соответствующее.

На 2-й. Объяснение мое на предыдущий пункт достаточно объясняет и сей; присовокуплю только, что Кутузов² однажды сказал мне, будто его сочинения (так называл он помещаемые им в журналах³ статьи) велено цензуре рассматривать с особенной строгостию; без связи по обществу говорил ли бы он сие мне, прежде с ним никакого знакомства не имевшему? Из самих⁴ вопросов Комитета видно, что сии три лица состояли в одном и том же обществе⁵; как бы мне угадать о таковом⁶ их сообществе, если б сам не был их товарищем? // (л. 94 об.)

На 3-е. На «а». Мною уж доложено, что мне сказано было Глинкою² будто общество только что составилось; он же не велел сказывать о том тем, которых буду принимать, дабы их не обескуражить; на «b». О названии общества я никогда не любопытствовал и не думал, чтоб тайное общество должно было иметь особое какое-либо название, а знал только, что состоял в обществе, стремившемся ко введению монархического представительного правления⁷, да и теперь названия обществ, мною в газетах читанные, считаю не иначе, как ребяческою игрою слов, ни к чему не полезную; открытое общество должно иметь название для разных переписок и сношения прямо на имя его или от его имени производимых; но общество тайное, коему благоразумно избегать всяких переписок и которое ни в каком случае не должно производить их от имени общества⁸ в особом названии никакой надобности не имеет.

На 4-е. На «а». Чтоб не иметь ничего письменного, кроме записок об именах кандидатов, которые по миновании надобности уничтожались, говорил мне Глинка², если я при сем случае его особо не именовал, то потому что в объяснении моем единожды сказал, что я почти к нему единственно относился; на «b» и «с». Повторяю, что не знаю; в то ли общество он меня принял, в котором сам состоял, или по несогласии, может быть, видов с таковыми других членов, не вздумалось ли ему с Кутузовым² и Семеновым² составить отдельное общество, видам их соответствующее; может быть и то, что по какой-либо недоверчивости не хотели открыть мне о том обществе или прочие члены оного на то не были согласны; чужих мыслей и побуждений знать не могу; на «d». Начальствующими лицами я знал Глинку², Кутузова² и Семенова², как мною уже объяснено, но относился почти единственно к Глинке², от коего получал все почти на принятие членов разрешения⁹; в особом названии общества никакой для того надобности не было, а принимал я членов в общество, стремившееся ко введению монархически-представительного правления, в коем сам состоял; письменного устава я не знал и не общал никому, а передавал словесно правила, в прежнем моем объяснении изложенные, которые считал¹⁰ // (л. 95) достаточными; особого местоправления я не знал и никакой в том надобности не имел, ибо лично от Глинки получал все почти разрешения¹¹.

¹ Слова «Глинке, Кутузову и Семенову действительно вздумалось» подчеркнуты карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Слово «журналах» написано вместо стертого; на полях против слов «его сочинения (так называл... в журналах» поставлен чернилами крест.

⁴ Слово «самых» вписано над строкой.

⁵ Против слов «в одном и том же обществе» на полях чернилами поставлен крест.

⁶ Первоначально: «том».

⁷ Против слов «ко введению монархического представительного правления» на полях чернилами поставлен крест.

⁸ Две строки от слов «благоразумно избегать всяких переписок...» подчеркнуты карандашом. На полях помета карандашом: «Перетц».

⁹ Пять строк от слов «обществе или прочие члены оного...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

¹⁰ Против слов «словесно правила, в прежнем моем объяснении изложенные, которые считал» поставлен на полях чернилами крест.

¹¹ Слова «от Глинки получал все почти разрешения» подчеркнуты карандашом.

На 5-й. Если б я объявил только о Данченко¹ и Дребуше¹, то можно б полагать, что умышленно указываю на умерших, но как мною объявлено о Глинке¹, Кутузове¹, Семенове¹, Искричком¹, Данченке¹, Лапе¹, Сенявине¹, Дребуше¹ и Устимовиче¹, всего о девяти человеках, из числа коих двое умерли, то тут ничего сомнительного не заключается; состояли ли Дребуш и Данченко в каком-либо тайном обществе в 1818 году², мне неизвестно, хотя полагаю, что нет и что донесший о том Комитету или умышленно обманул, как, например, по словам Искрицкого¹, Лапа¹ будто объявил, что он принят в общество на 16-м году от роду, кажется, будто Данченком¹ или, может быть, объявитель таковой ошибся в времени, как я сам про себя наверно не помню в 1819 или 1820 году имел я несчастье вступить в общество, а что не вступил в оное прежде 1819 года заключаю потому, что по окончании к 1 января 1819 года срока новгородского питейного откупа, у отца моего в содержании бывшего, отправил он меня туда по некоторым поручениям, я бывал там весьма часто у титулярного советника Зверева¹, бывшего тогда советником новгородской казенной палаты и имевшего большой круг знакомства; с ним я был очень дружен так, что последнее время пребывания моего в Новгороде я перебрался жить к нему; если б я состоял тогда в обществе, то, верно, покусился бы вовлечь его в оное, но я ни малейшего о том помышления не имел.

На 6-й. На 1-е, о принятии знаком слова «Хейрут» предлагал Глинка¹, Кутузов¹ и Семенов¹; на 2-е, они тогда же сие одобрили³, а по мере приема мною членов слово сие мною им было сообщено, с тем, чтоб они при приеме членов оное им тоже сообщали; на 3-е, слово сие принято было только на случай встречи, надобности кого-либо из членов в услугах или помощи лица или⁴ лиц, о которых будет полагать, что они тоже члены общества, но наверно того знать не будет, чтоб сообщить первую букву, то есть «Х», на которое если будет ответствовано второю, то есть «е», то продолжать таковое взаимное сообщение по одной букве до окончания // (л. 95 об.) всего слова, сколько мне известно, надобности таковой не встретилось, но наверно не знаю.

На 7-й. Все, что знаю, о цели и средствах действий общества, к которому принадлежал, я открыл чистосердечно без малейшей утайки; более ничего не знаю; Глинка¹, Кутузов¹ и Семенов¹ знали, может быть, более, даже и принятые мною члены и сими принятые, может быть, прежде или впоследствии знали мимо меня более, но мне более не сообщено.

На 8-й. Если Глинка¹, Кутузов¹ и Семенов¹ решительно отрицают, то я, напротив, решительно утверждаю прежнее свое показание, ссылаясь, впрочем, во всем на доводы мои, в объяснении против 1-го и 2-го пунктов изложенные.

На 9-й. На 1-е сказанное мною о непринятии членов без согласия старшего, который должен был относиться тоже к старшему и так далее, разумеется так, что Лапа¹, например, если б вздумал принять кого-либо в члены, должен был относиться к старшему его, то есть к Искричку¹, сей ко мне, а я к Глинке¹, Кутузову¹ или Семенову¹, но старше сих трех последних я никого не знал; на 2-е, на принятие Сенявина¹ и Искрицкого¹ я, кажется, разрешен был сими тремя лицами; о прочих, сколько помню, одним Глинкою¹, принятых мною членов я никому не представлял, избегая всяких сходбищ и заведения новых знакомств, могущих навлечь подозрение, чего Глинка¹ не желал; полагаю, что он имел в виду и ту осторожность, чтоб на случай открытия о существовании общества немногие лица могли показывать, что были в непосредственных с ним сношениях; но, сколько помню, я Сенявину¹, Искричку¹ и Устимовичу¹ о Глинке¹ говорил, что он член нашего общества; Искричку¹ говорил я и о Кутузове¹ и по сему поводу он после сказал мне, что Кутузов¹ арестован⁵.

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слова «в 1818 году» вписаны над строкой.

³ Слова «они тогда же сие одобрили» подчеркнуты карандашом.

⁴ Слова «лица или» вписаны над строкой.

⁵ Пять строк от слов «он имел в виду и ту осторожность...» написаны другим пером вставкой на полях, отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

На 10-й. Об обществе Елисаветы я узнал уж тогда, когда стал уклоняться несколько¹ от нашего общества, и именно по тому случаю, что на вопрос Глинки², почему давно не предлагаю о кандидатах³ чтоб отделаться от него, я отвечал, что не нахожу лиц, в которых мог бы предполагать к тому расположение; при сем случае вырвались у него слова, что можно бы удесятерить⁴ успех, если б присоединиться к обществу Елисаветы, желавшему будто возвести на престол ныне вдовствующую государыню императрицу Елизавету Алексеевну, которого знаки будто состояли в елке и книге завета, на печати вырезанных; говорил он таким тоном, будто ему // (л. 96) сделалось о том известно по службе⁵, но поелику я тогда не желал ни усиления успехов нашего общества, ни входить с доносами на оное или какое-либо общество, то я далее не любопытствовал и потому могу только сказать: на «а», о сем узнал от Глинки², как выше сказано: на «b», цель общества Елисаветы, по словам Глинки, состояла, будто, в возведении на престол ныне вдовствующей государыни императрицы Елисаветы Алексеевны; с каких пор и где оно существовало, мне неизвестно; «с», кто были членами общества Елисаветы, не знаю; сам ни⁶ к оному, ни к какому-либо другому тайному обществу, кроме того, о котором я уж объявил, никогда не принадлежал и «d», знаков елки и книги завета на печатях я никогда ни у кого не видал, а слышал о том только от Глинки².

На 11-й. Сказанное мною в прежнем объяснении, что по нарочитом усилении общества, говорили, составят план действий, смотря по обстоятельствам, говорили мне Глинка², Кутузов² и Семенов².

На 12-й. Кроме тех свиданий, о которых в прежнем объяснении моем показал, и сказанного уже мною о мнениях, предположениях, правилах и средствах действий, я ни в каких совещаниях не участвовал, ни о чем более неизвестен и не знаю, что подало повод к противному заключению.

На 13-й. О посещениях моих у Глинки² оба показания мои справедливы; пока усердствовал обществу, бывал я у него часто, а после, решившись удалиться, реже чем в год раз, как сие по связи мест, где то и другое сказано, ясно видно; если выписывать отдельно по несколько слов, не прописывая вместе предыдущих и последующих, неразрывную с ними связь имеющих и для дополнения смысла необходимых, то во всякой бумаге найдутся мнимые⁷ противоречия; с Кутузовым² и Семеновым² я не много раз виделся, как из прежнего моего объяснения явствует, но повторяю неоднократно мною уже сказанное, что я относился почти единственно к Глинке², ни в каком другом тайном обществе я не участвовал и не // (л. 96 об.) состоял; я почел бы величайшим для себя счастьем какими-либо новыми открытиями достичь того, чтоб вменили мне оные в особую услугу, как Комитет обещает, с чем, конечно, сопряжено бы было облегчение моей участи; но во 1-х, не хочу лгать, во 2-х, кроме поименованных мною лиц, не имел связи ни с кем из членов тайных обществ кроме Жили⁹, о связи коего со мною (если можно назвать сие связью) мною прежде объяснено⁸ и далее сказано будет, и сверх объявленного в газетах и от Искрицкого мною слышанного, о чем мною в прежнем объяснении изложено, не зная⁹ ничего о их правилах, предположениях и средствах, хотя бы хотел, не мог бы составить повествования вероподобного, и в 3-х, как истина рано или поздно, но всегда неминуемо обнаруживается, то по открытии лживости моих вымыслов, вместо услуги оные по всей справедливости вменены бы были мне в внящее преступление и отяготили бы мою участь, вместо того, что теперь, придерживаясь совершенно правды, я несомненно уверен в правосудии и человеколюбии

¹ Слово «несколько» вписано над строкой.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Слова «почему давно не предлагаю о кандидатах» подчеркнуты карандашом.

⁴ Слово «удесятерить» подчеркнуто карандашом.

⁵ Слова «сделалось о том известно по службе» подчеркнуты карандашом.

⁶ Слово «ни» вписано над строкой.

⁷ Слово «мнимые» подчеркнуто карандашом.

⁸ Две строки от слов «связи ни с кем из членов...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁹ Против строки со словами «мною слышанного, о чем мною... не зная» поставлен на полях знак «NB».

Комитета, что по зрелом рассмотрении и исследовании он узнает мое чистосердечие и не оставит меня благосклонным за то снисхождением и потому честь имею ответствовать:

На 1-е. Решился я указывать на Глинку¹, Семенова¹ и Кутузова¹ потому, что сие согласно истине; так да помогает мне бог в сей жизни и в будущей! От 2-го до 6-го включительно, кроме прежних моих показаний ничего присовокупить не могу; на 7-й, ни с какими другими тайными² обществами ни внутри, ни вне России я ни малейшего общения не имел; на 8-е, на «а», прежде уже объяснено; на «b» сверх поименованных мною лиц я никого в члены тайного общества не принимал; на «с» прежде уже объяснено; на «d», несчастная Мария-Антуанета, королева французская, опровергая разные обвинения, злобою на нее вымышленные, когда дошла до статьи, в коей обвиняли ее в соблазнительном будто с сыном обращении³, огра// (л. 97)ничла свое оправдание ссылкой на всех матерей, уверенных в невозможности подобной мерзости; и я в предлагаемом случае ссылаюсь на всех христиан и евреев, пред книгами Моисеевыми равномерно благоговейших; возможно ли такое богохуление? В книге второсказания Моисей именно говорит израильтянам, что в обетованной земле у них будет царь, в одной из последних глав сей книги он, кажется, самого себя называет царем, а книги Моисеевы под непосредственным внушением Божиим писанные, противоречия не заключают.

На 9-й и 10-й. Кроме прежде объясненного ничего присовокупить не могу.

На 11-й, на «а», Устимовичу¹ дал я секретный ключ для переписки на случай надобности в извещении по делам общества, как-то о предложениях кандидатов в члены и о сообщении интересных новостей; на «b», в чем он состоит, я в Комитете показал; на бумаге объяснить оный почти невозможно; я не получил его ни от кого, а он есть усовершенствование, сделанное мною в ключе⁴, о коем рассказывал мне бывший мой учитель Лоран¹, который служил в Швейцарии по иностранной части; и о сем последнем ключе я Комитету лично доложил; на «e», по сему ключу я ни с Устимовичем¹, ни с кем никогда переписки не имел; на «г», сколько мне известно, и он посредством сего ключа ни с кем сношения не имел⁵, но удостоверить в том не могу, хотя повода к подозрению не имею; на «d», с Устимовичем¹ я давно был знаком по знакомству его с отцом моим, с каких пор, именно не помню; дел я с ним никаких не имел кроме принятия его в общество и ссуды его 400 р[ублями], которые мною обратно получены⁶, писал он ко мне, кажется, один только раз скоро по прибытии его в Грузию о благополучном путешествии, о здоровье, о тамошнем климате, сколько помню, кажется, и о милостивом приеме его генералом Ермоловым. // (л. 97 об.)

На 12-й. Первую зиму по вступлении моем в общество разговаривал я с Глинкою¹ о дурном направлении Французской революции⁷, сначала по тогдашнему нашему мнению столь много хорошего обещавшей⁸, приписывали мы сие тому, что участвовавшие в оной вместо преследования общей цели искали личных выгод, и потому говорили, чтоб нам того не делать; точно с ним был сей разговор; никого при том не было; говорил ли я что-либо подобное кому-либо⁹ другому из членов нашего общества, того не помню; под успехами разумел я введение монархически-представительного правительства, времени достижения сей цели я предвидеть не мог, средств, кроме мною уже объясненных, я никаких не знал; надежды мои были основаны¹⁰ на обстоятельствах, мною тоже уже объясненных, других я не

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Слово «тайными» вписано над строкой.

3 Против ответа на пункт «d» на полях помета карандашом: «Вопрос был: какие статьи из Моисея приводил?»

4 Слова «а он есть усовершенствование... в ключе» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «сколько мне известно... не имел» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «и ссуды его 400 р[ублями], которые мною обратно получены» вписаны над строкой другими чернилами.

7 Слова «Французской революции» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «тогдашнему нашему мнению... обещавшей» подчеркнуты карандашом.

9 Шесть строк от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях.

10 Далее зачеркнуто: «тоже».

имел; кроме Глинки¹, Кутузова¹ и Семенова¹ я знал только о тех лицах, о коих мною уже объявлено, полагал, как мною тоже объявлено, что Глинке¹, Кутузову¹ и Семенову¹, может быть, известно и о других членах и что они вероятно стараются об умножении числа оных, но положительного о том и другом² не знал.

На 13-й. У Жили взял всего 4 или 5 италианских уроков; что он был карбонарий, бежавший из своего отечества, слышал я от Искрицкого¹: наверно того не знаю; был ли он членом нашего общества, мне неизвестно, а сколько знаю, он таковым не был; на «а», о принадлежности его к тайному обществу карбонариев известно мне только вышеописанное, от Искрицкого¹ слышанное; «b», мои с ним связи ограничивались встречами у Искрицкого¹ и взятием³ 4-х или 5-ти италианских уроков; дел я с ним никаких не имел, кроме того, что купил у него две книжки его сочинения на французском языке, кажется о теории языков и науке о человеке; сколько знаю, он был в коротких сношениях с домом Искрицких¹, где жил, а думаю, что он бывал у графа Литте потому, что одно из помянутых сочинений ему посвящено; не помню, в котором⁴ году уехал он, кажется⁵, в Костромскую губернию к какому-то помещику, кажется, учителем, куда, и к кому именно, не знаю; «с», о своих // (л. 98) видах, намерениях и действиях он мне никогда ничего не говорил; на «d», кого и когда он принял в какое-либо общество, мне неизвестно.

На 14-й. Изложенные мною в 9-м пункте прежнего моего объяснения суждения, заключающие многочисленные осуждения, негодования и укоризны, служат внящим доказательством моего чистосердия, по которому я предпочел выставить вину свою во всей полноте, нежели уменьшить ее какою-либо утайкою, суждения сии имел я со всеми поименованными мною членами нашего общества⁶, с одним больше, с другим меньше, по мере частных или редких с кем свиданий, кроме Лапы¹, с которым я непосредственно мало говорил, но полагаю, что Искрицкий¹ содержание сих суждений ему большею частию передал, исключая того, что касается Польши и поляков, о чем, как поляку, думаю, что Искрицкий¹ ему не говорил; суждения сии происходили в течение того⁷ времени, как я усердствовал обществу, то есть около двух лет⁸, когда именно, о чем с кем говорено было, того упомянуть невозможно; многократно мною⁹ уж доложено, что в таких случаях, коль скоро требуется чистосердечное признание, то должно объявить то, что доказать невозможно; помню, что с Сенявиным¹ и Дребушем¹ некоторые из помянутых осуждений правительства происходили при братьях Энгельгардовых¹, Николае и Валериане, кажется, Васильевых, в лейб-егерском полку состоящих; сколько мне известно, они к тайному обществу не принадлежали, но Сенявин¹ и Дребуш¹ уверяли, что при них можно таким образом говорить, считая их приятелями (Дребуш¹ у них на квартире умер); но весьма сомневаюсь, захотят ли они засвидетельствовать истину моего показания, во 1-х, опасаясь ответственности за умолчание о том доселе, а, во 2-х, по приятни с Сенявиным¹.

На 15-й. С Глинкою¹ я, пока усердствовал обществу, имел частые сношения; с Кутузовым¹ и Семеновым¹ хоть гораздо менее, но все имел их; гонений опасался я: во 1-х, от всех известных мне членов, не исключая и самого незначительного¹⁰; помогать трудно, а вредить всякий может; притом человек в исступлении политического энтузиазма и распаленный бешенством духа партий может покуситься на

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слова «и другом» вписаны над строкой.

³ Семь строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Три строки от слов «знаю, он был в коротких...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁵ Слово «кажется» вписано над строкой.

⁶ Слова «имел я со всеми поименованными мною членами нашего общества» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слова «суждения сии происходили в течение того» подчеркнуты карандашом.

⁸ Слова «около двух лет» подчеркнуты карандашом.

⁹ Одиннадцать строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

¹⁰ Слова «не исключая и самого незначительного» вписаны над строкой.

все, особенно для отмщения доносителю¹; кем убит Коцебу²? Не ничтожным ли студентом, которого, верно, не считали для него // (л. 98 об.) опасным; во 2-х, Глинка³, быв в связях по масонству и участию в обществах соревнования просвещения и взаимного учения и по прежнему влиянию у покойного графа Михайлы Андреевича весьма мог вредить, особенно на случай бездоказательного доноса, как законами, так и общим мнением весьма осуждаемого; не могу сказать утвердительно, но полагаю, что влияние его содействовало и⁴ к несчастью Ронова⁵, и в 3-х, как мною уже сказано: я не верил, чтоб общество только что составилось, а полагал, что есть члены, о которых мне не открывали; кроме того я должен был еще полагать, что Глинка³, Кутузов³ и Семенов³ набирают новых членов, которые все на случай доноса всемерно старались бы вредить мне; повторяю, что со времени удаления моего от общества претерпевал я неудачи и неприятности, причины коих не мог постигнуть и кои отношу к прямому или косвенному влиянию озлобленных против меня членов тайных обществ; одно слово будто мимоходом в пользу или во вред сказанное спасает иногда или губит человека, да и теперь отчего Комитет сомневается в моем чистосердечии? По ненависти членов тайных обществ, за удаление мое и за остережение мною начальства о бунте⁶, умышленным отпирательством старающихся затмить истину моего показания; когда же отпирательство уличенных, уже виновных, может мне вредить, то чего не надлежало мне опасаться от отпирательства людей, кои выставили бы себя совершенно невинными, особенно после⁷ разительного примера несчастья Ронова³.

На «b». Я никогда не показал, что намеревался *бежать* в Англию, чего и в помышлении не имел, а хотел уехать туда открыто и явно как тысячи уезжают; *бежать* и *уехать* никогда не были словами синонимическими; только дабы не навлечь подозрения не хотел я разгласить о том в то время как был у Искрицкого⁸, как о деле весьма еще дальнем и сомнительном; побудительные мои к тому причины в прежнем моем объяснении изложены; других я не имел; равномерно не просил я Искрицкого³ сделать адрес *чужим* почерком, что значило бы подражание // (л. 99) почерку другого какого-либо именно лица, а просил его только надписать буде может так, чтоб не узнали его руки; скрывание своего почерка в актах или бумагах, какую-либо обязанность излагающих, должно быть почтено фальшивым поступком, поелику может иметь целию несправедливое от сих обязанностей уклонение; но скрыть свой почерк на адресе письма для избежания любопытства или видов почтового чиновника, на распечатание оного никакого известного законного права не имеющего, столь же мало похоже на фальшивый поступок, как если человек долженствующий пройти мимо людей, от коих опасается незаконных неприятностей, наденет маску или закутается, чтоб не быть узнану; а если они его остановят, спросят о его имени и он притворным голосом назовет себя действительно чужим именем, и за то никакой благомыслящий его нимало не осудит; хотя и не имею теперь никаких книг законов для справки, но я уверен, что и закон того не запрещает.

На «с», как я никогда не намеревался *бежать*, то и мер не принимал, никто о том⁹ не знал и не обещал¹⁰ способствовать; если б послал предположенное письмо и получил бы от г[осподи]на Way желанный отзыв, то вышел бы в отставку, публиковал бы в газетах о своем отъезде, соблюл бы все прочие законные обряды и уехал бы среди бела дня; на «d», как Искрицкий³ отозвался невозможностью над-

1 Слова «притом человек в иступлении... для отмщения доносителю» подчеркнуты карандашом.

2 Против фамилии «Коцебу» на полях поставлен крест чернилами.

3 Фамилия подчеркнута карандашом.

4 Союз «и» вписан над строкой.

5 Слова «что влияние его содействовало и к несчастью Ронова» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «за остережение мною начальства о бунте» подчеркнуты карандашом.

7 Против слов «людей, кои выставили бы себя совершенно невинными, особенно после» поставлен на полях крест чернилами.

8 Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

9 Слова «никто о том» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

10 Слово «обещал» вписано над строкой.

писать адрес, скрывая свой почерк¹, то я предположенного письма к г[осподи]ну Way и не писал; еще более убедился я оставить сие до другого времени по протяжении объявления Комитета в газетах² о разделении виновных в участии в тайных обществах на разные классы относительно степени вины и меры наказания, по которому, зная многолетнее мое от общества удаление и предварение мое начальства об опасности бунта, я весьма успокоился.

На 16-й. На 1-е, повод к опасению возмущения имел я; во 1-х, по известности о существовании тайного общества, стремившегося к перемене образа правления, которое в течение с лишком пяти лет, а может быть и гораздо более, весьма должно усилиться, так что при³ тогдашних обстоятельствах с некоторою вероятностью надлежало опасаться какого-либо возмутительного покушения, и во 2-х, слова Глинки⁴ гадательно хотя сказанные: «Что-нибудь да будет, посмотрим» по связи // (л. 99 об.) нашего разговора, о коем я уже объяснял, не явно ли значили, что и он предполагал вероятность возмущения? Сего слишком достаточно было для побуждения меня ехать к г[осподину] Гурьеву⁴ и просить его довести до сведения покойного графа Михайлы Андреевича о моих опасениях; ибо не учинив сего я на случай бунта рисковал погибнуть сам со всем семейством и быть молчанием моим виною всеобщего бедствия, а сделав сей шаг, если б удостоили слова мои внимания и открыли бы, что действительно затевался бунт, я мог ожидать награды от правительства, благодарности всех благомыслящих и душевной радости об отвращенном зле, а буде против моего чаяния нашли бы опасения мои неосновательными, вся беда кончилась бы на том, что сочли б меня дураком или трусом; у меня же, благодаря бога, довольно было благоразумия и твердости, чтоб предпочесть лучше слыть дураком или трусом, нежели малейше рисковать собою, семейством, родными и всеобщим спокойствием; на 2-е, правительство не имело видов к подозрению о заговоре потому, что оно о существовании тайного общества, ко введению нового образа правления стремившегося, сведения не имело; донос, Роновым⁴ сделанный или к которому он подал повод, оставлен был без уважения, а несчастье его, верно, остановило других от извещения правительства; но я знал, что тайное общество существовало, по крайней мере, пять лет слишком, а может быть, и гораздо долее, и слышал от Глинки⁴ явное, хоть гадательное, подтверждение моих опасений; не безызвестно и то, что внимательный зритель, со стороны наблюдающий, видит иногда лучше действующего лица, несравненно умнейшего.

Что я не знал о заговоре от тех самых людей, кои произвели известное неустойство, и вообще никакого о том положительного сведения не имел, хотя сие не требует доказательств, ибо по всем законам нужны доказательства ясные и явные для обвинения, а не для оправдания, но сие доказывается тем, во 1-х, что я с сими людьми ни малейшей связи не имел и сколько помню, ни с кем из них никогда // (л. 100) ни слова не говорил; во 2-х, что с известными мне членами нашего общества (об участии кого-либо из них в бунте я не знаю)⁵ я задолго пред тем не виделся и никаких сношений не имел, исключая Искрицкого⁴, с которым встретился нечаянно в кондитерской еще тогда, как о восшествии государя императора Николая Павловича никто в моем кругу не помышлял и никакого политического разговора с ним, Искрицким⁴, при том случае не имел, и Глинка⁴, о разговоре с коим мною уже объяснено; в 3-х, если б я имел положительное сведение о заговоре, то неминуемо одно из двух: или я желал одного или нет; в первом случае не остерег бы я начальства, ибо человек, желающий бунта, не остерегает, а напротив, всемерно старается усыпить бдительность правительства, а во 2-м случае, то есть не желая бунта, объявил бы я мои о том сведения во всей подробности, особливо видев, что остережение мое общими словами не было уважено⁶, не говорю даже о

1 Слова «скрывая свой почерк» подчеркнуты карандашом.

2 Семь строк от слов «никто о том не знал...» подчеркнуты на полях карандашом.

3 Три строки от слов «известности о существовании тайного общества...» подчеркнуты на полях карандашом. Против них на полях чернилами поставлен крест.

4 Фамилия подчеркнута карандашом.

5 Текст в скобках подчеркнут карандашом.

6 Слова «остережение мое общими словами не было уважено» подчеркнуты карандашом.

любви к государю и отечеству, опасность бунта наверно предстоящего для человека семейного, он того не желающего, столь велика, что пред нею исчезли бы все прочие опасения, и в 4-х, при первом допросе во дворце за чистосердечное признание обещано было мне спасение, и поныне чистосердечие поставляется мне на вид, как единственное к тому средство, что могло б побудить меня вместо спасения избрать гибель? Если не объявляю более объявленного, то единственно потому что более ничего не знаю.

Заблаговременные разведывания мои после посещения Глинки¹ ограничиваются только отыскиванием Сенявина¹, коего, однако, не нашел; цель моя была, во 1-х, узнать, не известно ли ему что-либо? И во 2-х, на всякий случай, остеречь его от участия в бунте; если при опасении денежного какого-либо ущерба люди не мнятся хлопотать и разведывать, то (не говорю даже о любви к государю и отечеству) как не разведывать, опасаясь происшествия, где мог лишиться не только имущества, но и самой жизни, и не только собственной, но и жены, детей и всех родных?

На месте возмущения во время происшествия был я один только раз (при нечаянном узрении возмутительного отряда у дома г[осподи]на² военного генерал-губернатора, коль скоро заметил, что бунт, я ту же // (л. 100 об.) секунду пошел своим путем), а был я на месте возмущения во время происшествия, как сказано, один только раз между 2-м и 4-м часом полудни вместе с отцом моим, которому даже отсоветовал ехать и сам того не хотел, опасаясь быть убитым или раненым, но, видев его решимость, совестился³ не делить с ним сей⁴ опасности; все время мы были в местах, мною прежде уже означенных, отнюдь не на стороне бунтовщиков; вечером я был там в другой раз по окончании уж происшествия, желав удостовериться, точно ли все успокоено, дабы самому с семейством быть спокойным; и сей раз был я не один, а вместе с конторщиком отца моего Шеллером; впрочем, все время были там десятки тысяч зрителей обоего пола, в заговоре, верно, ни малейше не участвовавших, а по всей справедливости любопытствовавших знать о ходе и окончании происшествия для всех опасного.

На «а». О замышляемом на 14 декабря заговоре я кроме собственного опасения и прежде объявленных мною гадательных слов Глинки¹ никакого сведения не имел; на «б», из заговорщиков в сем качестве я никого не знал⁵, а видел⁶ я за несколько лет пред тем один только раз Корниловича¹ в доме купца Томсона¹, Панова¹ у Сенявина (когда он был юнкером)⁷, но по сие время не знаю, того ли, который участвовал в бунте. Батенкова¹, Рылеева¹ и Бестужева¹ видел я в течение 1825 года в доме Прокофьева; по сие время не помню, говорил ли я с ними когда-либо хоть одно слово; о Рылееве¹ и Бестужеве¹ я только после происшествия узнал, что я их видел, и ни с кем из заговорщиков, сколько мне об них по газетам и слухам известно, я ни малейшей связи не имел; на «с», тем менее принимал я какое-либо в заговоре участие; напротив, по одному опасению о бунте сделал я все от меня зависевшее для отвращения зла остережением покойного¹ графа Михайлы Андреевича через г[рафа] Гурьева; если из предварения мною начальства об опасениях моих насчет бунта вывести заключение о моем в нем участии, то сие, кажется, было бы весьма несправедливо и устрало бы всякого от подобного остережения начальства.

На 17-й. При разговоре моем с Глинкою¹ в книжной лавке Плавильщикова в той комнате никого не было; доказательств в том представить не // (л. 101) могу, как уже многократно мною повторено, что в подобных случаях иметь их почти

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Против слов «только раз (при нечаянном узрении возмутительного отряда у дома г[осподи]на» на полях поставлен чернилами крест.

³ Первоначально было: «хотел».

⁴ Против слов «или раненым, но, видев его решимость... с ним сей опасности» на полях поставлен чернилами крест.

⁵ Слова «из заговорщиков в сем... никого не знал» подчеркнуты карандашом.

⁶ Против слов «не имел; на "б", из заговорщиков..., а видел» на полях поставлен чернилами крест.

⁷ Слова «когда он был юнкером» вписаны над строкой.

невозможно; но, между прочим, Глинка¹ сказал тогда мне, будто говорил с[анкт]-петербургскому господину военному генерал-губернатору, что он перемены образа правления не желал, а видел несправедливости и вопиял², и что будто сказал ему, что и его превосходительство сам прежде говорил против несправедливостей; в верности сего рассказа Глинка¹ ручаться за него не могу, но если по справке у его превосходительства окажется, что слова сии были говорены, то не вероятно ли, что Глинка их мне пересказал.

На 18-й. В исходе декабря³ 1825-го года имел я счастье подать государю императору чрез господина статс-секретаря Кикина всеподданнейшее прошение или письмо (не знаю как пристойнее назвать) с поднесением всеподданнейшей записки о некоторых государственных предметах; сие сделано мною единственно по внутреннему убеждению моему в пользу изложенных в оной мыслей моих; из членов тайного общества никто о том не знал, а уже в январе сего 1826 года прочитал я их Искрицкому¹, взяв с него честное слово, что о том никому не упомянул, и единственно для узнания его мнения: не заключается ли в них что-либо, могущее навлечь неудовольствие или подозрение. Он ничего подобного не находил⁴.

На 19-й, с Сениявиным¹ (везде разумею сына) я пред 14 декабрям 1825 года долго не виделся, по крайней мере, месяц и, кажется, гораздо более и никаких сообщений не имел.

На 20-й, с Сениявиным¹ никакого⁵, и даже после 14 декабря до арестования Искрицкого¹, полагая оное в тот день, как он был у меня в последний раз, я с Сениявиным¹ не виделся; Искриц// (л. 101 об.)кий вообще обещал мне не именовать меня нигде⁶ или в каком случае яко члена тайного общества и я обещал ему тоже самое, как в прежнем моем объяснении сказано, что я просил его впредь о таковой же скромности и обещал ему оное взаимно (не знаю, те ли слова прописываю, но смысл тот самый).

На 21-й. По арестовании Искрицкого¹, полагая оное, как выше сказано, незадолго пред тем, как сам был арестован, виделся с Сениявиным¹ у отца его при посторонних, ни о чем подобном не мог говорить, просил его к себе в намерении посоветоваться, не объявить ли нам о себе. Он хотел быть, но до арестования моего не был.

На 22-й. Милосердие, конечно, есть произвольный порыв великой души, на которое никто права не имеет, всего менее подданный, пред своим государем виновный, но если как со стороны господ членов Комитета мне неоднократно было объявлено, оно зависит от раскаяния и чистосердечного признания, то льщу себя, что имею некоторое на оное право, тем более, что остерегал начальство об опасении насчет бунта; что слова мои не были уважены, в том не моя вина.

Покойный граф Михаила Андреевич, вероятно, потому оставил их без внимания, что опасенное⁵ мною явление казалось ему тогда несбыточным; но теперь, когда самое происшествие открыло, что если б удостоил⁷ их внимания, он бы, может быть, был жив и сотни невинных не погибли бы, после того слова мои, кажется, заслуживают веру.

Но буде (чего, однако, быть не может) не по // (л. 102) пустым наговорам и отпирательствам, а действительно доказано б было, как законами установлено, что показания мои ложны, то повторяю, изустно мною в присутствии Комитета доложенное, что не только отрекаюсь от всякого милосердия, но добровольно подвергаюсь усугублению заслуженного мною наказания.

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слова «видел несправедливости и вопиял» подчеркнуты карандашом.

³ Слова «в исходе декабря» подчеркнуты карандашом.

⁴ Пять строк от слов «тайного общества никто о том...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁵ Так в подлиннике.

⁶ Слова «Искрицкий вообще обещал... меня нигде» подчеркнуты на полях карандашом. Там же помета карандашом: «Почему не объявил о себе, когда арест[овали] Искр[ицкого] [...]». Далее неразборчиво.

⁷ Против слов «самое происшествие открыло, что если б удостоил» на полях поставлен чернилами крест.

Изустно доложенное мною о слышанном касательно их¹ высокопревосходительств Николая Семеновича Мордвинова и Алексея Петровича Ермолова и его превосходительства г[осподи]на генерала Орлова (имени и отчества не знаю) излишним считаю подробно повторять, поелику слышанное о первых двух особах не касалось ни высочайших особ, ни образа правления, а о последнем слышал только, что желает конституции, не помню от кого, и когда. Не сказано было, какой конституции он желает, ниже, чтоб желал введения ее какими-либо насильственными мерами.

Титулярный советник Перетц²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 18-го дня 1826 года // (л. 103)

№ 36 (35)³

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловредных обществах
титулярного советника Перетца

Донесение

Если на очных ставках не удастся мне усювестить или уличить Глинки, Кутузова или Семенова (ибо признание хоть одного из них докажет лживость отпирательства других), то для убеждения в истине моих показаний, чистосердичия моего раскаяния и усерднейшем желании обнаружить правду в столь важном государственном деле, я добровольно подвергаюсь тому, что всеми законами строжайше воспрещено: именно пытке, на следующих, однако, трех условиях: во 1-х, чтобы Глинка, Кутузов и Семенов одной равномерно подверглись; о сем прошу не по злобе; я ее ни против кого не питаю, а единственно дабы ожидаемым чрез то признанием прекратить мои страдания; во 2-х, чтоб мне дозволено было приоб// (л. 103 об.)щаться предварительно святых тайн у пастора евангелического исповедания, получить родительское благословение⁴; проститься с⁵ женою и благословить детей моих, и, в 3-х, на случай по слабому сложению не выдержу пытки, всепокорнейше прошу об исходатайствовании всемилостивейшего призрения моего семейства.

Я же при последнем издыхании сочту себя счастливым, доказав, что если согрешил, то единственно по заблуждению, и что, пожертвовав для оного долгом, я взамен того пожертвовал всем земным для исполнения долга верноподданного и сына отечества.

Есть лучший мир.

Титулярный советник Перетц⁶
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 19-го дня 1826-го года // (л. 104)

№ 37 (36)

1826 года 22 марта в присутствии высочайше учрежденного Комитета, по отрицанию титулярного советника Семенова дана ему очная ставка с титулярным советником Перетцом, который показал:

1) что полковник Ф. Глинка по принятии его в члены тайного общества осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) представил его Кутузову и Семенову и что последний, как и первые сказали ему, Перетцу, что общество только что составилось и что по нарочитому усилению оного будет составлен план действий, смотря по обстоятельствам;

¹ Против начала абзаца поставлен на полях чернилами крест.

² Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 20 марта».

⁴ Слова «получить родительское благословение» написаны вместо стертых слов.

⁵ Слова «проститься с» вписаны над строкой.

⁶ Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

2) что в числе начальствующих лиц над сим обществом знал он и г[осподина] Семенова;

3) что вместе с ним и Кутузовым был он¹ раза два у него, Перетца;

4) что он вместе с Глинкою и Кутузовым возложили на него, Перетца, обязанность приема в члены тайного общества, вследствие чего приняты им Сенявин, Искрицкий, Данченко и Устимович;

5) что он, Перетц, предлагал Глинке, Кутузову и Семенову о принятии знаком еврейского слова «Хейрут» (свободу означающего) для узнавания друг друга в случае нужды и сие тогда же ими одобрено было;

6) что с ним, Семеновым, как и с другими, он имел сношение по обществу и

7) что с ним же, как // (л. 104 об.) и с прочими имел разговоры, в коих приносили упреки, осуждения, укоризны и негодовали на правительство, вельмож, государя и великих князей.

Семенов же, отрицая все вышеизложенное как вовсе ему неизвестное, показал, что Перетца видел у полковника Глинки один раз, где с ним и познакомился, но чтобы² на тот раз был Кутузов, сего не помнит; разговор же их тогда состоял о литературе и что, сколько припомнить может, они друг у друга (Семенов и Перетц) более одного раза не были и после того нигде не встречались.

На очной ставке утвердили:

Титулярный советник Перетц
утвердил все вышеизложенное показание свое

Григорий Перетц³

Титулярный советник Семенов
утвердительно отвечал, что он никогда не знал Перетца членом общества, что он не был ему представлен как член общества Глинкою, и не более как раз друг у друга были, знакомясь у Глинки.

Титулярный советник Семенов³

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 105)

№ 38 (37)⁴

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловредных обществах
титулярного советника Перетца

Донесение

В подтверждение показания моего касательно Семенова да позволено мне будет к прежде изъясненному присовокупить следующие доводы, из сегодняшней моей с ним очной ставки извлекаемые:

На вопрос мой: «Что подало повод к нашему знакомству?» отвечал он: «Литература»; неимоверность⁵ сего доказывается⁶ тем, во 1-х, что ни он, ни я не были никогда литераторами; во 2-х, что я ни с каким литератором в сем качестве от роду ни в какой связи не состоял, в чем можно удостовериться справкою у всех наших литераторов; если б желал войти в связи по литературе, мог бы я достичь сего чрез господина бывшего обер-прокурора, что ныне сенатором, графа Сергея Петровича Салтыкова, бывшего // (л. 105 об.) председателя общества соревнования, просвещения и благотворения, чрез г[осподина] обер-секретаря Крикуновского, члена того же общества, у которого оно имело свои заседания, или чрез г[осподина] статского советника Филимонова, известного литератора, у которого г[ос-

1 Слово «он» вписано над строкой.

2 Вместо частицы «бы» первоначально написано «был».

3 Протокол очной ставки подписан Г.А.Перетцом и С.М.Семеновым собственноручно.

4 Вверху листа помета чернилами: «Читано 27 марта».

5 Слово «неимоверность» написано вместо стертого.

6 Против слов «отвечал он: "Литература"; неимоверность сего доказывается» поставлен на полях чернилами крест.

Изустно доложенное мною о слышанном касательно их¹ высокопревосходительств Николая Семеновича Мордвинова и Алексея Петровича Ермолова и его превосходительства г[осподи]на генерала Орлова (имени и отчества не знаю) излишним считаю подробно повторять, поелику слышанное о первых двух особах не касалось ни высочайших особ, ни образа правления, а о последнем слышал только, что желает конституции, не помню от кого, и когда. Не сказано было, какой конституции он желает, ниже, чтоб желал введения ее какими-либо насильственными мерами.

Титулярный советник Перетц²
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 18-го дня 1826 года // (л. 103)

№ 36 (35)³

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловредных обществах
титулярного советника Перетца

Донесение

Если на очных ставках не удастся мне усювестить или уличить Глинки, Кутузова или Семенова (ибо признание хоть одного из них докажет отпирательства других), то для убеждения в истине моих показаний, чистосердичия моего раскаяния и усерднейшем желании обнаружить правду в столь важном государственном деле, я добровольно подвергаюсь тому, что всеми законами строжайше воспрещено: именно пытке, на следующих, однако, трех условиях: во 1-х, чтобы Глинка, Кутузов и Семенов одной равномерно подверглись; о сем прошу не по злобе; я ее ни против кого не питаю, а единственно дабы ожидаемым чрез то признанием прекратить мои страдания; во 2-х, чтоб мне дозволено было приоб// (л. 103 об.)щаться предварительно святых тайн у пастора евангелического исповедания, получить родительское благословение⁴; проститься с⁵ женою и благословить детей моих, и, в 3-х, на случай по слабому сложению не выдержу пытки, всепокорнейше прошу об исходатайствовании всемилостивейшего призрения моего семейства.

Я же при последнем издыхании сочту себя счастливым, доказав, что если согрешил, то единственно по заблуждению, и что, пожертвовав для оного долгом, я взамен того пожертвовал всем земным для исполнения долга верноподданного и сына отечества.

Есть лучший мир.

Титулярный советник Перетц⁶
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 19-го дня 1826-го года // (л. 104)

№ 37 (36)

1826 года 22 марта в присутствии высочайше учрежденного Комитета, по отпращиванию титулярного советника Семенова дана ему очная ставка с титулярным советником Перетцом, который показал:

1) что полковник Ф.Глинка по принятии его в члены тайного общества осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) представил его Кутузову и Семенову и что последний, как и первые сказали ему, Перетцу, что общество только что составилось и что по нарочитом усилении оного будет составлен план действий, смотря по обстоятельствам;

¹ Против начала абзаца поставлен на полях чернилами крест.

² Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 20 марта».

⁴ Слова «получить родительское благословение» написаны вместо стертых слов.

⁵ Слова «проститься с» вписаны над строкой.

⁶ Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

2) что в числе начальствующих лиц над сим обществом знал он и г[осподина] Семенова;

3) что вместе с ним и Кутузовым был он¹ раза два у него, Перетца;

4) что он вместе с Глинкою и Кутузовым возложили на него, Перетца, обязанность приема в члены тайного общества, вследствие чего приняты им Сениявин, Искрицкий, Данченко и Устимович;

5) что он, Перетц, предлагал Глинке, Кутузову и Семенову о принятии знаком еврейского слова «Хейрут» (свободу означающего) для узнания друг друга в случае нужды и сие тогда же ими одобрено было;

6) что с ним, Семеновым, как и с другими, он имел сношение по обществу и

7) что с ним же, как // (л. 104 об.) и с прочими имел разговоры, в коих приносили упреки, осуждения, укоризны и негодовали на правительство, вельмож, государя и великих князей.

Семенов же, отрицая все вышеизложенное как вовсе ему неизвестное, показал, что Перетца видел у полковника Глинки один раз, где с ним и познакомился, но чтобы² на тот раз был Кутузов, сего не помнит; разговор же их тогда состоял о литературе и что, сколько припомнить может, они друг у друга (Семенов и Перетц) более одного раза не были и после того нигде не встречались.

На очной ставке утвердили:

Титулярный советник Перетц
утвердил все вышеизложенное показание свое

Григорий Перетц³

Титулярный советник Семенов
утвердительно отвечал, что он никогда не знал Перетца членом общества, что он не был ему представлен как член общества Глинкою, и не более как раз друг у друга были, знакомясь у Глинки.

Титулярный советник Семенов³

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 105)

№ 38 (37)⁴

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловердных обществах
титулярного советника Перетца

Донесение

В подтверждение показания моего касательно Семенова да позволено мне будет к прежде изъясненному присовокупить следующие доводы, из сегодняшней моей с ним очной ставки извлекаемые:

На вопрос мой: «Что подало повод к нашему знакомству?» отвечал он: «Литература»; неимоверность⁵ сего доказывается⁶ тем, во 1-х, что ни он, ни я не были никогда литераторами; во 2-х, что я ни с каким литератором в сем качестве от роду ни в какой связи не состоял, в чем можно удостовериться справкою у всех наших литераторов; если б желал войти в связи по литературе, мог бы я достичь сего чрез господина бывшего обер-прокурора, что ныне сенатором, графа Сергея Петровича Салтыкова, бывшего // (л. 105 об.) председателя общества соревнования, просвещения и благотворения, чрез г[осподина] обер-секретаря Крикуновского, члена того же общества, у которого оно имело свои заседания, или чрез г[осподина] статского советника Филимонова, известного литератора, у которого г[ос-

¹ Слово «он» вписано над строкой.

² Вместо частицы «бы» первоначально написано «был».

³ Протокол очной ставки подписан Г.А.Перетцом и С.М.Семеновым собственноручно.

⁴ Вверху листа помета чернилами: «Читано 27 марта».

⁵ Слово «неимоверность» написано вместо стерттого.

⁶ Против слов «отвечал он: "Литература"; неимоверность сего доказывается» поставлен на полях чернилами крест.

пода] Греч, Тимковский¹, Измайлов и многие другие сочинители² часто собирались (с его с[иятельством] графом Салтыковым и господами Филимоновым и Крикуновским я был знаком, но вовсе не по литературе), вместо того искал я будто нового знакомства г[осподин]а Семенова, человека по собственному признанию литературы чуждого, точно как бы любопытствуя о модах, вместо портного обратиться к кузнецу, и в 3-х, допустим даже возможность, по крайней мере, весьма невероятную, чтоб вдруг родилась во мне страсть к литературным связям, и чтоб я не иначе мог удовлетворить ее, как чрез нелитератора Семенова; отчего страсть столь прекрасная³ и столь невинная кончилась на четырех или пяти свиданиях? Неужели мы в оные успели пройти весь курс древней и новой словесности, и не только прошедшей и⁴ настоящей, но и будущей так, что после не о чем бы было нам беседовать?

Все сии несообразности исчезают по моему показанию, по которому⁵ познакомились мы по делу для обоих нас интересному, по тогдашнему нашему заблуждению хоть благонамеренному, но незаконному, и потому, положив ему первоначальное основание и имев в полковнике Глинке дальнейшее руководство, // (л. 106) мы продолжение свиданий считали излишним и даже опасным, остерегаясь сходбищ и⁶ заведения новых знакомств без явного к тому повода, ибо чувство вины всегда внушает робкую осторожность.

По расчету времени полагаю, что на днях привезут сюда г[осподина] Устимо-вича; усердствуя содействовать по мере сил и возможности в открытии истины и по человеколюбию всепочтеннейших господ членов Комитета, осмеливаюсь присовокупить, желания не менее облегчения участи несчастного, мною вовлеченного, всепокорнейше прошу по прибытии его сюда, буде возможно, дозволить мне поговорить с ним в присутствии Комитета, прежде нежели он формально будет допрашиван; ибо в таком случае скорее надеюсь его убедить к признанию, нежели по учинении им единожды отпирательства.

Титулярный советник Перетц⁷
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 22-го дня 1826 года // (л. 107)

№ 39 (38)⁸

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловредных обществах
титулярного советника Перетца

Покорнейшее прошение

В объяснении моем от 18-го сего месяца от слабого моего зрения произошли многие описки и оттого много мест подскобленных, приписок и выносок, в столь важных бумагах неуместных; кроме того нахожу нужным присовокупить некоторые пояснения, особых статей составлять не могущих; по всему тому всепокорнейше прошу приказать возвратить мне помянутое объяснение для переписки набело со включением и сих дополнений.

Титулярный советник Перетц⁹
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 25 дня 1826 года // (л. 108)

¹ Далее зачеркнуто «и».

² Слово «сочинители» вписано над строкой.

³ Слово «прекрасная» написано вместо стертого. Против слов «нелитератора Семенова; отчего страсть столь прекрасная» поставлен на полях чернилами крест.

⁴ Слова «прошедшей и» вписаны над строкой.

⁵ Слово «которому» приписано на полях.

⁶ Слова «сходбищ и» приписаны на полях.

⁷ Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

⁸ Вверху листа пометы чернилами: «Читано 27 марта», «№ 826», «28 марта 1826», «отказать», «дополнение может прислать». Внизу листа пометы чернилами: «29 марта коменданту крепости», «№ 534».

⁹ Прощение написано Г.А.Перетцом собственноручно.

Коменданту С[анкт]-П[етер]бургской крепости
г[осподину] генерал-адъютанту Сукину

№ 534
29 марта

Покорнейше прошу ваше высокопревосходительство приказать объявить содержащемуся во вверенной вам крепости титулярному советнику Перетцу, что¹ просьба его² о возвращении писанного им³ в Комитет от 18 марта⁴ показания для переписки набело и для⁵ некоторых пояснений удовлетворена⁶ быть не может; если же он имеет что-либо⁷ дополнить к упомянутому показанию, то⁸ напишет бы особенно и представит обыкновенным порядком в Комитет.

Подписал: военный министр Татищев
Верно: 8-го класса Карасевский // (л. 111)

№ 41 (41)⁹

По показанию титулярного советника Перетца, что за несколько дней до 14 декабря он предварял вас об опасении насчет возмущения и так, что покойный генерал от инфантерии граф Михайло Андреевич весьма был расположен к вам, а так же полагая, что будто бы по характеру покойного графа для обращения его внимания надлежало адресоваться чрез человека им любимого, просил вас доложить графу Милорадовичу от имени его, Перетца, что по случаю восшествия на престол государя императора Николая Павловича должно опасаться возмущения, и вы на сие сказали ему, Перетцу, что его посадят в крепость, но он, отвечая, что с тем и говорит, что готов идти в крепость, излил пред вами одушевлявшие его чувства любви к общему благу, и вы до такой степени были восхищены, что неоднократно восклицали: «C'est sublime! C'est sublime!»¹⁰. Вместе с ним вышли и сказали, что едете прямо к графу и будете к нему, Перетцу, с ответом; вечером же вы были у него с ответом такого рода, которого благопристойность не позволяет ему изъяснить; обязаны вы объяснить:

1

Точно ли и когда Перетц был у вас с означенным предварением, что должно опасаться возмущения? // (л. 111 об.)

2

На чем именно основано было его опасение? Что и от кого слышал он или узнал о покушении к произведению известного неурстройства? // (л. 112)

1

Перетц действительно был у меня 12 или 13 числа поутру и объяснял мне, что он опасается возмущения в день присяги¹¹ государю императору Николаю Павловичу. // (л. 111 об.)

2

Я спросил у него, какие он имеет причины сего опасаться? Он мне сказал, что *все более привязаны к Константину Павловичу, нежели к Николаю Павловичу*. Я ему возразил, что хотя

1 Далее зачеркнуто: «просьбу его от 25, прошение его».

2 Слово «его» вписано над строкой.

3 Слова «писанного им» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «поданного».

4 Слова «от 18 марта» вписаны над строкой.

5 Далее зачеркнуто: «пояс[...]».

6 Далее зачеркнуто: «не признает».

7 Далее зачеркнуто: «в упомя[...]».

8 Далее зачеркнуто: «пусть».

9 Вверху листа помета чернилами: «Читано 29 марта».

10 «Как это прекрасно! Как это прекрасно!» (франц.).

11 Слова «что опасается... в день присяги» подчеркнуты карандашом.

Константин Павлович и кум мне, и что я люблю его душевно, но и Николай Павлович подает большие надежды, что он человек весьма просвещенный и трудолюбивый, что он молод и имеет детей и уже оказал черту необыкновенного великодушия тем, что первый присягнул Константину, который, с своей стороны, также имел великость свято исполнить свое прежнее отречение. // (л. 112) Следовательно, возмущения бояться не от чего — ибо всякий должен быть уверен, что все делается законным порядком и мы будем иметь в Николае, избранном императором Александром, хорошего и мудрого государя. Перетц, мне казался, был сим убежденным — но, однако же, не престаивал твердить о страхах возмущения, не называя, от кого и что¹ он именно слышал о покушениях², и не объясняя более, просил довести сказанное им до графа Милорадовича. Я ему отвечал, что ежели ему этого очень хочется, то я исполню; но чтобы он на меня не пенял, ежели его посадят в крепость. Перетц и на сие решился, // (л. 112 об.) изъясняя чувство приверженности к общему благу и спокойствию, на что я, как помнится, и сказал: «C'est sublime! C'est sublime!» и, видя решимость г[осподи]на Перетца, тогда же передал разговор мой графу Милорадовичу.

3

Точно ли вы объясняли графу Милорадовичу слова Перетца и были у него с ответом графа?

Граф Милорадович, выслушав все, мне отвечал: *«Пожалуй мы его посадим в крепость, но что скажут жена и дети? Напрасно все беспокоятся — все пройдет благополучно. Николай Павлович вел себя, как ангел, и будет бесподобный государь, я купил его бюст и велел Дову сделать его портрет в рост».*

На вопрос же мой, что думает он о Перетце, он изъяснился о его трусости в выражениях, не повторяемых на бумаге, что я и привел в ответ Перетцу.

Вот все, что могу запомнить из сих разговоров, казавшихся мне тогда не могущими иметь случившихся последствий, и потому кроме вышесказанного неважные подробности их не остались в моей памяти.

Действительный статский советник Гурьев
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 109)

¹ Слова «и что» вписаны над строкой.

² Слова «однако же, не престаивал... слышал о покушениях» подчеркнуты карандашом.

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловердных обществах
титулярного советника Перетца

Донесение

По объявлении мне, что Комитет просьбы моей о возвращении моего объяснения от 18-го сего марта, во многих местах подскобленного и многие приписки и выноски заключающего, для переписки набело и некоторых дополнений удовлетворить не может и чтоб я дополнения таковые представил особо, честь имею доложить, что, не имея пред собою ни сделанных мне вопросов, ни моих на оные ответов, ниже копии с них, не могу припомнить в точности ни содержания оных, ни к какому именно месту какое идет дополнение; сделаю, что могу, но за верность мест, на которые буду ссылаться, не отвечаю.

«А». Ответ мой на пункт, в котором сказано, что // (л. 109 об.) Комитет имеет сведение, будто Дребуш и Данченко состояли в тайном обществе еще в 1818 году, что подает повод к сомнению, не ссылаюсь ли я на мертвых, дополняя таким образом, что если б я объявил только о сих двух лицах, то сие могло б возродить подозрение, но как, кроме их и себя, объявил я о Глинке, Кутузове, Семенове, Искрицком, Лапе и Устимовиче, всего с ними и с собою о десяти лицах, из коих в течение около шести лет двое умерли, то тут ничего сомнительного нет; состояли ли Данченко и Дребуш в 1818 году в каком-либо тайном обществе мимо меня, наверно не знаю; хотя полагаю, что нет, и что донесший о том Комитету или умышленно обманул (*не ссылается ли он на мертвых?*), как Лапа, например, по словам Искрицкого, будто объявил, что он принят в тайное общество на 16-м году от роду, кажется, будто Данченко или, может быть, ошибся в времени, как я сам про себя наверно не знаю: в 1819-м или 1820-м годе имел я несчастье вступить в общество; но что не вступил в оное прежде 1819 года, *кроме свидетельства моей памяти, заключаю еще и потому*, и прочее до окончания сего ответного пункта, где присовокупить, что по квартирному в Новгороде Конно-егерского полка и по // (л. 110) близости военного поселения *Зверев* тем более мог бы быть для общества полезен и интересен, и потому, если б я сам тогда, то есть в начале 1819 года, в оном состоял, то наверно бы покусился вовлечь и его в оное².

«В». Ответ на пункт касательно правила, по которому для принятия новых членов, всякому надлежало относиться к старшему своему, сей к своему старшему и так далее, дополняю таким образом: «Само по себе явно, что действие сего правила могло простираться на тех только членов, которые имели над собою старших, а не на самых старших членов, старейших над собою не имевших, а как мною уже было объявлено, что по словам Глинки, Кутузова и Семенова я должен был считать их самыми старшими членами общества, то в сем предположении помянутое правило разумелось» и прочее до окончания сего ответного пункта.

«С». Ответ на пункт, в котором сказано, что известность моя о заговоре от лиц³, производивших известное неустройство, доказывается многократными моими после посещения⁴ у Глинки разведываниями и явлениями на месте возмущения во время происшествия, дополняю тем во 1-х, что разведывания вообще вместо того, чтоб доказать положительное о чем-либо сведение, напротив доказывают неуверенность, ибо что значит разведывать? Разыскивать, стараться узнать; сие, может быть, нужно только тому, кто наверно не знает, а // (л. 110 об.) тому, кто знает наверно, в том более надобности не стоит; мои же разведыва-

¹ Вверху листа помета карандашом: «Читано 31 марта».

² Против слов «наврно бы покусился вовлечь и его в оное» поставлен на полях чернилами крест.

³ Далее зачеркнуто: «оный».

⁴ Слова «после посещения» вписаны над строкой.

ния после посещения Глинки ограничились отысканием Сенявина в двух только местах, которого, однако, не нашел и прочее до окончания статьи о разведываниях, и во 2-х, что собственно на месте возмущения во время происшествия¹ я ни разу не был; ибо пространство между домами господина военного генерал-губернатора, княгини Лобановой и экономического общества, где я был во время происшествия, нельзя назвать местом возмущения, а можно назвать оным Сенатскую площадь, на которой я во время происшествия вовсе не был, а после уже поздно вечером, когда все было успокоено и ни одного уже бунтовщика там не было; сказанное мною в сей же статье о том, что я не думал ехать и отцу отсоветывал и далее, подтверждаю².

Титулярный советник Перетц³
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Марта 30-го дня 1826 года // (л. 113)

№ 43 (42)⁴

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловредных обществах
титулярного советника Перетца

Донесение

Очная ставка с Семеновым кроме довода, в тот же день мною объясненного, преподала мне против него еще улику, о которой я доселе не доносил Комитету в надежде, по уверенности в истине моих показаний, что она будет общая и против полковника Глинки и Кутузова, и потому, не желав утруждать трикратным об оной повторением, намеревался я изъяснить ее по окончании очных ставок и с сими лицами; но как после очной ставки с Семеновым прошло уже более двух недель и мне с Глинкою и Кутузовым оных не дают, из чего заключаю, что Комитет // (л. 113 об.) признанием ли их или другим образом удостоверился в истине моего об них показания и не находит более надобности в очных ставках между ими и мною, то вменяю себе в долг доложить теперь о помянутой против Семенова улике:

Если б показание мое об нем было ложно, то он видел бы во мне злостного клеветника, чужую вину на него, совершенно невинного, слагающего; сие возбудило бы сильнейшее в нем против меня негодование и буде по сверхчеловеческой почти кротости и любви христианской, он в душе меня б и простил, и тогда даже надлежало б ему оказать оное наружно для пробуждения во мне хоть последней искры стыда, совести и страха божия и для приведения меня в замешательство, которое со стороны всепочтеннейших господ членов Комитета, верно, не осталось бы без замечания в его пользу; он же, напротив, не только не сделал ни ма// (л. 114)лейшего мне упрека или увещания, но на мои убеждения изъяснил сожаление о несчастьи моем и моего семейства⁵; все сие не явно ли обнаруживает, что он сам внутренно чувствовал как справедливость моего показания, так и лживость своего отпирательства?

Титулярный советник Перетц⁶
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Апреля 6-го дня 1826 года // (л. 115)

¹ Слова «во время происшествия» вписаны над строкой.

² Две строки от слов «сказанное мною в сей же статье...» написаны более мелким почерком, против них на полях поставлен чернилами крест.

³ Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

⁴ Вверху листа пометы чернилами: «К сведению», «Читано 7 апреля».

⁵ Слова «мои убеждения... о несчастьи моем и моего семейства» подчеркнуты карандашом. На полях помета карандашом: «Солгал».

⁶ Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

В высочайше учрежденный Комитет
для разыскания о зловердных обществах
титулярного советника Перетца

Покорнейшее прошение

Прошло уже более трех недель после объяснения моего от 18 марта, коим подтвердил я все прежние свои показания; в течение сего времени имел я очную ставку с Семеновым, которая, кажется, была в мою пользу; кроме изъясненных мною против него улик ссылаюсь на слова одного из всепочтеннейших господ членов Комитета, который тут же изволил сказать ему: «Видно, что неправда»; с другими // (л. 115 об.) бывшими моими сообщниками мне очные ставки не даны и ни малейшего нового вопроса мне не учинено.

По всему тому уповаю, что дело мое оказалось в том точно виде, в каком я его с самого начала чистосердечно² представлял, а именно, что около двух лет я имел несчастье состоять в тайном обществе, но около четырех уже лет как от него удалился, ни в гнусных покушениях на жизнь высочайших особ, ни в преступном заговоре 14 декабря я ни малейше не участвовал и об оных ничего не знал, а по одному лишь³ предположительному опасению возмущения остерегал я благовременно покойного графа Михайлу Андреевича Милорадовича чрез г[осподи]на действительного статского советника Гурьева. // (л. 116)

Прибавилось одно только обстоятельство; по заперательству бывших моих соумышленников я готов был на смерть, добровольно подвергался пытке для открытия истины.

Наступает торжество искупления, величайшего залога милосердия, богом человечеству дарованного; не смею ничего присовокупить; милосердие божие всего убедительнее; да будет оно ходатаем за меня и за несчастное мое семейство!

Титулярный советник Перетц⁴
Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф

Апреля 11 дня 1826 года // (л. 117)

1826 года мая 18 дня от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] титулярному советнику Семенову.

В дополнение показаний ваших объясните, справедливо ли следующее показание Григория Перетца. Он говорит, что предметами совещаний и рассуждения его с вами, Глинкою, Кутузовым, Сенявиным, Искрицким и Устимовичем в течение около двух лет, т[о] е[сть] в то время, как он усердствовал обществу, были или принятие членов, или взаимное друг другу о действиях правительства извещение, или подкрепление и утверждение в принятом намерении; рассуждаемо было: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны облигации // (л. 117 об.) на 50 коп[еек] серебром, о разорительных для России иностранных займах, с 1817 года без существенной нужды сделанных, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях особливо в делах с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора о малой его внимательности к гражданской части, о множестве чиновников

¹ Вверху листа помета чернилами: «Читано 14 апреля».

² Слово «чистосердечно» вписано над строкой.

³ Слово «лишь» вписано над строкой вместо зачеркнутого «уж».

⁴ Показание написано Г.А.Перетцом собственноручно.

⁵ Вверху листа помета чернилами: «21 мая 1826».

и скудном жалованье, яко главных источниках запутанностей и злоупотреблений, об учреждении министерств, о Государственном совете, яко новой для замедления дел инстанции, о взыскательности бывшего тогда великого князя Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем // (л. 118) государе императоре, коего описывали скупым и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев пред завоевателями россиянами, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о причислении Выборгской губернии к великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту, о строгом с сим полком поступлении, несмотря на то, что граф Милорадович будто бы обещал прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатке законодательства, // (л. 118 об.) о Священном союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства. // (л. 119)

№ 46 (45)

Высочайше учрежденному Комитету
титулярного советника Семенова

Ответ

Имел ли Григорий Перетц в продолжение около двух лет какие совещания с Глинкою, Кутузовым, Синявиным, Искрицким и Устимовичем, мне неизвестно. Последних трех я никогда не видал. С Перетцом, как уже донесено от меня Комитету, виделся я не более двух или трех раз: однажды у Глинки, в другой раз у него, Перетца, и, кажется, он также однажды был у меня. Знакомство мое с ним продолжалось токмо несколько дней. Во время наших свиданий Перетц говорил¹ о цели и средствах учреждаемого им общества и о том, что он или располагаетеся принять или уже принял в его сочлены Синявина, Искрицкого, Устимовича и Данченко. Впрочем, сколько припомнить могу, я не входил и там в рассуждения о действиях правительства и не порицал ни покойного государя императора, ни великих князей, ни вельмож.

Титулярный советник Семенов²

21 мая 1826-го // (л. 120)

№ 47 (46)

Высочайше учрежденный Комитет требует [от] титулярного советника *Перетца*³:

1

Где воспитывались вы? Если в публичном заведении — то в каком именно, а ежели у родителей или родственников, то кто были ваши учителя и наставники?

2

В каких предметах старались вы наиболее усовершенствоваться?

3

Не слушали ль сверх того особых лекций? В каких науках, когда, у кого и где именно? Объяснив в обоих последних случаях, чьим курсом руководствовались вы в изучении сих наук?

¹ Слово «говорил» вписано над строкой.

² Ответ написан С.М.Семеновым собственноручно.

³ Слова «титулярного советника *Перетца*» написаны другим почерком и другими чернилами.

С которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т[о] е[сть] от сообщества ли или внушений других или от чтения книг или сочинений в рукописях и каких именно? // (л. 120 об.) Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?

На вышеизложенные вопросы честь имею доложить:

На 1-й. Воспитывался я не в публичном заведении и первоначально у покойного деда моего в деревне¹ в Могилевской губернии, где учился еврейскому языку и закону божью у еврея Самсона Леви. Русскому языку и арифметике у г[осподина] Синявского, служащего теперь² Министерства финансов по департаменту внешней торговли. Истории — по сочинениям Шрека и геометрии и алгебре по сочинениям Волфа у еврея Менделя Сатановского; в начале 1803 года привезен я в С[анкт]-Петербург в дом отца моего, где главным моим наставником был швейцарец г[осподин] Лоран, который преподавал мне французский язык, геометрию и алгебру по сочинениям Лежандра и Лакроа, географию и статистику по сочинениям Пинкертона и Мальт-Брюна, историю по сочинениям Милиота, Босюэта, Голдсмита и Волтера, эстетику и словесность³ по сочинениям Батау и Лагарпа и политическую экономию⁴ по сочинениям Смита и Сея; кроме того, проходил он со мною курс наук Кондильяка; немецкому языку учил меня г[осподин] Шлейспер, а русскому — г[осподин] Шарапов, состоявшие тогда при коммерческом училище; из них г[осподин] Лоран теперь профессором при Ришельевском лицее в Одессе, г[осподин] Шлейспер живет в⁵ С[анкт]-Петербурге, а г[осподин] Шарапов умер.

На 2-й. Наиболее старался я усовершенствоваться в истории, географии, статистике и политической экономии.

На 3-й. В 1810 или 1811 годе, слушал я курс политической экономии, который⁶ г[осподин] профессор Болудянский читал публично в доме педагогического института, он читал по своим тетрадям, но придерживался наиболее системы Смита.

На 4-й. В июле 1817 года, возвратясь в С[анкт]-Петербург после 5 лет сей отлучки и быв долго почти без дела, занимался я много чтением, между прочим, и политических // (л. 121) сочинений Монтескье, Руссо, Бентама и Волнея; сие и господствовавшее тогда в публике неудовольствие правительством породили во мне свободный образ мыслей, в котором окончательно⁷ утвердил меня полковник Глинка, принявший меня в члены тайного общества.

Титулярный советник Перетц⁸

Мая 25-го дня 1826 года // (л. 122)

№ 48 (47)⁹

Аттестат

№ 3808-й¹⁰

По указу его императорского величества дан сей из экспедиции о государственных доходах титулярному советнику Григорию Перетцу в том, что он в службу вступил в канцелярию г[осподина] государственного казначея канцеляристом 1801-го августа 20-го, произведен правительствующим Сенатом в сенатские регистраторы 1804 декабря 31-го. Потом по высочайшим повелениям пожалован: губернским

¹ Слова «в деревне» вписаны над строкой.

² Далее зачеркнуто: «по».

³ Слова «и словесность» вписаны над строкой.

⁴ Слова «политическую экономию» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «статистику».

⁵ Две строки от слов «из них г[осподин] Лоран...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁶ Слово «который» вписано над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто слово «утвердил», написанное дважды.

⁸ Ответы написаны Г.А.Перетцом собственноручно.

⁹ Аттестат написан на бланке с гербовой печатью. На печати надпись: «1812 года. Цена рубль».

¹⁰ Номер аттестата написан вертикально с левой стороны листа на полях.

секретарем 1806 декабря 31-го, титулярным советником 1808 декабря 27-го, переведен в экспедицию о государственных доходах 1809 декабря 27-го; и во время служения его в сей экспедиции при благородном своем поведении возлагаемые дела исправлял с отличным усердием; 28 генваря нынешнего 1813 года был откомандирован в канцелярию господина действительного тайного советника князя Алексея Борисовича Куракина по предмету прекращения чумы, в Новороссийском крае существующей, где находился по 30-е мая того же года // (л. 122 об.) для надзора за порядком по наблюдательному кордону, и его сиятельство князь Алексей Борисович в письме своем к г[осподину] министру финансов от 30-го того ж мая за-свидетельствовал, что г[осподин] Перетц возложенную на него должность исполнил с особенным усердием и деятельностью; ныне ж согласно с желанием его он, Перетц, уволен из экспедиции для определения к другим делам. Во свидетельство чего и дан ему сей аттестат из экспедиции о государственных доходах за подписанием и с приложением печати.

Санкт-Петербург,
Июля 5-го дня 1813 года

Действительный статский советник и кавалер
Корней Лубьинович
Статский советник и кавалер Иван Рогенберг
Статский советник и кавалер Иван Степанов
Правитель канцелярии и кавалер Рытанов
Сенатский регистратор А.Шведов

У сего аттестата его императорского величества экспедиции о государственных доходах печать // (л. 123)

№ 49 (48)

О Перетце

Искрицкий

В общество, которого названия не было ему¹ открыто, принят он т[итулярным] с[оветником] Перетцом в 1820 г[оду].

Квартируя в одном² доме, он познакомился с Перцем. Перетц первый начал раскрывать ему¹ образ правления государства; говорил о выгодах представительного правления. Навещая его часто, он все внимание его обращал к политическим наукам, давал читать конституции разных государств, приводил из библии какие-то законы Моисея в доказательство, что бог покровительствует подобным постановлениям. Идеи сии были для него новы, и он слушал их с жадностью. Тогда открыл он ему о существовании какого-то тайного общества, имевшего целию введение конституционного правления в России, прибавив, что³ это не можно назвать обществом, ибо оно не имеет ни бумаг, ни списка // (л. 123 об.) членов, ни совещаний, что члены друг друга не знают, однако же, в случае нужды слово «свобода» (на еврейском языке) было знаком, по которому можно было узнать друг друга.

Он не назвал ему ни одного члена; но изредка намекал о полк[овнике] Глинке, как будто и он член сего же общества.

Расспрашивая о его товарищах по службе, склонял его, чтобы и он вводил их в сие же общество.

Вскоре обстоят[ельства] службы переменили образ занятий его и прекратили его знакомство с Перцем. С самого начала 1822-го он потерял Пер[ца] из виду. Иногда встречаясь с ним только на улице, не слышал уже от него ничего об обществе. // (л. 124)

¹ Слово «ему» вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: «с ним».

³ Далее зачеркнуто: «то».

О титулярном советнике *Перетце*

Высочайше повелено: продержав еще два¹ месяца в крепости, отослать на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь над ним бдительный тайный надзор.

видел, что общество только что образовалось. // (л. 124 об.)

Сии три лица возложили на него обязанность приема членов, преимущественно из военных. Вследствие чего приняты им: Синявин, Искрицкий, Данченко и Устимович и, сверх того, с его согласия приняты Дребуш и Лаппа.

По предложению его, Перетца, Глинкою, Кутузовым и Семеновым было принято условным знаком для узнавания друг друга в случае нужды еврейское слово «хейрут», свободу означающее.

Однажды Глинка сказал ему, что можно бы усилить успехи их общества присоединением одного к обществу Елизаветы, желавшему возведения на престол государыни императрицы Елизаветы Алексеевны и имевшему знаки на печати ель и книгу завета. // (л. 125)

В то время, когда он усердствовал обществу, то есть в течение около двух лет, предметами совещаний и рассуждений его с Глинкою, Кутузовым, Семеновым, Сениявиным, Искрицким и прочими сочленами были или принятие членов или взаимное друг друга извещение о действиях правительства, где истощали осуждения, упреки и порицания как на оные, так на покойного государя, великих князей и вельмож.

Пред отъездом одного из принятых им членов, Устимовича, в Грузию он дал ему тайный ключ для взаимной их переписки, им самим усовершенствованный; но по словам его, употребленная из одного не было.

Подписку о том, чтобы // (л. 125 об.) не принадлежать к масонским ломам и ни к каким тайным обществам, дал и с тех пор, а кажется еще и прежде того, от дел общества удалился.

Пред 14-м числом декабря он заходил к Глинке с намерением узнать, не принимают ли чего-либо? Ибо, помня о существовании общества, опасался, чтоб не вздумали воспользоваться тогдашним случаем. На замечание его, Перетца, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», Глинка изъяснил подобное же мнение, сказав, что от Константина Павловича можно бы ожидать ненасильственной перемены в образе правления, а пред самым уходом его Глинка сказал как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим». // (л. 126)

Сии слова и собственные опасения побудили его ехать к действительному статскому советнику Гурьеву, зная, что по характеру графа Милорадовича для обращения его внимания надлежит адресоваться чрез человека, им любимого. Гурьева просил он доложить графу от его имени, что по случаю восшествия на престол государя Николая Павловича должно опасаться возмущения. Вечером того же дня Гурьев объявил ему ответ графа Милорадовича, заключавшийся в непристойных словах.

После происшествия 14 декабря, узнав, что Искрицкий участвовал в замыслах общества, условился видаться с ним под предлогом займа денег, пока он не будет // (л. 126 об.) арестован, и взял от него слово не открывать, что он принят им, Перетцом, в общество. При одном из сих свиданий, Перетц, возымев намерение для безопасности своей уехать из России, просил Искрицкого надписать чужим почер-

¹ Слово «два» вписано над строкой.

ком адрес на письме в Лондон к миссионеру Way, которого просил принять его в свои сотрудники в деле обращения евреев, но Искрицкий отказался от того, а потому и письмо не было отправлено. Рассуждая с Искрицким об ошибках в день 14 декабря, с обеих сторон сделанных, он, Перетц, говорил, что бунтовщики весьма глупо сделали, начав дело, не быв уверенны в войске, и без артиллерии, оружия самого решительного; что // (л. 127) вместо дворца пошли на площадь; что, не видев со стороны начальства артиллерии, простояли неподвижно, как бы дожидавшись, чтобы ее привезли на их погибель.

Показание других	Из показаний других, относительно Перетца собранных, видно:
---------------------	--

19 главнейших членов Северного и Южного обществ, спрошенные о нем, ото-звались, что они никогда не знали его членом.

Семенов на сделанный ему вопрос показал, что в 1819 или в 1820 году Глинка представлял ему Перетца как члена тайного общества, и Перетц говорил ему, что он или располагает принять или уже принял в свои сочлены Сенявина, Искрицкого, Устимовича и Дребуша, что по предложению // (л. 127 об.) Глинка обществу Перетца надлежало действовать независимо от Союза благоденствия и что в начальствующие лица сего общества назначались: Глинка, Кутузов и он, Семенов.

Глинка, отрицая все сии показания, как Перетца, так и Семенова, объяснил, что Перетц много раз домогался о принятии его в масоны, в чем отказав ему, принял его потом в члены ланкастерских школ и поручил ему набирать членов.

Общества же, имевшего означенную Перетцом цель и знаки на печати, никогда не знал, а не раз говорил, что «если бы ложа Елизаветы соединилась с нашею ложею "Избранного Михаила", то мы были бы // (л. 128) гораздо сильнее в способах и могли бы сделать заведение более прочное». Это было говорено потому, что общество первой имело училище на 25 сирот со всем содержанием от оногo, а последнее школу человек на 200, только бравших уроки.

По разноречию в показаниях даны были очные ставки Глинке с Перетцом и Семеновым, на коих каждый остался при своем показании.

Кутузов в ответах своих и на очных ставках с Перетцом и Семеновым утвердил то, что Глинка представлял ему Перетца, но как члена ланкастерской школы, и что он никакой обязанности не возлагал на него и не слышал, // (л. 128 об.) кого и куда он принимал членами.

Не имел с ним никаких связей, считая его шпионом.

Сверх того спрошены были Искрицкий и Сенявин, из коих первый показал, что Перетц ни одного члена не называл ему, но намекал о Глинке, как будто бы и он член общества, а Сенявин при допросе и на очной ставке совершенно отверг показание Перетца.

Лапа говорит, что Искрицкий предлагал ему вступить в общество, не зная, что он уже принадлежит к оному; но Перетц не был ему известен как член общества.

От Устимовича, Дребуша и Данченки показаний нет, от первого по нахождению его в Грузии, а от последних — по случаю их смерти. // (л. 129)

Показание же Перетца, как о предложении его и будто бы о принятии условным знаком слова «Хейрут», так и бывших между ними вышеприведенных рассуждений и порицаний, отвергнуто всеми: Глинкою, Кутузовым, Семеновым и Сенявиным, Искрицкий же говорит, что он не помнит, чтобы когда-нибудь судили о столь важных предметах. Может быть, Перетц говорил ему о некоторых из них, ибо он часто выходил от него недовольный правительством, и что сверх того Перетц, толкуя о выгодах в России конституционного правления, приводил из библии какие-то законы Моисея в доказательство, что бог покровительствует подобным постановлениям. // (л. 129 об.)

Насчет того, что будто бы слова Глинка: «Что-нибудь да будет, посмотрим» утвердили его, Перетца, в опасении возмущения, Глинка отвечал, что Перетц точно был у него, и, говоря о смерти покойного государя, сказал: «Что-то будет?» На сие он, Глинка, отвечал извест[ною] пословицею: «Что будет, то будет, а будет то, что бог даст». Сверх того Гурьев показал, что Перетц 12 или 13 декабря действительно говорил ему, что он опасается.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

Одним из последних показаний о заседании Коренной думы дал С.М.Семенов. 2 апреля 1826 г. он был допрошен в Комитете, где признал себя членом Коренной думы и подтвердил факт проведения в 1820 г. заседания, обсуждавшего различные формы государственного устройства. Он заявил также, что хотя теоретически все признали республиканскую форму правления (на примере США) лучшей, однако, для России большинство полагало ее неприемлемой. «Спор сей не был кончен общим согласием», — показывал Семенов, и вопрос остался нерешенным¹. 8 апреля вопрос о заседании Коренной думы был задан С.И.Муравьеву-Апостолу².

Таким образом, показания Семенова, как и ряда других участников заседания, расходились с утверждениями Пестеля. В связи с этим 10 и 12 апреля Комитет провел серию очных ставок о совещании Коренной думы в 1820 г. Очные ставки с Пестелем получили Никита Муравьев, С.Муравьев-Апостол, Глинка и Семенов 10 апреля, Павел Колошин и Бригген — 12 апреля. С.Муравьев-Апостол, Колошин и Бригген согласились с показаниями Пестеля, утверждавшего, что совещание на квартире Глинки было «формальное собрание Коренного союза, облеченного законодательной властью общества»; однако, Колошин и Бригген считали, что окончательного решения на нем принято не было³. То же заявлял С.М.Семенов, присовокупив, что в последующем предмет совещания членам петербургских управ тайного общества сообщен не был⁴. Никита Муравьев был вынужден признать, что все присутствовавшие на совещании «согласились принять республиканское правление», но «оно прочим думам объявлено не было»⁵. Полностью отрицал показания Пестеля только Ф.Н.Глинка⁶.

На этом следствие о заседании Коренной думы Союза благоденствия было закончено. В настоящем деле имеются также выписка из показаний членов Коренного совета (думы) о совещании 1820 г. (док. № 5/4) и свод показаний о лицах, присутствовавших там, но «несознавших или находящихся в отсутствии» (док. № 6/5). «Свод» составлен ранее первых чисел апреля, так как в нем упомянут С.М.Семенов, который стал давать показания 2 апреля 1826 г.

Помимо перечисленных выше документов дело включает показания девяти членов тайного общества: Пестеля, С.Муравьева-Апостола, Н.Муравьева, М.Муравьева-Апостола, Якушкина, М.Фонвизина, Лунина, Бриггена, С.Семенова от 11 мая 1826 г. Это ответы на вопрос о составе Коренного совета Союза благоденствия (док. № 7/6, 8/7, 9/8, 10/9, 11/10, 12/11, 13/12, 14/13, 16/15). М.Орлову был задан вопрос об участниках Московского съезда 1821 г. (док. № 15/14).

Следственное дело «О совещании Коренной думы в 1820 году...» хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 5. По современной нумерации в деле 29 листов, заполненных текстом. Сохранилась также первоначальная нумерация, проставленная надворным советником А.А.Ивановским при формировании дела. Согласно этой нумерации в деле насчитывался 41 лист, среди них были чистые. Листы документа № 1 не были пронумерованы Ивановским.

О следственном деле Г.А.Перетца

Первые сведения об участии в Союзе благоденствия титулярного советника Григория Абрамовича Перетца Следственный комитет получил 3 февраля 1826 г. при допросе Д.А.Искрицкого. Он сообщил, что в 1820 г. был принят в тайное общество титулярным советником Перетцом⁷. Комитет немедленно постановил: «Спросить его, какой это именно *Перетц* и где он жительствоует?»⁸ В «дополнительном ответе», заслушанном Комитетом 8 февраля, Искрицкий повторил свое показание о приеме его в общество Григорием Перетцом. Было решено «о принадлежности *Перетца* к обществу после 1821-го года спросить главнейших членов Северной и Южной дум»⁹. Никита Муравьев, К.Ф.Рылеев, С.П.Трубецкой, А.А.Бестужев, Е.П.Оболенский, И.И.Пушин, М.М.На-

¹ ВД. Т. XVIII. М., 1984. С. 188.

² ВД. Т. IV. С. 360.

³ ВД. Т. IV. С. 360—361; Т. XIV. С. 438; Т. XVIII. С. 163—164.

⁴ Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 18/16.

⁵ ВД. Т. I. С. 317.

⁶ Наст. том. Д. 82. Док. № 17/15.

⁷ ВД. Т. XVIII. С. 129.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 85.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 92.

дился вытребовать ответы от всех поименованных в записке лиц, еще не привлекавшихся к следствию или уже «прощенных», а о Луине сообщить вел. кн. Константину (док. № 4/3, см. также наст. том, комментарии к делу Ф.Н.Глинки)¹. Указанная докладная записка хранится в настоящем деле в подлиннике, который отсутствует в деле № 25, содержащем ежедневные докладные записки Комитета Николаю I.

8 февраля Пестелю, Никите Муравьеву и Сергею Муравьеву-Апостолу были заданы вопросы об участии в совещании Коренной думы в 1820 г. Бриггена, Павла Колошина, М.М.Нарышкина и С.М.Семенова. Следователи интересовались их позицией на этих заседаниях (док. № 3/2)². При чтении полученных ответов 9 февраля Комитет постановил: «По разноречию... дойти по возможности до истины новыми допросами и очными ставками»³.

15 февраля о заседании Коренной думы были спрошены Ф.Глинка и Ф.Толстой, в конце февраля получили вопросы И.Шипов и Долгоруков⁴. Все они отвергли показания Пестеля, Н.Муравьева и С.Муравьева-Апостола о проведении подобного заседания и своем участии в нем (см. наст. том, комментарии к делам Ф.Глинки, Ф.Толстого, И.Шипова, Долгорукова). Однако Комитет после чтения ответов Долгорукова и Шипова 2 марта постановил «продолжить дальнейшее исследование»⁵.

7 марта вопрос о заседании Коренной думы, его участниках и их мнениях был задан Бриггену. Он в целом подтвердил показание Пестеля, отметив лишь, что Глинка, Ф.Толстой и он сам «никакого решительного отзыва не дали»⁶.

14 марта Комитет заслушал письмо вел. кн. Константина с пожеланием, чтобы с Луниным, находящимся в Варшаве, поступали «сообразно с порядком, который был наблюдается по высочайшему повелению насчет полковников князя Ильи Долгорукого и Ивана Шипова» и составили бы для него «по предмету совещания Коренных членов Союза благоденствия... допросные пункты»⁷. 24 марта они были подготовлены и отправлены в Варшаву. Лунин отвечал, что о собрании членов Коренной думы, интересующем Комитет, он сведений не имеет и подробности заседания ему неизвестны⁸. Эти ответы зачитывались на заседании Комитета лишь 16 апреля одновременно с протоколом первого допроса Лунина в Петербурге, снятого Чернышевым также 16 апреля. В этот день Лунина доставили в столицу. На устном допросе Лунин признал свое участие в заседании Коренной думы в 1820 г. и подтвердил показания Пестеля об этом заседании⁹.

В конце марта — начале апреля Комитет продолжал допрашивать участников совещания, выясняя новые подробности. 28 марта сходные вопросы получили С.Муравьев-Апостол, Бригген, Павел Колошин и Никита Муравьев. Следователей интересовало, «по какому поводу и с каким намерением» происходили «рассуждения и прения» на заседании 1820 г. Ответы были даны противоречивые. Никита Муравьев отвечал, что общество, целью которого было «усовершенствование образа правления» должно было заниматься «рассуждениями о началах оногo». С.Муравьев-Апостол и Бригген сделали акцент на «теоретическом» характере «рассуждений и прений», состоявшихся на заседании¹⁰.

В числе многих вопросов, заданных Пестелю при допросе 1 апреля, один из них касался собрания членов Коренной думы, происшедшего у Шипова. Согласно журналам заседаний Комитета, Пестель не считал собрание у Шипова «формальным» совещанием Коренной думы Союза благоденствия, как заседание у Ф.Глинки, а только «случайным съездом некоторых членов». «Там было, — по словам Пестеля, — говорено о многом и между прочим о политической перемене в государстве, но не рассуждали о том в виде правильного прения и никакого заключение сделано не было»¹¹. Тот же смысл имел письменный ответ Пестеля на этот вопрос¹².

1 ВД. Т. XVI. С. 97.

2 ВД. Т. I. С. 313; Т. IV. С. 292.

3 ВД. Т. XVI. С. 97.

4 Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинки). Док. № 10/8, 11/9; Д. 232 (Ф.П.Толстого). Док. № 4/3, 5/4; Д. 231 (И.П.Шипова). Док. № 3/3; Д. 230 (И.А.Долгорукова). Док. № 3/2, 4/3.

5 ВД. Т. XVI. С. 119.

6 ВД. Т. XIV. М., 1976. С. 436.

7 ВД. Т. XVI. С. 127.

8 ВД. Т. III. М.—Л., 1927. С. 119.

9 ВД. Т. III. С. 122.

10 ВД. Т. I. С. 315; Т. IV. С. 326—327; Т. XIV. С. 436; Т. XVIII. С. 163.

11 ВД. Т. IV. С. 438.

12 ВД. Т. IV. С. 155.

рышкин, М.Ф. Митьков на вопросы, заданные им 11 февраля, отвечали, что Перетца совершенно не знают (док. № 2/1, 3/2, 4/3, 5/4, 6/5, 7/6, 8/7).

На следующий день Искрицкий получил «вопросный пункт» с требованием рассказать о приеме его Перетцом в тайное общество и контактах с ним. Искрицкий дал подробные показания, он повторил, что был принят в общество Перетцом в 1820 г., слышал от него «о выгодах представительного правления», введение которого, по словам Перетца, являлось целью тайного общества. Членов общества Перетц не называл, только «изредка намекал о полковнике Глинке». После 1821 г. разговоров об обществе у Искрицкого с Перетцом не было. Встретясь с Перетцом через несколько дней после восстания 14 декабря, Искрицкий обещал ему в случае своего ареста не называть его имени¹ (док. № 49/48). 14 февраля ответ Искрицкого был заслушан в Комитете и принят «к сведению»². Днем раньше, 13 февраля, Искрицкий вновь был допрошен в Комитете «для вернейшего узнания о титулярном советнике Перетце». Несмотря на ответы членов Северного общества, не имевших сведений об участии Перетца в организации, следователи были убеждены, что он «без сомнения, был членом сего или другого подобного тайного общества»; в связи с этим Комитет решил «представить о взятии его на высочайшее разрешение, а между тем, спросить о нем всех главнейших и давнейших членов Южного, Северного и Славянского обществ»³. 15 февраля были опрошены С.Г. Волконский, И.В. Поджио, М.П. Бестужев-Рюмин, С.И. и М.И. Муравьевы-Апостолы, А.П. Барятинский, В.Л. Давыдов, А.Н. Муравьев и П.И. Пестель. Они, также как ранее члены Северного общества, показали, что о Перетце не слышали и не имеют сведений о его участии в тайном обществе (док. № 10/9, 11/10, 12/11, 13/12, 14/13, 15/14, 16/15, 17/16, 18/17). При чтении ответов членов Южного общества Комитет постановил: «вследствие высочайшей резолюции довести о сем до сведения его императорского величества, представив чрез начальника Главного штаба и показание подпоручика Искрицкого, утверждающего положительно с изъяснением всех обстоятельств и подробностей, что он был принят Перетцом в 1820-м году»⁴. В тот же день вопросы об участии Перетца были заданы Ф.Н. Глинке и Ф.П. Толстому при их допросе в Комитете⁵. Глинка заявил, согласно записи в журналах Комитета, что «Григория Перетца членом не знал и даже положительно может утвердить, что его бы никогда и принять не захотели»⁶. Сходный ответ дал Ф. Толстой⁷.

17 февраля последовало «высочайшее» распоряжение: «титулярного советника Григория Перетца взять с бумагами»⁸. 18 февраля был дан приказ Перетца арестовать и «представить его самого к его императорскому величеству»⁹. 21 февраля Перетц был арестован, допрошен во дворце и отправлен в Петропавловскую крепость с запиской Николая I: «Присылаемого Перетца посадить по усмотрению и содержать строго»¹⁰. Его заключили в «особый арестантский каземат № 4-й Никольской куртины»¹¹. Бумаги Перетца «в двух больших простынях» были доставлены в Следственный комитет¹².

На первом допросе, снятом В.В. Левашовым, Перетц признал себя членом тайного общества, целью которого «было сделать изменение в правительстве и ввести конституцию», а средством — «распространение всеобщего неудовольствия» (док. № 19/18).

22 февраля Перетц был допрошен в Комитете и «не отрекся от принадлежности к тайному обществу»¹³. Для письменных ответов он получил «допросные пункты», но прежде чем отвечать на них, он 24 февраля обратился в Комитет с просьбой проверить у В.П. Гурьева, действительно ли он, Перетц, объявил ему за несколько дней до 14 декабря о возможном выступлении и просил предупредить петербургского военного генерал-губернатора М.А. Милорадовича (док. № 20/19). Комитет постановил: «Спросить

¹ ВД. Т. XVIII. С. 131.

² ВД. Т. XVI. С. 100.

³ ВД. Т. XVI. С. 98—99.

⁴ ВД. Т. XVI. С. 102.

⁵ Наст. том. Д. 82 (Ф.Н. Глинки). Док. № 10/8, 11/9; Д. 232 (Ф.П. Толстого). Док. № 4/3.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 102.

⁷ Наст. том. Д. 232. Док. № 5/4.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 105.

⁹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 420.

¹⁰ Щеголев П.Е. Декабристы. М.—Л., 1926. С. 276.

¹¹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 422, 423.

¹² ГАРФ. Ф. 48. Д. 31. Л. 421.

¹³ ВД. Т. XVI. С. 114.

о сем [господина] *Гурьева*¹. 28 февраля Перетц закончил свои пространные ответы и представил их в Следственный комитет. Он подробно рассказал о приеме в общество Ф.Н.Глинкой, об известных ему членах тайной организации. Цель общества, сообщенная Перетцу, заключалась в «монархическом представительном правлении». Путиами достижения цели Перетц, как и в первом показании, назвал «умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений». Перетц сообщил также содержание разговоров членов тайного общества с критикой правительства, подробно остановился на своих действиях накануне и после 14 декабря (док. № 21/20, 22/21).

Комитет крайне заинтересовался показаниями Перетца и при сопоставлении их с уже имевшимися сведениями установил: а) что когда Перетц был принят, Союз благоденствия и устав онго, "Зеленая книга", еще существовали во всей силе, следовательно, при принятии Перетца должны были быть сообщены ему как название общества, так и писанные правила онго, каковой порядок, однако, с ним не был наблюден; б) что в Союзе благоденствия не было принято никакое слово знаком для узнания; в) что все лица, Перетцом названные, равно как и он сам не известны содержащимся членам тайного общества за исключением только Глинки, Кутузова и Семенова, но Глинка отрицается в том, что принял Перетца в Союз благоденствия, Кутузов всеми показан отставшим от онго еще до 1821-го года, а Семенов сам объявил Штейнгейлю в Москве после происшествия 14-го декабря, что опасается быть взяту, потому что был секретарем всех тайных обществ. Сверх того видно: д) из показаний Лапты и Искрицкого, что первый был принят италианцем Жильи, и что они оба вскоре после их принятия прекратили все сношения по сообщничеству и только пред самым происшествием 14-го декабря, когда им было сделано предложение о вступлении в общество и раскрыты цель и намерение онго, то они, вспомнив прошедшее, объявили, что к онтому уже давно принадлежат». «По соображении всех сих обстоятельств», Комитет заключил, что «может быть, существует еще особое тайное общество, действовавшее отдельно от ныне разрушенного». Было решено «исследовать строго» этот вопрос и «заготовить новые сообразно сему допросные пункты Перетцу» и некоторым другим лицам, названным им в показаниях².

4 марта Перетц направил в Комитет небольшое дополнение к ответам от 28 февраля (док. № 23/22), затем 11 марта обратился с просьбой выпустить его на несколько дней для устройства домашних дел, на что ответа не получил (док. № 24/32). Резолюции комитета при чтении этих документов в журналах заседаний отсутствуют. 11 марта следователи потребовали от Перетца сообщить «средства» к открытию всех тайных обществ (док. № 25/23), что он сам предложил в показаниях от 28 февраля. Комитет остался недоволен его ответом (док. № 26/24), так как ожидаемых сведений о каких-либо существовавших, но неизвестных тайных обществах не было получено. Перетц «никаких открытий не сделал, — записано в журналах 12 марта, — а указывает между другими мерами и ту, чтобы обнародовать указом, дабы все служащие и неслужащие, подданные Российской империи и иностранцы, в ней живущие, объявили в данный срок о всех известных им тайных обществах как в самом государстве, так и вне онго, о цели, намерениях, правилах, уставах, знаках, силе, сношениях, известных членах и проч[ее], обещав при том, что после сего признания и присяги не принадлежать более к таковым не будет чинимо взыскание». Сообщение Перетца было принято «к сведению»³.

12 марта Никите Муравьеву, Якушкину, А.Н.Муравьеву, Нарышкину, Оболенскому, М.Н.Муравьеву были заданы вопросы об участии в тайном обществе А.Ф.Дребуша и Е.П.Данченко, названных ранее Перетцом членами организации, принятыми при его посредстве (док. № 27/25, 28/26, 29/27, 30/28, 31/29, 32/30). В тот же день С.М.Семенов получил серию вопросов об «обществе Перетца». Вопросы основывались на показаниях Перетца от 28 февраля. Конкретных показаний от Семенова следователи не добились, так как он продолжал отрицать свое участие в тайном обществе (док. № 33/31). Вопросы об «обществе Перетца» получил также 16 марта Н.Д.Сенявин, арестованный в один день с Ф.Глинкой — 11 марта — по обвинению Перетца. От Сенявина требовали показаний о цели, упрвах общества, о деятельности в нем Перетца. Сенявин отвечал, что хотя знаком с Перетцом «с самых молодых лет», но о тайном обществе от него не слышал и не может дать никаких сведений⁴.

¹ ВД. Т. XVI. С. 116.

² ВД. Т. XVI. С. 122—123.

³ ВД. Т. XVI. С. 126.

⁴ Наст. том. Документальное приложение. Д. 198 (Н.Д.Сенявина, А.Н.Ропова). Док. № 9/8, 10/9.

Двумя днями ранее, 14 марта Следственный комитет провел второй после 28 февраля большой допрос Перетца. Как записано в журналах заседаний Комитета, он решительно утверждал, что «в письменных своих ответах [от 28 февраля] показал сушную правду и справедливость и готов уличить на очных ставках Глинку и прочих, если они его показания отрицают»¹. «Допросные пункты», направленные Перетцу после устного допроса, требовали его признания в существовании самостоятельного тайного общества, членом которого, по мнению Комитета, он являлся. В своих догадках о существовании другого общества следователи исходили, во-первых, из несходства, как им казалось, целей, устава и форм деятельности Союза благоденствия, уже им известных в общих чертах, с целями и формами деятельности «общества Перетца». Во-вторых, упорное нежелание Глинки, Кутузова и Семенова признать Перетца «сочленом своим» также заставило следователей усомниться в первых показаниях Перетца (док. № 34/33). Давая 18 марта письменные ответы, Перетц приложил все усилия, чтобы убедить Комитет в правдивости своих показаний; фактически, он повторил и несколько расширил свои ответы от 28 февраля (док. № 35/34). 19 марта Перетц направил в Комитет дополнение, в котором, желая подчеркнуть свою «искренность и чистосердечие раскаяния» он просил применить пытку, однако, не только к нему, но и к тем, которые отвергли его показания, то есть к Глинке, Кутузову и Семенову (док. № 36/35). Показания Перетца от 18 марта и дополнение к ним Комитет заслушал 20 марта и «взял в соображение», что Перетц «ничего нового не показывает, а подтверждает только прежние ответы, изъявляя готовность уличить Глинку и прочих и даже выдержать пытку в доказательство справедливости своих показаний, с тем, однако, чтобы оную выдержали и отрицающиеся лица»².

Одновременно Комитет продолжал допрашивать о Перетце и его «обществе» других членов. 16 марта, получив показания Оболенского об отрасли Союза благоденствия в Измайловском полку, Комитет высказал предположение, что «оное общество есть то же самое, к которому принадлежал Перетц»³. Следователи пытались «привести сие... более в ясность». 18 марта был задан вопрос Нарышкину. Он дал сведения об Измайловской управе, но подчеркнул, что ни Перетца, ни названных им лиц «членами не знал»⁴.

22 марта состоялась очная ставка между Перетцом и Семеновым, на которой Семенов отверг все показания Перетца. Он продолжал утверждать, что так как сам не участвовал в тайном обществе, то и Перетца никогда не знал в качестве члена общества (док. № 37/36). В тот же день Перетц послал в Комитет дополнительное показание, направленное к уличению Семенова (док. № 38/37). Оно квалифицировалось Комитетом как «ничтожное дополнение»⁵.

29 марта Комитет заслушал и принял к сведению донесение В.П.Гурьева, подтвердившего, что Перетц за несколько дней до 14 декабря через него предупредил Милорадовича о возможном «возмущении» при восшествии на престол Николая (док. № 41/41)⁶.

30 марта Перетц написал очередное «донесение» в Комитет с некоторыми подробностями, дополнившими его показание от 18 марта (док. № 42/40). Это новое «ничтожное дополнение», по определению Комитета, приказано было «приобщить к его ответам»⁷.

В начале апреля важные сведения об обществе Глинки—Перетца были получены от С.М.Семенова, начавшего давать показания о тайном обществе. Показания Перетца о тайном обществе, в которое он был принят Глинкой, нашли свое подтверждение в ответах Семенова. Он также сообщил, что это общество должно было «по предположению Глинки» действовать независимо от Союза благоденствия, поэтому Перетц ничего не знал о союзе (см. комментарий к делу Ф.Н.Глинки). В то же время, показывал Семенов, «рассуждая с Перетцом о цели и средствах его общества, я находил, что понятия его по сему предмету были согласны с видами Союза благоденствия»⁸. Не зная еще об ответах Семенова, Перетц 6 апреля направил в Комитет показание.

¹ ВД. Т. XVI. С. 128.

² ВД. Т. XVI. С. 135.

³ ВД. Т. XVI. С. 131.

⁴ ВД. Т. XVI. С. 136; Т. XIV. С. 409, 410.

⁵ ВД. Т. XVI. С. 145.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 148.

⁷ ВД. Т. XVI. С. 151.

⁸ ВД. Т. XVIII. С. 189.

В нем он приводил новые аргументы своей правоты на очной ставке с Семеновым 22 марта (док. № 43/42).

В дальнейшем несмотря на показания Семенова, трое из участников общества, которых называл Перетц: Глинка, Кутузов и Сенявин по-прежнему отказались признать существование тайной организации, описанной Перетцом, и свое участие в ней. Глинка отвечал на вопросы 7 апреля, Кутузов 7 мая¹. Очные ставки имели место: между Перетцом и Сенявиным — 26 апреля, между Перетцом и Глинкой — 30 апреля, между Перетцом и Кутузовым — 8 мая².

26 апреля в вопросах, адресованных Искрицкому выяснялись некоторые детали показаний Перетца, касавшиеся тайного общества, его членов, а также действий Перетца после 14 декабря³. 14 мая вопросы о Перетце были заданы М.Д.Лаппе. Следователей особенно интересовало, кто принял Перетца в тайное общество. Лаппа отвечал, что о Перетце он ничего не знает, «кроме того, что он был знаком с Жильи и с Искрицким»⁴.

Последним актом следствия по делу Перетца было обращение 18 мая к Семенову с вопросом о содержании разговоров на политические темы между членами общества с участием Перетца. Семенов заявил, что не присутствовал на подобных беседах (док. № 45/44, 46/45).

Подготовленная Комитетом докладная записка о Перетце была направлена царю, 15 июня последовало «высочайшее» повеление: «продержав еще два месяца в крепости, отправить на жительство в Пермь, где местной полиции и иметь за ним бдительный тайный надзор» (док. № 50/49)⁵. 17 июня царская резолюция была зачитана в Комитете переименованном к этому времени в Следственную комиссию⁶.

25 августа 1826 г. Перетц был доставлен к месту ссылки⁷. Пермскому гражданскому губернатору предписывалось иметь за ним секретный надзор и ежемесячно доносить о поведении⁸.

Помимо указанных выше документов следственное дело Г.А.Перетца содержит переписку по поводу просьбы Перетца о возвращении ему показаний от 18 марта 1826 г. (док. № 39/38, 40/39), прошение Перетца от 11 апреля (док. № 44/43), вопросы «о воспитании» с ответами (док. № 47/46), «аттестат», выданный Перетцу в 1813 г. (док. № 48/47).

Отдельные фрагменты следственного дела Г.А.Перетца были опубликованы⁹.

Следственное дело Г.А.Перетца хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 66. По современной нумерации в деле 130 листов, заполненных текстом. По первоначальной нумерации, сделанной А.А.Ивановским, в деле насчитывалось 106 листов. Листы с адресами и листы документа № 1 не были им пронумерованы.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания Г.А.Перетца по разным вопросам, не вошедшие в состав дела № 66.

1. Дело № 11 «Письма на высочайшее имя и на имя генерал-адъютанта Левашова от некоторых арестантов о замеченных ими беспорядках и злоупотреблениях в царствование покойного императора...», л. 16—19 об. (письмо и записка от 30 декабря 1825 г.).

2. Дело № 305 «Просьбы арестованных лиц по разным предметам и родственников их», л. 170—170 об. (прошение от 4 марта 1826 г.).

3. Дело № 305, л. 78—79 (прошение от 10 марта 1826 г.).

4. Дело № 302 «О доверенностях, данных арестованными лицами касательно домашних дел их», л. 94—94 об. (прошение от 22 марта 1826 г.).

5. Дело № 303 «Об отобранных сведениях от арестованных лиц, не имеет ли кто из них в судебных местах тяжбных дел», л. 104—105 (показание от 25 апреля 1826 г.).

6. Дело № 198, Н.Д.Сенявина, А.Н.Ропова, л. 16—16 об. (протокол очной ставки от 26 апреля 1826 г.). См.: Наст. том. С. 481.

¹ Наст. том. Д. 82 (Ф.Н.Глинка). Док. № 15/13, 16/14; Д. 173 (Н.И.Кутузова). Док. № 5/4.

² ГАРФ. Ф. 48. Д. 198. Л. 16—16 об.; Наст. том. Д. 82. Док. № 23/21; Д. 173. Док. № 6/5; ВД. Т. XVI. С. 182, 190, 202.

³ ВД. Т. XVIII. С. 135—138.

⁴ ВД. Т. XV. М., 1979. С. 173.

⁵ ГАРФ. Ф. 48. Д. 40. Л. 70—73.

⁶ ВД. Т. XVI. С. 222.

⁷ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 140.

⁸ ГАРФ. Ф. 48. Д. 43. Л. 12.

⁹ Перетц Вл.Н. и Л.Н. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Л., 1926. С. 52—112.

-
7. Дело № 11, л. 21—22 об. (письмо от 28 апреля 1826 г.).
 8. Дело № 305, л. 101 (прошение от 30 апреля 1826 г.).
 9. Дело № 305, л. 102—105 об. (письмо от 30 апреля 1826 г.).
 10. Дело № 305, л. 106 (собственноручная копия прошения от 30 апреля 1826 г.).
 11. Дело № 82, Ф.Н.Глинки, л. 64—67 (протокол очной ставки от 30 апреля 1826 г.).
См. Наст. том. С. 136—138.
 12. Дело № 173, Н.И.Кутузова, л. 7—8 (протокол очной ставки от 8 мая 1826 г.).
См. Наст. том. С. 338.
 13. Дело № 304 «Об отобранных от арестованных лиц сведений, не состоит ли у кого в залоге недвижимое имение как в опекунских советах, банке, так и в приказах общественного призрения», л. 79 об. (показание от 28 мая 1826 г.).
 14. Дело № 302, л. 98—98 об. (прошение от 29 мая 1826 г.).
 15. Дело № 302, л. 99—99 об. (прошение от 20 июня 1826 г.).
 16. Дело № 295 «О деньгах и вещах, принадлежащих арестованным лицам», л. 214 (прошение от 30 июня 1826 г.).

1826 года апреля 3-го дня в присутствии высочайше учрежденного Комитета о злоумышленном обществе состоящий по армии полковник *Глинка* спрашиван и показал.

1

Давно ли вы знакомы с титулярным советником Григорием Перетцом и где познакомились с ним?

2

Часто ли он бывал у вас и взаимно вы у него? В чем состояли ваши беседы и кто разделял оные?

3

Не имели ли вы с ним каких-либо особенных сношений?

4

Были ль вы знакомы с италианцем Жильи (Gili) и не известно ли вам // (л. 26 об.) что-либо об образе жизни и связях его с Перетцом?

5

Вопреки отрицательного показания вашего, 15 февраля Комитету сделанного, Перетц утвердительно говорит, что осенью 1819 или 1820 года (первое вероятнее) вы приняли его в члены тайного общества и представили Кутузову и Семенову. Объясните, точно ли и когда именно вы приняли его и представили означенным лицам?

6

Далее Перетц говорил, что о названии общества и образе управления оногo объявлено не было; нс при приеме его вы дали вид, будто бы // (л. 27) общество только что составилось; хотя сие казалось ему невероятным, но он нескромностию своею не хотел навлечь на себя подозрение.

Поясните:

- а) Какое название имело сие общество?
- б) Когда и кем было основано?
- в) В чем состояла цель сего общества и средства для достижения оной?
- г) Где находилось местоправление оногo, кто начальствовал над ним и кто были члены, вам известные?

7

По словам Перетца причинами основания тайного общества были: несправедливости и ошибки правительства; целию — монархическое // (л. 27 об.) правление, а средствами — умножение членов, оглашение несправедливостей и ошибок правительства и распространение политических сведений.

1 Слова «ибо должно признаться» вписаны над строкой.

2 Ответ написан С.П.Трубецким собственноручно.

3 Вверху листа помета: «Читано 8 апреля».

Объясните: какие именно ошибки и несправедливости были причиною основания и средствами достижения цели общества?

8

По уверению Перетца, он не видал письменного устава, но вы, Кутузов и Семенов сказали ему, что по нарочитом усилении общества будет составлен план действий. Был ли оный составлен и в чем именно состоял?

9

Точно ли было сказано Перетцу, чтоб не иметь ничего письменного // (л. 28) кроме записок об именах кандидатов в члены для сообщения старшим членам, и точно ли на словах положено было:

- 1) Об употреблении сказанных средств с должною осторожностью?
- 2) О непринятии никого в члены и не открытии никому о существовании общества без согласия старшего члена, который должен был относиться к старшему же и так далее?
- 3) Не объявлять никому о многих членах, и не сказывать, что общество только что составилось, дабы не обескуражить тех, коих он будет принимать? // (л. 28 об.)
- 4) Иметь некоторое повиновение младшим старшему во всем до дел общества?

10

По предложению Перетца было принято знаком еврейское слово «Хейрут», свободу означающее, с тем, что в случае нужды для узнания друг друга члены должны были сообщать оное взаимно и постепенно по одной букве каждый.

Когда и кем было принято сие слово? Было ли оное передаваемо вновь поступавшим членам и употребляемо между ними?

11

Начальствующими лицами он знал вас, Кутузова и // (л. 29) Семенова, но более и почти единственно относился к вам по ближайшему с вами знакомству и от вас лично получал все почти разрешения на принятие членов.

Объясните: с какого времени и долго ли вы, Кутузов и Семенов начальствовали над обществом и кто заместил вас впоследствии?

12

Вы, Кутузов и Семенов возложили на него Перетца, обязанность приема в члены, преимущественно из военных.

Выбор долженствовал основываться на личных способностях // (л. 29 об.) и хороших правилах кандидата. Вся форма приема состояла в изустном сообщении постановлений общества и отобрании честного слова об исполнении оных и содействии к достижению цели, иногда с присовокуплением слов: обещаю всем, что для меня дорого и свяшенно.

Вследствие сего приняты им: Сенявин, Искрицкий, Данченко и Устимович и притом с его согласия принят Сенявиным Дребуш, а Искрицким Лаппа; сверх сего Сенявиным и Дребушем был приготовлен барон Корф, служивший в л[ейб]-г[вардии] Егерском полку. // (л. 30)

На прием Сенявина и Искрицкого Перетц разрешен был от вас, а о прочих от всех трех. Не представлял же вам их, избегая всяких сходбищ, могущих навлечь подозрение, чего вы и не желали.

Здесь объясните:

- а) Точно ли и когда сделано было Перетцу поручение о приеме в члены и особенно, когда приняты им были означенные лица?
- б) Не известны ли вам действия их в духе общества, а вместе и то, не уклонился ли кто из них от общества и когда именно? // (л. 30 об.)

13

Первую зиму по вступлении в общество Перетц однажды как-то разговорился с вами о дурном направлении французской революции. Он и вы приписывали сие тому, что участвовавшие в оной вместо преследования общей цели искали личных

выгод. При сем случае он говорил с вами, чтобы на случай успеха не искать ничего, а напротив оставаться в том положении, в каком тогдашние обстоятельства кого застанут.

Объясните, точно ли и когда был у вас с Перетцом означенный // (л. 31) разговор, о каких именно успехах он говорил вам, когда и какими средствами полагалось достигнуть оных?

14

Несколько лет назад, во время квартирования вашего в доме адрес-конторы, когда Перетц начал уже несколько удаляться от общества, вы сделали ему вопрос: почему давно он не предлагает о кандидатах? Чтоб отделаться от вас, он отвечал вам, что не находит лиц, в которых мог бы предполагать к тому расположение. При сем случае вырвались у вас // (л. 31 об.) слова, что можно бы удесятерить успех, если бы присоединиться к обществу Елисаветы, желавшему, будто, возвести на престол государыню императрицу Елизавету Алексеевну, которого знаки, по словам вашим, состояли в елке¹ и книге завета, на печати вырезанных, чего он, впрочем, не видал. Вы² говорили ему таким тоном, как будто бы сделалось вам о том известно по службе.

Объясните:

а) Когда и где находилось сие общество?

б) В чем состояла настоящая // (л. 32) цель оногo и кто были первенствующие и обыкновенные члены оногo?

с) У кого и когда видели вы печати сего общества с вышеозначенными знаками?

д) Каким образом вы думали соединить общество свое с обществом Елисаветы и усилить его действия?

15

Между прочим, Перетц говорит, что, кажется, от вас он слышал, будто бы какой-то раскольниковый монах из Галиции разъезжал по монастырям в России и проповедывал вольность.

Ежели обстоятельство сие вам известно, то объясните, когда // (л. 32 об.) и где разъезжал сей монах, откуда он был и как его имя?

16

Предметы совещаний и рассуждений его с вами, Кутузовым и Семеновым, Семявиным и прочими сочленами в течение около двух лет, т[о] е[сть] в то время, как он усердствовал обществу, были или принятие членов или взаимное друг другу о действиях правительства извещение: о тягости налогов, об излишестве войск, о военном поселении, об упадке флота, о невыгодном займе 1811 или 1812 года, при коем за рубль ассигнациями даны были облигации по 50 коп[еек] серебром, о разорительных для России иностранных займах, // (л. 33) с 1817 года без существенной нужды сделанных, о систематической медленности правительства в удовлетворении претензий частных людей, о многих несправедливостях, особливо в делах, с казенным интересом сопряженных, об отягощении войска учением, о вояжах и строениях покойного государя императора, о малой его внимательности к гражданской части, о множестве чиновников и скудном жалованье, яко главных источников запутанности и злоупотреблений, об учреждении министерств, о Государственном совете, яко новой для замедления дел // (л. 33 об.) инстанции, о взыскательности бывшего тогда великого князя Николая Павловича и Михаила Павловича, наиболее о ныне царствующем государе императоре, коегo³ описывали скучным и злопамятным, о самовластии вельмож, о весьма недостаточном и несвоевременном пособии губерниям, в коих был неурожай и голод, о восстановлении Польши, о преимуществе завоеванных поляков и финляндцев пред завоевателя-

¹ Слова «в елке» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

² Слово «Вы» написано другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

³ Слово «коего» написано другим почерком и другими чернилами.

ми — россиянами, о расходах России для Царства Польского, об определении в бывшие польские губернии губернаторов из поляков // (л. 34) и переводе в Литовский корпус поляков, в других полках состоявших, о присоединении Выборгской губернии к Великому княжеству Финляндскому, о строгости, подавшей повод к Семеновскому бунту, о строгом с сим полком поступлении, несмотря на то, что граф Милорадович будто бы обещал прощение, о бесполезном походе гвардии и неудовольствии тем войск, о недостатках законодательства, о Священном союзе и о делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства.

К тому Перетц присовокупляет, что в день Семеновского происшествия вы с ним встретились // (л. 34 об.) у Поцелуева моста, остановили его и сказали: «У нас начинается революция», — и рассказали ему о бунте, о коем он ничего не знал.

Здесь объясните:

а) Когда и где происходили между вами вышеизложенные рассуждения, что было поводом к тому и кто особенно в оных участвовал?

б) Точно ли при встрече с Перетцом в день беспорядка, бывшего в Семеновском полку, сказали вы: «У нас начинается революция» и почему беспорядок одного полка вы называли революциею?

17

Для объяснения образа сношений ваших и коротких связей // (л. 35) с ним, Перетцом, он приводит следующее:

а) однажды вы говорили ему, что в разговоре с покойным графом Милорадовичем на слова графа, что и деспотизм иногда годится, вы отвечали: «Как меркурий в иных болезнях, и то гранами»;

б) вы говорили ему про одного чиновника, служившего в министерстве полиции по секретной части, который под видом донесения о слухах, носившихся в публике, будто бы подал Вязмитинову записку, в коей порицал невнимательность покойного государя императора к гражданской части; // (л. 35 об.)

с) пока усердствовал обществу, он бывал у вас часто и имел с вами частные сношения, сначала был у вас раза два или три вместе с Кутузовым и Семеновым, а после все один, впоследствии же реже чем в год раз, а с тех пор, как вы оставили квартиру свою, где находилась адрес-контора, до декабря 1825 года был у вас только один раз и то без всяких о делах общества разговоров;

д) стал он¹ удаляться от общества еще в 1821 году, ибо женился в январе 1822 года и до женитьбы долго не был у вас;

е) с первой половины 1822 года с Кутузовым только раз нечаянно у вас сошелся. // (л. 36)

18

В то время, когда Перетц стал уже уклоняться от общества и не был у вас долго, он встретился с вами на Театральной площади. Вы спросили его, куда он идет? На ответ: «К невесте своей», — вы сказали: «У вас в голове любовь, а не дело». Но причина удаления его от общества, продолжает Перетц, была не любовь, а мысль, что подобные предприятия не ведут к добру.

Не объявлял же о том правительству, во-первых, из опасения личных гонений членов общества, в том числе и от вас, по известности ему связей ваших по масонству, литературным // (л. 36 об.) обществам и по прежнему влиянию у графа Милорадовича; во 2-х, по следующему примеру, что капитан Сенявин вскоре по вступлении в общество проговорился о существовании одного одному из своих знакомых, корнету Ронову, который довел о том до сведения начальства; дело доходило до гр[афа] Милорадовича, и кончилось тем, что Ронов был выключен из службы.

Объясните:

а) точно ли при встрече с Перетцом на Театральной площади вы сказали ему означенные слова с намерением заметить бездействие его по делам общества? // (л. 37)

¹ Слово «он» вписано над строкой.

б) известно ли вам, что Ронов единственно за предварение начальства о существовании общества и по¹ неимению доказательств к изобличению Сенявина исключен был из службы?

19

За несколько дней до 14 декабря Перетц² заходил³ к вам, но не застал вас; на другой день (не на⁴кануне 14 декабря, а близь того) нашел вас дома; после обыкновенных приветствий вы спрашивали Перетца о новостях; на ответ его, что говорят о скором восшествии на престол⁵ государя Николая Павловича, вы сказали, что сами то же слышали; несколько // (л. 37 об.) помолчав, вы спрашивали Перетца о его связях; на ответ, что они ограничены Сенявиным и Искрицким и что с последним почти не видится, вы сказали, что Искрицкий бывает во многих домах, и про себя, что и вы живете весьма уединенно; о народе вы сказали, что он необыкновенно тих и спокоен, но что нельзя знать, не оттого ли, что ожидают Константина Павловича. На замечание же Перетца, что «у нас от революции лучшего ожидать нельзя», вы изъявили подобное же мнение с присовокуплением, что от царствования Константина Павловича можно было // (л. 38) ожидать ненасильственной перемены; потом спрашивали Перетца, не видится ли он с Кутузовым, и на отрицательный ответ вы сказали, что Кутузов совсем переменялся и едва ли не шпион. Пред самым⁶ уходом Перетца вы произнесли как бы гадательно: «Что-нибудь да будет, посмотрим».

При сем посещении вас цель Перетца была узнать: не предпринимают ли чего-либо, ибо, помня о существовании общества, опасался он, чтобы не вздумали воспользоваться тогдашним случаем; последние слова // (л. 38 об.) ваши и собственные опасения утвердили его в сих мыслях.

Объясните:

1. Действительно ли и когда именно Перетц был у вас незадолго до 14 декабря и имел с вами вышеприведенный разговор?

2. Не сообщал ли он вам чего-либо насчет причин, возбудивших в нем опасение и утвердивших его в ожидании возмущения?

3. Не говорил ли он вам о намерении своем предупредить о том начальство?

20

15 декабря Перетц опять заходил к вам, но не застал, а от человека вашего узнал, что вы // (л. 39) почти всю ночь не были дома и, придя домой, даже не раздевались и, напившись чаю, опять ушли. После того Перетц опасался быть у⁷ вас, а недавно нечаянно встретился с вами в книжной лавке Плавильщикова, где вы, между прочим, сказали Перетцу, что были взяты, но отпирались в желании перемены образа правления и опять отпущены и что будто говорили санкт-петербургскому военному генерал-губернатору, что вы перемены образа правления не желали, а видели несправедливость и вопияли // (л. 39 об.) и что будто сказали ему, что и его превосходительство сам прежде говорил против несправедливостей.

Перетц хотел быть у вас для совета, не объявить ли о себе, но вы сказали, что опасно видеться.

Объясните:

1. Где вы провели ночь с 14 на 15 декабря?

2. Точно ли вы имели с Перетцом в магазине Плавильщикова означенный разговор и почему вы сказали ему, что опасно видеться вам?

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 40)

1 Слово «по» вписано над строкой другим почерком и другими чернилами.

2 Фамилия «Перетц» вписана над строкой другим почерком и другими чернилами.

3 Далее стерто одно слово.

4 Слова «не на» написаны другим почерком и другими чернилами вместо стертого слова.

5 Слова «восшествии на престол» написаны вместо стертых слов.

6 Слова «пред самым» вписаны вместо стертого слова.

7 Слово «у» написано вместо стертого слова.

Ответы полковника Глинки на присланные пункты

На 1-й, 2-й и 3-й пункт[ы]

Известное дело¹ отца Перца поступило в течении² своем, и именно со стороны личности самого Перца, в³ круг управления покойного гр[афа] Милорадовича; сын Перца, Григорий, числился в канцелярии гр[афа] Милорадовича, а я по высочайшему повелению находился⁴ в качестве чиновника по особым поручениям при графе Милорадовиче⁴, бывшем тогда⁵ в звании С[анкт]-П[етербургского]⁶ военного генерал-губернатора.

Некто ярославский крестьянин Синицын сделался особенно известным лицом в зале просителей, потому что с невероятным терпением в течение нескольких месяцев по несколько часов в день простаивал безмолвно у стены⁷, ожидая графа и повторяя ему всегда одну и ту же просьбу. Просьба же его состояла в том, чтобы бывшие откупщики Перец и Мешерский удовлетворили его 1500 рублей. Вот, однажды гр[аф] Милорадович на общей аудиенции сказал мне: «Надобно удовлетворить этого старика! Ты знаком с Перцем?» — Я отвечал: «Нет!». — «Ну, так все равно: сын его служит в моей канцелярии, сделай добро старику, уладь это дело». Получа сие приказание, я спросил в канцелярии Перца (Григория) и сообщил⁸ ему желание графа. Он обещал постараться у отца. Через некоторое время, когда помянутый Синицын переменял место своего неотступного просительства и стал уже всякий день ходить на квартиру ко мне, я написал учтивую записку к Перцу и послал ее чрез того же просителя. // (л. 40 об.)

Дня через два¹ Перец (Григорий) явился ко мне с ответом. Он был до некоторой степени удовлетворителен, т[о] е[сть] Перец (отец) соглашался уплатить часть претензии.

Вот первый раз появление Перца в моей квартире! Это было в 1820 году между концом лета и началом осени.

В этот раз Перец просил у меня позволения заходить ко мне. Я не имел причины отказать и дозволил. С тех пор г[осподи]н Перец сделался у меня почти то, что Синицын был в передней Милорадовича. Он стал заходить ко мне очень часто, не всегда заставал, но когда заставал, то сперва удивил, а там уже надоел мне своим словообилием.

Я с ним не беседовал, но одевался ль я, писал или занимался каким делом — он все, сидя, говорил беспрестанно. Отличительные черты его говорения (сколько могу чрез пространство пяти лет припомнить) были те, что⁹ иногда изливался он в жалобах (особенно на министра Гурьева) за то, что дело их велось так для них¹ невыгодно: большею же частию он старался всемерно выказывать важность своей особы, говоря, что он имеет связи и вхож в первые дома в столицах. Я слушал все это скользя, полагая видеть в сем невинное усилие мещанина войти в дворянство.

Далее, припоминаю я нижеследующие более заметные мнения из многословной пустоты разговоров г[осподи]на Перца, а именно:

1. Придя ко мне однажды, Перец принес стихотворение, говоря, что оно его сочинения и что оно мистическое. «Вот, видите ли, — говорил он, — ныне мистики идут в гору... то я и решился к ним пристать и уже со многими знаком!» И назвал мне, как бы из главнейших, медика Лебошица. Засим просил меня поправить его¹⁰ стихи. // (л. 41) (Они были написаны на цельном листе бумаги и пра-

¹ Далее зачеркнуто одно слово.

² Над словом «течении» написано и зачеркнуто одно слово.

³ Далее зачеркнуто: «зав[...]».

⁴ Слово «Милорадовиче» вписано под строкой вместо зачеркнутых слов «бывшим», «нашим».

⁵ Слова «бывшим тогда» вписаны на полях.

⁶ Слова «С[анкт]-П[етербургского]» вписаны над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто: «и».

⁸ Слово «сообщил» написано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁹ Слово «что» вписано над строкой.

¹⁰ Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

вильными *строфами* с рифмою). Но я, прочтя сии стихи, отдал их обратно, сказав: «Я не могу поправлять того, чего не понимаю» (тогда я не знал еще *особенностей* и оборотов, усвоенных, так называемому, мистическому роду)¹.

2. В другой раз принес он мне те же стихи с присовокуплением еще других стихов; те, другие, помнится, написаны были не тою, что прежние, рукою и в них уже было более ясности, напевалось о чем-то любовном, стонательном, но все так, общие места, плоско!..

Тут же Перец давал мне чувствовать, что он очень желал бы быть принятым в *литературное общество*. Но я сказал на сие, что для сего нужно иметь решительный талант и уже быть мастером, по крайней мере, в механизме (в составлении) стихов.

3. В одно утро он очень много напевал о необходимости *общества к высвобождению евреев*, рассеянных по России и даже Европе, и к поселению их где-нибудь в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народца². Он говорил, что, кажется, отец его, когда был еще богат, имел мысль о собрании евреев, но что для сего нужно сообщество капиталистов и содействие ученых людей и проч[ее]. Тут распложился он о том, как евреев собирать, с какими триумфами их везти и проч[ее], проч[ее]. Мне помнится, что на все сие говорение я сказал: «Да вы, видно, хотите придвинуть *преставление света*? Говорят, что в *писании* сказано (тогда я почти³ не знал еще *писания*), что когда жида выйдут на свободу, то свет кончится». // (л. 41 об.)

4. Из памятейших мне предметов говорения Перца был разговор об известном тульчинском *раввине*, который хаживал к Милорадовичу играть в шахматы, был знаком со знатными людьми и слыл⁴ *кабалистом*. Заметив, что я охотнее слушаю и говорю что-нибудь о сем раввине, чем о чем другом (ибо, признаюсь, я всегда имел склонность к чудесному) Перец⁵ часто *мотивировал* свой приход, начиная тем: «Я видел раввина, раввин приказал вам кланяться», а там садился себе и болтал.

5. Перец, узнав, что⁶ производится⁷ сбор на выкуп Сибириякова, приносил (и несколько раз по 25 и 50 рубл[ей]⁸) *деньги*.

6. Перец однажды просил меня о принятии его в масоны и говорил, что он знаком с доктором Элизеным (бывшим маст[ером] [] *ложи*⁹ Петра) и другими важными¹⁰ масонами. Но я подумал про себя: как мне рекомендовать эдакого балагура; смеяться станут. Затем спросил: «Вы, г[осподи]н Перец, кажется, очень охотники до обществ?» «Да, — отвечал он, — мне бы хотелось проникнуть¹¹ *особенно* в¹² тайные общества», — и начал бредить что-то неясное о какой-то скрытой¹³ науке, посредством коей можно открывать все *тайные общества*, и намекал, будто и он в сей науке сведущ. Но что это и как, не сказал, а я и не спрашивал.

7. Однажды, накануне, было у меня собрание мал[ого] колич[ества] некоторых членов общества учреждения *школ взаимного обучения* или проще, *ланкастерских*. Перец приходил, но его не¹³ пустили: человек сказал: «Нельзя сегодня вам войти, теперь занимаются, тут *общество!*» // (л. 42)

8. На другой день Перец был уже у меня и заводил разговор об обществах, спрашивался опять в масоны. Но в масоны я решительно ему отказал, а сказал: «Вот, коли у вас такая охота до общества, то не хотите ли сейчас вступить в одно

¹ Три строки от слов «чего не понимаю (тогда я...)» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

² Четыре строки от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

³ Слово «почти» вписано над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто: «ка[...]».

⁵ Далее зачеркнуто: «уже».

⁶ Далее зачеркнуто: «что».

⁷ В слове «производится» часть «водится» вписана над строкой вместо зачеркнутой части слова.

⁸ Далее зачеркнуто: «как от родных лиц».

⁹ Слово «ложи» вписано над строкой.

¹⁰ Слово «важными» вписано над строкой.

¹¹ Далее зачеркнуто одно слово.

¹² Слово «скрытой» написано над строкой вместо зачеркнутого.

¹³ Слово «не» вписано над строкой.

прекрасное общество; члены-управляющие люди все благородные и цель преблаготетельная». Перец очень охотно вызвался, потом спросил: «Какое же это общество?»¹ Я отвечал: «Это ланкастерское!». — «Какие ж тут обязанности? Какая цель?» Вместо ответа я подал ему² *печатный листок*, в котором накоротке сказано о вновь учредившемся обществе. К сему присовокупил я: «Устав общества, когда будет утвержден, вам предъявится, ваши обязанности: хвалить везде общество, рекомендовать его цель (изображенную в печатн[ом] листке), набирать членов и присылать деньги в кассу *комитета*. Вы же сами должны внести единовременно 25 рублей, а если угодно³, более и ежегодно по столько же». Перец тотчас вынул, помнится⁴, более 25 *рублей*; имя его было записано, и он впоследствии, кажется, приискал и еще несколько человек и присылал деньги.

9. В одно утро, когда сидел у меня Перец, вошел мой приятель Николай Иванович Кутузов (бывший измайловец). Мы с ним⁵ заговорили, а Перец продолжал болтать⁶ опять что-то неясное, кажется⁷, о тайнах контрабандистов, о городских вестях и проч[ее]⁸. Тут Кутузов дернул меня потихоньку за рукав и, вызвав в другую комнату, сказал: «Не *шпион ли это?*». «Нет, — сказал я ему, — это жид Перец, который приносит деньги для Сибирякова, записался в ланкастерскую школу (в л[анкастерское] общес[тво]) и уж надоел мне ужасною болтливостью... Хотите ли я вас познакомлю с этим чудаком?» Засим мы вошли, и я сказал: «Вот Перец, сын такого-то! А вот Николай Иванович Кутузов, друг мой!». Потом прибавил: «Г[осподи]н Перец поступил в нашу ланкастерскую школу членом // (л. 42 об.) и обещается нам приискать членов и пожертвователей». Перец тотчас и начал изливать свое словообилие на Кутузова.

10. После того не знаю, два ли, три ли раза Перец виделся у меня с Кутузовым, но Кутузов, как казалось, трактовал Перца более⁹ как шута. Однако ж, скоро после сказал мне: «Воля ваша, вы всякий сброд к себе пускаете, а этот Перец *что-нибудь* да должен быть¹⁰. Я никак не¹¹ могу привыкнуть к этому лицу!» Я рассмеялся, однако ж про себя подумал: «Может быть, он подсылается от *Гетуна*, у которого он жил под крылом и который тогда свирепствовал против меня? Что значат эти частые посещения? Эта неотвязчивость? Как знать?» И с сего¹² времени я стал уже смотреть *иными глазами* на Перца...

11. Невдолге затем, заехав от должности на минуту домой, я застал в моей комнате дверь отпертою и Перца там, позирующего около стола, на коем лежали мои бумаги. Я обошелся с сим непрошеным гостем очень¹³ сухо, и Перец убрался. Тогда я крикнул человека и начал его бранить: «Зачем ты пускаешь без меня этого Перца?» «Да, помилуйте! — сказал человек. Нет дня, чтоб он не приходил, да вас часто не застаёт; он сидит у нас в лакейской и разговаривает, даёт *на водку* деньги и все расспрашивает, что вы делаете? Когда ложитесь? Где больше бываете? Кто к вам ездит? Ему до всего дело...» Тогда я уже сказал решительно: «Слушай, ты! Не пускай Перца никогда! Никогда! И говори прямо: "Барин, де, не велел принимать!"».

Вот с этого уже времени Перец и не вступал в мою комнату. Сколько мне ведомо, раз *десять* или более приходил он в лакейскую, но его далее не пускали.

1 Восемь строк от начала ответа на полях отчеркнуты карандашом.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто «и».

4 Слово «помнится» вписано над строкой вместо зачеркнутого «кажется».

5 Далее зачеркнуто: «что-то».

6 Далее зачеркнуто: «что-то». Слово «болтать» вписано над строкой вместо зачеркнутого «врать».

7 Слово «кажется» вписано над строкой.

8 Слова «неясное, кажется, о тайнах... вестях и проч[ее]» вписаны над строкой вместо зачеркнутых.

9 Слово «более» вписано над строкой.

10 Далее зачеркнуто два слова.

11 Три строки от слов: «Перца более как шута...» на полях отчеркнуты карандашом.

12 Слова «с сего» вписаны над строкой вместо зачеркнутых «после того».

13 Далее зачеркнуто одно слово.

И наконец, уже чрез значительное время человек ко мне вошел и сказал: «Перец-с!» — «Ведь тебе не велено его впускать!..» — «Да он просил доложить, что он // (л. 43) отъезжает завтра и надолго из Петербурга...» Я отвечал: «Ну скажи, что барин велел вам пожелать счастливой дороги!..» От сего времени я уже потерял Перца совсем¹ из виду и более не думал о нем².

На 4-й пункт

С италианцем Жильи (Guli) *никогда нигде и ни через кого* ни знаком не был, не видался и³ не слыхал о нем (NB италианца: певца и музыканта *Жюльяни* я знаю, он в хороших домах учит петь) даже и от *Перца*, который любил говорить о своих знакомствах, но все более с известными людьми и знатными домами.

На 5-й пункт

5-й пункт объяснен уже всем выше предшествовавшим. Повторить могу только то, что я Перца ни в какое *тайное общество* не принимал. Как его Кутузов узнал и понял — описано; а следует только сказать о *Семенове* и о его у меня *помещении* на время.

О Семенове

Семенов, по имени Степан Михайлович, по чину (тогда был) *титулярный советник*, сын священника Курской губернии, учился с большим успехом в гимназии, потом в Моск[овском] университете. Сей Семенов не был бы принят в *прежде бывшее* (ученое и благотворительное) *общество* по званию своему; но рекомендован был как знающий законы (юрист) и практически⁴ исполняющий обязанности различных добродетелей, а именно: человек он был трезвый, умеренный, весьма прилежный⁵ по службе (служил тогда у министра духовн[ых] дел по *уголовной части*), а более всего рекомендовало его то, что он получая не более *тысячи рублей*, содержал себя, воспитывал детей брата и поддерживал престарелую мать. // (л. 43 об.)

По всем сим отношениям я познакомился с Семеновым и — когда у него не достало квартиры — предложил ему у себя комнату на время. Таким образом Перец и видел у⁶ меня Семенова, но, кажется, очень редко. Я думаю, что едва ли он (Перец) знает хорошенько не токмо род и родство, но даже имя и отчество Семенова; но он слыхал, что я слуге говорю: «Скажи *Семенову* то-то», и все называл более⁷ *по фамилии*. После⁸ Семенов от меня переехал, но там от высшего начальства отправлен в Курск *на следствие*, где и был несколько лет и, таким образом, и скрылся из моего вида.

На 6-й пункт

На 6-й пункт со всеми его подразделениями (а, b, c и d) могу только сказать то, что я ни имени такого общества, ни⁹ где оно было, ни что делало, ничего вовсе не знаю!

На 7-й пункт

Первая половина сего пункта, составленная из слов Перца, не имеет никакой правды. Но поелику 2-я половина (сего 7-го пункта) имеет некоторое *подобие* с тем, что было в *прежде бывшем* (ученом и благотворительном) *обществе* в отношении деятельности к обнаружению⁹ *злого* и восхвалению *доброго* и поелику я о сем имел честь¹⁰ говорить в последний раз пред высокоименитым Комитетом, то я и

¹ Слово «совсем» вписано над строкой.

² Три строки от слов «пожелать счастливой дороги...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Далее зачеркнуто: «даже».

⁴ Далее зачеркнуто: «исполняющий добро».

⁵ Слова «весьма прилежный» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «неутомимый».

⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

⁷ Слово «более» вписано над строкой.

⁸ Далее зачеркнуто: «что».

⁹ Слово «обнаружению» вписано над строкой вместо зачеркнутого «открытию».

¹⁰ Слово «честь» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

поставляю обязанностию здесь о сем распространиться более. В *прежде бывшем обществе*, преимущественно¹ в *отделениях*, упражнявшихся в науках, благотворении, правосудии и улучшении нравственности, существовал обычай *стараться* обнаруживать² действительно дознанное зло и³ возвышать *добро*, подавая руку помощи и *заступление по закону*⁴ // (л. 44) угнетенной *невинности* и простодушной *правоте*, уловленной *теми*, о коих в настольном указе (на зеркале) сказано, что они «подбирают законы как карты и подкапывают *фортецию правды*». Сие обыкновение порицать зло и помогать добру казалось *тогда* невинным, ибо люди (за 7 лет пред сим) были моложе, и чувствительность их была раздражительнее, а чувство⁵ *правд* было более пылко и более порывисто. Желание⁶ отклонить какое-либо⁷ *местное* злоупотребление и приобрести *уменьше* помочь беспомощному, отстоять на суде сироту и *объяснить*, доводя до начальства, *существо* дела: вот побуждения, заставлявшие⁸ членов с любовью заниматься сухим и скучным изучением законов. Тогда с благоговением читали сей *указ* (императрицы Елисаветы Петровны), который начинается в таком разуме: «Возболело материнское сердце наше, когда достигло нашего слуха, что в земле российской в народе благочестивом начинает распространяться более и более зло, называемое⁹ *лихоимством*». Тут следуют¹⁰ увещания и примеры¹¹, почерпнутые из истории и св[ященного] писания: говорится, что «суд правый — есть суд божий» (смот[ри]: ветхоз[аветная] к[нига] 2, гл[ава] 2)¹² и проч[ее], проч[ее].

Вследствие сего по¹⁰ обнаружении *злоупотреблений*¹¹ (чрез *доведение* об оных до сведения высшего начальства и высочайших особ) памятны мне следующие *события*:

а) Некто *Михайло Васильев*, крепостной человек помещика Е[...], был посажен, находясь¹² в здравом разуме, в *дом сумасшедших*, где и сидел несколько месяцев (до 4-х месяц[ев]). О сем проведаль как-то *Н. Годиин* и, рассказав мне сие, с большим желанием¹³ советовался, как бы избавить сего несчастного? // (л. 44 об.) О сем снесено было с другими и положили *так*, чтобы *одни* взялись чрез² знакомых постыдить деликатно помещика и сказать, что дело уже известно.., что о сем говорят уже в городе², а потому не лучше ли ему вынуть своего человека и помиловать его. *Другие*¹⁴ (кажется, о сем просили *Перовского*) обещали довести до сведения бывшего в[еликого] к[нязя] Николая Павловича, а я взялся рассказать о сем графу Милорадовичу. Чрез несколько времени помещик не смягчился: а е[го] и[мператорское] в[ысочество] Николай Павлович изволил отдать однажды во дворе Милорадовичу кусочек бумаги с именем «Михайло Васильев». И видно, при том что-то Милорадовичу сказал, потому что он, приехав домой начал шуметь и говорил: «Вот что у нас делается!» и хотел было, увидя меня, рассказывать, но я дал ему знать, что про это уже знаю, и *пояснил дело*. Итак, тотчас послали в дом *сумасшедших*, вынули оттуда человека, призвали медицинский факультет — и нашли, что он *здоров и совсем не сумасшедший*! Таким образом, кажется, для пользы

* Мы жили при таком благодатном государе, что, видя зло, молчать¹⁵ казалось стыдно, а *говорить* было не опасно! *Порицать* худое иногда заставляло *тихое желание лучшего*, а желать того — *любовь к отечеству*.

1 Далее зачеркнуто: «существова[...].»

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Далее зачеркнуто: «подавить».

4 Далее зачеркнуто несколько слов.

5 Слова «какое-либо» вписаны над строкой.

6 Далее зачеркнуто: «лих[...].»

7 Слово «следуют» вписано над строкой вместо зачеркнутого «начинаются».

8 Слова «и примеры» вписаны над строкой.

9 Слова «(смот[ри]: ветхоз[аветная] к[нига] 2, гл[ава] 2)» вписаны над строкой.

10 Слово «по» вписано над строкой вместо зачеркнутого.

11 Далее зачеркнуто: «доведение».

12 Слово «находясь» вписано над строкой вместо зачеркнутых двух слов.

13 Слова «с большим желанием» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «чувством».

14 Далее зачеркнуто: «обещали».

15 Далее зачеркнуто одно слово.

общей и правительства¹ многие *взяточники* обличены*, люди бескорыстные восхвалены², многие невинно угнетенные получили защиту, многие выпущены из тюрем и, между прочим, целая толпа, сидевшая по оговору воровского атамана Розетти³. Иные⁴, уже *высеченные*⁵, (по пересмотрении дел) прощены и от ссылки избавлены. Духовской купец *Савастеев* уже с дороги⁶ в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семейство, а другой, костромской мещанин, высеченный, лишенный доброго имени и сосланный в крепостную работу, когда *успели сделать*, чтобы дело о нем было *пересмотрено* (разумеется, по высочайшему повелению *Московским сенатом*), был (сей мещанин)⁶ найден невинным и освобожден от крепостной работы, и возвращен восвояси и⁷ отдано ему честное имя³. Для показания, за образец, каким образом совершалось в совокупности какое-либо *доброе предприятие*, я // (л. 45) укажу на одно из собраний *нашего*³ *отделения*. В квартире Кошкуля собрались однажды: Кавелин, Миркович, Годейн, я, Кошкуль, Башуцкий, еще не помню, кто! Толковали о том, как *помочь целому бедному семейству*, кажется, чиновника *Баранова* (*Кавелин* вернее о сем знает, ибо, кажется, он о помощи⁸ и предлагал). Дело состояло в том, что сей чиновник сидел *шесть лет*⁹ на гауптвахте под судом, а когда кончился суд, то признан невинным. Но в протечении сего времени сие семейство лишилось *всего* и не имело ни угла, ни хлеба куска. А потому *одни* и взялись довести до начальства (не помню, в каком начальстве был сей чиновник) о *пострадании* сего *человека*³; Кошкуль³ вызвался выпросить денег у гр[афа] Потоцкого, я взялся составить записку, а *некоторые* положили стараться в городе о помещении двух малюток сего³ бедняка и хотели послать доктора к больной их матери.

Успех сего был таковой, что, когда свиделись³ не то у меня, не то у Годейна, то оказалось, что чиновник получил от своего начальства некую *награду за пострадание*; Кошкуль привез от *Потоцкого* (граф[а] Александр[а]) *200 рубл[ей] денег*; да из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])¹⁰; матери помог доктор, а детей разместили по добрым людям... Так и совершилось круговое благополучие сего семейства.

Но сколь ни привлекательна кажется сия живая, сердечная деятельность, имевшая вид некоего *нравственного рыцарства* чрез мирное воевание противу *зла* и защиту *добра*, однако и она, как я *теперь* вижу, может почтеться *заблуждением*... // (л. 45 об.)

Но что ж делать, если уже законы природы¹¹ таковы, что и *душа* человеческая умудряется и, как все прочее, созревает *постепенно*!.. Если б я имел за 5, 6 и 7 лет пред сим тот же опыт как теперь, то не подвергся бы ныне¹² порицанию за то (за борьбу противу зла), что тогда казалось очень хорошим. А, может быть, меня об-

* В известной (французской) печатной книге *о карбонарах* сказано: «Чтоб огорчить народ, старайтесь всеми мерами определять к *местам взяточников* и поддерживайте их, закрывайте их дела; бедных давите, отличайте криводушных, пренебрегайте добродетели, словом, шкадите всякие *злоупотребления*, дабы народ, прискучив настоящим порядком вещей, сказал: "Дайте нам что-нибудь *новое*!". Такова *деятельность карбонаров*! А *прежде бывшего* (до 1821 г[ода]) *общества* деятельность¹³ в *непоощрении зла* была совершенно *противукарбонарская*!..

¹ Слова «кажется, для пользы общей и правительства» вписаны над строкой.

² Слова «люди бескорыстные восхвалены» вписаны над строкой.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Слово «Иные» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова «Одни».

⁵ Далее зачеркнуто: «из».

⁶ Далее зачеркнуто: «и».

⁷ Слово «и» вписано над строкой вместо зачеркнутого «с».

⁸ Слова «о помощи» вписаны над строкой.

⁹ Далее зачеркнуто: «на».

¹⁰ Слова «да из общественных приложили столько же (еще 200 р[ублей])» написаны вставкой на полях.

¹¹ Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

¹² Далее зачеркнуто дважды написанное слово «пор[...]».

¹³ Слово «деятельность» вписано над строкой.

манывало и мое¹ самолюбие!.. Но — как мне замечено высокоименитыми членами Комитета — *признаться*² почтеннейшему генерал-адъютанту Левашеву (в той нашей деятельности) не умел я потому, что я³, право, те дела считал в числе⁴ довольно хороших дел моей жизни!

Теперь же, при последнем моем стоянии пред лицом Комитета, когда его высокопревосходительство Павел Васильевич (на мои слова о том, что делалось) произнес: «А кто вам дал право?» и проч[ее], я сими его словами, как бы словом здравого смысла и правды, смутился более, нежели всеми пустыми показаниями Перца и, когда пришел к себе в каземат, то в слухе моем все отзывалось: «Кто вам дал право?» Соображая сие с тем, что приобрел в течение 5 лет несчастий и бдения над собою — когда, закрыв глаза для слабостей других, смотрел только на собственные пороки — я признаюсь, что был в заблуждении.

В позднейшие времена (противу вышеозначенных)⁵, взирая на вещи с высших точек зрения, узнал я *те* великие истины, кои, вводя ретивость наших чувств в покорность и бесстрашие, поставляют человека в безмолвное созерцание всего делающегося на земле. Великие *часы земные* заводятся *ключом небесным*, и все идет так, как ему идти надобно. // (л. 46) Ропот твари огорчает и тварь, и создателя. Я познал, что и зло попускается *на времена*². Полезно и зло, ибо оно бывает уроком к добру! Одно поколение, наскучив мздоимством, коварствами, безмерною роскошью и всепокорительною суетностью, невольно передает детям своим любовь к бескорыстию, к прямотушию, к² простой бескабальной жизни, ко всему благороднейшему, возвышеннейшему, чистейшему!.. А почему я охотно и сознаюсь в заблуждении... Но поелику *бывшего* можно только *не повторять*, а нет уже⁶ возможности сделать *бывшего* как бы не существовавшим, то я и заменяю сию неотвратимую невозможность чистосердечнейшим раскаянием.

Объяснив все сие, поспешаю обратиться к делу Перца.

На 8-й и 9-й пункты

8-й и 9-й пункты, как в целом, так и в подробностях, суть пустое сочинение и, как мне сдается, отзываются некоторым сходством с теми обществами, кои описаны аббатом *Барюелем* в известной книге «Волтериянцы».

10

Такого общества, где употреблялось еврейское слово «*Хейрут*», поистине, поистине (если такое общество еще было?), я не знал и не могу сказать ничего, *где и что оно такое*. // (л. 46 об.)

11 пункт

На сей 11-й пункт я могу тоже сказать, что такого общества я и в глаза не видывал! Начальствовать же ни мне, ни Кутузову, ни Семенову и⁷ не над чем было, ибо такого общества в виду нашем не было!

12 пункт

Первая половина сего⁸ 12-го пункта заключает в себе также только сплетения. Останавливаюсь на именах:

а) *Синявина* я никогда нигде не знал, думаю, и он не знает меня! И⁹ его отца (адмирала), коего душевно уважаю по славе его, доселе не знаю, т[о] е[сть] не знаком с ним лично!

1 Слово «мое» вписано над строкой.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Слово «я» вписано над строкой.

4 Слова «в числе» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

5 Далее зачеркнуто: «узнал я».

6 Слово «уже» вписано над строкой.

7 Слово «и» вписано над строкой.

8 Слово «сего» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «к».

б) *Искрицкий*. Когда я был раз у старика Перца на чинном обеде (вместе с председателем угол[овной]¹ палаты и прокурором), то, кажется², он с Искрицкими жил так, что он в среднем, а те в верхнем этажах: следовательно, Григорий Перец с Искрицкими однодомцы, могли видаться каждый день, и Перец мог принять его во что-нибудь. А доказательством тому, что³ Искрицкий не от моего имени принят служит то, что я одно время⁴ встречался с ним часто у камергера графа Д., где я по давнему знакомству с графом был как свой, а Искрицкий там искал и ко мне ласкался, то чего ж бы было ближе *Искрицкому* сказать мне, что он одного со мною общества и тому подобное? Но *Искрицкий* никогда не токмо словом, ниже видом не показал мне, что он в каком-либо обществе обретается, иначе бы я тотчас вывел его из заблуждения, ибо тогда⁵ (после 1821 года) прежде бывшее общество уже разрушилось. // (л. 47)

Устимовича и *Лаппу* я в жизнь мою⁶ никогда нигде не видал и с ними никаких сношений ни личных, ни письменных не имел.

Данченко же и *Дребуша*, хотя я лично не знал, но припоминаю (по фамилиям), что они точно состояли (и по крайней мере, с 1818 года) в прежде бывшем обществе (учено-благотворительном). Спросить бы их: как же дозволили они (если так было?) перепринять себя⁷ в другое и какое-то странное — с жидовским словом⁸ — общество, когда в обычности прежде бывшего (до 1821 года) общества было именно то, чтобы⁹ сказываться своим, если кто даже и в¹⁰ масоны вступить приглашался?

13 пункт

Французская революция! Сие имя возбуждает во мне всегда ряд ужасных представлений и сильно волнует мою чувствительность! Сие смешение крови, огня, мятежей и неистовств, сие взаимное сотерзание страстей, гибель невинности, торжество порока, сей *Марат*, требующий трех миллионов голов, дабы остальным просторнее было жить, сей *Робеспьер*, который свирепствовал как тигр, а умер — как подлец, сей параличный *Кутон*, разрушитель Лиона, сей холодный кровопийца *Ле-Бон*, который по суду и систематически зарезал целый город *Аппрас* (свою родину) и велел вырезать у себя на печати гильотину и всю живность для своей кухни резать на гильотине (!!!) — сии люди, сии обстоятельства чего могут быть достойны кроме беспредельного омерзения? // (л. 47 об.)

Безумные хвалили ум; беззаконники срамили закон; проповедывали свободу, закрепостив души страстям; и благородная *Ролан* (жена министра) сказала, восходя на эшафот (подле которого стояла колоссальная статуя свободы): «О свобода! Сколько злодеяний совершается во имя твое!» Они судили и на суд их не являлись ни кроткое жаление, ни всепрощающая любовь, ни милосердие, утоляющее ярый огонь обличения: во всяком обвиняемом они искали виновного и суд их был только — осуждение!

Какие же тут лица? Какие личные выгоды?! Я уважаю только два лица: аббата *Еджеворта* и высокодобродетельного *Малерба*, который — и под кинжалами убийц — осмелился говорить за страдальца, развенчанного насилием и осужденного по закону беззаконием!.. Еще люблю я немножко *Верньо*. Его большая статуя и теперь подле лестницы люксембургской. В руке его развернут свиток, на нем читаешь: «Правосудие должно быть открыто и светло, как солнце небесное!» Но солнце имеет два великих качества: светлость (только сияющую) и теплоту (греющую). Первое — правда, а вторая — милость. Вот мои мысли! Вот мои

¹ Слово «угол[овной]» вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: «его».

³ Далее зачеркнуто: «с».

⁴ Далее зачеркнуто: «вид[...]».

⁵ Далее зачеркнуто: «пре[...]».

⁶ Слова «в жизнь мою» вписаны над строкой.

⁷ Слово «себя» вписано над строкой.

⁸ Слова «и какое-то странное — с жидовским словом» вписаны над строкой.

⁹ Слова «то, чтобы» вписаны над строкой.

¹⁰ Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

слова! Так я *всегда* говорил, так *печатал* и теперь запечатываю *сие* истинностию и чистосердечнейшим уверением в том, что не имею иных понятий о великом бедствии, постигшем Францию, которое называют Французскою революциею. // (л. 48)

14 пункт

И на¹ сей 14 пункт то разве могу сказать, что я знака *елки и книги завета* ни у кого не видал, печатей с сим знаком никогда не имел, ни в *слепках*² (с печатей) нигде не видал изображения *елки и книжки*. О существовании же, якобы, общества под сим знаком, ни где оно, ни что оно³, мне совершенно неизвестно! А говорил я не раз⁴, когда ланкастерская школа была в свежем ходу, что: «Если бы общество Елисаветы соединилось с нашим (с Михайловским), то мы гораздо бы сильнее были в способах и могли бы сделать какое-нибудь заведение более прочное»⁵.

Примеч[ание] при *профанах* (или непринятых в таинства масонства) не говорили Восток, Великий Восток или Елисаветы — к добродетели или *ложе Избр[анного] Мих[аила]*, а говорили просто: общество Елисаветино, общество Михайловских б[ратьев] и проч[ее].

Я говорил сие потому, что *члены* (по-масонски — *братья*) обще[ства] Елисавет[ы] заводили также *училище на двадцать пять сирот*, а у нас⁶ школа человек на 200, только у них дети и жили, и ели⁷, и спали в заведении, а наши только могли приходить часа на три в сутки и потом возвращаться домой, где часто не находили и хлеба⁸!..

На 15 пункт

Вот образчик показаний! Тут совсем дело шло *не о вольности*, а о нелепейшей⁹ деревенской басне. Один мужик рассказал, а там дал и на записке — лично мне и не по обязанности, а так... — нижеследующий слух или молву, что якобы какой-то // (л. 48 об.) монах, но не *наш* (не в клубке), а раскольничий монах, такой же мужик, проезжая из *Устилуга по некоторым местам*, говорил своим толкунам (так называются раскольничьи ученые), что не надо де ни браков брачить, ни детей родить, ибо близко уже есть *преставление света* и что есть уже¹⁰ и апокалипсическое лицо, имеющее явиться пред концом мира, понеже *сказано в апокалипсисе* (и это соврано: так не сказано!), что *оно* (сие лицо) должно быть царь великий, славный, имущий многие народы под собою! Посему и намекал он на¹¹ покойного государя, который, напротив, *весь был во Христе*!.. Ничем не будучи подтверждено, это было принято за сущий вздор и брошено! После, иногда, когда кто-нибудь из приятелей заговаривал о женитьбе, я шутя, говорил иным: «Ей, постерегитесь: мужик ездил по России и проповедывал, что не надо жениться: скоро будет *представление света*!».

На пункт 16-й

В сем пункте есть некое тщательное собрание, сближение, слитие воедино таких вещей, в коих, с одной стороны, мне мнится узнавать те слухи или *толкованья*, кои досужими шпионами *мелкого разбора* собираются по харчевням, в торговых банях, на мостах и даже самую полицию почитаются за пустяки. С другой

¹ Далее зачеркнуто: «на».

² Далее зачеркнуто: «ни».

³ Далее зачеркнуто: «мне».

⁴ Слова «не раз» вписаны над строкой.

⁵ Четыре строки от слов «ходу, что: "Если бы общество..."» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁶ Далее зачеркнуто одно слово.

⁷ Слова «и ели» вписаны над строкой.

⁸ Шестнадцать строк от слов «А говорил я не раз, когда ланкастерская школа...» отмечены на полях вначале и в конце косыми линиями.

⁹ Первоначально было: «нелепой».

¹⁰ Слова «есть уже» вписаны над строкой.

¹¹ Слово «на» вписано над строкой.

стороны, кажутся тут слышны отголоски тех воплей, кои некоторые частные лица произносят, когда их собственные дела не так идут, как им желательно¹. Например, в² жалобе, что правительство систематически медлит удовлетворять претензии частных людей и далее..., тотчас узнаешь лицо Перца и его дело, и его претензию... // (л. 49) А чтоб так подробно и мелочно³ и⁴ привязчиво толковать о каком-то долге 1812 года, надобно непременно быть или барышником или жидом!

Я же, как всем моим приятелям известно, и жизнь моя то доказывает, человек совсем нерасчетливый⁵. И о сем каком-то долге, ей, ей, никакого понятия не имею: ибо в 1812 году был там, где⁶ отстаивали престол и алтарь⁴ и где (как сказано в писании) сражались за души и законы свои.

Но среди⁷ сей безобразной мозаической наклейки слухов, вестей и толков, более всего ударяет на чувства мои то, будто бы мы (т[о] е[сть] и я!) бранили великих князей! Беру 6 или 7 лет⁸ назад и рассматриваю: за что бы их и бранить тогда?

Едва вышедшие из круга юнейших лет⁹ и занятий учебных, наши великие князья в то время совершали путешествия, то по России, то в чужие края. Характер их еще не был развернут: ни нрав, ни обычаи их еще не могли быть известны¹⁰! Между тем, бог обложил их благообразием, наделил цветущею молодостию и здоровьем. Ясность душ, над которыми не протекали еще бури жизни, некий остаток детства, оттененный важностию сана, скромность в поступки и ласка во взоре: вот, сколько помню, черты их (тогдашних) особ, которые и по самой¹¹ наружности не могли подлежать злословию! Доказательством же щедрости Николая Павловича могу служить сам я!

Когда я был еще при Сипягине, не знаю, от кого узнал обо мне Николай Павлович и без всяких заслуг моих // (л. 49 об.) сказал раз Сипягину: «У тебя есть Глинка — такой и такой — я хочу прибавить к его жалованью из собственных моих», и назначил¹² значительную сумму. Но Сипягин отблагодарил и отвечал¹³, что не нужно. Приехавши ж домой, сказал мне: «Я за тебя отвечал то и то: хорошо я сделал?» Я сказал: «Хорошо! Потому, что великий князь теперь домом заводится, ему самому нужны деньги, а мне начинают выдавать столовые: то мне и довольно!» Вот это правда! Сипягин — живой человек: можно наведаться!

Спросить можно у почтенной генеральши Ахвердовой, у И.Ф.Паскевича, у Павл[а] Ив[ановича] Арсеньева, у доброго генерала Мартьянова, у Воропанова и друг[их]: как я отзывался в частых свиданиях с ними о великих князьях? Я изображал мои чувства и письменно: стихотворение мое некогда¹⁴ поднесено было ее величеству Марии Федоровне, и государыня, повелев¹⁵ пригласить меня в Павловск к своему обеденному столу, изволила говорить мне⁹: «Я благодарю вас за чувства, изъявленные императору и моим младшим детям: Нелединский читал ваши стихи...» и потом прибавила, обратясь к другим: «J'admire la délicatesse des sentiments de jeune homme!»¹⁶ Вот, сии слова августейшей монархии сбережены моею благодарностию, и клевета еще не выкрала их!

1 Слово «желательно» вписано над строкой вместо зачеркнутого «хочется».

2 Слово «в» вписано над строкой. Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

3 Слова «и мелочно» вписаны над строкой.

4 Далее зачеркнуто «и».

5 Первоначально было: «нерасчетливый».

6 Далее зачеркнуто несколько слов, заключенных в скобки.

7 Далее зачеркнуто: «сего».

8 Слово «лет» вписано над строкой.

9 Далее зачеркнуто одно слово.

10 Далее зачеркнуто: «Меж[...]».

11 Слово «самой» вписано над строкой.

12 Слово «назначил» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

13 Слово «отвечал» вписано над строкой вместо зачеркнутого «сказал».

14 Слово «некогда» вписано над строкой.

15 Слово «повелев» вписано над строкой.

16 «Я восхищаюсь утонченностью чувств этого молодого человека» (франц.).

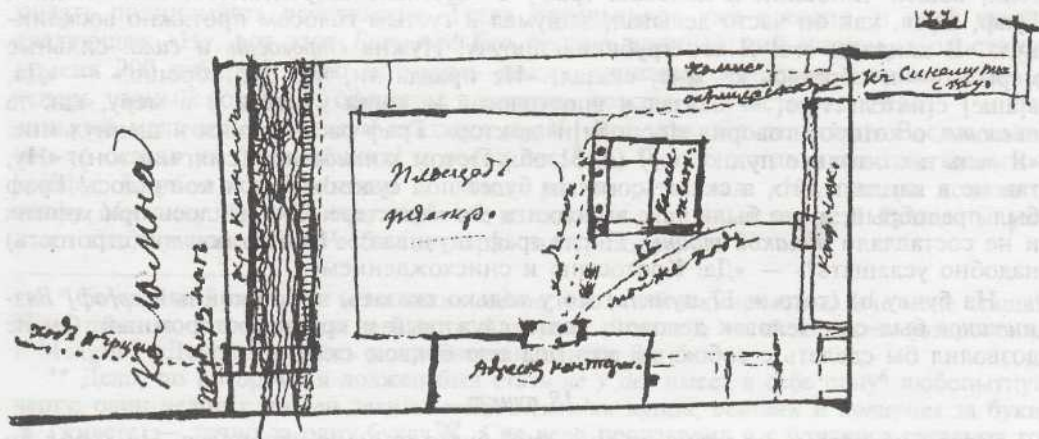
Чтоб ниспровергнуть и разрушить показания *Перца*, о том, будто в день Семеновской истории я встретился с ним у *Поцелуева моста*, я заемлю доказательств¹ // (л. 50) из двух категорий: из *времени* и из *пространства*.

1-е доказательство (из времени)

Семеновская история началась с *вечера* и была в *ходу* на другой день *все утро* и далее... Вот в этот-то накануне вечер я был наипоспешно спрошен к Милорадовичу. Как я его застал, о том имел счастье объяснять изустно пред высокоименитым Комитетом. Тут я пробыл у него до поздней ночи и назавтра ранним-рано уже был опять² у своего же³ места (т[о] е[сть] у графа); а там на Семеновском плаце, а там опять у графа и целый день, и целую неделю, и целых *две недели*: так, что ложился в 4-м часу ночи, а в 7-м утра уже был за делом. Можно спросить у Алексея Ник[олаевича] Бахметьева: он очень меня знает и тогда бывал всedневен у Милорадовича, называл меня *бессонным* человеком. Мы тогда жили точно на бивуаках: все меры для охранныости города были взяты. Через каждые 1/2 часа (сквозь всю ночь) являлись *квартильные*, чрез каждый час частн[ые]⁴ *пристава* привозили донесения изустные и письменные⁵. Раза два в ночь приезжал *Горголи*, отправляли курьеров⁶; беспрестанно рассылали жандармов, и тревога была страшная; а⁷ о *Перце* ничего нигде⁸ не слышали...

2-е доказательство (от пространства или места)

Я не упираюсь именно на мелочные местности и проч[ее]. Но как *Перец* указывает место якобы встречи с ним, то я и предлагаю самое местоположение, хотя худо начертанное. // (л. 50 об.)

Я и в обыкновенные дни (не только в⁹ день Сем[еновской] истор[ии]) хаживал всегда одним *привычным* путем из ворот прямо или (по линии: *aa*) на передний угол театра, или (по линии *bb*)¹⁰ мимо заднего угла на тротуар в кондитерскую лавку, где пил шоколад по утрам. В том и другом случае чем далее шел от ворот, тем более удалялся от *Поцелуева моста*. Я хаживал¹¹ на *Синий мост* и оттуда к Милорадовичу, который жил в доме Колержи. В *Коломну* же (за *Поцелуев мост*) я в две и три недели не захаживал, ибо у меня тогда никого там знакомых не было. В

1 Далее зачеркнуто: «из двух».

2 Слово «опять» написано на полях.

3 Слово «же» вписано над строкой.

4 Слово «частн[ые]» вписано над строкой.

5 Далее зачеркнуто «Беспр[е]».

6 Слова «раза два в ночь приезжал *Горголи*, отправляли курьеров» вписаны между строк.

7 Слово «а» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

8 Слово «нигде» вписано над строкой.

9 Слова «не только в» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «кром[е]».

10 Далее зачеркнуто: «на».

11 Далее зачеркнуто: «по Офицерской».

день же Семеновской истории я тем менее мог *отклоняться* в сторону от обыкновенной прямой черты.

Итак, если Перец и шел¹ к *Поцелуеву мосту* (конечно, от себя из Коломны) в ту минуту, как я выходил из ворот, то все я не мог с ним, как он говорит, «*встретиться*», ибо встречаются *те*, кои *сходятся*, а мы *расходились* и я² мог только быть с Перцем как две *параллельные линии*, кои иногда видятся, но *никогда* не сходятся. // (л. 51)

Пункт 17-й

В пункте 17-м на³ *зачало под буквою «а»* имею честь ответить нижеследующее:

У Милорадовича однажды болели глаза. Его лечил *Реньери*. Я жил в это время, под осень, на даче⁴ (на Камен[ном] остр[ове]) у Кусовых, имея дозволение некоторое время полечиться. К Милорадовичу же пришел партикулярно, без должности. При мне приехал (кажется, присланный от государыни Мар[ии] Фед[оровны]) врач (после сказали, что это Л.М.Миллер). Граф сел дописывать бумагу к к[нязю] Волконскому (ибо император был в отсутствии); а мне сказал: «Займи врача разговором!» Вот мы и стали говорить о медицине, о фармакопее Я.В.Вилье, которую издавал мой приятель *Орлай*, о применении химии к хозяйству (шапталя) и к медицине и коснулись до *кислот*. Тут доктор сказал, что он получил новый трактат о *кислоте* — *Acide Prussique*⁵ и начал описывать, как остра и едка сия кислота... Тогда Милорадович, вслушиваясь, сказал: «Да на что ж она годится?». — «А, В, С! Когда ее усластят (разбавят), тогда она *преполезное лекарство*...» Вот, немного погодя, вошел чиновник и доложил графу о *садовнике Шереметьева*, англичанине. Граф, шутя, как он часто делывал, зашумел и густым голосом протяжно воскликнул: «В кандалы его! Я его грубияна проучу! Нужна *строгость* и *сила*: сильные меры!», — и обратясь ко мне, сказал: «Не правда ли, что это хорошо!» — «Да, в[аше] с[иятельство], — сказал я вполголоса, — когда у места и в меру, как та *кислота*, о которой говорил г[осподи]н⁶ доктор». Граф расхохотался и шепнул мне: «Я ведь так... только пугаю...» // (л. 51 об.) Потом к *чиновнику* (смягчив тон): «Ну, так не в кандалы его, а сказать, что он будет под судом!» Тем и кончилось! Граф был предобрый, а это были так, выходы в его характере. Сие деялось при многих и не составляло *никакой тайны*. После граф шучивал: «Чтобы *кислоте* (строгость) надобно услащать?» — «Да! Кротостию и снисхождением».

На букву b) (того ж 17 пункта) могу только сказать, что покойный *гр[аф] Вязмитинов* был сам человек деловой, долго служивый и крайне осторожный. Он не позволил бы сделать с собою то, что под сею буквою сказано⁷.

18 пункт

Перец не потому не ходил ко мне, что⁷ будто от меня уклонялся. Но ходил ли бы он⁸ или нет, его бы не впустили⁹ — ибо я, как уже сказал, не велел его принимать. Он говорит, что потому *не открыл*, что боялся *меня*, моих связей и проч[ее], и проч[ее]... Меня бояться? Чтоб я стал *теснить, преследовать, угнетать*? Хорошо! Пусть сделают обо мне (по 54 главе *уложения*) большой *повальный обыск*, начиная с *нищих* у Казанского собора, с которыми я знаком, до первых домов в городе, которые меня знают; пусть спросят: кого я утешал? Кого преследовал? Кого обидел с *намерением*? Даже на самых уж тех, которые меня грызли, я не злобствую и в этом нет большой *цены*, ибо нет *труда*, потому что я не могу принудить себя ни *мстить*, ни *ненавидеть*: могу только рассердиться и простить. // (л. 52)

¹ Далее зачеркнуто: «от себя».

² Слово «я» вписано над строкой.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Далее зачеркнуто: «у».

⁵ Синильная кислота (франц.).

⁶ Слово «г[осподи]н» вписано над строкой.

⁷ Далее зачеркнуто: «укло[...]».

⁸ Слово «он» вписано над строкой.

⁹ Слово «впустили» вписано над строкой вместо зачеркнутого «приняли».

Пусть так! Если Перец меня боялся до 1822 года, то в сем году¹, когда я от масонства отстал (закрыл [] ложу), от литераторов и собраний (по душевным горестям) удалился*, когда Милорадович по подспудным действиям ябеды** и взятости на меня рассердился, когда у меня взяли квартиру, содержание, столовые деньги..., все... Когда я, оттолкнутый, забытый, в нищете, в чужом углу, на чужом хлебе, сидел в загоне, как раздавленная муха, когда мои враги... нет! Врагов я не имею! Когда так... глупые люди (ибо злость есть глупость) распускали обо мне молвы — с одной стороны, что я опасный шпион, и меня уже во многих порядочных домах стали принимать иначе, с другой стороны, — что я (зачитавшись библии) сошел с ума (так, что я должен был ездить по домам, чтоб показываться — о сем можно спросить у Кусовых, Уваровых, у графа Толстого и у сестры графа Милорадовича, которая встретила со мною у графа Дивьера, глядела на меня со слезами и призналась, что уж послала человека проводить, до какой степени я сошел с ума, как ей о том сказал полковник NN): то вот в такое-то удобное время, кто ж мешал г[осподи]ну Перцу (если было о чем доносить!) пуститься со своим доносом и меня лежачего добить и (по примеру другого некоего господина, скропавшего на меня замысловатый донос) даже выслужиться чрез открытие каких-то ему известных тайнств?!. За что ж он (Перец) говорит, что боялся меня!.. Меня, которого никогда никто не боялся?.. // (л. 52 об.)

О деле корнета Ронова я знаю следующее:

а) В продолжение сует по Семеновск[ой] истории приехал однажды генерал Васильчиков (с ним был адъютант, помнится, Протасов) и разговаривал наедине с графом вверху в² его комнате, у камина. Спустя долго, граф кликнул меня и велел подать подписывать подорожные. Тогда Васильчиков уже отходил, и граф сказал следующее: «Ну, вот этот Батурич! Его подбил полицейский шпион, а он стянул с меня 700 рубл[ей], чтоб потчевать ваших уланских офицеров и выведывать. А теперь уланы спокойны, офицеры в истории совсем не участвуют, Ронов — маленький мальчик, а Синявин оказался прав!.. Вот, как все делается!» Васильчиков что-то сказал на полицейских³ и расстались⁴. б) После, когда я отвозил бумаги к гр[афу] Кочубею, он, окончив со мною разговор, сказал: «Ну, теперь доложите графу Михаилу Андреевичу, что⁵ об известном деле — о корнете Ронове я уже имел счастье донести от себя государю императору».

* Точно тогда постигла меня такая година, что: «и ближние мои далече мене сташа!» Но я помнил, что Магомет говорит в Алкоране в главе о неизбежности (откровений в Медине): «Довольно иметь покровителем одного бога!»

** Дело, по которому я должен был стать не у дел имеет в себе одну⁶ любопытную черту: один человек лишен звания второй гильдии купца, оглашен и потерпел за букву Ж (живете) — точно за одну букву Ж. Сие дело производил я с близкого сведения государя императора, а граф Аракчеев рассматривал его, и мне сказали: «Ваше производство сделано по совести, по здравому рассудку и по законам!» И граф был очень ласков... При таковых случаях, конечно, иногда вспоминаются как бы⁷ сами собою некоторые выражения, как например, нем[ецкого] фил[ософа] Зейме: «Установите только правосудие, а благоденствие придет само!» Или сие китайского мудреца Хенг-Дэн-Фое (кажется, в V кн[иге] о наро[дной] нравст[венности]): «Благополучна та страна, где тюрьмы пусты, а житницы полны, доктора пешком, а хлебники верхами, где на ступенях⁸ храмов божьих толкается народ, а крыльца судилищ заросли травою»⁹.

1 Первоначально было: «сего года».

2 Слово «в» вписано над строкой вместо зачеркнутого «у».

3 Слова «на полицейских» вписаны над строкой.

4 Слова этой фразы сверху помечены цифрами, указывающими порядок прочтения: «Васильчиков» — 1, «что-то» — 3, «сказал» — 2, «на полицейских» — 4, «и расстались» — 5.

5 Далее зачеркнуто: «о деле».

6 Слово «одну» вписано над строкой.

7 Слова «как бы» вписаны над строкой.

8 Первоначально было: «ступени».

9 Слова «толкается народ, а крыльца судилищ заросли травою» вписаны ниже вместо зачеркнутых слов «покрыты грязью (с ног), а крыльца судилищ заросли травою и проч[ее]».

В моей маленькой квартире Перец никогда при мне не бывал в течение нескольких лет. А вскоре после кончины покойного императора вдруг в одно утро явился в моей комнатке. Человек уже забыл давнее приказание и как-то его пропустил. Я был уже готов к выходу, а потому и потому, что Перец непрощенный гость, и не просил его *садиться*... «Как вы теперь живете?» — сказал он. «А вот как, — и отворил крохотную перегородку. — Я, да две // (л. 53) птички — втроем живем потихоньку...» Он: «Вы точно живете как монахи?» Я: «*A peu près*»¹. Потом он сказал: «Вот и государь нас оставил!». Я рассказал² несколько черт, как народ горюет. Потом, кажется, он сказал: «Что-то будет?» А я, помнится, отвечал: «Ожидают государя из Варшавы». — «Да когда-то он будет?» — «Не знаю!» — «Да, как вы думаете, что будет?» — «Я ничего не думаю, а *что будет, то будет, что будет, то будет, а будет то, что бог даст!*»³ Прощайте, г[осподи]н Перец! Я иду!», — и проводил его до двери — два шага!.. Потом я человека бранил, а он сказал: «Да я, ведь, его и забыл, сколько лет не бывал!» — «Ну, вперед помни, и не пускай!» // (л. 53 об.)

На 20-й и последний пункт

Выспрос г[осподи]на Перца у моего лакея точно справедлив. Точно, я провел только часть ночи у себя на 15 декабря. Но вот, как сие было. Когда все уже давно затихло на площади и в казарму конногвардейскую к раненому Милорадовичу, где я проводил день, приходили разные особы и говорили, что *все уже кончилось* и государь уже во дворце и площадь уже³ очищена и проч[ее], проч[ее] и когда приехал уже генерал Стрекалов, с которым я разговаривал, то — это было уж поздно вечером — я, взглянув еще раз на графа, который лежал тихо, пожал руку Яворского, который прописывал рецепт, не хотел будить Петрашевского, который от усталости сидя спал, а Пращевскому, Каплуновскому, кажется, Махонину⁴ и другим чиновникам сказал: «Я зайду теперь домой проведать еще своих хозяев, а там приду к вам ночевать». Они сказали: «Пожалуйста⁵: мы вам местечко сыщем». Вот и пошел я — площадь вся была обставлена войском, на ней горели огни, я подумал: «Точно военное время». И пришел я в дом Всеволожского уже часу в 12-м, но господа были еще за столом⁶ (позже обыкновенного). Встали. Я рассказывал дамам, что знал, а там с самим Всеволожским, ходя по зале, проговорил еще с час, более о Милорадовиче. Домой пришел я уж часу во 2-м и, переменя сапоги, хотел было идти к Милорадовичу. Но человек мне сказал: «От полиции ходили, чтоб запираť все ворота, и по улицам ездят разъезды. Куда ж вам ночью? Ведь конная гвардия далеко!» Я подумал прежде и сказал: «Пожалуйста, разбуди меня часа через два, а много три, я хочу застать еще Милорадовича живого!» // (л. 54)

* *Примечание*. Богдан Хмельницкий около 1654 года⁷ в ответ на грозную⁸ грамоту Амурата IV, написал на целом листе только сии слова: «*Что будет, то будет; что будет, то будет; что будет, то будет...*» и, исписавши сим весь лист, в конце поставил: «*А будет то, что бог даст!*», потом двинул войско, разбросав его⁹ конными партиями, перешел границу¹⁰, зажег (в один день) в сорока местах пожар и разбил турок наголову. Я писал поэму Хмельницкого и его выражение сделалось моею поговоркою, о сем знают мои приятели: я говорю ее особенно тогда, когда с кем не хочется разговора плодить, особенно о том, что будет.

¹ «Почти» (франц.).

² Первоначально было: «сказал».

³ Слово «уже» вписано над строкой.

⁴ Слова «кажется, Махонину» вписаны над строкой.

⁵ Первоначально было: «Пожалуйста».

⁶ Далее зачеркнуто: «более».

⁷ Слова «около 1654 года» вписаны над строкой.

⁸ Слово «грозную» вписано над строкой.

⁹ Далее зачеркнуто: «на ко[...].»

¹⁰ Слова «перешел границу» вписаны над строкой вместо зачеркнутых слов «вошел в Молдавию».

Вот тут, помолясь, и лег¹, скинув только мундир. Так я и часто сплю. Часу в 5-м меня разбудили. Я встал, умылся, богу помолился, сварил сам чай (зеленый) на конфорке и, выпив, спросил, встали ль дворники? Сказали: «Да!» И я уже часу в 6-м пошел в казармы к[онной] гвард[ии]. Входя на лестницу, изумился (туда ли я иду?), что не слышно шуму... Все глухо... Постучал и спросил: «Здесь Милорадович?» На спрос голос ответил²: «Милорадович приказав уже³ долго жить!» Это было не неожиданно, но я⁴ очень тронулся. «Где он?» — «Перенесли в его дом». Я и побежал. При входе в первых комнатах встретился я и поговорил с минутку с полковником *Хатовым*. Засим вошел в *траурную комнату*. Покойный уже лежал на столе, как живой. Я подошел, поклонился, поцеловал руку и зарыдал... Мне вспоминались те счастливейшие минуты его цветущей жизни и моего детства, когда я, придя к нему еще мальчиком (из корпуса по 14-му году)⁵, возрастал при нем постепенно, как и⁶ его слава... Когда я видел⁷ сего героя, сего верного слугу, который *служил и прямил* государю, блестящим в лучших обществах Польши, бесстрашным на войне, с умом, который не всегда показывал, но которому иногда *очень удивлялись*, с детским сердцем, веселым на волшебных празднествах, которые давал среди оружия и в поле, и с тою безоблачною душою, каковой уже не видала в нем столица сия... И теперь плачу! А тогда при⁸ *теле его* я чувствовал, что все нервы во мне тряслись, все жилы ходили!.. Не понимаю! Ужели и здесь нашла клевета место углубить свое всепроникающее жало!!!

Чтоб объяснить встречу в магазине Плавильщикова я должен прежде сказать нижеследующее: после того незабвенного для меня⁹ события, как государь император изволил осенить меня своею милостию, я тотчас из дворца пошел к военному губернатору. В кабинете е[го] в[ысо]коп[ре]восх[оди]тельств[а] был тогда *Д.П.Позняк*. Павел Васильевич изволил разговаривать со мною кротко и благово-лительно, и я ему сказал точно сии слова: // (л. 54 об.) «Ваше высокопревосходи-тельство! Я с злоумышленниками никогда не был, но, находясь на¹⁰ таком *месте*, с которого видно было зло, я скорбел душою и часто *вопнял** противу ябеды и¹¹ *злоупотреблений*». На сие его высокопревосходительство изволил сказать: «Это хоро-шо... Это почтенно...» Вот эти *слова* остались у меня в памяти, и я, рассказывая о милости государя (ибо всемиловитейший сказал: «Ты можешь *рассказывать...*»), говорил и о сих словах и в доме г[оспод] *Лихониных*, душевно преданных Павлу Васильевичу, и в других почтенных домах, как о речах, сказанных при третьем лице (при Позняке), и просто, *не за секрет*. Я говорил, истинно думая сделать сим более похвалу *характеру*, основанному на одной прямизне¹² и русскому правдолю-бию *Павла Васильевича*. Если я в сем провинился, то прошу всеубедительнейше у его высокопревосходительства *простить меня*, ибо я, умея ценить достоинство людей, очень буду скорбеть, если *неволью*, по сущему неведению, прогневил мужа, издавна мною уважаемого!..

Теперь о *Перце*. На другое утро после как я⁴ был во дворце, он уж являлся у меня. Я тогда лежал еще в постели... Человек сказал: «Перец!». Я сказал: «Зачем пустил?» — «Пришел наведаться, как вы здоровы?» — «Скажи, что я не могу его

* Ябеда сама, в своем имени вопиет нам, что она беда: я — беда! Так как же не вопиать, как и она, против нее?!

1 Далее зачеркнуто: «не».

2 Слова «На спрос голос ответил» вписаны над строкой.

3 Слово «уже» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто одно слово.

5 Далее зачеркнуто: «нравственно».

6 Слово «и» вписано над строкой.

7 Первоначально было: «видя».

8 Далее зачеркнуто: «теле».

9 Слова «для меня» вписаны над строкой.

10 Слово «на» вписано над строкой вместо зачеркнутого «при».

11 Слова «ябеды и» вписаны над строкой.

12 Слова «основанному на одной прямизне» вписаны над строкой.

принять!» Вот Перец как пришел, так и ушел! А после, уж чрез изрядное время я вхожу к Плавильщикову, аж *Перец* тут! И ко мне: «Я у вас был — да не приняли!» и с вопросами: «Вас возили во дворец! Ну, скажите, что там было?» Я, видя, что тут были знакомые лица, говорил *вслух* о милости моего государя, о том, что был после у военного губернатора и что он не опорочил моих слов насчет злоупотреблений, ибо о моем воевании с крючками в свое время многие¹ знали: мне случилось некогда и самого хозяина лавки (или книж[ного] магазина)² вызволить, когда его раз прижали... Я с Перцем тотчас развязался и не говорил и пяти минут, а стал смотреть *новые* книги и заговорил с *другими*, а он ушел. Вот и о магазейне все и о Перце!.. // (л. 55)

Но что он, сей Перец? Если сам чем провинился, думает ли обезвинить себя обвинением меня? Что значат эти встречи не *при ком*? Эта ловля *слов*? Это толкование³ полуизречений? Эти посещения без зову? Зачем он, как некое таинственное существо, ходил по следам моим? Зачем⁴ как проवेशая *комета* являлся *по времени* на скудном горизонте моего гражданского бытия?!! Да! Все показывает, что мы уже далеки от тех добронравных времен наших отцов, когда ни проговориться, ни провиниться не страшно было! Когда полагали за великую добродетель *покрыть грех ближнего*⁵... Писание говорит: «Настанет *время лукавое*, когда человек будет *следить* человека, дабы уловить стопы его в сеть!» Теперь-то начинаю я видеть, *отчего* можно сделаться *холодным эгоистом*: жить только с собою и *про себя*; а мне всегда так противно казалось это состояние!.. Но я знаю, я уверен, что *часть* не может поколебать *целого*! Что значат эти предприятия? Вспышки воспаленных мечтаний!.. Россия тверда! Россия крепка! Россия — луна! Ибо наше отечество составляет 1/7 долю земли, а луна в *семь крат* менее нашей планеты.

Я представляю себе *Россию*, как некую могучую жену, спокойно, вопреки всего, почиющую. В головах у ней — вместо подушки — *Кавказ*, ногами — плещет в *Балтийском море*, правая рука закинута на *хребет Урала*, а левая — простертая за Вислу — грозит перстом Европе!.. Я знаю, я уверен, что превращать *древнее течение вещей* есть то же, что совать персты в мельничное колесо: персты отлетят, а колесо все идет своим *ходом*... Вот моя *политическая вера*! Вот мои мысли! Вот мои чувства!

В последний раз явления моего пред Комитетом, когда я вышел из тесного каземата, свежий воздух и красивый день порадовал и утомил мои чувства; притом же *неизвестность* о предметах вопрошения.., а потому я не мог ответствовать столь светло как бы того желал. Духом я покоен, но *тело* — все тело!.. Ныне же написал наиподробнейше и все (кроме одной странички) *прямо набело*. // (л. 55 об.)

Странное уединение *каземата* придает некую одичалость нраву, отъемля у него ту мягкость, которую дает свежее дыхание и вид и движение живого *гражданского мира*, а посему я и прошу наипокорнейше простить меня великодушно в *том*, что может найтись *неловкого* в сих листах и приписать сие *единственно* моему несчастному положению... Бог милует милующих и отпускает отпускающим!..

Я обращаюсь к высокопочтеннейшему председателю, яко верному и давнему слуге престола и Отечества и мужу благосердному! Я припадаю к светлой душе порфиородного брата моего государя! Я взываю к иным *членам*, или отличенным делами добра и правды, или стяжавшим воинскую славу с *венценосным сослуживцем*, к сим вождям, коих дел и подвигов и я, *скудный*, был или свидетелем или избразителем для дальних родов⁶ (я имел честь описывать (некоторые)⁷ подвиги г[оспод] *Дибича*, *А.И. Чернышева* и г[енерал]а *Бенкендорфа*). Я прошу их судить меня по их рыцарской чести и не по букве, а *по сердцу*!

¹ Слово «многие» вписано над строкой.

² Далее зачеркнуто: «помочь».

³ Первоначально было: «толкованием».

⁴ Далее зачеркнуто одно слово.

⁵ Слова «было! Когда полагали за великую добродетель *покрыть грех ближнего*...» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «было».

⁶ Слово «родов» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁷ Слово «(некоторые)» вписано над строкой.

Засим кладу мою голову ко стопам вселюбезнейшего государя нашего и с полным чувством глубочайшей покорности погружаюсь в его милосердие!

Федор Глинка, полковник, состоящий по армии¹

1826 года апреля 7-го дня

В крепости св[ятых] Пет[ра] и Пав[ла]

Каземат №

В IV неделю по заключении и на VI велик[ого] поста

В среду

Г[енерал]-адъ[ютант] Бенкендорф // (л. 56)

ОРЛОВ

генерал-майор, состоящий по армии

На 55 листах

№ 1

О П И С Ь

делу генерал-майора Орлова²Число
бумаг

Страницы

Два письма Орлова к государю императору на фр[анцузском] яз[ыке].	12
1. Объяснение Орлова государю императору на французском языке 29 декабря 1825	1 и 8
2. Выписка из журнала Комитета 30 декабря	9
3. Записка Орлова на французском языке	10
4. Показание Орлова на русском языке от 4 января 1826	11 и 27
5. Дополнительное показание от 10 января	28 и 29
6. Дополнение к поданному 10 января	30 и 31
7. Донесение Орлова Комитету 13 января	32 и 33
8. Вопросный пункт Комитета г[енерал]-м[айору] Орлову 2 марта с ответом его	34
9. Таковой же 21 марта с ответом его	35
10. Формулярный список г[енерал]-м[айора] Орлова	36 и 39 //
	(л. 1 об.)
11. Показание на г[енерал]-м[айора] Орлова	40 и 41
12. Показания о разговоре Муханова	42 и 43
13. Записка из дела о г[енерал]-м[айоре] Орлове	44 и 49
14. Отпуск записки к действ[ительному] стат[скому] советн[ику] Наинскому от 3 января	50
15. Ответ его	51
Белые листы	52 и 55

8-го класса Карасевский // (л. 41)

¹ Вверху листа помета карандашом «№ 83».² Слова «Два письма Орлова... на фр[анцузском] яз[ыке] ...1» написаны другим почерком.

Формулярный список о службе и достоинстве

Выписана из списка, представленного

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния и буде из дворян, то не имеет ли крестьян и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился			
			Чины	Годы	Месяцы	Числа	Полки и батальоны	Годы	Месяцы	Числа
Генерал-майор Михайло Федоров сын Орлов 1-й. Орд[енов] Св[ятого] Равноапостольного кн[язя] Владимира 3-й ст[епени], Св[ятого] Великом[ученика] и Победонос[ца] Георгия 4-го кл[асса], Свя[той] Анны 4-й и 2-й ст[епеней], алмазами украшенными, Датского Даниелсена 1-й ст[епени], Австрийского Леопольда 2-й ст[епени], Прусского военного «За достоинство» кавалер. Имеет серебряную медаль в память 1812 года	29	Из дворян	В службу вступил юнкером	[1]801	Ав[густа]	27	В Коллегию иностранных дел. Из оной переведен в Кавалергардский полк эстандарт-юнкером	[1]805	Июля	15
			Корнетом	[1]806	Ген[варя]	9	В том же полку			
			Поручиком	[1]808	Апр[еля]	27	По высочайшему приказу назначен адъютантом к генерал-лейтенанту князю Волконскому	[1]810	Июля	1
							По высочайшему приказу назначен флигель-адъютантом к его императорскому величеству	[1]812	Июля	2

состоящего по армии генерал-майора Орлова 1-го
им 1817 года // (л. 41об.—43об.)

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить	Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли	В домовых отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок	В штрафах был ли, по сулу или без суда, за что именно и когда	Холост или женат, и имеет ли детей	В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится	К повышению достоин или за чем именно не аттестуется
1805-го года находился в походе против французов и в сражении при Аустерлице 20-го ноября. 1806-го и 1807-го в походе против французов и в действительных сражениях 24-го и 25-го числа мая [при] Гутштадте и на реке Посарже, 29-го при Геннесбрге и 2-го июня при Фридлянде. 1812-го года употреблен был при 1-й Западной армии и находился в сражении августа 4-го и 5-го при г[ороде] Смоленске, того же августа 24-го и 26-го чисел при селе Бородине начальником штаба отдельного отряда генерал-лейтенанта Дорохова, при взятии города Верии сентября 29-го, октября 11-го при Малоярославце, ноября 4-го, 5-го и 6-го чисел под городом Красным, откуда был послан с легким отрядом для открытия сообщения с армией г[осподина] адмирала Чичагова, что исполнил, прошедши сквозь неприятеля, и соединился с Молдавскою армиею во время нападения французов на оную. 1813-го года был послан партизаном из Калиша, прошел чрез Эльбу в виду неприятеля, которого принудил оставить Дрезден и очистить все пространство между Эльбою и Салою. Находился в сражениях апреля 20-го при г[ороде] Люцине, в арьергардных делах при городе Ландгейне. И по сим и других, где командовал правым крылом арьергардного корпуса генерал-лейтенанта Мелисано, защищал переправу через Эльбу при селении Прижице, потом до самого перемирия состоял в партизанском отряде левого фланга, с коим был во всечасных делах и в общем сражении мая 8 и 9 чисел при г[ороде] Баушине, после перемирия был назначен к генералу Моро, при коем находился до его смерти, потом поступил в отряд генерал-лейтенанта Тилемана, под начальством коего после упорной защиты овладел г[ородом] Мерзебургом и участвовал в поражении неприятеля при Алтенбурге, октября 4-го, 5-го и 6-го числа при городе Лейпциге. Потом, поступивши в команду генерал-лейтенанта графа Орлова-Денисова, при Гелленгаузене взял две пушки и 800 человек в плен. 1814-го, исправляя должность флигель-адъютанта, находился в сражениях при городах Труа	Российской грамоте читать и писать умеет	По высочайшему приказу уволен был в отпуск с 20-го мая 1808 года до излечения болезни и 20 ноября 1810 года на 4 ме[ся]ца	Не бывал	Холост	Состоит в армии	Аттестовался достойным

Чин, имя, отчество и прозвание, также какие имеет ордена и прочие знаки отличия	Сколько от роду лет	Из какого состояния и буде из дворян, то не имеет ли крестьян и если имеет, то где, в каких селениях и сколько именно	В службу вступил и во оной какими чинами происходил и когда				В течение службы в которых именно полках и батальонах по переводам и произвождениям находился			
			Чины	Годы	Месяцы	Числа	Полки и батальоны	Годы	Месяцы	Числа
			За точное и успешное исполнение данного ему поручения произведен из поручиков в ротмистры	[1]812	Дек[аб-ря]	2				
			За отличие, оказанное в действии против неприятеля произведен полковником	[1]813	Мар[та]	25	В том же полку и с оставлением в прежнем звании флигель-адъютанта			
			За отличие против неприятеля произведен в генерал-майоры	[1]814	Апр[еля]	2	Отчислен и велено состоять по кавалерии в Свите его императорского величества	[1]814	Апр[еля]	2
							Назначен начальником штаба 4-го пехотного корпуса	[1]817	Июня	13
							Назначен начальником 16-й пехотной дивизии	[1]820	Июня	3
							Велено состоять по армии	[1]823	Апр[еля]	18

Во время службы своей в походах и в делах против неприятеля где и когда был, также какие награды за отличие в сражениях и по службе удостоился получить

Российской грамоте читать и писать и другие какие науки знает ли

В домашних отпусках был ли, когда именно, на какое время и явился ли на срок

В штрафках был ли, по суду или без суда, за что именно и когда

Холост или женат, и имеет ли детей

В комплекте или сверх комплекта, при полку или в отлучке, где именно, по чьему повелению и с которого времени находится

К повышению достоин или за чем именно не аттестуется

20 февраля и при Арсисе 9-го марта, при г[ороде] Париже 18-го марта, того же числа заключил договор о сдаче сей столицы Французской империи союзным войскам. Потом был употреблен по дипломатической части для размены в Фонтенбло ратификации тракта[та] об отвержении Наполеоном французского престола и был посылан в Норвегию для окончательных переговоров с Данией. 1815 года находился в походе противу французов в должности начальника штаба 7-го пехотного корпуса, чем и оставался до 3-го сентября того же года

Подлинный подписал: генерал-адъютант князь Волконский 2-й
С подлинным верно: 6-го класса Соборский // (л. 2)

Всемиловейший государь!

Декабря 21-го числа в 7 часов пополудни по повелению вашего императорского величества я был арестован, и все мои бумаги были запечатаны.

Должен согласиться, что в нынешних неожиданных обстоятельствах, где осторожность должна быть первым правилом правительства, сия мера, сколь ни жестока для моего сердца, есть мера столь же мудрая, сколь необходимая. Я знаю, государь, что давно нахожусь в сомнительном состоянии, но знаю также, что все подозрения, павшие на меня, суть последствия обстоятельств, а не моей виновности. // (л. 2 об.)

Еще в 1816 году, когда приехал я из чужих краев, полагали, что я во Франции устроил связь с тамошними возмутителями. Но опыт доказал, что я не веду и не вел никакой переписки и другого друга, кроме брата моего, в чужих краях не имею.

Во время командования моего 16-ю пехотную дивизию все мои дела, все мои переписки, все мои партикулярные и служебные бумаги оставались в руках моих обвинителей. Что ж из сего вышло? Клевета осталась клеветою, и ежели я лишен тогда начальства, другому не могу приписать, как тому только, что не хотели уронить заслуг человека, меня обвиняющего, но служившего более и, *может быть*, лучше меня.

Думали, что отделен будучи от военной деятельности, которая много отнимала у меня времени, я опять и еще ревностнее коснусь до политических предметов но сии четыре года я обратил на совсем другое занятие и предался изучению естественных наук. Во все сие время я был ни что другое, как хозяин, супруг и отец.

Полагали, что посредством масонических обществ я имею большое влияние над всеми Вольными Каменщиками. Но даже и имени моего в списках не нашли.

Думали, что моя связь с графом Мамоновым была основана на политических замыслах. Граф Мамонов сошел с ума; бумаги, книги, записки его // (л. 3) в руках правительства, и я остался чужд от всяких нареканий.

Наконец, в Петербурге готовятся ужасные происшествия, бунт, кровопролитие, начало общего переворота. А я живу здесь в Москве, ничего не знаю, ни с кем переписки не веду, редко езжу в собрания, малость к себе принимаю, занимаюсь собственными делами и воспитанием сына. Государь! Можно во многом мне упрекать, но не в трусости, ниже в подлости. Ежели б я был заговорщиком, я был бы там, где заговор исполняется.

Но, государь, извините сии, *может быть*, слишком дерзновенные слова. Я обижен, арестован, мои бумаги запечатаны, над главою моею летает подозрение, бешеность моя вся испорчена, и даже сама честь моя страдает. Позволено ли мне теперь, по крайней мере, надеяться, что ежели этот раз все обвинения падут в ничтожность пред престолом вашего императорского величества, то выйду, наконец, совершенно чистым не только пред буквою закона, но также и пред совестью судьи?

Ежели таковой должен быть конец моего дела, то благословляю ту минуту строгости, в которую вы, государь, повелели лишить меня свободы впредь до совершенного моего оправдания. // (л. 3 об.)

Всемиловейший государь!

Я не виновен ни самым делом, ни домыслом, ни ведением дела, ни перепискою: словом, ничем.

Может быть, кто-нибудь в сем горестном происшествии употребил во зло имя мое, но те, кои считали на возмущение целой гвардии твоей, могли также считать и на мое содействие. Гвардия осталась тебе верною, и я также не могу отвечать за дерзновенное посягательство на честь мою и верность моей присяги.

¹ Вверху листа пометы чернилами: «№ 87», «Пол[учено] 26 декабря». Слева на полях вертикальная помета чернилами: «Доложить присутствию. Докл[ад] 26-го, положено иметь в виду при допросах».

Судите меня, государь, но благоволите вспомнить, что день торжества для невинности есть также день торжественный и для судии.

Вашего императорского величества
всемилоостивейшего государя¹
верноподданный Михаил Орлов²

Сего 22³ декабря 1825
город Москва // (л. 4)

№ 4 (0)⁴

Sire!

Les paroles flatteuses que Votre Majesté a daigné m'adresser au post-cryptum de la lettre de mon frère; celles qui sont sorties de Votre bouche au moment où j'ai eu le bonheur d'être reçu dans Votre Cabinet, le sentiment surtout de mon innocence dans l'affaire dont il s'agit, avaient rempli mon cœur d'émotion et d'espérance. Avant même que Votre Majesté eût enhardi ma confiance, j'étais disposé déjà à la plus entière franchise. Mais la présence d'un tiers, quelqu'estime per// (л. 4 об.) sonnelle que je lui porte d'ailleurs, a⁵ glacé mon cœur. Je n'ai pas pu parler avec abondance, avec effusion comme je l'aurais fait si j'avais eu le bonheur d'obtenir⁶ un entretien particulier avec Votre Majesté. Cette plume, toujours en arrêt, enchainait ma langue.

Sire, je vous demande de m'accorder un entretien tête à tête. Je dirai tout ce que je sais, mais je ne crois pas que ma confiance soit bien importante par elle-même; car, je le répète, j'ai été loin de la confiance de ces Messieurs et si quelques idées se sont là-dessus classées dans ma tête, je le dois moins à des révélations qu' à ma propre combinaison. Après cet entretien dans lequel Votre Majesté fixera elle-même les sujets dont je devrai m'occuper, je rédigerai les [...] ⁷ qui me seront dressées avec toute l'exactitude que ma mémoire me permettra d'y mettre. Je remettrai ce factum entre les mains de Votre Majesté et Vous pourrez y lire la vérité tout entière.

Une autre considération qui a contribué à ôter à l'entretien que Votre Majesté a daigné m'accorder son degré d'efficacité, c'est que j'étais préparé à répondre sur une chose et j'ai été interrogé sur une autre. J'avais cru qu'accusé par de fausses révélations, j'aurais été obligé de défendre mon honneur // (л. 5) contre⁹ elles, et à établir la conviction matérielle et morale chez Votre Majesté de mon innocence, avant toute autre discussion, et que cette¹⁰ conviction une fois établie, rendu à la liberté de penser, de parler et d'agir, j'aurais été plutôt consulté qu'interrogé sur la masse de l'affaire. C'était là le point important pour moi et je me proposais alors, dans une suite de conversations confidentielles de jeter sur toute la masse de l'affaire le jour qui m'était connu. Les choses ont tourné autrement.

Avant de parler encore¹¹ j'ai été assez heureux pour entendre proclamer mon innocence de Votre propre bouche. Cette confiance de Votre Majesté que je dois en grande partie à Votre bonté et en partie aux révélations du jour que vous aviez déjà reçues, m'a pénétré de reconnaissance. Mais quand j'ai commencé une [...] ¹² que Votre Majesté ne m'avait pas demandée et que je voulais faire d'abondance, j'ai été sommé d'articuler des noms propres. Ici c'est réveillé en moi une horreur involontaire pour de semblables dénonciations. Il m'a semblé que parlant sur une question toute neuve et élevée pour moi, voulant donner des détails qui ne m'étaient pas demandés, on aurait pu me pardonner mon silence, d'autant mieux que tous les

¹ Слова «всемилоостивейшего государя» написаны другими чернилами.

² Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

³ Дата написана другими чернилами.

⁴ Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] первая», «12».

⁵ Слово «а» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁶ Слово «d'obtenir» вписано над строкой.

⁷ Слово неразборчиво.

⁸ Слово неразборчиво; наиболее вероятная расшифровка.

⁹ Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] вторая», «12».

¹⁰ Слово залито чернилами; наиболее вероятная расшифровка.

¹¹ Слово «епсоте» вписано над строкой.

¹² Слово неразборчиво.

фils étant dans Vos mains, l'explication viendra vérifier d'elle-même¹ et servir de complément à mon discours. // (л. 5 об.)

Encore si Votre Majesté m'avait ordonné péremptoirement de citer le nom, je l'aurais fait; mais Elle-même m'a donné le choix de dire ou de le taire. Ce да или нет² prononcé par Votre Majesté m'a fait croire que je pouvais choisir entre l'articulation du nom et le silence. Je me suis tu.

Je ne pouvais m'imaginer que le silence entrainerait le courroux de Votre Majesté, et que de ce fait seul je serais, moi, proclamé par Votre bouche même innocent un moment plus tôt, moi, dis-je, je serais écroué dans une vile prison.

Cette prison n'est pas pour moi la chose la plus importante. Si j'avais observé des doutes sur mon innocence, j'aurais demandé moi-même d'être conduit en prison jusqu'au parfait éclaircissement de mon affaire. Je le disais encore hier matin de conviction à mon frère que vous pouvez interroger. Mais le courroux de Votre Majesté, mais le sentiment de l'humiliation, mais la défense de correspondre avec une femme que j'adore et à qui je ne sais comment annoncer mon malheur, tout cela se réunit pour m'obliger impérieusement de vous adresser cette requête. [...] ³, Sire, l'avoir pour agréable. Veuillez m'accorder un entretien particulier. C'est là, Sire, pourquoi j'ai osé deux fois inquiéter⁴ Votre Majesté par le général Lewaschoff.

J'ai l'honneur de me dire et d'être bien [... ..]⁵

de Votre Majesté le sujet fidèle Michel Orloff⁶

Le 29 Décembre 1825 // (л. 6)

Перевод

Государь!

Лестные слова, которыми ваше величество удостоили меня в приписке на мое имя в письме моего брата, слова, произнесенные вами, когда я имел счастье быть принятым в вашем кабинете, главным же образом, чувство моей невиновности в деле, о котором идет речь, — все это взволновало мое сердце и преисполнило меня надеждами. Еще до того, как ваше величество расположили меня к доверию, я был готов к самой полной откровенности. Но присутствие третьего лица, хотя я и отношусь к нему лично с полным уважением, сковало меня. Я не мог говорить с той непринужденностью и откровенностью, которая была бы возможна, если бы вы, ваше величество, удостоили меня частной беседы. Это перо, что постоянно было наготове, связывало мой язык.

Государь, я прошу вас удостоить меня личной беседы. Я расскажу все, что знаю, но не думаю, чтобы мои признания были бы сами по себе очень существенными, так как, повторяю, я вовсе не пользовался доверием со стороны этих господ, и если у меня в голове имеются кое-какие соображения относительно всего дела, то я обязан этим не столько их откровенности, сколько моим собственным выводам. После беседы, во время которой ваше величество сами наметите пункты, которых я должен буду держаться, я напишу [...] и постараюсь быть точным, насколько мне позволит моя память. Я вручу этот документ в руки вашего величества, и вы сможете прочесть в нем всю правду.

Еще одно обстоятельство сделало безрезультатной беседу, которой удостоили меня ваше величество: дело в том, что я приготовился отвечать на одно, а спросили меня о другом. Я полагал, что, поскольку меня обвиняют на основании ложных показаний, мне придется защищать свою честь и предоставить вашему величеству до всяких других разговоров фактические и моральные доказательства моей невинности и что, как только такие доказательства были бы представлены, я мог бы свободно думать, говорить и поступать, и меня бы не столько допрашивали обо всем этом деле, сколько осведомлялись бы о нем. Это было для меня самым су-

¹ Слова «d'elle-même» вписаны над строкой.

² Далее зачеркнуто одно слово.

³ Слово неразборчиво.

⁴ Слово неразборчиво, наиболее вероятная расшифровка.

⁵ Два слова неразборчивы.

⁶ Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

шественным, и я предполагал потом в последующих конфиденциальных беседах рассказать об этом деле все, что мне известно. Однако обстоятельства обернулись иначе.

Еще до начала разговора я был счастлив услышать из ваших собственных уст заявление о моей невиновности. Такое доверие вашего величества, чему я обязан, по большей части, вашей доброте и, отчасти, тем показаниям, которыми вы в этот момент уже располагали, преисполнило меня чувством благодарности. Но когда я начал [...], чего ваше величество от меня не требовали и что я намеревался сделать с полной откровенностью, мне было приказано назвать имена. Тут во мне проснулся невольный ужас перед подобным доношением. Мне казалось, что, поскольку вы затрагивали вопрос совсем новый и для меня неизвестный, а я желал остановиться на подробностях, о которых меня не спрашивали, то вы могли бы простить мне мое молчание, тем более, что поскольку все нити в ваших руках, вопрос разъяснится сам собою, став подтверждением и дополнением к моим речам.

Кроме того, если бы ваше величество мне решительно приказали назвать имя, я бы это сделал. Но вы мне сами предоставили выбор говорить или молчать. Это «да» или «нет», произнесенные вашим величеством, позволили мне думать, что я могу выбирать: назвать имя или молчать. Я ничего не сказал.

Я не предполагал, что молчание вызовет гнев вашего величества и что лишь по этой причине я, только что признанный вами (лично) невиновным, я, повторяю, буду брошен в позорную тюрьму.

Но не тюрьма для меня в данном случае самое важное. Если бы я сомневался в своей невиновности, я бы сам попросил, чтобы меня заключили в тюрьму до полного выяснения обстоятельств моего дела. Еще вчера утром я убежденно говорил об этом своему брату, о чем вы можете его спросить. Но гнев вашего величества, но чувство унижения, но запрещение переписываться с женщиной, которую я обожаю и которую не знаю, как известить о моем несчастье, — все это вместе взятое настоятельно заставляет меня обратиться к вам с этой просьбой. Государь, не отклоните ее. Соизвольте удостоить меня возможности переговорить с вами. Только по этой причине, государь, я осмелился дважды докучать вашему величеству через генерала Левашова.

Имею честь считать себя и быть самым [... ..]
вашего величества покорным верноподданным
Михаил Орлов

29 декабря 1825

№ 5 (1)

Mémoire pour Sa Majesté Impériale

Pendant l'interrogatoire, j'ose dire amical, dont Votre Majesté a daigné m'honorer hier le 28 de Décembre, j'étais pénétré de reconnaissance, en entendant même avant toute explication ultérieure de ma part que votre majesté impériale me reconnaissait innocent des horreurs qui se sont commises à Pétersbourg. Votre Majesté voulait non seulement détourner de moi le mal, elle daignait même m'associer pour ainsi dire au bien qu'elle voulait faire. Je l'ai senti profondément aussi.

Mais au moment où elle exigeait de moi l'articulation d'un nom, une pensée rapide a poussé dans ma tête et paralysé ma langue. J'ai pensé qu'au moment même où je me libérais de tout soupçon, j'allais peut-être aggraver le sort d'un autre. Je laisse à décider à Votre Majesté, si une telle pensée pouvait être attribuée à un manque de confiance dans vous, ou si elle¹ partait de tout autre sentiment blâmable? Quoi qu'il en soit, la réflexion est venue m'éclairer après et j'ai senti même que dans ce que j'avais à dire, je ne chargeais personne, mais que je racontais simplement un fait. Recevez, sire, mes excuses si j'ai pu le moins du monde blesser votre dignité impériale², ou votre caractère personnel. Je n'en ai pas eu l'intention en aucune façon. // (л. 6 об.)

¹ Слово «elle» вписано над строкой.

² Слова «votre dignité impériale» подчеркнуты карандашом.

J'entre en matière d'après les ordres de Votre Majesté. Ce Mémoire est justificatif sous beaucoup de points de vue, mais il est aggravant sous beaucoup d'autres, surtout au commencement. Sire, c'est ainsi que je suis fait, Vous m'ordonnez de raconter ce que je sais des autres. Je m'expose le premier et sans restriction à votre courroux.

Je crois être le premier que aie conçu en Russie le plan d'une société secrète. C'était en 1814. J'étais tout pénétré alors de l'importance que le Tugend-Bund avait acquis en politique. D'un autre côté j'avais recueilli les paroles de l'empereur Alexandre, qui avait dit à Paris: «Les ennemis extérieurs sont abattus pour longtemps, allons combattre les ennemis intérieurs»¹. C'est avec ces idées que je suis arrivé en Russie. Je voulais changer de carrière, abandonner l'épée et me lancer dans l'administration, où, Sire, comme vous le savez, vivent les Napoléons du brigandage intérieur. J'ai entretenu dans ce sens une correspondance avec le comte Mamonoff. Je l'engageais à entrer dans mes vues. Il me répondit que l'ennemi intérieur était plus fort que tous les ennemis extérieurs et qu'il désespérait du succès. Cependant entre nous quelques idées furent arrêtées alors.

Les événements de 1815 arrivèrent. L'érection du Royaume de Pologne, l'inutilité de ma démarche près de sa majesté alors régnante, pour m'opposer à cette érection, la persuasion qu'une société secrète (et elle existe)² existait en Pologne, pour travailler sourdement au rétablissement, les progrès // (л. 7) que [la cause]³ de la Pologne faisait dans l'esprit de sa majesté ou du moins semblait faire, car c'était le moment de la création du Corps de Lithuanie, toutes ces raisons réunies m'inspirèrent l'idée de joindre la résistance au système polonais⁴ à mes premières vues. Je travaillai en [...] ⁵ en 1816 et une partie de 1817 de concert avec Mamonoff. Mais ce travail n'eut aucune suite et bientôt il fut entièrement abandonné par lui à cause de son voyage et de sa maladie et de moi par suite d'une découverte⁶ que je fis à cette époque.

J'appris alors qu'une société de jeunes gens, tous officiers aux Gardes ou presque tous, s'était réunie et, également éprise des succès du Tugend-Bund, travaillait dans ce sens. Je me rapprochai d'eux, sans m'associer⁷ avec eux. Novikoff* fut le seul qui entra en communication. C'était un des organisateurs. Bientôt la confiance s'établit et peu à peu je sus de quoi il était question. Leur Code, que je ne lus pourtant que quelques années après, était calqué sur Tugend-Bund. Toutes les opinions philanthropiques et libérales y étaient délayées dans un fatras indigeste, difficile à lire et plus difficile encore à comprendre. C'était lourd, ennuyeux et il n'y avait aucun stimulant pour l'esprit. Ce qu'on y trouvait on pouvait le trouver dans mille livres différents et mieux dit et mieux expliqué. Les jeunes gens qui composaient alors cette société, «Союз благоденствия», étaient encore mus par les seules idées libérales et aucune idée révolutionnaire n'entraînait dans leur tête⁸. De plus ils se croyaient [une puissance]⁹ // (л. 7 об.) et cette persuasion leur donnait une grande activité. Je n'entrai pas dans leur société alors et j'abandonnai celle que je voulais former sans aucune suite parce que je croyais un jour m'emparer de la leur et la diriger dans mon sens¹⁰.

Je partis ainsi pour le commandement de l'état major du 4me corps et là les occupations sérieuses qui m'accablèrent m'ôtèrent toute idée d'association. Je perdus de vue ce que faisaient ces jeunes gens, et votre majesté verra bientôt qu'il n'y avait pas grand-chose à observer¹¹. De 1817 à 1820 je fis pourtant la connaissance de quelques-uns de ces messieurs, entre autres de

* Novikoff au lieu [d']Alexandre Mouravieff.

1 Слова «Les ennemis extérieurs sont... les ennemis intérieurs» подчеркнуты карандашом.

2 Слова «(et elle existe)» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

3 Неразборчиво, наиболее вероятная расшифровка.

4 Слово «polonais» вписано над строкой.

5 Слово неразборчиво.

6 Слово «découverte» подчеркнуто карандашом.

7 Слово «m'associer» подчеркнуто карандашом.

8 Четыре строки от слов «Les jeunes gens qui...» подчеркнуты карандашом.

9 Неразборчиво, наиболее вероятная расшифровка.

10 Слова «la diriger dans mon sens» подчеркнуты карандашом. На полях помета карандашом: «Quel est ce intention?» («Каков этот замысел?» — франц.).

11 Слова «n'y avait pas grand-chose à observer» подчеркнуты карандашом. Слово «observer» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

Pestel qui jouissait alors d'une méfiance générale de la part d'eux tous. Il me parut homme d'esprit et il l'est en effet.

En 1820, nommé Divisionnaire de la 16me division le passais par Toulitchin, où je fus assailli par Фонвизин, Пестель et Юшневский. Tous sentaient qu'ils couraient des périls et les couraient en pure perte. Ils avaient adopté le système illuminé pour les affiliations, par deux inférieurs dépendant d'un supérieur et doublant de cette façon. Mais ce système demande une maturité de combinaisons et une constance d'exécution dont ils étaient incapables. Toutes les ramifications étaient brouillées et chaque membre était connu de la totalité des membres. Après 3 années de travail ils étaient 80 à peu près, répandus sur la surface de tout l'Empire, sans liaisons, sans buts, vociférant à tort et à travers et se réunissant par deux, par trois individus à des // (л. 8) temps éloignés pour échanger quelques phrases. C'était ainsi que cela se passait en province et j'ai mille raisons pour croire que cela n'était pas autrement dans la capitale. Le moment de la plus grande effervescence des esprits a été, dit-on, pendant le séjour de la cour à Moscou, et cette effervescence n'a eu pour cause que l'arrestation d'un des membres les plus zélés Alexandre Mouravieff. On prenait sa cause à coeur avec tout l'abandon d'un esprit de corps dans une caserne. Cet Alexandre Mouravieff est le premier que quitta la société. Je lui rends cette justice il se lança dans la dévotion et depuis je n'en ai plus entendu parler. En arrivant donc à Toulitchin, l'on me remontra qu'il était peu généreux à moi, connaissant tous les secrets, d'être en dehors du péril. Je me rendis à cette raison. C'était en 1820 au mois de juillet ou d'août¹.

Les mois qui se passèrent ensuite je n'entendis parler de rien. J'avais deux officiers qui étaient de la confrérie. Rayevsky², le major détenu à Tiraspol³, et Ochotnikoff⁴. Ce dernier est mort. C'était un brave est excellent jeune homme (car, sire, on peut être un honnête homme et appartenir à une société secrète)⁵. Rayevsky a beaucoup de qualités d'esprit et de chaleur d'âme. Mais, malheureusement, un verre de punch lui fait perdre toute contenance et faire beaucoup de sottises. Toutes les sottises qu'il a dites ou faites c'est toujours le verre à la main. Ces deux officiers furent employés souvent par moi pour // (л. 8 об.) connaître le dessous des cartes dans les commandances particulières de la division, et ils m'aiderent à déraciner beaucoup d'abus. Entre autre, ils s'employèrent avec ardeur à assurer le bien-être du soldat. Ils devinrent l'objet de la haine de beaucoup d'individus.

En 1821 je partis pour Moscou pour régler mes affaires et pour arranger mon mariage qui était presque décidé. C'est là que je trouvai rassemblés Фонвизин, Тургенев, Бурцов, Охотников, Граббе et Фонвизин frère⁶. C'est là que nous⁷ nous momes à l'oeuvre pour voir ce que nous pouvions faire. Dès les premiers moments je vis que tout allait de travers. En comptant le nombre de membres, autant qu'il m'en souvient, nous n'arrivâmes jamais au nombre de 100. C'est là aussi que je pris la résolution de me séparer d'eux pour jamais, et je l'annonçai publiquement. On se débattit en vain contre moi. Ma résolution était ferme et je la tins. Peu après j'appris déjà à Kieff que la société était dissou[te], et c'est Бурцов qui me l'annonça⁸.

Je crois que Бурцов n'est plus jamais rentré dans la société à sa réformation, ni les Фонвизин⁹ non plus.

L'année 1821 se passa sans que j'entendisse parler de rien. Je me mariai et je me rendis à la division. Cette année fut pourtant pour moi sous un rapport très malheureuse. Je ne sais pas si c'est vrai, mais je crois que le gouvernement a soupçonné pendant quelque temps que j'avais // (л. 9) contribué à l'entreprise d'Ipsilanty¹⁰. Le fait est que je n'en [ai] entendu parler

¹ Три строки от слов: «connaissant tous les secrets...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Слова «le major détenu à Tiraspol» вписаны над строкой.

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁵ Две строки от слов: «car, sire, on peut être...» подчеркнуты карандашом. Три строки от слов: «Rayevsky, le major détenu...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Слова «Граббе et Фонвизин frère» вписаны над строкой.

⁷ Строка от слов: «Тургенев, Бурцов, Охотников...» подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

⁸ Строка от слов «était dissou[te], et...» подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

⁹ Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

¹⁰ Слова «pendant quelque temps... d'Ipsilanty» подчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

qu'après l'événement. Quand les malheureux événements qui me privèrent de la dernière confiance du gouvernement m'ôtèrent ma division, la société, Союз благоденствия, était dissous[te] complètement et en 1821 et¹ 1822 je n'en ai pas entendu parler — Voilà pourquoi toute l'affaire de Rayevsky n'a aucun trait à celle des sociétés secrètes² Il agissait tout seul et n'a pu compromettre personne. Je dois encore avouer, pour rendre hommage à la vérité, qu'à cette époque où j'étais sous le poids d'accusations tout à fait injustes, car Dieu m'est témoin que dans tous le cours de mon commandement soit au 4me corps soit dans la 16me division je n'ai fait ni un prosélyte ni reçu un membre et je n'agissais que dans la [...] ligne de mon devoir, à cette époque, dis-je, de souffrances pour moi, je n'ai pas donné à ma défense toute l'énergie possible parce que je craignais de dévoiler des choses déjà détruites mais dont la révélation pouvait devenir funeste à beaucoup de gens. Voilà, sire, une nouvelle charge contre moi⁴.

Telle est la vérité et la vérité entière sur cette première société du Союз благоденствия ou du Livre vert⁵, car c'est la même chose tout à fait. Ce mon de Livre vert est devenu proverbial pour indiquer la société. Parmi tous les jeunes gens qui la composaient il y avait beaucoup d'idéologues allemands et je n'ai pas vu un seul jacobin français⁶. Je sais qu'on peut présenter la chose sous d'autres points de vue. La seule // (л. 9 об.) pensée forte qu'il y eut c'est l'association par couple dépendant d'un chef⁸ qui était une garantie de résurrection pour la société. Mais ce fut justement l'idée qui fut abandonnée tout d'abord. Ceux qui l'apprécièrent théoriquement ne pourront jamais l'apprécier exactement. Elle n'a jamais été telle qu'elle a été mise sur papier, mais telle que j'ai l'honneur de la présenter à votre majesté.

Ja passe maintenant à la seconde société dont, le croirez-vous, votre majesté? Je ne sais pas le nom et qui je crois, n'en a pas eu⁹. Voilà où gît une grande difficulté de position pour moi. C'est la partie la plus intéressante et c'est sur laquelle je peux donner le moins de détails. N'allez pas prendre cette phrase, sire, pour une envie de dissimuler la vérité. Je vous donne ma parole d'honneur que je dirai tout ce que je saia et que je ne cacherai rien à votre majesté.

Avant d'entrer en matière permettez-moi, sire, d'aborder une question qui m'est personnelle. Suis-je ou ne suis-je pas membre de la nouvelle société? Vous avez résolu, sire, la question à mon avantage¹⁰. Non, je ne suis pas membre de la nouvelle société et en voici les preuves¹¹.

1e. Qui ai-je reçu comme membre? — Personne.

2e. Par qui ai-je été reçu? — Par personne.

3e. De quel travail ai-je été chargé? — D'aucun.

4e. Par qui mon existence dans la société se prouve? — Par les dénonciations de gens à qui l'on aura dit peut-être que j'en étais soit pour leur donner de la confiance, soit par le désir de me compromettre. Remarquez, sire, que c'est la // (л. 10) [mouche]¹² générale de toutes les sociétés secrètes de supposer des chefs imaginaires ou invisibles.

¹ Слова «1821 et» вписаны над строкой.

² Две строки от слов «Voilà pourquoi toute l'affaire...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Слово неразборчиво.

⁴ Восемь строк от слов «je n'ai fait ni un prosélyte...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁵ Слова «du Союз благоденствия ou du Livre vert» подчеркнуты карандашом. Две строки от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB».

⁶ Слова «il y avait beaucoup d'idéologues allemands... jacobin français» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁷ Слово «dépendant» вписано над строкой.

⁸ Слова «y eut c'est l'association par couple dépendant d'un chef» подчеркнуты карандашом.

⁹ Две строки от слов «à la seconde société...» подчеркнуты карандашом. Десять строк от начала страницы отчеркнуты на полях карандашом и отмечены двумя знаками «NB».

¹⁰ Две строки от слов: «Suis-je ou ne suis-je pas...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

¹¹ Ниже помета карандашом: «Comment connaissait-il son existence?» («Откуда он знал о его существовании?» — франц.).

¹² Слово неразборчиво; наиболее вероятная расшифровка.

5e. Enfin, sire, ma position dans le monde était singulièrement¹ propre² à leur faire croire que tôt ou tard je devais finir par ktre des leurs et à me compter, pour ainsi dire, sans mon aveu au nombre de leurs membres. Le chemin des idées libérales est très glissant pour la plupart des hommes. En rencontrant de la résistance on s'irrite, on s'arme contre cette résistance. On commence par la persuasion, on finit par vouloir employer la force. On parle d'abord d'inspirer sous main des idées libérales au gouvernement, on finit par croire pouvoir et devoir lui imposer des conditions. J'en sais quelque chose, sire, par ma propre expérience et quoique je n'aie jamais descendu jusqu'à la criminalité, j'ai été soumis à beaucoup d'erreurs³. Ils croyaient donc, ces messieurs, en se laissant entraîner à leur imagination que je marchais avec eux, peut-être, ou que je marcherais bientôt ainsi. D'un autre côté ils me voyaient disgracié et me croyaient mécontent. Ils croyaient que je rongais le frein avec impatience et que je sortirais par un éclat d'une position tranquille que j'aimais de plus en plus. C'est la seule manière que j'ai d'expliquer cet acharnement avec lequel ils ont, à ce qu'on dit, déposé que j'étais au nombre de leurs membres.

Je reprends le fil du discours. C'est, je crois, à la fin de 1822 ou 1823 que j'appris confusément qu'il y avait 7 ou 10 membres de l'ancienne société qui s'étaient juré de ne point se séparer⁴. Est-ce vrai ou non? Je n'en sais rien. Mais ce qu'il y a // (л. 10 об.) de certain, c'est, que je reçus alors des propositions par un homme, qui n'en était pas encore, d'y entrer. C'était Serge Mouravieff. Il me promettait d'en être si j'y entrais. Depuis j'ai reçu encore des propositions de Pestel, mais comme j'ai toujours refusé, ils ont pris une autre route⁵.

Ils se sont constitués en deux sociétés séparées, l'une à Pétersbourg, dont je crois que Nikita⁶ Mouravieff et Troubetzkoi étaient chefs, et l'autre à Toulitchin sous la direction, je le crois aussi sans être certain, de Pestel et de Юшневский. Après ils m'en ont fait la communication par Pestel ou par un autre (je n'en suis plus sûr)⁷ et m'ont proposé d'en être le chef général. Quand j'eus refusé cette offre alors tout commerce entre nous fut presque rompu et si je recevais quelque confiance très peu importante c'est plutôt à l'indiscrétion des individus que je la devais⁸.

Je dois dire que Юшневский ne m'a jamais parlé de la nouvelle société sous aucun point de vue et qu'il m'a laissé parfaitement tranquille à cet égard⁹.

Au reste à cette époque il n'était pas difficile de connaître les membres de la société. Leurs utopies avaient pris beaucoup de développement et avaient exercé une grande influence sur leurs paroles¹⁰. Mais comme je vivais peu avec eux et que mon genre d'occupation était tout différent ces nouvelles me venaient rarement¹¹ et eux se cachaient de plus en plus de moi, espérant de la curiosité ce qu'il n'avaient pu obtenir d'autres coups. // (л. 11)

On affectait aussi à cette époque de dire que j'étais complètement dégénéré. On disait que j'étais sous l'empire de ma femme et de mon beau-frère, un de leurs ennemis jurés, et qui, à ce qu'on croyait, était le seul obstacle à ma réunion avec eux. Ils écrivaient beaucoup, paraissaient affairés, prenaient des enthousiasmes pour l'ouvrage de Destutt de Tracy sur Montesquieu et professaient des idées de fédéralisme américain¹². Enfin, d'après cette indication votre majesté trouvera, je crois, beaucoup de traces¹³ sur leur manière de voir à cette époque

¹ Далее зачеркнуто одно слово, вписанное над строкой.

² Слово «propre» вписано над строкой.

³ Пять строк от слов «On parle d'abord...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях. Слово «d'erreurs» отмечено на полях знаком «NB».

⁴ Три строки от слов: «C'est, je crois, à la fin...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях. На полях помета карандашом: «Par qui?» («От кого?» — франц.).

⁵ Пять строк от начала листа подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁶ Имя «Nikita» вписано над строкой.

⁷ Слова «je n'en suis plus sûr» вписаны над строкой.

⁸ Все строки абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB». На полях помета карандашом: «Pourquoi n'en a-t-il pas averti?» («Почему он не предупредил?» — франц.).

⁹ Все строки абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

¹⁰ Две строки от слов: «Leurs utopies avaient...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

¹¹ Слово «rarement» подчеркнуто карандашом и отмечено на полях знаком «NB».

¹² Слова «et professaient des idées de fédéralisme américain» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

¹³ Слово «traces» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

époque par leurs papiers saisis. C'est ce que, du moins, j'ai pu recueillir dans quelques conversations très éloignées l'une de l'autre que j'eus en 1823¹.

En 1824 tout me paraissait très tranquille et durant tout le temps que Hertel a été à Kieff. Il y avait alors défense aux officiers de quitter leur régiment.

En 1825 arriva Troubetzkoi. Je dois dire, sire, qu'il fut si réservé avec moi que j'en fus étonné². A cette époque tout Kieff courait vers les nouveaux chefs arrivés et je passais à la campagne une partie de mon temps en voyant très peu de monde.

Pour des correspondances libérales ou politiques même je crois, sire, n'avoir pas besoin de vous assurer que je n'en ai pas eues dans ces derniers temps³. De même personne de ces messieurs ne m'a jamais montré aucun factum de la société, rien que je puisse dire avoir lu de mes propres yeux. D'ailleurs, il paraît à cette époque que les grands jeux de la société se faisaient à Pétersbourg, que c'est là qu'on enrôlait des noms dont je n'ai jamais entendu parler⁴. Nous voici arrivés à l'époque critique. // (л. 11 об.)

Depuis mon arrivée à Moscou le premier homme appartenant à la société que je vis c'était Nikita Mouravieff⁵. Il vint une fois chez moi et nous eûmes un bout de conversation très peu conséquente⁶. Il faut vous dire, sire, que je ne l'avais rencontré que trois ou 4 fois depuis que j'existe. Ma femme interrompit la conversation qui devint générale et il partit. Il ne revint chez moi que le jour de la Saint Michel le 8 Novembre et depuis je ne l'ai plus revu⁷.

La mort de sa majesté amena la prestation du serment au grand duc Constantin. Tout se fit dans le plus grand ordre. Mais peu après il se répandit un bruit sinistre de partage. On disait que le testament impérial opérait la séparation complète de la Pologne et des provinces russo-polonaises ainsi que de la Courlande⁸ et que la cession était garantie par la Sainte Alliance⁹. C'était le moment aux mécontents et aux factieux de paraître ou du moins de tâcher de lever la tête. Quelques bons Russes, sire, et moi avec eux pleurèrent sur cette nouvelle jusqu'à ce qu'ils fussent entièrement rassurés et voilà tout. Aussi je suis bien persuadé que Moscou contenait très peu de ces éléments de troubles qui se sont manifestés ici⁹.

Tout fut tranquille longtemps après encore et je n'entendais parler de rien quand tout à coup dans la salle où la noblesse était réunie pour les élections, la nouvelle se répandit que votre majesté était montée sur le trône et en même temps qu'il y avait eu une émeute populaire // (л. 12) et une révolte des troupes dans laquelle Miloradovitch avait été tué. Vers le soir toute la ville était pleine de tous ces événements. C'est alors que Фон Визен vint chez moi pour la première fois depuis 5 ans qu'il habite toujours la campagne¹⁰ et me montra une lettre que je suppose être de Пущин adressée je ne sais à qui et sans signature, datée du 12 à ce qu'il m'en souvient¹¹. Cette lettre brûlée de ma main sur place est un factum curieux et que donne la solution selon moi¹² complète de ce qui s'est fait. Je suivrai le récit pas à pas, autant qu'il m'en souvient. La lettre est en russe.

* Je crois que je me trompe et sur cet article j'ai des éclaircissements à donner. Je vais y travailler.

** Il venait pour les élections.

1 Две строки от слов: «C'est ce que, du moins...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

2 Слова «que j'en fus étonné» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

3 Слова «dans ces derniers temps» вписаны над строкой.

4 Шесть строк от слов: «De même personne...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB». На полях помета карандашом: «Commet le sait-il et par qui?» («Откуда он это знает и через кого?» — франц.).

5 Две строки от начала абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

6 Слова «un bout de conversation très peu conséquente» подчеркнуты карандашом. На полях неразборчивая помета карандашом.

7 Четыре строки от слов «Mais peu après...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

8 Слова «et que la cession... la Sainte Alliance» вписаны над строкой.

9 Три строки от слов «Aussi je suis...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

10 Три строки от слов «C'est alors que Фон Визен...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

11 Две строки от слов «être de Пущин...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

12 Слово «moi» вписано над строкой.

1^е. «Au moment où vous¹ recevrez² ces mots, — dit la lettre, — tout sera décidé»³. Voilà donc une résolution prise depuis quelques jours, une résolution hasardeuse dans laquelle ils ne sont rien moins que sûrs du succès.

2^е. «Nous travaillons tous les jours⁴ avec Troubetzkoi et nous sommes tous toujours ensembles»⁵. — Voilà donc comment se rédigeaient tous ces factums qu'on doit avoir saisis.

3^е. «Nous sommes ici 60»⁶. Ceci, sire, est positif, j'ai le chiffre encore devant les yeux. Ils n'étaient que 60 d'abord, tout le reste a été recruté depuis.

4^е. «Nous sommes sûrs d'à peu près mille soldats»⁷. Voilà encore les moyens bien précisés.

5^е. «Le moment est favorable, si nous n'agissons pas nous méritons le brevet de pleutres, adieu, pleurez-nous»⁸. // (л. 12 об.) Voilà donc ces jeunes gens se montant la tête mutuellement et, après avoir bavardé pendant 2 ans, se lançant tête basse dans l'acte de révolte le plus odieux et dans l'entreprise la plus équivoque pour le succès, sans moyens, sans espoir et seulement par ce sentiment de honte de rester oisifs après avoir tant travaillé pour tout soulever autour de soi⁹.

6^е. Croyez-vous, sire, que dans cette lettre où l'auteur paraissait énumérer et toutes les ressources et toutes les raisons qui déterminaient les conjurés à agir, il eût atténué les moyens qu'ils avaient à leurs ordres et n'eût pas dit que des personnages puissants les appuyaient secrètement? Car j'ai bien compris la chose sur laquelle votre majesté a appuyé dans mon interrogatoire. Ce sont les chefs du complot que cherche votre majesté. Elle ignore si auprès d'elle, il n'existe pas de tête qui ait organisé, soudoyé, soutenu la révolte. Voilà, sire, ce dans quoi votre majesté me demandait de la seconder. Eh bien, sire, ma façon de penser là-dessus est que la révolte a été toute démocratique; c'est un affreux poignard agité par 60 factieux et un faux étendard de Constantin sous lequel se sont ralliés 1000 soldats. Voilà le tout réduit à la plus simple expression. La gravité des événements, la générale, l'inquiétude de l'attente en ont été les complices. Ou je me trompe, ou c'est la pure vérité. — Voilà, sire, ce que j'allais vous dire sans citer les noms au moment où votre courroux m'a imposé¹⁰ // (л. 13) silence. C'est la pièce la plus forte et la plus probante que je connaisse sur cette malheureuse et terrible affaire¹¹.

Mais, dira-t-on, cette lettre est¹² brûlée, qui garantira la vérité de ce récit?

1^е. C'est Фон Визен, pourvu qu'il ne perde pas la tête et qu'il n'aille pas croire que c'est un nouvel acte d'accusation contre lui. Il faudrait le savoir par la douceur.

2^е. C'est Пущин lui-même que est en votre puissance.

3^е. Enfin, c'est moi, sire, d'abord par ma parole d'honneur et puis en vous citant des mots compromettants pour moi et qui se trouvaient dans cette lettre et pourquoi je l'ai brûlée. Il y était dit: «Покажи это письмо Михайлу Орлову»¹³. Comme je suis sûr de mon fait, je ne crains pas de pousser ma franchise à un excès qui, j'ose l'espérer, ne déplaira pas tout à fait à votre majesté impériale, d'ailleurs c'est tenir la parole que j'ai donné au commencement de cet écrit¹⁴.

Enfin, sire, il ne me reste plus qu'à vous parler de la missive de Troubetzkoi. Elle ne m'a jamais été remise. Mouravieff, Hyppolyte, que j'ai connu encore enfant, en a été chargé;

1 Далее зачеркнуто: «je».

2 Слово «recevrez» вписано над строкой вместо зачеркнутого «adresse».

3 Две строки от слов «Au moment où vous...» подчеркнуты карандашом.

4 Далее зачеркнуто: «des».

5 Две строки от слов «Nous travaillons tous...» подчеркнуты карандашом.

6 Слова «Nous sommes ici 60» подчеркнуты карандашом. Двенадцать строк от слов «curieux et qui donne la solution...» отчеркнуты на полях карандашом.

7 Слова «Nous sommes sûrs... mille soldats» подчеркнуты карандашом.

8 Две строки от слов: «Le moment est favorable...» подчеркнуты карандашом.

9 Шесть строк от начала листа подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

10 Весь текст от начала шестого пункта подчеркнут карандашом, отчеркнут на полях и отмечен знаком «NB».

11 Две строки от начала ответа подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

12 Слово «est» вписано над строкой.

13 Весь текст от начала первого пункта подчеркнут карандашом. Слова «Покажи это письмо Михайлу Орлову» подчеркнуты дважды и отмечены на полях знаком «NB».

14 Весь текст от начала первого пункта отчеркнут на полях карандашом.

la première et la dernière fois qu'il est venu chez moi c'est le 19 ou le 20. Il devait revenir chercher une lettre de ma femme. Il n'est pas venu. Il est possible que cette lettre ait été envoyée par poste. Elle ne contenait rien qui ne¹ // (л. 13 об.) puisse² être écrit. La [folie]³ de Troubetzkoï de m'écrire le 13 que je vienne l'aider le 14 est un acte de démence dont je ne suis pas responsable⁴.

A tout cela je n'ai plus qu'un mot à ajouter. Si votre majesté désire avoir des notes sur les individus, qu'elle veuille bien me nommer ceux qu'elle désire que je caractérise. Je lui promets la même franchise que j'ai mise dans tout cet écrit. Sire, j'en connais moins que vous ne le pensez peut-être; mais ceux que je connais, je les connais bien⁵.

Le général major Michel Orloff⁶

Правитель дел Комитета военный советник Боровков⁷

Le 29 Décembre 1825

S[ain]t-Pétersbourg // (л. 14)

Перевод

Записка для его императорского величества

Во время допроса, я осмелюсь назвать его дружеским, которым ваше величество соизволили удостоить меня вчера, 28 декабря, я был преисполнен благодарности, когда услышал, прежде, чем я приступил к дальнейшим объяснениям, что ваше императорское величество считает меня невиновным в ужасных событиях, произошедших в Петербурге. Ваше величество не только хотели отвести от меня это обвинение, но соизволили даже приобщить меня, если можно так сказать, к тому благому делу, которое вы решили осуществить. Я это тоже глубочайшим образом прочувствовал.

Но в тот момент, когда ваше величество потребовали от меня назвать одно имя, мгновенная мысль пронзила мое сознание и парализовала язык. Я подумал, что, снимая с себя все подозрения, я, тем самым, быть может, отягчу участь другого. Пусть ваше величество сами решат, могла ли такая мысль быть следствием недоверия к вам или она зависела от какого-нибудь другого, достойного порицания чувства. Как бы то ни было, но по размышлении я проникся уверенностью, что в том, что я мог сказать, не содержалось обвинений против кого-либо, ибо я просто изложил бы факты. Примите, государь, мои извинения, если я хотя бы в малейшей степени оскорбил ваше императорское достоинство или лично вас. Я ни в коей мере не желал этого.

По приказанию вашего величества, я приступаю к существу вопроса. Эта записка является во многих отношениях как оправдательной, так и обвинительной, особенно в начале. Таков я, государь, по своей природе. Вы мне приказываете рассказать то, что я знаю о других. Я начинаю с себя, рискуя первым навлечь гнев вашего величества.

Мне кажется, я первый задумал создать в России тайное общество. Это было в 1814 году. Я был тогда под большим впечатлением того большого значения, которое Тугендбунд приобрел в политике. С другой стороны, я хранил в своей памяти слова императора Александра, сказанные им в Париже: «Внешние враги повержены надолго, будем сражаться с врагами внутренними». С такими мыслями вернулся я в Россию. Я хотел переменить род занятий, оставить армию и заняться

¹ Семь строк от слов «Enfin, sire,...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

² Вверху листа неразборчивая помета карандашом.

³ Неразборчиво.

⁴ Три строки от слов «puisse être écrit...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁵ Семь строк от слов «A tout cela je n'ai plus...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁶ Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

⁷ Слова «Правитель дел Комитета» скрепляют все листы письма М.Ф.Орлова: л. 6 — «Пра», л. 7 — «ви», л. 8 — «тель», л. 9 — «дел», л. 10 — «Ко», л. 11 — «ми», л. 12 — «те», л. 13 — «та». Слова «военный советник Боровков» заключают письмо.

административной деятельностью, где, государь, как вы знаете, «наполеоны» творят внутренний разбой. По этому поводу я вел переписку с графом Мамоновым. Я уговаривал его принять участие в моих планах. Он мне ответил, что враг внутренний сильнее всякого внешнего врага и что он сомневается в успехе. Тем не менее мы пришли к согласию относительно некоторых положений.

Наступили события 1815 года. Создание Польского царства, тщетность моих возражений против этого плана, высказанных царствовавшему тогда государю, убеждение, что в Польше существовало (и существует теперь) тайное общество, подготавливающее ее воссоединение, место, которое польский вопрос все больше приобретал, или, по крайней мере, казалось, что приобретал в планах государя, ибо как раз в этот момент был создан Литовский корпус, — все это, вместе взятое, внушило мне мысль включить противодействие польской системе в мои первоначальные планы. В связи с этим в [...] 1816 и частично в 1817 годах я был занят вместе с Мамоновым этим делом. Но оно не было завершено, а вскоре было совершенно оставлено нами: им — из-за его путешествия и болезни, мною — вследствие одного откровения, которое я тогда сделал.

Я узнал, что образовалось общество молодых людей, большей частью гвардейских офицеров, которые также были в восторге от успеха Тугендбунда и работали в том же направлении. Я сблизился с ними, но в общество не вступил. Один лишь Новиков* установил со мною связь. Он был одним из организаторов. Вскоре между нами установилось доверие, и постепенно я узнал, что это было за общество. Их устав, который я, впрочем, прочитал только несколько лет спустя, был скопирован с устава Тугендбунда. Все филантропические и либеральные взгляды, изложенные в нем, представляли собой набор неудобоваримых фраз, которые трудно было читать и еще труднее понять. Это было нечто тяжелое, скучное, не возбуждающее работу ума. Все, в нем заключавшееся, можно было найти в сотнях различных книг в лучшем изложении и с лучшими объяснениями. Молодые люди, входившие в общество, называвшееся «Союз благоденствия», руководствовались тогда исключительно либеральными идеями, в которых не было еще ничего революционного. Кроме того, они считали себя большой силой, и это убеждение делало их очень активными. Я не вступил тогда в их общество и оставил без осуществления план создания моего собственного, потому, что думал со временем воспользоваться их организацией и направить ее деятельность в соответствии с моими замыслами.

Так я и уехал, получив назначение на должность начальника штаба 4-го корпуса, и по прибытии на место я оказался всецело поглощенным своими обязанностями, заставившими меня оставить всякую мысль об обществе. Я перестал следить за деятельностью этих молодых людей, и ваше величество скоро увидит, что, собственно, не за чем было и следить. Однако, в 1817—1820 годах я познакомился с некоторыми из этих господ, и среди прочих, с Пестелем, который пользовался тогда их всеобщим недоверием. Мне он показался умным человеком, и он действительно таков.

В 1820 году, будучи назначен командиром 16-й пехотной дивизии, я проезжал через Тульчин, где на меня навалились Фонвизин, Пестель и Юшневский. Все они чувствовали, что находятся в опасности и что подвергают ей себя понапрасну. Они заимствовали для своего общества систему иллюминатов, предусматривающую подчинение одному вышестоящему двух подчиненных с последующим дроблением на двое. Но подобная система требует величайшей продуманности и неуклонного ее применения, к чему они были неспособны. Все звенья общества были перепутаны и каждый его член был известен всем другим. После трехлетней работы их оказалось примерно 80 человек. Они были рассеяны по всей империи, не имея связи между собой и без определенной цели, шумели по поводу и без повода и съезжались после длительных перерывов по два, по три человека, чтобы перемолвиться несколькими фразами. Таково было положение дел в провинции, и у меня есть все основания предполагать, что в столице дело обстояло так же. Говорят, особенное брожение умов наблюдалось во время пребывания двора в Москве, и причиною этому был арест одного из самых активных членов общества Александра Муравьева. В армии его арест был принят близко к сердцу и со всей сословной

* Новиков вместо Александра Муравьева.

солидарностью. Александр Муравьев первым покинул общество. Тут я отдаю ему полную справедливость. Он ударился в религию, и с тех пор я более ничего не слышал о нем. Таким образом, когда я прибыл в Тульчин, мне стали доказывать, что раз я знаю все их тайны, то и сам не должен оставаться вне опасности. Я уступил перед этими доводами. Происходило все это в 1820 году в июле или августе месяце.

Во все последующие месяцы я ничего не слышал. У меня под началом было два офицера, которые входили в общество: Раевский, майор, содержащийся под арестом в Тирасполе, и Охотников. Последний умер. Это был превосходный и храбрый молодой человек (ибо, государь, можно быть благородным человеком и принадлежать к тайному обществу). Раевский очень умный и душевный человек. К несчастью, от одного стакана пунша он теряет контроль над собой и способен наделат много глупостей. Все глупости, которые он говорил или совершал, все это происходило под влиянием вина. Я пользовался этими двумя офицерами главным образом для того, чтобы знать, как обстоят дела в частях дивизии, и они очень помогли мне уменьшить число злоупотреблений. Кроме того, они ревностно заботились о солдатах. Оба вызвали ненависть многих лиц.

В 1821 году я отправился в Москву для устройства своих дел и своей женитьбы, которая была уже почти решена. Там я застал Фонвизина, Тургенева, Бурцова, Охотникова, Граббе и брата Фонвизина. И там же мы принялись выяснять, что, собственно, мы можем сделать. С самого начала я увидел, что все идет не как надо. Насколько я помню, подсчитывая число членов общества, мы никогда не набирали сотни. Там же, в Москве, я принял решение разойтись с ними навсегда, и открыто заявил об этом. Они тщетно пытались меня переубедить. Мое решение было твердо, и я остался ему верен. Некоторое время спустя, уже находясь в Киеве, я узнал, что общество распалось, и сообщил мне об этом Бурцов.

Мне думается, что Бурцов в реформированное общество уже не возвращался, равно как и оба Фонвизина.

В течение 1821 года я ни о чем и ни о ком не слышал. Я женился и вернулся в дивизию. Но этот год в некотором отношении оказался для меня очень несчастлив. Не знаю, верно ли это, но мне кажется, что власти некоторое время подозревали меня в причастности к делу Ипсиланти. На самом же деле я услышал о нем только после восстания. Когда в результате этих злосчастных событий я потерял последнее доверие властей и свою дивизию, общество «Союз благоденствия» уже не существовало, и ни в 1821, ни в 1822 годах я о нем ничего не слышал. Вот почему все дело Раевского не имеет никакого отношения к тайным обществам. Он действовал в одиночку и не мог никого скомпрометировать. Здесь, чтобы быть до конца правдивым, я должен сделать одно признание: когда в ту пору надо мной тяготели несправедливые обвинения, а бог свидетель, что за все время моего командования и 4-м корпусом, и 16-й дивизией я не привлек на свою сторону ни одного последователя и не принял в общество ни одного члена и выполнял лишь свои прямые обязанности, вот в эту самую пору столь тяжких испытаний я не мог защитить себя должным образом, ибо боялся пролить свет на некоторые обстоятельства, что хоть уже и были в прошлом, но выяснение которых могло бы иметь тяжкие последствия для многих. Вот, государь, новая улика против меня.

Вот правда и вся правда относительно этого первого общества «Союз благоденствия», или «Зеленой книги», что совершенно одно и то же. Название «Зеленая книга» стало нарицательным для обозначения общества. Среди молодых людей, которые в него входили, многие проповедовали немецкую идеологию, но я не видел ни одного французского якобинца. Я знаю, что это дело можно представить совсем в другом свете. Единственной серьезной их мыслью была система подчинения двоих одному начальнику, что было гарантией возрождения общества. Но именно эта идея была отвергнута первой. Те, которые соглашались с ней только теоретически, никогда не смогут иметь о ней точного представления. Эта идея никогда не была реализована в том виде, в каком она была изложена на бумаге, а лишь в том, в каком я имел честь изложить ее вашему величеству.

Я перехожу теперь ко второму обществу, и поверите ли, ваше величество, я даже не знаю, как оно называется, и думаю, что у него никогда не было названия. Вот в этом и заключается основная трудность моего положения. Для вас это, несомненно, наиболее интересная сторона дела и именно об этом я могу рассказать

меньше всего. Не примите, государь, мою фразу за желание скрыть правду. Я даю вам слово чести, что скажу все, что знаю, и ничего не утаю от вашего величества.

Прежде, чем войти в существо дела, позвольте мне затронуть один вопрос, который касается лично меня. Состою ли я сам в новом обществе или нет? Вы решили этот вопрос в мою пользу, государь. Нет, я не член общества, и вот тому доказательства.

1. Кого принял я членом общества? — Никого.

2. Кем я был принят? — Никем.

3. Какую работу я выполнял? — Никакую.

4. Чем доказывается моя принадлежность к обществу? — Доносами людей, которым могли сказать, что я был его членом, для того, чтобы укрепить в них веру, либо же из желания меня скомпрометировать. Заметьте, государь, что это обычная [тактика] всех тайных обществ: предполагать участие воображаемых или невидимых начальников.

5. Наконец, государь, мое общественное положение в тот момент было таково, что давало им повод думать, будто рано или поздно я стану в их ряды, и они без моего согласия уже причислили меня к числу своих. Путь либеральных идей для большинства людей весьма скользкий. Встречая противодействие, эти люди раздражаются и борются с ним. Сначала стараются убедить, а кончают попытками применить силу. Сначала разговор идет о том, чтобы исподволь внушать властям либеральные идеи, а кончается все тем, что они считают возможным и необходимым навязать им свои условия. Я по собственному опыту знаю кое-что об этом, и хотя я никогда не переступал черты, отделяющей мои действия от преступления, я наделал немало ошибок. Итак, эти господа вообразили, что я с ними по-видимому, а если нет еще, то скоро буду. С другой стороны, они видели, что я в немилости, и считали меня недовольным. Они полагали, что я с трудом сдерживаю досаду и что в конечном счете я не выдержу и расстанусь с тем спокойным положением, которым я все больше и больше дорожил. Только так могу я объяснить ту настойчивость, с которой они, говорят, твердили, что я принадлежу к числу их членов.

Я возвращаюсь к прерванному рассказу. Кажется, к концу 1822 или в 1823 году до меня дошел слух, что 7 или 10 членов прежнего общества поклялись не расставаться. Так ли это? Не знаю. Но несомненно то, что именно тогда мне было предложено войти в общество, и сделал это человек, который к нему еще не принадлежал. Это был Сергей Муравьев. Он обещал последовать за мной, если я вступлю в общество. После этого я получил еще несколько предложений от Пестеля, но так как я всегда отказывался, они выбрали иной путь.

Они образовали два самостоятельных общества: одно в Петербурге, причем руководителями его, как мне кажется, были Никита Муравьев и Трубецкой; другое в Тульчине под руководством Пестеля и Юшневского (так, по крайней мере, я думаю, но уверенности у меня нет). Потом они сообщили мне об этом через Пестеля или через кого-то другого, — я теперь точно не помню, — и предложили мне стать во главе этих двух обществ. После того, как я отклонил это предложение, связи наши почти совсем прекратились, и если я еще и узнавал что-либо незначительное, то, скорее, вследствие их болтливости.

Я должен сказать, что Юшневский никогда и ни при каких обстоятельствах не говорил со мною о новом обществе; в этом отношении он меня совершенно оставил в покое.

Впрочем, тогда членов общества нетрудно было узнать. Они находились под большим влиянием утопических идей, и это заметно отражалось на их речах. Но так как я редко встречался с ними, да и род моих занятий был иным, то эти известия доходили до меня лишь изредка. Они же все больше и больше таились от меня, рассчитывая, что мое любопытство приведет к тому, чего они не смогли добиться другими способами.

Как раз в это время пустили слух, будто я совершенно изменился. Говорили, что я нахожусь под влиянием жены и шурина, одного из их заклятых врагов, который, по их мнению, был единственным, кто препятствовал моему соединению с ними. Они много писали, казались очень занятыми своим делом, с большим энтузиазмом относились к труду Детю де Траси о Монтескье и исповедовали идеи американского федерализма. Исходя из этого, вы, ваше величество, сможете найти в изъятых у них бумагах много свидетельств их взглядов в то время. Вот что, во

всяком случае, я смог уловить из тех очень редких бесед, которые я имел с ними в 1823 году.

В 1824 году мне казалось, что все было спокойно, пока Эртель находился в Киеве. Тогда офицерам было запрещено покидать свои полки.

В 1825 году приехал Трубецкой. Должен сказать, государь, он был настолько сдержан со мной, что я был этим удивлен. В это время весь Киев отдавал визиты новоприбывшему начальству, я же проводил часть своего времени в деревне и видался с очень немногими.

Что касается либеральной и тем более политической переписки, то я думаю, государь, мне нет нужды заверять вас, что таковой в последнее время я не вел. Никто из этих господ также никогда не показывал мне ни одного документа, принадлежавшего обществу, ничего, что я прочитал бы собственными глазами. Впрочем, как мне кажется, в то время все значительное, что было связано с обществом, происходило в Петербурге; там же вербовались новые люди, о которых я никогда не слышал. Теперь мы подошли к решающим событиям.

Первым членом общества, с которым я встретился по приезде в Москву, был Никита Муравьев. Он как-то зашел ко мне; разговор у нас был короткий и непоследовательный. Нужно добавить, государь, что до этого за всю свою жизнь я видел его всего каких-нибудь три—четыре раза. Моя жена перебила нас, разговор стал общим, и Муравьев ушел. После же этого он был у меня только в Михайлов день, 8 ноября, и с тех пор я его больше не видел*.

После смерти его величества присягали великому князю Константину. Все прошло в совершенном порядке. Но потом по Москве пошел зловещий слух о разделе. Говорили, будто царское завещание устанавливало полное отделение Польши и русско-польских провинций, а также и Курляндии, и что Священный союз гарантирует это отделение. Это был благоприятный момент для недовольных и бунтовщиков, чтобы выступить или, во всяком случае, попытаться поднять голову. Некоторые же истинно русские люди, и я в том числе, государь, сокрушались по поводу отделения Польши до тех пор, пока нас не убедили в том, что это не произойдет. Вот и все. Потому-то я глубоко убежден, что Москва была очень мало затронута теми бунтовщическими настроениями, которые проявились здесь.

Долгое время все было спокойно и не было никаких разговоров, как вдруг в зале, где собралось дворянство для выборов, одновременно распространились вести о том, что ваше величество вступили на престол, и о народном бунте и мятеже в войсках, во время которого был убит Милорадович. К вечеру весь город говорил об этих событиях. Вот тогда-то Фонвизин в первый раз за пять лет своего неотлучного пребывания в деревне** пришел ко мне и показал письмо, адресованное не знаю кому, без подписи, помеченное, если мне не изменяет память, 12-м числом. Я думаю, что оно было от Пушкина. Это письмо, которое я тут же собственноручно сжег, представляет собой любопытный документ, который дает, по-моему, ключ к понимаю того, что произошло. Я попытаюсь последовательно восстановить его содержание, насколько мне позволит память. Письмо написано по-русски.

1. «В тот момент, когда вы получите эти строки, — гласит письмо, — все будет решено». — Следовательно, решение было принято несколько дней тому назад, решение рискованное, но они были совершенно уверены в успехе своего предприятия.

2. «Мы работаем ежедневно с Трубецким, и все мы все время вместе». — Вот, следовательно, как сочинялись все документы, которые должны быть уже изъяты.

3. «Нас здесь 60». — Это, государь, совершенно точно, я как сейчас вижу это число перед глазами. Сначала их было всего 60; остальные были привлечены позже.

4. «Мы уверены приблизительно в 1000 солдат». Вот еще одно уточнение, касающееся средств, которыми они собирались действовать.

5. «Момент благоприятный; если мы не будем действовать, мы будем трусами; прощайте, оплакивайте нас». Вот они, эти молодые люди, разгорячившие свое воображение двухлетней болтовней, бросились очертя голову в сомнительнейшее предприятие, подняли гнусный мятеж. Они пошли на это, не имея ни средств, ни надежды на успех, исключительно потому, что им стыдно было не довести до

* Возможно, что я ошибаюсь. По размышлении представляю некоторые разъяснения.

** Он приехал на выборы.

решительного дела свою работу, направленную на то, чтобы всех поднять за собой.

6. Думаете ли вы, государь, чтобы в письме, где автор, по-видимому, перечислял все средства и все причины, которые побуждали заговорщиков действовать, он преуменьшил бы средства, бывшие в их распоряжении, и не сказал бы, что могущественные лица их поддерживают? Ибо я хорошо понял, какое признание вы хотели получить от меня, ваше величество, во время допроса. Вы ищите вождей заговора, ваше величество. Вы думаете, не находится ли вблизи вас тот, кто организовал этот бунт, давал на него средства и поддерживал его. Это, государь, как раз то, в чем ваше величество просили моего содействия. Так вот, государь, мой взгляд на это таков: восстание носило чисто демократический характер, это был ужасный кинжал, занесенный 60 заговорщиками, лже-знамя Константина, под которым объединилась 1000 солдат. Вот как все это просто объясняется. Серьезность происходящих событий, всеобщее ошеломление, тревожное ожидание способствовали этому. Или я ошибаюсь, или это истина. Вот, государь, что я намеревался вам сказать, не называя имен, в ту минуту, когда ваш гнев заставил меня замолчать. Это свидетельство самое весомое и убедительное из всего того, что мне известно об этом злосчастном и ужасном деле.

Но, скажут мне: письмо сожжено, кто сможет подтвердить истинность моего рассказа?

1. Фонвизин, если только он не испугается и не подумает, что это новая улика против него. От него нужно узнать это, действуя мягко.

2. Сам Пущин, который в ваших руках.

3. Наконец, я сам, государь, свидетельствую своим честным словом и тем, что приведу компрометирующие меня слова из этого письма, почему я его и сжег. Там было сказано: «Покажи это письмо Михаилу Орлову». Так как я уверен в своей невиновности, то я не боюсь быть полностью откровенным; смею надеяться, что моя откровенность не будет слишком неприятной вашему величеству. Впрочем, это означает, что я сдержу слово, данное в начале этой записки.

Наконец, государь, мне остается лишь рассказать о письме Трубецкого. Мне никогда не передавали этого письма. Это было поручено сделать Ипполиту Муравьеву, которого я знал еще ребенком; в первый и последний раз он был у меня 19-го или 20-го числа. Он должен был зайти к нам еще раз за письмом моей жены, но он не пришел. Возможно, что это письмо было отправлено почтой. В нем не было ничего такого, чего нельзя было бы написать в письме. Писать мне 13-го с просьбой прийти ему на помощь 14-го было со стороны Трубецкого нелепым безрассудством, за которое я не несу ответственности.

Ко всему этому мне надо добавить еще только одно. Если вашему величеству угодно иметь сведения о каких-нибудь лицах, благоволите назвать тех, чью характеристику вы желали бы иметь. Я обещаю сделать это с той же откровенностью, с какою я писал эту записку. Государь, я знаю меньше людей, чем вы, может быть, думаете, но тех, кого я знаю, я знаю хорошо.

Генерал-майор Михаил Орлов
Правитель дел Комитета военный советник Боровков

29 декабря 1825
С[анкт]-Петербург

№ 6 (2)

Выписка из журнала Комитета 30 декабря 1825

Комитет по выслушании показаний генерал-майора Орлова, находя, что в оных не видно чистосердечия и что объяснения его неудовлетворительны и запутаны собственными противоречиями, его обвиняющими, положил испросить соизволения его императорского величества, дабы запрещены были всякие сношения с ген[ерал]-майором Орловым.

На докладной о сем записке 30 декабря государь император изволил собственноручно написать следующее: «Кроме с братом его Алексеем». // (л. 15)

J'ai l'honneur de vous renvoyer, cher Général, le Mémoire dont plusieurs points demandaient des explications. Je tâcherai de les insérer toutes dans le nouveau Mémoire que je rédige en ce moment.

Groyez, cher Général, que je sens aussi bien que vous combien il est important pour Notre Souverain, pour la Patrie, pour moi-même en particulier, que Sa Majesté soit pleinement rassurée et persuadée que le mal est coupé dans sa racine. Je ferai tout ce qu'il est en mon pouvoir de faire à cet égard — mais je ne peux pas aller au-delà de mes moyens, qui malheureusement sont bornés.

Je n'ai aucune idée de ménager qui que se soit au monde, pas même moi, et je donne ma parole d'honneur de mettre par écrit tout ce que ma mémoire me rappellera.

Agreez, cher Général, les expressions de ma tendre et ancienne amitié.

Michel Orloff²

Le 2 Janvier 1825

10 heures du matin // (л. 16)

Перевод

Имею честь вернуть вам, дорогой генерал, записку, многие пункты которой требовали объяснения. Я постараюсь сделать это в новой записке, которую я сейчас составляю.

Поверьте, дорогой генерал, что я также хорошо, как и вы, чувствую, насколько важно для нашего монарха, для Отечества и, в частности, для меня самого, чтобы его величество был совершенно спокоен и убежден в том, что зло полностью искоренено. Я сделаю в этом отношении все, что в моих силах, но не могу сделать больше, чем позволяют мне мои возможности, которые, к сожалению, ограничены.

У меня и мысли нет щадить кого бы то ни было, даже самого себя, и я даю вам слово чести написать все, что сохранилось в моей памяти.

Примите, дорогой генерал, уверения в моей давней и нежной дружбе.

Михаил Орлов

2 января 1825

10 часов утра

№ 8 (4)³

Показание генерал-майора Орлова I-го

Вступление

По словам генерал-адъютантов Бенкендорфа и Левашева и по собственным всемилостивейшим изречениям его императорского величества я чувствую в полной силе обязанность, на меня возложенную, и постараюсь за доверенность заплатить искренностью. Я готов говорить правду и всю правду; но ежели положение, в коем я находился, воспретит мне пояснить совершенно обстоятельства мало мне известные, я надеюсь, что правосудие его императорского величества не допустит, чтоб приписали недоверчивости то, что принадлежит одному незнанию.

Я не удивлюсь, ежели многие из членов общества, находящиеся теперь в руках правительства, будут отвечать основательнее и удовлетворительнее меня. Это происходит из самого существа обстоятельств. Тайное общество было их единственным занятием; для них ничего скрытного не было; они знали все установления оного; они участвовали во всех заседаниях. Я же, напротив того, знаю только то, что мог узнать вскользь, намеками, полудовериями, загадками в то время, когда

¹ Вверху листа помета карандашом: «Принять к сведению в ожидании от Орлова новых показаний».

² Письмо написано М.Ф.Орловым собственноручно.

³ Вверху листа помета карандашом: «Пол[учено] 9 генваря 1825». Год указан ошибочно, вместо 1826-го.

они старались меня привлечь к себе. С другой стороны¹, свидания мои с членами были очень редки, что в своем месте и изъяснится, и, наконец, сделались // (л. 16 об.) весьма сухи, ибо покушения их на приглашение меня в общество сделались мне несносными. К сему надобно прибавить, что со дня их соединения до дня ареста дела общества были их жизнью, а я занимался совсем посторонними предметами и доведен был до того, что одно имя тайного общества наносило мне уныние и тоску.

Для лучшего усмотрения я разделяю сие показание на 4 части, коих содержание есть следующее:

1-я часть. О первом обществе или о Союзе благоденствия.

2-я часть. О втором обществе, коего имени не знаю, до моего выезда из Киева в 1825-м.

3-я часть. О событиях в Москве до моего ареста.

4-я часть. Заключение мои и разыскания, есть ли отрасли и связи общества, здесь в столице, в Польше и в чужих краях.

Приступаю теперь к самому существу дела со всею откровенностью, с усерднейшим желанием исполнить волю его императорского величества и оказать услугу Отечеству. // (л. 17)

Часть первая.

О первом обществе или о Союзе благоденствия

1. Я возвратился из чужих краев 1814 года², уверенный, что Тугендбунд было одно из деятельнейших средств, употребленных для спасения Пруссии и Германии, и вознамерился сделать тайное общество, составленное из самых честных людей³, для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам, кои слишком часто обличаются во внутреннем управлении России. Я взошел в переписку с графом Дмитриевым-Мамоновым⁴ по сему предмету и, остановив несколько мыслей между нами, мы готовили общий план, который хотели предложить на утверждение его императорского величества, надеясь, что государь, также как его величество король прусский для Тугендбунда, возьмет нас под свое покровительство. Сия странная мысль, внушенная, однако же, чистым желанием добра, недолго нас занимала, ибо другие обстоятельства возникли⁵.

2. Государь изволил отправиться в Вену и вскоре разнеслись слухи о восстании Польши. Сия весть горестно меня поразила, ибо я всегда почитал, что сие восстановление будет истинным несчастьем для России. Я тогда же написал почтительное, но, по моему мнению, довольно сильное письмо к его императорскому величеству. Но сие письмо⁶, известное генерал-адъютанту Васильчикову, у меня пропало еще не совсем доконченным, и сведение // (л. 17 об.) об оном, дошедши до государя, он долго изволил на меня гневаться⁷.

3. Обстоятельства 1815 года и пребывание мое в Париже большую часть 1816 года не позволили мне заниматься сими предметами до самого возвращения в Россию. Тогда предубежденный будучи, что восстановление Польше не могло столь сильно быть поддерживаемо русским правлением без влияния польского тайного общества над намерениями и волею государя, я вознамерился к первому моему предмету присоединить и другой, то есть противопоставить польскому русское тайное общество. Из сего видно, что план оного уже предложенным на высочайшее

¹ Слово «стороны» вписано над строкой.

² Так в подлиннике.

³ Две строки от слов «вознамерился сделать тайное...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁴ Слова «в переписку с графом Дмитриевым-Мамоновым» подчеркнуты карандашом.

⁵ Восемь строк от слов «мы готовили общий план...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁶ Шесть строк от слов «о восстановлении Польши...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

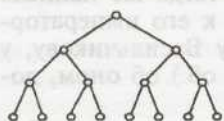
⁷ Так в подлиннике. Четыре строки от слов «известное генерал-адъютанту...» подчеркнуты карандашом, две строки от слов «об оном дошедши до государя...» на полях отчеркнуты карандашом.

утверждение быть не мог¹. Сим занимался я конец 1816-го и начало 1817 года, но ни намерение мое, ни труд мой к концу приведены не были, и все осталось без исполнения.

4. Стараясь приклонить к намерениям моим молодых людей, я говорил о сем бывшему правителю канцелярии малороссийского генерал-губернатора Новикову или Александру Муравьеву. Один из них, не помню кто, открыл мне, что уже тайное общество, составленное по большей части из молодых офицеров гвардии, уже составлено, и сие открытие заставило бросить все мои прежние сочинения². Он предложил мне взойти в общество; но когда я требовал, чтоб сказал имена, с коими буду в сообщничестве, то он отвечал, что сих имен не скажет, ибо будучи все молодые люди, они не вселят во мне никакой доверенности. Он однако же не отказался изъяснить мне³ // (л. 18) общий план, который тогда состоял в следующем:

5. Общество состояло из трех степеней: друг, брат и муж⁴. *Другом* почитался всякий человек, имеющий свободный образ мыслей (*liberal*)⁵, знающий или незнающий о существовании общества. Следственно, *другом* и внесенным на их регистр мог быть всякий, кто бы он ни был и совершенно без ведома и согласия. *Братом* назывался тот, кто дал клятвенную обязанность на свою верность, но коему тайна общества не была открыта⁶. *Мужем* наречен был тот, кто знал тайну и дал клятву. Тогда я никакой обязанности не дал, но полагаю, что был внесен в табель *другом*⁷.

6. После моего отъезда из Петербурга, я занялся вверенными мне делами и совсем потерял из виду сие общество. Вскоре потом оно преобразовалось без моего ведома и содействия и приняло имя «*Союза благоденствия*»⁸. Устав их рукописный был переплетен в зеленый переплет⁹, отчего и произошло название «*Союза зеленой книжки*»¹⁰. Сей устав, который читан мною гораздо позже и только один раз и которого в руках и в собственности никогда не имел, был написан, сколько упомяну, тяжело и несвязно¹¹. Он заключал в себе много филантропических мыслей, таких, каких можно найти во всякой книге, и был почти весь выписан из устава Тугендбунда. Члены сего общества были все свободомыслящие молодые люди, старающиеся распро// (л. 18 об.)странять свои теории, но едва ли имеющие какую-либо мысль о перевороте: они более были немецкие идеологи, чем французские якобинцы¹². Изыскание средств для освобождения крестьян, статистические сведения о России, народное образование, изучение конституционного права всех других народов составляли их занятия. Противудействия правительству, кажется, не было, ибо правительство само шло тогда почти тою же дорогою. По крайней мере, я, отдаленный от круга действия, так мог понимать сие общество. Впрочем, связь членов и устав были весьма слабы. Одна только сильная мысль взята была

из учреждения иллюминатов и вот в чем она состояла. Всякий член, начиная с самого первого, имел право выбрать и принять только двух членов, из коих каждый имел такое же право. Из сего следует, что на первом твердом человеке, который вознамерится взять на себя всю ответственность и сказаться на-

1 Пять строк от слов «я вознамерился к первому моему...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

2 Пять строк от слов «Один из них, не помню...» подчеркнуты карандашом.

3 Шесть строк от слов «сочинения. Он предложил мне...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

4 Слова «Общество состояло... брат и муж» подчеркнуты карандашом.

5 Слова «свободный образ мыслей (*liberal*)» подчеркнуты карандашом.

6 Две строки от слов «кто дал клятвенную...» подчеркнуты карандашом.

7 Четыре строки от слов «кто знал тайну и...» подчеркнуты карандашом. Весь абзац на полях отчеркнут карандашом.

8 Пять строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

9 Слова «в зеленый переплет» подчеркнуты карандашом.

10 Строка со словами «и произошло название "*Союза зеленой книжки*"» отчеркнута на полях карандашом и отмечена знаком «NB».

11 Две строки от слов «был написан...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

12 Слова «французские якобинцы» отчеркнуты на полях карандашом.

чальником, вся цепь розысков прерывается¹. Это правило давало обществу силу возрождения после всех гонений, но препятствовало сильному движению умов, ибо самые способные, как самые ничтожные члены, более двух принятий сделать не могли. Но и сие правило только принято было на бумаге, а в действие никогда не приводилось. Желание говорить и иметь участие в общем действии скоро познакомило всех членов и составило общую массу или кучу, не имеющую ни истинного предмета, ниже начальства. Вся цель сего общества была в умножении членов и подговоре молодых людей, кои более отличались образованностью. Самое сильное действие общества, кажется, было в Москве // (л. 19) во время пребывания двора, и все волнение происходило оттого, что Александр Муравьев был арестован². После он вышел из общества, и более я уже о нем и не слыхал.

7. Во время моего пребывания в Киеве начальником штаба 4-го корпуса я более нежели когда-нибудь был привержен свободным мыслям, тем более, что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила во мне и рвение, и упование³. Я тогда в полном смысле следовал правилу его императорского величества, *ненавидел преступления и любил правила французской революции*^{*}. Сей дух свободомыслия⁴, управляющий всею моею перепискою и всеми моими речями, поддерживал доверенность общества, которому я еще не принадлежал. Тогда я познакомился с некоторыми членами, а именно: с Михайлом Фон Визеном, с Охотниковым и с Пестелем. Что же касается до Астафьева⁵, который командовал Екатеринбургским пехотным полком и принадлежал к 4-му корпусу, я его совсем не знал и членом не почитал. Само собою разумеется, что не будучи членом общества с самого моего выезда из Киева, я никого в общество принять не мог.

8. Проезжающие чрез Киев члены, о коих я выше упомянул, известили меня о преобразовании первого общества в Союз благоденствия, о существовании нового устава или зеленой книжки и назвали несколько имен⁶. // (л. 19 об.)

9. В 1820 году назначен я был начальником 16-й пехотной дивизии. Проезжая чрез Тульчин, Фон Визен, Пестель и Юшневский, которого я тут в первый раз увидел, настоятельно просили меня, чтоб я взошел в общество, и, наконец, видя мое упорство, сказали⁷, что зная все их тайны и имена многих, *невеликодушно мне не разделять их опасности*⁸. Я поддался на сию причину и подписал обязательство. Так я взошел в сей Союз благоденствия в июле или августе месяце 1820 года. Тут я прочитал также и устав, который обещан был мне в копии, но никогда не прислан. Я особого поручения, ни занятия никакого не получил⁹.

10. Приехавши в Кишинев, я нашел там Охотникова и вскоре потом явился ко мне майор Раевский (тогда еще капитан), который дал мне знать, что он также член общества¹⁰. Сии два офицера были мне очень полезны, чтоб открывать злоупотребления по дивизии, а особливо во всем том, что касается до благосостояния солдат. Я нашел еще полковника Непенина, также члена общества, посвященного Пестелем, и который тому ни душой, ни телом не виноват¹¹. Других членов об-

^{*} «Je faut distinguer les crimes des principes de la Revolution Française». Paroles de sa majesté l'empereur, prononcées du haut du trône, a l'ouverture de la première diète de Pologne. «Следует различать преступления и принципы французской революции». (Слова его императорского величества, сказанные с высоты трона на открытии первого польского сейма).

¹ Пять строк от слов «Из сего следует, что...» подчеркнуты карандашом.

² Две строки от слов «и все волнение происходило...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Пять строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом.

⁴ Девять строк от начала абзаца отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁵ Три строки от слов «познакомился с некоторыми...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Пять строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁷ Четыре строки от слов «Фон Визен, Пестель и Юшневский...» подчеркнуты карандашом.

⁸ Шесть строк от слов «дивизии. Проезжая чрез...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены знаком «NB».

⁹ Три строки от слов «Тут я прочитал также...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

¹⁰ Три строки от слов «майор Раевский...» подчеркнуты карандашом.

¹¹ Четыре строки от слов: «Я нашел еще полковника...» подчеркнуты карандашом.

щества в дивизии не было ни одного, кроме сих трех, и во все время моего командования не прибавилось.

11. В конце 1820 года я поехал в отпуск сперва в Киев, а потом в Москву. Там я нашел собрание некоторых членов, а именно: Фон Визенов, обоих: Михаила и Ивана, Охотникова, Граббе, Бурцова и Тургенева¹. В Москву я прибыл в начале 1821 года. Кажется мне, что проездом чрез // (л. 20) местечко Каменку, я познакомил Охотникова с Васильем Давыдовым, который тогда же и был принят в общество². Это один член, коего я уговорил и к принятию коего способствовал. Из сего видно, что отъезжая из Кишинева, я еще не имел твердого намерения оставить общество. Оно родилось во мне после и было непоколебимо³.

12. Собранные в Москве члены должны были заняться преобразованием общества, ибо все чувствовали, что в нем нет никакой связи. Они пригласили и меня быть их сотрудником. Мы имели только два заседания. В первом ничего определенного не положили, а во втором я совершенно от всего отказался и объявил, что более членом быть не хочу⁴. На другой день они съехались ко мне меня уговаривать, но все было тщетно, и мы расстались очень сухо. С тех пор⁵ я не видел многих из них и с ними нигде не встречался, а именно: Тургенева, Ивана Фон Визена и Граббе⁶.

13. Вскоре потом я отправился в Киев, куда приехал и Бурцов. Он мне объявил, что общество разрушилось после моего отъезда и поставило последним своим действием уничтожить все акты и бумаги, кои, впрочем, ни в чем другом не состояли, как в копиях устава и в расписках, данных членами при их принятии⁷. Была также какая-то скудная касса, не знаю, в чьем ведении и что из нее делалось. После Бурцова⁸ приехал и Охотников⁸, который то же самое мне подтвердил. Охотников⁸ был со мной совершенно откровенен, и словам его я мог верить.

14. Так кончилось первое общество, к которому // (л. 20 об.) я принадлежал, в чем и сознаюсь. Общество сие было самое слабое и ничего предпринять не могло. Члены оно, рассеянные по всей империи, без связи, без способов сношения, без положительной цели, собираясь изредка, чтоб обменять пару свободных слов, не имея другого действия, кроме распространения своего числа членов, но и тут не находя людей их понимающих, после трехлетнего труда едва могли дойти до 70 или 80 человек, из коих более половины носили только одно имя члена. Я же в сем обществе был не более 5-ти месяцев, и выход сей был⁹ довольно счастлив, ибо за оным воспоследовало разрушение общества.

Часть вторая.

О втором обществе, коего имени не знаю,
до выезда моего из Киева 1825 года

15. Весь 1821 год стоял я вооруженный на границе турецкой и не имел ни времени, ни охоты входить ни в какие сношения; впрочем, и сих сношений нигде не существовало. Члены разрушенного общества, находящиеся в 16-й дивизии, Непенин, Охотников и майор Раевский¹⁰, все извещены были о разрушении союза и никакого действия не предпринимали. Но Раевский⁸ еще прежде, во время суще-

¹ Две строки от слов «Фон Визенов, обоих...» подчеркнуты карандашом.

² Три строки от слов «я познакомил Охотникова...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Три строки от слов «из Кишинева, я еще не имел...» подчеркнуты на полях и отчеркнуты на полях.

⁴ Четыре строки от слов «Мы имели только два...» отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB». Три строки от слов «ничего определенного не...» подчеркнуты карандашом.

⁵ Слово «пор» вписано над строкой.

⁶ Слова «Тургенева, Ивана Фон Визена и Граббе» подчеркнуты карандашом.

⁷ Семь строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом.

⁸ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁹ Слова «сей был» вписаны над строкой.

¹⁰ Слова «Непенин, Охотников и майор Раевский» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

ствования общества, делал несколько попыток, чтоб уговорить некоторых офицеров 32-го егерского полка. Все его труды оставались тщетными, но память слов его сохранилась, и когда ненависть ко мне генерала Сабанеева воспользовалась моим отсутствием и началось следствие¹, то явились // (л. 21) разные доносы на майора Раевского². Все сие описано подробно в судебном его деле, которое давно препровождено в аудиторiatский департамент. Но попытки, сделанные Раевским², были неполны и отстояли целым годом от времени доносов, а те, кои доносили, сами не разумели, о чем доносят. Вот почему все сие следственное и судебное дело осталось совершенно темным. Я же, с моей стороны, зная, что общество разрушено, был спокоен, но не дал моей защите той твердости, которую бы дал, ежели б не опасался, что разрушенное общество будет открыто. Я принял на себя все неудовольствия и решился терпеть, хотя по всему существу дела совершенно был прав. Так я наказан был лишением дивизии, прекращением дальнейших видов службы, гневом покойного государя и четырехлетним нахождением в подозрении за прежнее мое вступление в Союз благоденствия³.

16. Весь 1822 год дело сие тянулось. Я жил в Киеве и ездил в Крым на несколько месяцев⁴. О возрождении общества ничего не слыхал и, кажется, не было. В сей год я познакомился с Сергеем Муравьевым и с Бестужевым. Сего Бестужева с здешними смешивать не должно. Это совершенно особенное лицо, которого все считают бестолковым и которого один Муравьев превозносит гением⁵.

17. В начале 1823 года я узнал чрез Сергея Муравьева, сколько упомянуть могу, что 7 или 10 // (л. 21 об.) членов прежнего союза поклялись опять соединиться и действовать в прежнем смысле. Имен сих членов я не знаю, но Трубецкой и Никита Муравьев были в числе оных. Сергей Муравьев и брат его Матвей еще ни к чему не принадлежали⁶. Они всячески старались вовлечь меня и предлагали сделать особое общество под моим начальством. Они также уговаривали Александра Раевского, брата моего, но видевши неуспех в сем предприятии равно с моей стороны, как со стороны брата, они бросились к Пестелю, который тогда же на юге старался собрать несколько членов и трудился над преобразованием⁷.

18. Едва общество возымело новое существование в сем 1823 году, как началась моя попытка и их старание привлечь меня в оное. На сие употреблен был Пестель, который хотел и не хотел, опасаясь, чтоб мое влияние не уничтожило его собственное. Потом препоручено было сие Василью Давыдову, тогда уже моему дяде, и Сергею Волконскому, кои от всей души, и думая приглашением моим принести величайшую пользу и мне, и обществу, и самому Отечеству, несколько раз и с усилием старались меня склонить. Впрочем, по той же самой причине, что они были близко со мною, кажется, положили себе правилом никаких тайн мне не открывать до тех пор, пока взойду в общество. Это понимается: ибо положение их с прочими членами было деликатно⁸. // (л. 22)

19. Для обольщения меня были употреблены разные средства. 1. Заклинания дружбы и все, что можно только исполнить посредством просьб и уговоров. 2. Самолюбие, напоминая, что я первый в России говорил языком свободомыслия и что они без меня как тело без души. 3. Любовью к Отечеству, говоря, что Россия стоит на краю пропасти, что надобно всем честным людям иметь тесную связь, дабы при случае раздался отечественный отголосок. 4. Честолюбием; и для сего устроили так общество, чтоб мне можно было принять место начальника, а именно:

¹ Две строки от слов «и когда ненависть ко мне...» подчеркнуты карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Девять строк от слов «ежели б не опасался...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁴ Две строки от начала абзаца подчеркнуты карандашом.

⁵ Девять строк от начала абзаца отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB». Пять строк от слов «с Сергеем Муравьевым и с Бестужевым...» подчеркнуты карандашом.

⁶ Семь строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом. Пять строк от слов «членов прежнего союза...» отчеркнуты карандашом на полях.

⁷ Шесть строк от слов «Александра Раевского, брата моего...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁸ Пятнадцать строк от слов «как началась моя попытка...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

они разделились на две части, одна в Петербурге под начальством, кажется, Трубецкого и Никиты Муравьева, а другая на юге под начальством Юшневского и Пестеля. Место же общего начальника предлагали мне, и сие обстоятельство есть единственное положительное понятие, данное мне об обществе¹. Когда же увидели они, что некоторое из сих средств не может поколебать твердого моего намерения, то начались укоризны, и я вдруг очутился в опале. Тогда распустили слух, что я совершенно переменялся, что женитьба отклонила меня от всех благородных мыслей, что я нахожусь в зависимости у брата Александра Раевского, которого почитали себе врагом и по делу. Тогда все мои мысли, мнения, теории казались слабыми, робкими, принужденными и пр[очее]. Само собою разумеется, что всякая уверенность исчезла в конце // (л. 22 об.) сего 1823 года, и едва ли с некоторыми из них, как-то: с Давыдовым и Волконским, остались некоторые сношения дружеские².

20. В таком положении мне тайн общества знать было невозможно. Существование оно было известно; ибо без того нельзя было и приглашать меня в оно. Одно из положений, то есть разделение³ на две части или отрасли, также мне было доверено; но других тайн я никаких не знал, кроме того, что мог извлечь из общих разговоров насчет политических предметов. Тогда заметил я в теориях их и в духе большую перемену⁴. Например, книга Destutt de Tracy «Commentaire sur l'Esprit des Loix»⁵ была для них высшей степенью премудрости; конституция английская казалась им чрезвычайно тяжкою для народа и согласованною с пользою одной аристократии; французская хартия была для них не что иное, как лоскуток бумаги, бесполезный для граждан; но зато американский федерализм, гишпанские происшествия, неаполитанская революция играли большую роль во всех их разговорах. Они, казалось, отвергали силу обстоятельств и постепенность дарованных прав, а руководствовались одною только умозрительною теориею, не признававшею никаких оттенков в различии нравов и обычаев народных. Я помню еще, как они все на меня восстали за то, что Риго (Riégó)⁶ был дурак и что его нечего жалеть. Это было за обедом⁷ // (л. 23), где было также много и посторонних людей. Ибо все, что я теперь сказал, не говорилось наедине и под видом тайны, но публично, в общих разговорах, на улице, в театре, словом, везде. Так что вскоре, заметив их заносчивость я прекратил все с ними споры, ибо не было ни одной мысли схожей между нами. Ежели б правительство имело одного только умного наблюдателя в оном крае, то оно могло бы по сим одним приметам определить, кто принадлежит или не принадлежит обществу⁸.

21. Показав, как я отделился от них не только отказом вступить в общество, но и самым образом мыслей, покажу еще, что встречи наши были очень редки. В Киеве не было ни одного члена, там обитающего; Фурнье⁹, [на] которого пали также подозрения, совершенно не виновен и с ними не вел ни малейшего знакомства и едва ли знает о существовании общества. Около Киева жили Сергей Муравьев и Бестужев, странная чета, которая целый год¹⁰ друг друга хвалила наедине¹¹, но Бестужев с самого начала так много наделал вздору и непристойностей, что его

¹ Восемнадцать строк от начала абзаца подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

² Пятнадцать строк от слов «Когда же увидели они, что...» подчеркнуты карандашом. Двенадцать строк от слов «начались укоризны, и я вдруг...» отчеркнуты карандашом на полях и отмечены знаком «NB».

³ Три строки от слов «знать было невозможно...» на полях отчеркнуты карандашом.

⁴ Строка со словами «я в теориях их и в духе большую перемену» отчеркнута на полях карандашом.

⁵ Детю де Траси «Комментарии к "Духу законов"» — (франц.).

⁶ Слово «(Riégó)» вписано над строкой.

⁷ Пятнадцать строк от слов «конституция английская казалась им...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁸ Одиннадцать строк от слов «где было также много и посторонних...» подчеркнуты карандашом. Пять строк от слов «Ежели б правительство имело...» на полях отчеркнуты карандашом и отмечены тремя восклицательными знаками.

⁹ Фамилия подчеркнута карандашом и отчеркнута на полях.

¹⁰ Слово «год» вписано над строкой.

¹¹ Слово «наедине» вписано над строкой.

никто к себе не принимал, а Муравьев, обиженный за своего друга, перестал ездить и даже кланяться. Волконский жил в Умани и редко ездил. Василий Давыдов приезжал на контракты и занимался делами. Юшневский ездил на торги и лишней минуты не имел. Повало-Швейковского, Тизенгаузена, Баря// (л. 23 об.)тинского я видел раза четыре во весь мой век. Пестель¹ приезжал также к контрактам и во все время едва один раз ко мне заедет. Я же с моей стороны к ним никогда не ездил, кроме к Волконскому, когда он уже женился, и к Василию Давыдову проездом в Одессу. Трудно ли после сего поверить, что наши свидания были весьма редки и становились еще реже от времени до времени. Других же членов общества, приезжавших в Киев, я не припомню².

22. Весь 1824 год был для меня спокоен, и я казался избавленным от их преследований. Одно только обстоятельство здесь помешу. В начале сего года вдруг входит ко мне Бестужев и, взявши в сторону, говорит: «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения»³. Я прервал его речь и сказал ему: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы нерусский, прощайте». Он вышел, и вот единственное обстоятельство, по которому я могу судить, что общество имеет некоторую связь с поляками. Кто были сии поляки, спросить не успел⁴. Сделал ли это Бестужев от собственного своего побуждения или имел на то поручение, также не знаю. Но уверяю, что ежели б мог что-нибудь сказать, то готов всех поляков связанных притащить на ответ⁵. Впрочем никто по сему предмету более сведений дать не может, как сам Бестужев, Повало-Швей// (л. 24)ковский и Тизенгаузен, кои все расположены квартирами у поляков и с ними в тесной дружбе⁶.

23. В 1825 году приехал Трубецкой, и как он стал часто меня посещать, то я, привыкший к пытке и к обороне, думал, что он тоже станет меня склонять к вступлению в общество. Но он ничего не говорил, кроме о общих предметах, и сие меня немало удивило. Потом я уже понял, что описание моего отпора дошло из Киева в Петербург, и, ежели все бумаги членов захвачены, я надеюсь, что в них самих найдут доказательство, что я к обществу не только не принадлежу, но в смысле их⁷ и принадлежать не должен. У Трубецкого вскоре поселились почти без выхода Сергей и Матвей Муравьевы с Бестужевым. Всякий раз, что я приеду, то они обыкновенно встанут и выйдут в другую комнату, делая только самую необходимую вежливость не мне, а мундиру моему⁸. Вскоре потом я уехал на дачу, а оттуда в Крым и в Москву.

24. Но зачем, не принадлежа обществу, будучи даже в недружеском положении со многими членами оною, видя, что всякий день⁹ заносчивость их умножается, почему я о сем не донес правительству? Ответ на сей вопрос довольно затруднителен, но постараюсь сколь возможно удовлетворить требование. Сперва замечу две вещи. 1. Что, ежели это преступление, то оно уже гораздо менее сообщничества, и 2. Что сей вопрос может быть предложен тысяче других // (л. 24 об.) лиц, коим они с обыкновенною своею опрометчивостью делали, вероятно¹⁰, то же предложение и получали тот же отказ. Я не виновнее сих последних; напротив того, мне надобно

¹ Тринадцать строк от слов «Около Киева жили Сергей Муравьев...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

² Пять строк от слов «Василию Давыдову проездом...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Слова «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения» отмечены на полях знаком «NB».

⁴ Двенадцать строк от слов «В начале сего года...» подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

⁵ Три строки от слов «Но уверяю, что ежели б...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях тремя восклицательными знаками.

⁶ Девять строк от слов «Сделал ли это Бестужев...» отчеркнуты на полях карандашом. Три строки от слов «как сам Бестужев...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Слово «их» вписано над строкой.

⁸ Семь строк от слов «но в смысле их и принадлежать...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁹ Слово «день» вписано над строкой.

¹⁰ Слово «вероятно» вписано над строкой.

было обороняться от дружеских нападений, что всегда трудно, и сим я, кажется, более заслужил похвалы, чем осуждения. Но приступаю к самому вопросу¹.

Во-первых: что бы я донес? Что существует общество; но правительство неужели сего не знало? Как мог я вообразить, видя их неосторожность, их запальчивость, зная, что день ото дня правительство делалось мнительнее, подозревая, что не только их поступки, но и мои все записаны и известны; как, говорю, мог я вообразить, что все их действия, все их съезды, сношения не совершенно известны, и какая мне тогда была нужда прибавлять мои донесения ко всем сведениям, собранным тайною полицией²?

Во-вторых: я тайн их не знал, не предполагал отнюдь, что они готовились к действию. Доносить ли мне было о их разговорах публичных? Но для сего есть определенные люди. О их метафизическо-политических бреднях? Но сие не стоит, или, по крайней мере, тогда казалось мне не стоящим никакого внимания. Теперь легко сказать: «Должно было донести», ибо все известно, и преступление совершилось. Но тогда не позволительно ли мне было, по крайней мере, отложить на некоторое время донесение? Но к несчастью их, обстоятельства созрели прежде их замыслов и вот³, // (л. 25) отчего они пропали. Я же, ежели б и имел намерение доносить, никакой неперменной нужды не видал спешить донесением⁴, ибо они не в состоянии были ничего предпринять при жизни покойного государя⁵.

В-третьих: с другой стороны, видя нелепость их теорий, запутанность их мыслей и соображений политических, в коих не было ни складу, ни ладу, зная ничтожное действие прежнего, мною разрушенного, общества и что те же почти члены составляют новое, не мог ли я заключить, что чад их переворотных мыслей также рассеется, как рассеялся чад филантропических порывов первого общества? Что все обойдется без всякого действия и кончится одними пустыми словами? Я ошибся, но сия ошибка тем более мне простительна, что я собственным опытом знал, как трудно составить и как легко разрушить тайное общество в России⁶.

В-четвертых: но когда мне было доносить? «С самого начала», — отвечают мне. А ежели я это и сделал или хотел сделать, но остановлен был на первом шагу? Вот обстоятельство. В 1823 году я написал к начальнику штаба письмо, с коим сам хотел явиться в Тульчин, когда покойный государь осматривал 2-ю армию. Сие письмо, касающееся до моего дела по дивизии, кончалось сими словами: «Государь узнает более в полчаса разговора со мной, чем посредством всех происков и кружных донесений». К несчастью узнал я, доехавши за несколько миль до Тульчина, // (л. 25 об.), что ежели туда приеду без спроса, буду неминуемо выслан. Я послал копию одного к брату моему в Петербург. Он читал ее генерал-адъютанту Дибичу, и письмо осталось без ответа. Я не говорю, чтоб я точно и твердо намерен был все открыть государю, но ежели б нашел от его императорского величества тот прием, коего сердце мое и чувства были достойны, конечно бы, не вытерпел и известил его о существовании тайного общества⁷.

В-пятых: после сего мне ничего не оставалось делать, как молчать. Меня перестали мучить, чтоб я вступил в общество; я уверен был, что рано или поздно их собственная неосторожность должна их погубить и что все дело их кончится на одних только рассуждениях и разговорах; я молчал. Приезд генерала Гертеля в Киев, где он основал главную квартиру своих розысков, еще более мне дал спокоествия духа, и я истинно полагал, что сей последний не имел другого предмета, как надзирать за действиями⁸ членов общества.

¹ Шестнадцать строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом. Тринадцать строк от слов «Ответ на сей вопрос довольно...» подчеркнуты карандашом. Последние пять строк от слов «Я не виновнее сих последних...» отмечены на полях тремя восклицательными знаками.

² Весь абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен восклицательным знаком.

³ Двенадцать строк от начала абзаца на полях отчеркнуты карандашом и отмечены восклицательным знаком. Две последние строки от слов «Но к несчастью их...» подчеркнуты дважды карандашом.

⁴ Слова «спешить донесением» вписаны над строкой.

⁵ Четыре строки от слов «отчего они пропали...» отчеркнуты на полях карандашом.

⁶ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен восклицательным знаком.

⁷ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом и отмечен двумя восклицательными знаками.

⁸ Первоначально было: «действия».

Вот причины моего молчания. Прибавьте к тому отвращение, которое каждый честный человек имеет от доносов, существование в союзе некоторых членов, коих любил, не взирая на их мнения, и, наконец, мое собственное сомнительное положение, которое заставило бы думать, что я доношу не из // (л. 26) любви к Отечеству и порядку, но из личных выгод, и вы найдете все причины, кои заковали во мне слово и удержали руку¹.

Передавая все сие на рассуждение, желаю только одного, чтоб судили о моем поступке не с нынешней точки зрения, но перенесясь воображением в то время, когда никакой замысел не мог быть ни в помышлении зачинщиков, ни в естественной возможности².

Часть третья.

О событиях в Москве до моего ареста

25. Приехавши в Москву около сентября, я вел жизнь уединенную и занимался сочинением, которое намерен был представить правительству. Я надеюсь, что ежели начало оно, находящееся в забратых у меня бумагах, удостоится воззрения его императорского величества, оно³ докажет, что правила мои далеки от всякого мятежнического покушения. Конечно, это не есть доказательство существенное, но те, кои занимались долгим трудом, над коим напряжены были все силы их ума, знают, что невозможно писать одно и думать и чувствовать другое, особливо тогда, когда сочинение должно представить нечто целое в основании и последствиях.

26. Кажется, в октябре приезжал ко мне Никита Муравьев⁴. Вот существо нашего разговора, который, впрочем, был короток. Он мне сказал, что я всеми уважаем и что он уверен, что я сохранил все прежние мои мысли. Я ему отвечал, что я все тот же, что и был. Он у меня спросил, не намерен ли я опять // (л. 26 об.) просить действительной службы? Я ему отвечал, что обстоятельства мне сего не позволяют. Он мне сказал, что обстоятельства общие делаются всякий день смутнее, что государь намерен поселить гвардию, что ежели к сему приступят, гвардия взбунтуется, а я ему отвечал, что ежели это и правда, то поселение будет делаться по полкам и, следственно, возмущения быть не может. Тут наш разговор был прерван, и после я его не видал до 8 ноября, в который день, возвращаясь уже назад в Москву, он у меня обедал со многими посторонними людьми и говорено ничего не было⁵.

27. Вскоре потом получили известие о кончине государя и присягали цесаревичу Константину Павловичу. Все обошлось тихо и мирно.

28. Потом вдруг по целой Москве раздался слух, что духовная покойного государя разделяет Россию на две части, из коих одна под названием империи отходит к его императорскому величеству, а другая, составленная из Королевства Польского, русско-польских провинций и Курляндии достается его императорскому высочеству Константину Павловичу, долженствующему принять на себя титул короля польского, и чтоб довершить, еще прибавляли, что сия духовная утверждена подписью членов Священного Союза. Сие известие поразило и меня, и⁶ всякого русского, и в первый раз, может быть, в моей жизни я почувствовал, что присяга может сделаться бременем. Я тем более сему обязан был верить, что еще // (л. 27) в 1817 сам слышал от покойного государя, что разделение Польши противно чести и выгодам России. Но тяжкое сие положение недолго продолжалось. Вскоре узнали, что не только весть сия несправедлива, но что завешание заключает в себе совсем противное расположение. Иные говорили, что этого быть не может, ибо сам ныне царствующий государь присягал цесаревичу, и они были правы. Другие же приписывали уничтожение сей меры благодетельному влиянию ее императорского

¹ Пять строк от слов «мое собственное сомнительное...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены восклицательным знаком.

² Пять строк от слов «одного, чтоб судили о моем...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

³ Слово «оно» вписано над строкой другими чернилами.

⁴ Слова «Кажется, в октябре приезжал ко мне Никита Муравьев» подчеркнуты карандашом.

⁵ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом.

⁶ Слово «и» вписано над строкой.

величества императрицы Марии Федоровны. Но все радовались и благословляли судьбу, что отвратила от России такое несчастье. По всему кажется, что сия гибельная весть не была выдумана и распушена нарочно бунтовщиками, ибо она одним разом разнеслась по целому городу и была известна начальникам столько же, сколь и простым гражданам. Однако не худо справиться, откуда сия весть пришла: или из Петербурга в Москву, или из Москвы в Петербург. В первом случае подозрения могут пасть на мятежников¹.

29. 17 декабря в собрании дворянства известно было, что его императорское величество Николай Павлович вступил на престол. Говорили также о возмущении, о смерти генерала Милорадовича и покушении бунта. Я все это узнал за обедом у графини Орловой, где я жил. Чрез несколько часов все сии известия подтвердились приездом генерал-адъютанта Комаровского, и я тогда же сказал графине и жене: «Вы увидите, // (л. 27 об.), что тут замешаны кто-нибудь из моих старых знакомых, и я от сего пострадаю». Я отгадал. Вечером приехал Михаил Фон Визен и показал письмо от 12 декабря, писанное на имя, мне неизвестное, кажется, без подписи, но которое я приписываю Пушкину. Я его едва пробежал и сгег собственными руками. Разговору не было почти никакого, и мы расстались².

30. Содержание письма, сколько помню, есть следующее, вначале:

«Когда вы получите сие письмо, все будет решено». Из сего я заключаю, что уже 12 числа они были готовы к действию и более извещали о том, что предпринимают, чем просили содействия.

«Мы всякий день вместе у Трубецкого (или с Трубецким, не помню) и много работаем». Тут определено место, где было их сходбище. Что же касается до работ, то, кажется, в письме не сказано. Должно полагать, что они сочиняли или конституцию, или манифест, или что-нибудь тому подобное.

«Нас здесь 60 членов». Вот число бунтовщиков, ими самими определенное до 12 декабря. Это число 60 я как будто вижу и теперь собственными глазами.

«Мы уверены в 1000 солдатах, коим внушено, что присяга, данная императору Константину Павловичу, свято должна соблюдаться». За слова не ручаюсь; но смысл точно тот. Сие доказывает, что солдаты были жертвами простого обольщения для произведения мятежа, коим можно бы было воспользоваться для дальнейших предприятий. Тут удивительно только то, как они могли решиться с такими скудными средствами; но следующий параграф решит сию задачу.

«Случай удобен; ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов». Следственно, вот и побудительная причина. Они так себя друг друга настроили и взволновали, что воздержаться от преступления им казалось почти преступлением³.

Во всем этом я не вижу, чтоб бунтовщики были кем-нибудь поддержаны, кроме собственных своих страстей, разъяренных до сумасшествия. Но чтоб доказать, что я говорю правду, и ничего из того, что письмо содержало и что помню, не утаиваю, прибавлю, что при окончании было сказано: «Покажите сие письмо Михайлу Орлову». Я чувствую, что сии слова навлекают на меня сильное подозрение, но я их нарочно помещаю, чтоб они служили залогом искренности моей. Не щадя себя, кого буду шадить⁴?

31. 18 декабря присягали его императорскому величеству государю Николаю Павловичу. Истина уже всем была известна.

32. 19-го или 20-го поутру вдруг явился ко мне Ипполит Муравьев и сказал, что он привозил письмо от Трубецкого, в котором он приглашал меня в Петербург, но письмо им разорвано и сожжено⁵.

¹ Весь абзац отчеркнут на полях карандашом. Девять последних строк от слов «По всему кажется, что сия...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

² Шесть строк от слов «Вечером приехал Михаил Фон Визен...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

³ Текст от начала пункта 30-го отчеркнут карандашом на полях.

⁴ Пять строк от слов «Покажите сие письмо Михайлу...» подчеркнуты карандашом, отчеркнуты на полях и отмечены знаком «NB».

⁵ Текст от начала пункта 31 отчеркнут на полях карандашом. Пять строк от начала последнего абзаца подчеркнуты карандашом.

33. Я чувствую, что сие письмо Трубецкого есть самая та причина, по которой я получил повеление¹ // (л. 28 об.) приехать в Петербург и отдать отчет в моем поведении, и что сопряженное с тем письмом Пушкина, о котором я сам донес и на существование которого не было никаких доказательств, мое обвинение приемлет еще вящую важность. Так, я был приглашаем одним членом общества к приезду, а другой препоручил² меня известить о том, что должно произойти. Но что это доказывает? Мою важность или их заблуждение³?

Во-первых. В письме Пушкина сказано: «Покажи Орлову». Но этот самый Пушкин, препоручающий меня известить, был ли у меня при отъезде? Говорил ли со мною? Дал ли я ему или препоручение, или совет? Почему он знает образ моих мыслей? Какую могу я ему принести пользу? На что он считал? На содействие мое в Москве, но какие там были у меня средства? На прибытие мое в Петербург; но он сам сего не требует? Сии строки тем более должны были меня удивить, что я и понятия о Пушкине никакого не имел, что я его никогда не видел, никогда с ним не говорил⁴.

Во-вторых. Письмо от 12 декабря, и там сказано, что они готовы к действию и что 1000 солдат обольщены. Следственно, и само действие началось гораздо прежде. Зачем же, ежели я член их союза и сотрудник в преступлениях, зачем прежде меня ни о чем не известили? Зачем не известили меня ни о цели, ни о средствах, а только приглашают к одному исполнению? Заговор делается, солдаты обольщаются, члены сочиняют манифесты, раздают заблаговременно // (л. 29) места и почести, соображают обстоятельства, назначают жертвы, а мне не дают ни малейшего известия. Отчего, ежели я действительно член их общества, отчего я не получил ни малейшего известия от 27⁵ ноября до 12⁵ декабря⁶?

В-третьих. Но письмо Трубецкого? Тот же самый ответ, что и на письмо Пушкина, с тем только прибавлением, что Трубецкой знал меня и мои правила и, следственно, не от неведения, но от умышленности хотел меня погубить. Одно из двух: или письмо было написано наобум, то есть: приедет — хорошо; не приедет и без него обойдемся; или с намерением мне отомстить за то, что в течение 4-х лет я совершенно от них отдалился. Пусть прикажут расспросить Свистунова, каким он был подвержен угрозам 13 декабря, в тот же день, как и мне послано письмо Трубецкого. Я сие обстоятельство случайно узнал, будучи уже под арестом, от московского обер-полицеймейстера⁷.

Другого разрешения сей несчастной для меня задачи дать не могу и признаюсь, что сие обстоятельство крепко бы меня огорчило и сокрушило бы сердце мое, ежели б я не вспомнил, что когда явился к его императорскому величеству, последнее письмо было уже известно государю и не возбранило ему принять меня отцом более, чем судьей⁸. // (л. 29 об.)

Часть четвертая.

Заключение

34. *Не имели ли члены сего общества связи с поляками?* Все, что знаю по сему предмету, объявлено в 22 пункте.

35. *Не имели ли связи с иностранными обществами?* Не знаю и не полагаю, разве чрез посредничество поляков. Я помню, что давно уже мне кто-то, только не член

¹ Две строки от начала абзаца подчеркнуты карандашом и отчеркнуты на полях.

² Слово «препоручил» вписано над строкой.

³ Девять строк от слов «приехать в Петербург и отдать...» отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁴ Двенадцать строк от начала абзаца отчеркнуты на полях карандашом и отмечены знаком «NB».

⁵ Дата подчеркнута карандашом.

⁶ Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

⁷ Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом. Последние шесть строк от слов «Пусть прикажут расспросить...» подчеркнуты карандашом и отмечены на полях знаком «NB».

⁸ Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB». Две последние строки от слов «и не возбранило ему принять...» подчеркнуты карандашом.

общества, сказывал, что будто его величество король прусский уведомлял покойного государя о переписке русских с итальянскими карбонариями и что сия переписка была перехвачена в Пруссии. Но я думаю, что это касается более до университета дерптского и студентов немецких, чем до сего общества. Более ничего не знаю¹.

36. Не имели ли связи с иностранными посланными? Совершенно не знаю ничего².

37. Не было ли связи с какими-либо важными лицами российского государства, кои могли им обещать деятельную подпору? Я с самого начала понял, что сие подозрение тяготит сердце его императорского величества и что все его старания должны быть приложены на открытие тех лиц, коих можно почитать первыми и опаснейшими бунтовщиками. Как подумать, по истине, что несколько молодых людей без славы, без известности, без средств денежных, без опытности были сами и начальниками, и орудием бунта. Что их никто не поддерживал, никто им не давал ни денег, ни советов, ни надежд? Но сколь сия мысль ни естественно приходит на разум, сколь ни чудесна решимость // (л. 30) их действовать без подкрепления и почти без всякой надежды, сколь ни желал бы истинно от всего сердца открыть тех, кои были или пружиною, или подпорою целого, должен сознаться, что никаких следов на то не нахожу, и вот мои причины. 1. Письмо Пущина ясно показывает, что членов не более 60, а солдат не более 1000, что сии последние спорят³ только о присяге одному или другому из великих князей. Сии средства суть весьма скудные, и едва ли кто-нибудь из высших лиц решился с ними вместе действовать с оными. 2. Но, может быть, он совсем о средствах и не спрашивал? Возможно ли принять таковое предположение, и какое будем иметь понятие о рассудке такового человека? Кто из них может решиться действовать по такой записке, какую мне писал Трубецкой в Москву? 3. По слухам, дошедшим до меня уже здесь или в Москве после происшествия, цель их была так ужасна, что, кажется, никто не мог решиться их поддерживать кроме их самих, посвятивших себя на таковые злодеяния. 4. Предположение общей волюности, распускание армии суть также меры, несогласные с малейшей искрой рассудка. Кто из отцов семейства, кто из государственных людей, кто из русских решится на сие, кроме тех, кои, несколько лет возбуждая свои страсти, довели, наконец, себя до политического сумасшествия? Судя по предприятию, по средствам, по намерениям, я уверен, что самые перехваченные их акты суть верх безумия, и кого можно подозревать, чтоб таковые дела были бы им поддержаны? 5. Наконец, возможно ли⁴ мне лично себе представить⁵, // (л. 30 об.), что употребляя все средства для моего обольщения, никто из них не признался мне, что они поддержаны сильною рукою? Я же, с моей стороны, даю честное слово, что такового признания, даже безымянного, не было⁶.

Все сие соединенное вместе доказывает мне очевидно, что они действовали отдельно от всякого внушения свыше и что ежели были у них какие-либо покровители, то сии взошли с ними в сношение весьма поздно, после 27 ноября и даже после 12 декабря, числа письма Пущина, в коем я не помню, чтоб одно слово о сем было сказано. Да и сие я говорю противно собственному моему уверению и уважая те, конечно, важные причины, кои побудили его императорское величество объявить мне о таковом его мнении. Как бы я счастлив был, ежели б я мог только раздрать сию завесу и дать одним словом спокойствие государю и отечеству⁷.

¹ Текст от начала пункта 34-го отчеркнут на полях карандашом и отмечен знаком «NB».

² Текст под пунктом 36 отчеркнут на полях карандашом.

³ Слово «спорят» вписано над строкой вместо зачеркнутого «знают».

⁴ Слово «ли» вписано над строкой.

⁵ Текст от начала пункта 37-го отчеркнут на полях карандашом.

⁶ Пять строк от слов «что употребляя все средства...» отчеркнуты на полях карандашом. Три строки от слов «Я же, с моей стороны...» подчеркнуты карандашом.

⁷ Текст от начала абзаца отчеркнут на полях карандашом. Тринадцать строк от слов «что они действовали отдельно...» подчеркнуты карандашом.

Я невинен. *Нет*; я не был членом общества. Чтоб доказать, что я действительно был таковым, конечно, для вашего правосудия должно иметь больше доказательств, нежели слова и ложные обвинения бунтовщиков. // (л. 31)

Но я ищу, государь, не только того, чтоб быть правым перед буквою закона, но и пред совестью вашею таким образом, чтоб ни малейшего подозрения на мои намерения, ни малейшего пятна на имени моем не осталось.

1. Кто меня принимал в общество? Те, коим препоручено было сие дело, сами скажут о своем неуспехе. Ежели я отказал дружбе, родству, честолюбию, на какие причины я мог согласиться? Но, говорят, это одна только игра слов; и у них никаких обрядов принятий не было, и все зависело от данного слова. Согласен. Но кому я слово сие дал? Пусть он назовется, и пусть приведут его на личную со мной ставку.

2. Но, может быть, и найдется такой дерзкий обманщик, который скажет, что он меня принял в общество, сего еще мало. Пусть известит, когда, в каком месте, кому о сем он объявил, от кого на сие получил позволение? Какие давал мне повеления и я их исполнял? Какие препоручил дела и я их обделывал? Куда посылал и я ездил? На каких съездах я присутствовал? О чем было говорено и какое было мое мнение? Тогда // (л. 31 об.) только доказано будет, что я действительно член общества, но я сего не боюсь.

3. Сходно ли с рассудком, чтоб я отказал место начальника и сделался простым членом? В тайных обществах, которых действие всегда сопряжено с личною опасностью, тот, который дает направление, имеет много выгод и ими жертвовать нелегко. Но я сие сделал из усердия. Положим, что глупо мое усердие было так велико, что я пренебрег выгодами начальства и ополчился рядовым членом. Но неужели после сего отвержения мое усердие вдруг прекратилось и не оставило следов? Неужели я также уже мало одарен природою, что они не дали мне сказать ни одного слова, ниже подать одного совета, ниже написать одной бумаги, ниже иметь малейшего влияния? Но положим еще и то, что я ни к¹ чему не способен по делам и по распоряжениям, другие следы ревности и усердия моего должны остаться. Я кого-либо принял в общество? Кого-либо познакомил с членами оного? Ежели и сего я не мог сделать, надобно признаться, что // (л. 32) никто кроме их² такого дурного понятия о мне еще не имел.

4. Но многие на меня ссылаются. Они могут ссылаться затем, чтоб запутать дело, вмешать в оное честных людей, прибавить себе благородства и важности, дать понять, что после их останутся мстители. Сия тактика небезызвестна во всех заговорах и тайных обществах.

5. Они могут также сделать таковое показание из одного мщения за то, что отказался от сообщничества. Кто может ручаться, что они между собою не сказали: «Орлов не хотел быть с нами, то он нас узнает и в успехе и в неудаче».

6. Нет ли тут обмана и не называли ли меня нарочно, чтоб умножить число членов в последнее время? Мое же несчастное и сомнительное положение придавало каждому их слову в сем смысле некоторую вероятность.

Все сии причины должно взвесить // (л. 32 об.) на весах правосудия, и тогда, сливвши все оные с описанными мною обстоятельствами, мой рассудок с сумасшествием их предприятия, всю жизнь добродетельного человека с злодейством их намерений, всякий судья, надеюсь, скажет: «*Нет*, Орлов не причастен к злодейству; *нет* он не член сего общества».

Государь, вы мне приказали сказать истину — вот она.

Вы мне позволили надеяться на вас, что вы будете сами моим защитником. Государь, надеюсь, на бога, на вас и на мою невинность.

Вашего императорского величества верноподданный
Михаил Орлов³ // (л. 33)

Сего 4 генваря 1826 года
г. С[анкт]-Петербург

¹ Слово «к» вписано над строкой.

² Слово «их» вписано над строкой.

³ Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно.

В высочайше утвержденный Тайный комитет.

Генерал-майора Орлова I-го

Дополнительное показание

Вследствие повеления оного Комитета от 9 генваря 1826 года честь имею донести:

1. Точно вспомнил, что капитан Муравьев говорил мне о намерении *кого-то* покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора; но говорил, не называя имени и утверждая, что всякая опасность прекратилась.

2. Что сие его объявление украшено было разными невероятными обстоятельствами, а именно: как будто общество вдруг и не ожидая того нашло *вне себя* человека (а не члена, так как показано в повелении Комитета), который из *личной ненависти* (а не по побуждению общества) хотел посягнуть на жизнь покойного государя; будто, узнавши сие, многие члены (коих также не называл) хотели с сим злодеем драться до смерти; будто другие намерены были сами // (л. 33 об.) донести о сем правительству; будто, наконец, всякое опасение миновалось, ибо взяты меры удалить сего злодея. Оставляю на разрешение оного Комитета, должен ли я был взять за истину объявление такового рода, не гласящее ни о имени, ни о звании злодея, сопряженное с невероятными обстоятельствами, упоминающее в одно время и о опасности и о прекращении опасности? И не мог ли я почесть все сие вымышленным единственно для того, чтоб доказать мне, что обстоятельства всякий день делаются смутнее и что пора мне взойти в общество и взять главное над оным управление? Я сему последнему² тем более поверил, что весь разговор клонился к обольщению меня.

3. Что ж касается до того, почему я о сем не объявил начальству и не взял никаких мер для предупреждения умышленного зла, то кончина его императорского величества преградила к оному всякий путь, и сия кончина не только всякое опасение во мне должна была унич// (л. 34)тожить³, но совершенно изгладила из памяти моей сие обстоятельство, которому я никогда не верил, так что, я вспомнил о нем только при получении повеления от Комитета. И вот почему я не объявил о сем в первом моем показании, ибо Комитет благоволил заметить, что я не имел никакой личной выгоды утаивать сего, а напротив, самопроизвольное показание облегчило бы мою участь.

4. Теперь, когда злодейское сие намерение кажется по показанию капитана Муравьева совершенно доказанным, я должен сознаться, что не прощаю себе мою недоверчивость к его словам; но тот, который знает, что ложь и обман для потрясения общего спокойствия суть одни из главнейших орудий всякого тайного общества, поймет легко мое пренебрежение к известиям, полученным от такового источника.

5. Сколь я сообразить могу, то человек, имевший сие злодейское намерение есть не кто иной, как Якубович, коего, хотя // (л. 34 об.) никогда не видел и не имел с ним ни малейшего сношения, знаю за человека, презиращего жизнь свою и готового оною жертвовать во всяком случае; но твердо стою в том, что Муравьев мне имени сказать не хотел, что и послужит вящим доказательством, что он сам членом общества меня не почитал, а говорил, напротив того, в одном намерении сими полудовериями пригласить меня к обществу.

Генерал-майор Орлов I-й⁴

Сего 10 генваря

1826 года

г. С[анкт]-Петербург // (л. 35)

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, помета карандашом: «Читано 11 генваря», чернилами: «Стр[аница] девятая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

² Слово «последнему» вписано над строкой.

³ Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] десятая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

⁴ Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно.

Дополнение к бумаге, поданной мною 10 генваря 1826 года в высочайше утвержденный тайный Комитет

Все обстоятельства, кои я описал в моей бумаге, совершенно справедливы, начиная с того, что и как мне говорил капитан Муравьев, и кончая с того, что сия часть нашего разговора совершенно изгладилась из памяти моей до получения повеления Комитета.

Как это ни странно, но это истина. Причины же другой придумать не могу как тому, что кончина его императорского величества вскоре последовала за сим разговором.

Но ежели б я вспомнил о сем при писании первого моего показания, то непременно бы объявил, ибо сие обстоятельство, как оно на первый взгляд и не кажется предосудительным, может при подробном рассмотрении обратиться в мою пользу. // (л. 35 об.)

Легко Комитету увериться, что все обстоятельства рассказаны справедливо, что посягавший на жизнь государя был вне общества, а что члены оного готовы были жертвовать собою для спасения оной. Так-то сии люди, зная, что ни сердце мое, ни совесть, ни руки не могут посягнуть на злодейство, старались представить себя в виде даже защитников более, чем возмутителей, и тем ослепить и обольстить меня.

С другой стороны, они уверяли, что негодование так велико, что не могут ни за что ручаться и извлекали отсюда необходимость иметь человека, который мог бы ими руководствовать.

Все сие, соединенное вместе, докажет Комитету, что в том положении, в коем я находился, я должен был быть ими повсеминутно обманутым и насчет их намерений и желаний, и насчет их повествований и рассказов. Также, что мне // (л. 36) ничего² другого не оставалось делать, как находиться в совершенном недоверии и как можно более и более отклоняться от их знакомства. Я то и делал, но к несчастию обстоятельства решили их на такие дела, кои ни я, ни кто не мог предвидеть.

Генерал-майор Орлов I-й³

Сего 10 генваря 1826 года
г. С[анкт]-Петербург
в 10 часов вечера // (л. 37)

В высочайше утвержденный тайный Комитет.
Генерал-майора Орлова I-го
Донесение

На повеление высочайше утвержденного тайного Комитета от 12 генваря 1826 года честь имею донести:

1. Где существует Тайное общество русских рыцарей, когда возымело свое начало и кем именно основано?

Такового общества не существует. Оно есть то же самое, о котором я в показании моем доносил, что имел намерение составить вместе с графом Мамоновым тайное общество, коего и цель там же определена; но что впоследствии сие намерение не состоялось и общество составлено не было.

2. Какая цель и намерение сего общества, какими средствами полагали достигнуть цели своей?

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы чернилами: «Стр[аница] тринадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

² Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] четырнадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

³ Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно. На обороте листа 36-го текст, написанный рукой М.Ф.Орлова: «В высочайше утвержденный тайный Комитет. Нужно. От г[енерал]-м[айора] О[рлова]».

⁴ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы карандашом: «Чит[ано] 13», чернилами: «Стр[аница] семнадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

Цель была двоякая, что и явствует из моего показания; сперва хотели противиться злу лихоимства в России, и в сем первом виде устав общества должен был быть представленным на утверждение его императорского величества; // (л. 37 об.) потом противопоставить русское тайное общество предполагаемым польским, и тогда уже на утверждение государя поступить не могло.

3. Кто именно члены сего общества?

Никто, ибо не возымело действия. Разве можно назвать членами Мамонова и меня, и еще Николая Тургенева, которому я о сем говорил в 1817 году, но который тогда нашел мысль сию неисполнительной.

4. С какими другими обществами оное имеет сношения?

Ни с какими; ибо не существует.

5. На каких правилах или законах общество составлено?

Сколько могу вспомнить, были составлены, или лучше сказать, начаты три градуса принятия, совершенно масонические, выбранные частию из *«Духовного рыцаря»**, а частию из статутів храмовничества обыкновенного. Сии три градуса имели некоторую постепенность и давали чувствовать, что тру// (л. 38)дами¹, повиновением и приверженностью неопит может со временем узнать цель сего ордена, что масонические предметы не входят в состав сих занятий и что масоны суть не что иное, как раскольники тамплиерства или ордена храмовников. Вот, сколько помню, все, что содержалось в сем проекте. Кроме сего был еще составлен устав, совершенно подобный уставу тамплиеров. Все, что у меня было по сему предмету, предано забвению и огню с 1818 года.

В заключение имею честь положительно уверить Комитет, что такового общества или Ордена русских рыцарей в России не существует. Ежели же предание оного осталось — это оттого, что когда меня приглашали в *Союз благоденствия***, я часто из одной отговорки утверждал, что принадлежу другому Обществу русских рыцарей.

Генерал-майор Орлов I-й²

Сего 13 генваря 1826 г[ода] // (л. 39)

* Сей *«Духовный рыцарь»* есть сочинение, кажется, Ивана Владимировича Лопухина. Он печатный и находится у всех книгопродавцов.

** Первое общество, коему я принадлежал, как следует из моего показания.

№ 12 (8)³

1826 года 2 марта от высочайше учрежденного Комитета г[осподину] генерал-майору Орлову вопросный пункт.

Генерал-майором князем Волконским в 1824 году сделана была печать председателя полевого аудиториата Волкова для того единственно, чтобы сделать вам личное одолжение доставлением вам сведений из дела, врученному ему, князю Волконскому, для доставления начальнику штаба 2-й армии Киселеву, которое заключало в себе окончание представлений об ответных пунктах, истребованных от вас по известному делу.

Высочайше учрежденный Комитет требует вашего на сем же⁴ вопросном пункте показания: когда, чрез кого и какие именно сведения по означенному делу доставил вам князь Волконский, в копиях или в подлиннике? // (л. 39 об.)

Честь имею донести Комитету, что по сему делу ничего совершенно не знаю, что князь Волконский мне никаких бумаг не сообщал и не знаю, по какому предмету он объявил сие Комитету.

Генерал-майор Михаил Орлов I-й⁵ // (л. 40)

¹ Вверху листа пометы чернилами: «Стр[аница] осьмнадцатая», «о[фицерская] к[вартира] у П[етровских] в[орот]».

² Показание написано М.Ф.Орловым собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «Читано 21 марта».

⁴ Слово «же» вписано над строкой.

⁵ Ответ написан М.Ф.Орловым собственноручно.

1826 года 21 марта от присутствия высочайше учрежденного Комитета г[осподину] генерал-майору Орлову вопросный пункт.

Полковник Митьков, между прочим, утвердительно говорит о слышанном от вас, что есть какая-то секта, в которой обвиняли покойного государя императора в нарушении религии и что из числа сей секты ушло несколько человек, а куда — неизвестно ему.

Комитет требует вашего на сем же показания:

- а) каким образом известно вам о существовании означенной секты?
- б) где именно и из каких людей состоит она?
- в) в чем именно заключается сия секта?
- г) в каком нарушении религии она порицала покойного государя?
- д) по какой причине, куда² и кто именно ушел из сей секты?

По приказанию Комитета честь имею довести, что по вопросам, данным мне, не могу ничего донести удовлетворительного, ибо я ничего подобного полковнику // (л. 40 об.) Митькову никогда не говорил и говорить не мог, ибо никакого следа к тому не имел³, совершенно ничего не зная ни о существовании подобной секты, ни о обвинениях в нарушении религии на покойного государя императора, ни о ушедших членах секты. В заключение осмеливаюсь донести Комитету, что показание господина полковника Митькова совершенно ложное и до меня не касается.

Генерал-майор Орлов I-й⁴

P.S. Чем более я о сем показании полковника Митькова рассуждаю, тем менее могу придумать, какие мои слова могли дать ему причину подозревать о существовании таковой секты, мне совершенно неизвестной, и, наконец, утвердительно могу уверить Комитет, что таковая секта не существует иначе, как в воображении господина Митькова.

Генерал-майор Орлов I-й⁴ // (л. 45)

№ 14 (11)

Показания на г[енерал]-м[айора] Орлова,

Во 2 показ[ании]
2 стр[аница]

А.Безстужев: что сей Орлов был главным членом первоначального общ[ества].

На 2 стр[анице] 1
показ[ания]

Свистунов слышал, что Трубецкой писал⁵ Орлову приехать в Петерб[ург] немедленно, войска, конечно, будут в неустойстве и нужно воспользоваться первым признаком оног⁶, Орлов принял в Москве в особой комнате Ипполита⁷ Муравьева, рассказавшего ему содержание письма, сожженного Свистуновым, и намерения общества⁸ причем⁹, одобряя, что письмо сожжено Свистуновым, ударил себя по голове, сказав, что даст письмо Раевскому.

Знал ген[ерала] Орлова сочленом. [1]823.

¹ Вверху листа карандашом поставлен крест, пометы карандашом: «Для очной ставки», чернилами: «Читано 23 марта».

² Слово «куда» написано вместо стертого слова.

³ Далее зачеркнуто одно слово.

⁴ Показания написаны М.Ф.Орловым собственноручно.

⁵ Слово «писал» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «говорил ему».

⁶ Далее зачеркнуто: «заемное письмо пришлет скоро».

⁷ Слова «в особой комнате Ипполита» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «Николая».

⁸ Слова «рассказавшего ему содержание письма, сожженного Свистуновым, и намерения общества» вписаны вставку на полях.

⁹ Слово «причем» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «в особую горницу».

- Во 2 пок[азании] на обор[оте] 14 стр[аницы] Рылеев слышал замечание Трубецкого насчет Орлова, Пестеля и Раевских.
- Во 2 пок[азании] на 4 стр[анице] Каховский: центр общ[ества] в Москве у г[енерал]-м[айора] Орлова.
- Во 2 пок[азании] 12 пу[нкта] Вадковский слышал от Граббе замечание о г[енерал]-м[айоре] Орлове и проч[ее].
- В 9 пу[нкте] в конце¹ Митькову говорил Орлов, что есть какие-то акты, в которых обвиняют покойного г[осударя] в нарушении религии и проч[ее].
- 2-го показ[ания] _____ принадлежит к различным показаниям².
- В 13 пу[нкте] 2-го показ[ания] _____ в доме Орлова Митьков познакомился с Якушкиным².
- Во 2 пок[азании] 2 стр[аница], 14 стр[аница], 18 стр[аница], 23 стр[аница], 10 [страница] Н. Муравьев: был членом управы с принятием в Москве, переговаривался с Пестелем о взаимных пособиях и заступил место старейшины, имел распоряжения в общ[естве]. Муравьев рассказал все обстоятельства о Якубовиче. Был членом Южного общ[ества], и Северным вновь не принят. // (л. 45 об.)
- Краснокутский на 8-й Называет его членом.
- Палицын Что покровительствовал обществу.
- Поливанов Называет его членом.
- Трубецкой — 19 Что писал ему письмо, прося приехать для останова действия.
- 13 Что генерал-майор Орлов³ был при съезде членов в Москве в 1823 году.
- На об[ороте] 15 Что г[енерал]-м[айор] Орлов после сего съезда вовсе удалился от общества.
- 25 Что Орлов удалился вовсе от общества, что Бестужев ему сказывал, что можно⁴ его противопоставить силе Пестеля, но по⁵ слабости характера и нерешительности увидели, что он к тому не склонен.
- Чернышев Что он член.
- Пуцин Что слышал от Муханова, что Орлов принадлежит к обществу.
- Комаров — 14 Что Орлов в совещании, происходившем у Фон-Визина в 1821 противился предложению разделить общество на 3 разряда: 1-й — неизвестных, 2-й — исполнительный и 3-й — нововводимых.
- 17 Орлов прислал после сего письмо, коим отрекался от общества.
- Полковник Называет его членом.
- Фон-Визин, 1-я
- Генер[ал]-м[айор] Фон-Визин — 1 Что был в совещании, бывшем у него в доме в 1821 году.

¹ Слова «в конце» вписаны над строкой.

² Так в подлиннике.

³ Слово «Орлов» вписано над строкой.

⁴ Слова «Бестужев ему сказывал, что можно» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова «кажется».

⁵ Слово «по» вписано над строкой вместо зачеркнутых слов «видя его».

На об[ороте]

Что передано им Орлову письмо, писанное Пушиным к Семенову от 11 декабря, заключающее принятое намерение обществом воспользоваться случаем и не присягать для исполнения своей цели. Письмо сие Орловым сожжено. // (л. 46)

Продолжение показаний на г[енерал]-м[айора] Орлова.

Муханов
на 7 стр[анице]

Что видал г[енерал]-м[айора] Орлова в Киеве, но ни слова об обществе не говорили.

Что члены общества Орлова не любили.

А. Муравьев
3 пок[азание]
на обор[оте]
2 стр[аницы]

Что Орлов имел свое общество, когда Муравьев предложил ему вступить в составленное им, Муравьевым, и после решились друг другу не препятствовать, идя к одной цели, и оказывать себе взаимные пособия.

Штейнгель
1 показ[ание]

Что Пущин и Семенов сказывали ему, что Орлов принадлежит к их тайне и разделяет их намерения.

Нарышкин
2 пок[азание]
3 пу[нкт]

Что Орлов принадлежит к обществу.

Якушкин
6 пу[нкт]
— 13

Что Орлов был на одном из совещаний 1821 года, на котором ему предложили вступить в общество, но он отказался.

Что Орлов знал существование общества после сделанного постановления объявить некоторым членам об уничтожении оного.

Оболенский
на 15

Что Орлов был член общества¹, но отстал до первого разрушения оного. // (л. 46 об.)

Пестель на 31

Генерал-майор Орлов сказывал ему об обществе под названием русских рыцарей, коего членом был граф Мамонов.

Трубецкой на 70
и обор[оте] и 74

Подробно описывает содержание письма, посланного к Орлову чрез Свистунова и некоторые мысли о генер[ал]-м[айоре] Орлове. // (л. 47)

№ 15 (12)

Показания о разговоре Муханова

(в деле Муханова)
показ[ания]
Якушкина
на 26 стр[анице]

а) в квартире генерал-майора Орлова

Что с обнаружением высочайшего манифеста пришло известие в Москву о происшествии 14 декабря. В этот день Якушкин поехал к генерал-майору Орлову, чтоб узнать об оном подробнее. При нем приехал туда Муханов, который рассказывал сие происшествие со всеми подробностями и с определением главных лиц, в оном действовавших. По окончании рассказа он прибавил, что ужасно, если они все погибнут, и что он знает человека, который, чтобы помешать сему готов убить «его». Орлов не сказал на сие ни слова, но взял его за ухо и подрал.

Пок[азание]
ген[ерал]-м[айо-
ра] Орлова

Что ему неизвестно, был ли Муханов член или нет, а 19 или 20 числа он зашел к нему на одну только минуту и был в большом отчаянии и, так сказать, исступлении. Муханов² точно сказал, что все те, которые захвачены, погибнут, но прибавил ли // (л. 47 об.) он или нет что-либо дру-

¹ Слово «общества» вписано над строкой.

² Слово «Муханов» вписано над строкой вместо зачеркнутого «Он».

гое, не помнит. Орлов прервал его речь, сказав: «*Полно, братец, врать, чему быть, тому не миновать*». Что же касается до слов его¹, что знает человека, готового посягнуть на жизнь его императорского величества, то сего совершенно не слышал, и никого более², кроме Якушкина, не было³.

Показ[ание]
Муханова

Что прибыв к Орлову и едва войдя в комнату, как он спросил его: «Слышал ли ты что-нибудь о происшествии 14 декабря?» Муханов, видя незнакомого человека, отвечал, что о происшествии сем говорить неблагоприятно по слухам, до получения верных сведений. Орлов, заметя, что он опасается свидетеля, спросил, знает ли он Якушкина, и на слова его, что никогда не видывал, отвечал: «Вот он! При нем можно говорить!» Тогда Муханов рассказал все, что слышал в доме одной родственницы своей. Орлов оуждал неблагоприятие сего дела и вместе с Якушкиным соболезновал о заточенных в крепость, и между разговором, с обеих сторон весьма горячем и выразительном «*Они погибли!* — сказал Муханов, — их ничто не спасет // (л. 48) кроме смерти государя, и многие наши знакомые погибли вследствие сего происшествия» (намекая на Давыдова, Волконского). «Надобно ждать подробностей, — сказал один из них, — может быть, иные спаслись, увидим, что будет». «Видел ли ты кого-нибудь из членов находящихся здесь, что они говорят?» — спросил Орлов и на ответ его, что нет, спросил: «Неужели ты не знаешь Фон-Визина, Митькова?» Тогда Якушкин сказал, что он едет к Митькову и пригласил и его с собою. // (л. 49)

№ 16 (13)

Генерал-майор Орлов

На подлинной докладной записке означенная следующая высочайшая резолюция за подписью барона Дибича: «Продержав еще месяц под арестом, и в первом приказе отставить от службы с тем, чтобы впредь никуда не определять. По окончании же срока ареста отправить в деревню, где и жить безвыездно; местному начальству иметь за ним бдительный тайный надзор».

Орлов по примеру *Трубецкого* намеревался учредить тайное общество для сопротивления лихоимству и другим беспорядкам. Между тем, как он занимался составлением устава, Александр Муравьев в 1817 году объявил ему, что подобное общество уже существует и приглашал его вступить в оное; однако он тогда на сие не согласился.

Во время пребывания его в Киеве начальником штаба 4-го корпуса он более, нежели когда-либо, был привержен свободным мыслям, особенно потому, что речь покойного государя на первом сейме польском возбудила в нем и рвение, // (л. 49 об.) и упование. Сей дух свободомыслия, управляющий всею его перепискою и всеми его речами, поддерживал доверенность общества, которому он, хотя еще и не принадлежал, но уже знал о действиях в оном и переменах.

В 1820 году в проезд Орлова чрез Тульчин, в июле или августе, Фон-Визин, Пестель и Юшневский убедили его вступить в Союз благоденствия, говоря, что, зная все их тайны и имена многих, невеликодушно не разделять их опасности. По вступлении в оное особенного поручения или занятия никакого не получил и во все время способствовал к принятию только одного члена Василия Давыдова. // (л. 50)

¹ Далее зачеркнуто одно слово.

² Слово «более» вписано над строкой вместо зачеркнутого «еще».

³ Слева на полях помета карандашом: «NB. В вопросах Орлову не было помещено то, что он драл за ухо Муханова». Далее текст стерт.

В 1821 году Орлов находился на совещаниях о преобразовании общества; там совершенно от всего отказался, объявляя, что более членом быть не хочет. Вскоре он отправился в Киев, куда приехал Бурцов, а потом Охотников, и сообщили ему, что общество разрушилось.

Общество возродилось в 1823 году; Орлову предлагали к оному присоединиться; но как все настояния остались безуспешны, то ему и не открыто никаких тайн. Встречи его с членами сделались редки и то публичные, а, наконец, мало-помалу и совсем прекратились.

Весь 1824 год Орлов был избавлен от их преследований; // (л. 50 об.) но в начале 1825 года Бестужев-Рюмин сказал: «Я сейчас виделся с некоторыми поляками и открыл с ними сношения». Орлов, прервав речь его, отвечал: «Вы сделали вздор и разрушили последнюю нить нашего знакомства. Вы не русские — прощайте!»

Наконец, Орлов излагает причины, по коим он не донес о существовании тайного общества: 1. Он полагал, что правительству должно быть о сем известно. 2. Тайн их он не знал, не предполагал, чтобы они готовились к действию, и был уверен, что при жизни покойного императора они ничего предпринять не могли. 3. С другой стороны, думал, что чад переворотных // (л. 51) их мыслей также рассеется, как и филантропические порывы первого¹ общества. 4. В 1823 году, когда государь осматривал 2-ю армию, он просил чрез начальника штаба позволения представиться к государю и, ежели бы удостоился благосклонного приема его императорского величества, то не вытерпел бы известить его о существовании тайного общества. Но, к несчастью, на приезд его соизволения не последовало. 5. После сего ему оставалось только молчать, особенно чувствуя отвращение от доносов и опасаясь, чтобы поступка сего не отнесли к личным выгодам.

Приехавши в Москву около сентября 1825 года, Орлов вел // (л. 51 об.) жизнь уединенную, занимался сочинением, которое намерен был представить правительству и которое докажет, что правила его далеки от всякого мятежнического покушения. В октябре посетил его Никита Муравьев, который сообщил ему о намерении Якубовича посягнуть на жизнь покойного императора. 17 декабря приезжал к нему вечером Михаил Фон-Визин и привозил письмо Пущина от 12 декабря, которое велено показать Орлову и которое, пробежав, он тотчас сжег. Оно содержало извещение о том, что предпринимают, а не приглашение к содействию. 19 или 20-го поутру вдруг явился к Орлову Ипполит Муравьев и сказал, // (л. 52), что он привозил письмо от Трубецкого, который приглашал его в С[анкт]-Петербург; но письмо Муравьевым разорвано и сожжено. Орлов заключает, что письма сии или писаны наобум, то есть, придет — хорошо, а не придет — и без него обойдется, или с намерением отомстить ему за то, что он в течение 4 лет совершенно от них удалился.

Признание Орлова подтверждается показаниями, о нем сделанными. Трубецкой же насчет письма его к Орлову говорит, что решился вызывать его в С[анкт]-Петербург в том предположении, что образ мыслей его, столь гласный прежде, не изменился, почему, хотя он теперь ни во что // (л. 52 об.) не вмешивается и от всех обществ отстал, однако в случае надобности на него надеяться можно.

Против показания Якушкина, что штабс-капитан Муханов говорил в Москве у генерал-майора Орлова после происшествия 14 декабря, что взятых под арест возмутителей ничто не спасет, кроме смерти государя, и что он знает человека, который готов убить его; причем Орлов подрал его, Муханова, за ухо; Орлов отвечал, что Муханов 19 или 20 декабря действительно заезжал к нему и был в большом отчаянии и, так сказать, исступлении. Он точно сказал, что все те, которые взяты, погибнут, но прибавил ли // (л. 53), что другое, не помнит. Орлов же, прервав речь Муханова, сказал ему: «Полно, братец, врать, чему быть, того не миновать»; и в ту минуту вышел из комнаты по вызову его человека. Что касается до слов Муханова, будто он знает человека, готового посягнуть на жизнь императора, то сего совершенно не слышал. Муханов также не сознался, чтобы говорил сие; а Якушкин пояснил, наконец, что Муханов в словах был весьма не-воздержан.

¹ Слово «первого» вписано над строкой.

Справка из доклада аудиторiatского департамента о бывшем командире 16-й пехотной дивизии генерал-майоре Орлове 1-м

Аудиторiatский департамент находит виновным генерал-майора Орлова 1-го в том, что он, не удостоверясь в поведении майора Раевского, поручил ему в управление юнкерскую школу, потом, // (л. 53 об.) заметив в нем пылкие выражения и услышав о поступках Раевского во время командования им в полку ротую, не удалил его от юнкеров и, не приступя к секретному о том исследованию, оставил его по-прежнему начальни-

ком школы, при коей находясь, он до самого ареста внушал юнкерам вредные правила; сверх того он, Орлов, приказами по дивизии объявляя покровительство свое нижним чинам противу частных начальников их, велел читать сии приказы в ротах, чем ослаблена не только власть тех начальников, но и самая воинская дисциплина. А как по сему же поводу произошли все неурядица в 16-й дивизии // (л. 54) и даже сделан нижними чинами Камчатского пехотного полка весьма нетерпимый буйственный поступок, коим Орлов при инспекторском смотре осмелился объявить прощение, не имея на сие права, то аудиторiatский департамент полагает: отставя его, Орлова, от службы, впредь никуда не определять и не позволять ему выезжать из того места, где избрет жительство.

Содержится в крепости с 28 декабря.

Верно: надворный советник Ивановский // (л. 55)

№ 17 (14)

3 января 1827¹

Флигель-адъютант полковник Адлерберг, свидетельствуя совершенное почтение его превосходительству Адаму Ивановичу, покорнейше просит уведомить, в какой губернии находится деревня, в которой назначено местопребывание отставленному от службы генерал-майору Михайле Орлову по высочайшему повелению, объявленному г[осподином] военным министром г[осподину] дежурному генералу в отношении от 16 июня прошлого года № 817.

Верно: 8 класса Карасевский // (л. 56)

№ 18 (15)²

Правитель канцелярии дежурного генерала Главного штаба его императорского величества имеет честь уведомить флигель-адъютанта господина полковника Адлерберга на записку его от 3-го сего месяца, что вследствие высочайшей воли, последовавшей насчет генерал-майора Михайлы Орлова, избрал он местопребывание в имении своем Калужской губернии Масальского уезда в селе Милятине с тем, что, если увидит, что здоровье жены или детей его может повредиться по неудобству тамошнего климата, то намерен переменить свое местопребывание. Посему 27 июля прошедшего года писано к нему по // (л. 56 об.) высочайшему повелению от дежурного генерала, чтоб в случае перемены им, Орловым, местопребывания своего, доносил он прямо г[осподину] начальнику Главного штаба его величества.

Правитель канцелярии Наинский

4 января 1827³

1 Дата написана слева на полях.

2 Вверху листа помета чернилами: «Секретно», внизу листа: «№ 7-й».

3 Дата написана внизу листа 56.

Имя видного члена Союза благоденствия генерал-майора Михаила Федоровича Орлова прозвучало на первом заседании Следственного комитета 17 декабря 1825 г. при чтении доклада И.И.Дибича от 4 декабря того же года «О существовании и распространении в войске зловредного общества и принятых первоначальных мерах к открытию их замыслов». Дибич со ссылкой на сообщение И.О.Витта указывал, что в числе членов тайного общества состоит М.Ф.Орлов⁸. Комитет предложил Николаю I арестовать Орлова и «привезть сюда под присмотром». 18 декабря была получена царская резолюция: «Взять под арест, оставя покуда в Москве»⁹. 19 декабря последовал приказ московскому

¹ Минувшие годы. 1908. № 10. С. 93—94.

² Русская старина. 1889. № 7. С. 118.

³ Декабристы. Биографический справочник. С. 244.

⁴ Там же. С. 304; Минувшие годы. 1908. № 10. С. 94.

⁵ ГАРФ. Ф. 48. Д. 43. Л. 12.

⁶ Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. I. СПб, 1903. С. 448.

⁷ Каторга и ссылка. 1926. № 2(23). С. 129—132.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 27; Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. I. С. 238.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 27—28.

военному генерал-губернатору: М.Ф.Орлова арестовать «и содержать, не допуская никого иметь с ним ни малейшего сношения». Бумаги Орлова приказано было привезти Николаю I «в собственные руки»¹. 21 декабря в 7 часов вечера Орлов был арестован в Москве (док. № 3/0) и вскоре отправлен в Петербург. «Я жду Михаила Орлова и Лопухина, — писал 23 декабря Николай Константинович, — которые уже должны быть арестованы»². 28 декабря Орлов был доставлен к Николаю I и после допроса помещен в Петропавловскую крепость в «арестантский покой № 12» Алексеевского рavelина согласно приказу царя: «Присылаемого при сем генерал-майора Орлова посадить в Алексеевский рavelин, выведя Горского или кого другого и содержа хорошо»³. 29 декабря последовало царское разрешение на первое свидание М.Орлова с братом Алексеем⁴. Затем эти встречи стали регулярными. 30 декабря Николай вновь писал коменданту Петропавловской крепости: «Генерал-майору Орлову дать видиться с братом Алексеем и перевести на офицерскую квартиру, дав свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочет, но не выходя из крепости»⁵. В тот же день после свидания с братом Орлова перевели в «офицерскую» плац-адъютантскую квартиру у Петровских ворот Петропавловской крепости, где он содержался до конца следствия⁶. Взятые при аресте Орлова его бумаги, после рассмотрения 31 декабря в Комитете (в них «ничего, относящегося к делу не оказалось»), были в январе 1826 г. отданы Алексею Орлову⁷. Впоследствии М.Орлову было разрешено писать родным⁸.

Следственное дело М.Ф.Орлова заметно выделяется среди других личных дел декабристов. Это объясняется исключительной ролью Орлова в тайном обществе, а также особенностями расследования о нем в Комитете. Выписка из показаний членов тайного общества об Орлове (док. № 14/11) далеко не полна, но и она дает представление о том обилии материала, касавшегося Орлова, который отложился у следователей. Вместе с тем эти сведения как бы «оторваны» от самого следственного дела. Оно в основном состоит из писем Орлова Николаю I и отдельных его показаний. В Комитет Орлов не вызывался, вопросов получал крайне мало. Следы расследования его участия в тайном обществе остались разбросанными в делах других декабристов.

Первые свои показания Орлов дал, находясь еще под арестом в Москве, 22 декабря 1825 г. В письме к Николаю I он оправдывался и доказывал свою непричастность к любым тайным обществам (док. № 3/0). Одновременно Орлов обратился к московскому генерал-губернатору Д.В.Голицыну, прося его переправить письмо царю и ходатайствовать перед Николаем за него⁹. Голицын выполнил его просьбу¹⁰. «Объяснение» Орлова зачитали в Комитете 26 декабря и постановили «иметь в виду при допросах»¹¹.

К 28 декабря — дню доставки Орлова в Петербург Комитетом были получены первые показания членов тайных обществ, касавшиеся этого видного участника движения. 18 декабря его имя прозвучало в ответах П.Г.Каховского, который считал, что один из центров общества находится в Москве у Орлова. При выяснении этого вопроса на заседании Комитета 25 декабря Каховский сослался на слова К.Ф.Рылеева¹². 23 декабря С.П.Трубецкой и П.Н.Свистунов одновременно сообщили о важном факте, который в дальнейшем стал одним из пунктов обвинения Орлова. Речь шла о письме Трубецкого к Орлову от 13 декабря 1825 г., отправленного со Свиштуновым. Трубецкой, по словам Свиштунова, извещал Орлова о готовящемся восстании и просил, чтоб он ускорил «своим приездом». Сам же Трубецкой показывал, что послал письмо Орлову с просьбой приехать, «чтоб остановить» подготовку восстания. Письмо до Орлова не дошло, оно

¹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 62.

² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.—Л., 1926. С. 168.

³ Там же. С. 169; ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 64; Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 270.

⁴ Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 270.

⁵ Там же.

⁶ ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 65, 66; Д. 28. Л. 78, 95.

⁷ ВД. Т. XVI. С. 48; ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 67 об.; Д. 293. Л. 3.

⁸ ВД. Т. XIV. С. 113.

⁹ Красный архив. 1925. № 6/13. С. 151—155.

¹⁰ Там же. С. 155.

¹¹ ВД. Т. XVI. С. 36.

¹² ВД. Т. I. С. 340, 342.

было уничтожено Свистуновым в Москве при получении известия о поражении восстания. Однако Орлову содержание документа было тотчас передано устно и он одобрил уничтожение документа¹. Получив эти сведения, Комитет потребовал подробностей от Трубецкого 25 декабря и от Свистунова 29 декабря. Свистунов по требованию Комитета полностью изложил содержание письма к Орлову, он также отметил, что слышал об участии Орлова в тайном обществе. Трубецкой же к своим ответам от 25 декабря присовокупил сведения, полученные им от С.Г.Волконского. По словам последнего, Орлов лишь внешне отошел от тайного общества, но образ мыслей его «насчет превосходства конституционного правления и желание его, чтоб оно было когда-либо введено, не переменились»². 24 декабря при допросе Рыльева стало известно, что он предполагал использовать авторитет Орлова против влияния Пестеля во 2-й армии. Имелось также показание А.А.Бестужева об участии Орлова в ранних тайных обществах³. В пространном показании Комарова от 27 декабря сообщалось о выходе Орлова после 1821 г. из тайного общества⁴.

Допрос Орлова Николаем I, состоявшийся, как отмечалось выше, 28 декабря в день приезда Орлова в столицу, показателен для начала следствия по делу декабристов. В это время царь как никогда использовал присущие ему лицемерие и актерские способности, стремясь добиться максимум сведений о тайном обществе. Однако попытка царя «дружеским» обращением с Орловым как со «старым товарищем» получить сведения о тайной организации не увенчалась успехом. «Он слушал меня с язвительной улыбкой, — вспоминал Николай, — как бы насмехаясь надо мной, и отвечал, что ничего не знает, ибо никакого заговора не знал, не слышал и потому к нему принадлежать не мог... Все это было сказано с насмешливым тоном и выражением человека, слишком высоко стоящего, чтоб иначе отвечать как из снисхождения»⁵. Поведение Орлова крайне задело царя, он требовал назвать имена членов тайного общества. Однако, как писал Орлов в следующем послании, в нем «проснулся невольный ужас перед подобным доносительством» (док. № 4/0). Допрос продолжался более двух часов⁶ и кончился безрезультатно. «Главная ошибка Михаила, — писал из Петербурга А.Н.Раевский сестре Е.Н.Орловой, — та, что он нехорошо вел себя с императором, не отвечал как следовало на его дружеские увещания; он оскорбил его лично»⁷. Можно согласиться с современным исследователем, отметившим, что в позднейших записках царя присутствовала личная неприязнь к Орлову, сохранившаяся с 1825 г. Николай I не простил ему своего поражения на следствии⁸.

29 декабря после встречи с братом М.Орлов направил Николаю I два послания. В первом — небольшом — он извинялся за свое поведение при допросе и просил новой встречи с царем без свидетелей (док. № 4/0). Второе письмо — это пространная записка с изложением истории тайного общества. От брата Алексея Орлов узнал о первых материалах против него, поступивших в Комитет. Поэтому Орлову пришлось постепенно отказаться от прежней тактики полного отрицания и коснуться ряда сторон истории тайного общества и своего в нем участия. Он крайне осторожно писал о Союзе благоденствия и последующих тайных обществах, полностью скрыл их программы и главные факты истории. Из имен членов тайного общества он упомянул только несколько, подчеркнув свою слабую осведомленность. Тем не менее Орлов был вынужден признать свое участие в Союзе благоденствия, из которого он вышел, по его словам, в 1821 г. в Москве. Однако о Московском съезде 1821 г. и своих предложениях он полностью умолчал. Орлов отметил, что его несколько раз приглашали вступить в тайные общества, созданные после 1821 г., но он отвечал отказом.

В заключении записки Орлову пришлось коснуться также щекотливых вопросов о письмах Трубецкого и Пущина о готовящемся восстании, направленных к московским членам и в том числе к нему, Орлову. Это были крайне опасные для Орлова факты,

1 ВД. Т. I. С. 16, 19; Т. XIV. С. 332—334.

2 ВД. Т. I. С. 39—41; Т. XIV. С. 338—340.

3 ВД. Т. I. С. 164, 431.

4 Наст. том. Д. 213 (Н.И.Комарова). Док. № 2/1.

5 Междуцарствие... С. 34; См. также: Гершензон М.О. История молодой России. М.—Пг., 1923. С. 57.

6 К истории восстания 14 декабря 1825 г. Из дневника флигель-адъютанта Н.Д.Дурново // Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Вып. III. М., 1939. С. 17.

7 Гершензон М.О. Указ. соч. С. 58.

8 Боровой С.Я. М.Ф.Орлов и его литературное наследие // Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 299.

показывавшие степень его близости с членами тайного общества. Письма также свидетельствовали о надеждах членов Северного общества на участие Орлова в выступлении. Комитет к этому времени, как показано выше, имел сведения лишь о письме Трубецкого; но Алексей Орлов, информировав брата о степени осведомленности следователей, вероятно, точно не знал все подробности. Поэтому М.Ф.Орлов первым среди арестованных декабристов дал показания и о письме Пушкина, кратко изложив его основное содержание и отметив, что письмо было им сожжено (док. № 5/1).

При чтении записки Орлова в заседании 30 декабря Комитет отреагировал резко отрицательно: «как в объяснении сем не видно ни признательности, ни чистосердечия и объяснения его неудовлетворительны и запутаны противоречиями, его обвиняющими, то испросить высочайшего его императорского величества соизволения, дабы запрещены были всякие сношения с генерал-майором Орловым»¹. На следующий день поступила резолюция Николая: «Кроме с братом его Алексеем» (док. № 6/2)². Тогда же царь поручил А.Х.Бенкендорфу снять допрос с Орлова и разрешил это «сделать наедине»³. Вероятно, именно Бенкендорф доставил обратно Орлову его записку от 29 декабря, неудовлетворившую Комитет, с вопросами на полях.

В последующие дни Орлов готовил новую более пространную записку, а прежнюю 2 января отослал в Комитет (док. № 7/3)⁴. 4 января вторая записка была закончена. В ней получили развитие основные положения, содержащиеся в первом оправдательном документе Орлова. Впервые он сообщил, что способствовал принятию в общество В.Л.Давыдова, а также признался в своих контактах с М.П.Бестужевым-Рюминым в 1825 г. по вопросу отношений с польским тайным обществом. В заключении записки Орлов ответил на ряд вопросов, которые особенно интересовали следователей и были, по-видимому, четко сформулированы Бенкендорфом при посещении заключенного (в деле имеются лишь тексты вопросов, написанные рукой Орлова перед каждым ответом). Вопросы касались связей членов тайных обществ с иностранными подобными организациями, «иностранными посланными», а также с «важными лицами Российского государства». На эти вопросы Орлов дал уклончивые ответы, стремясь показать свою неосведомленность. В целом вторая записка, хотя и отличалась пространностью, многословными обещаниями полной откровенности, но почти не содержала новых сведений по сравнению с первой (док. № 8/4). Комитет вновь нашел показание Орлова «не полным и не удовлетворительным» и распорядился потребовать от него дополнений «по сделанным в присутствии замечаниям»⁵.

В дальнейшем следствие по делу Орлова шло в основном по следующим направлениям:

1. Продолжали выясняться обстоятельства, связанные с письмами Пушкина и Трубецкого, что являлось элементом общего дознания о деятельности Орлова в Москве после 14 декабря 1825 г.

2. К этому же кругу вопросов относилось расследование об осведомленности Орлова о планах царевубийства П.А.Муханова и о встречах его с Мухановым в декабре 1825 г.

3. Среди проектов покушения на жизнь членов царствующей семьи, что, как известно, особенно привлекало внимание следователей, выяснялся вопрос, знал ли Орлов о плане царевубийства А.И.Якубовича 1825 г.

4. Велось дознание о замыслах братьев Поджио, В.Н.Лихарева и В.Л.Давыдова осуществить царевубийство в декабре 1825 г. и привлечь к своим замыслам Орлова, поручив ему командование гвардией.

8 января 1826 г. Никита Муравьев, делая «Историческое обозрение хода общества», признался, что в 1825 г. ознакомил Орлова с намерением Якубовича убить Александра I. На следующий день Орлов получил запрос Комитета и 10 января представил два показания, в которых пытался объяснить, почему он не сообщил властям о готовящемся покушении (док. № 9/5, 10/6). Николай I, информируя 11 января Константина о намерении Якубовича, подчеркнул: «И Орлов это знал!»⁶

¹ ВД. Т. XVI. С. 42.

² ВД. Т. XVI. С. 43.

³ Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 270.

⁴ Сопроводительное письмо при возвращаемой записке Орлов адресовал не Левашову (как указано в публикации П.Попова — «Красный архив». 1925. № 6/13. С. 168), а Бенкендорфу. Это следует из приводимых выше материалов, свидетельствующих о том, что связь с Орловым Комитет поддерживал через Бенкендорфа.

⁵ ВД. Т. XVI. С. 53 (заседание 9 января 1826 г.).

⁶ Междоусобице... С. 180.

12 января Комитет направил Орлову серию вопросов об «Ордене русских рыцарей». О существовании организации под таким названием следователи узнали из показаний Пестеля от начала января 1826 г., где он сообщил, что слышал об указанном тайном обществе от Орлова¹. Последний, отвечая на вопросы Комитета, стремился убедить следователей, что подобного общества не существовало, а лишь был план его создания (док. № 11/7). При чтении показаний Орлова Комитет 13 января постановил: «Иметь в виду, не откроется ли... каких-либо дальнейших пояснений»². Спрошенный в тот же день Пестель подтвердил, со ссылкой на слова Орлова, свое прежнее показание об «Ордене русских рыцарей» и указал, что существовала «печатная книжечка об обществе», которую он сам не читал³. Впоследствии — 6 февраля 1826 г. — С.И.Муравьев-Апостол твердо указал на Орлова как на основателя тайного общества, возникшего почти одновременно с Союзом спасения, имея в виду, без сомнения, «Орден русских рыцарей»⁴. Аналогичный ответ дал А.Н.Муравьев⁵.

Большое внимание уделяли следователи выяснению деятельности Орлова в Москве после получения там известия о восстании 14 декабря. Узнав в конце декабря от Орлова о письме Пущина к московским членам, Комитет продолжал расследовать подробности, связанные с этим документом. Из показаний М.А.Фонвизина от 12 января 1826 г., а также М.М.Нарышкина и М.Ф.Митькова от 21 и 24 января выяснилось, что письмо было адресовано С.М.Семенову. Фонвизин также указал, что Семенов просил его показать письмо Орлову, который после прочтения его уничтожил⁶. На основании этих показаний Фонвизин вновь был спрошен в конце января о содержании письма; тогда же ему был задан вопрос: «С каким намерением вы передали его [письмо] Орлову, какого был о том мнения сей последний и где девалось это письмо?» Фонвизин вновь кратко ответил, что письмо после прочтения было сожжено Орловым и разговоров с ним по содержанию документа не было⁷. Показание И.И.Пущина от 14 марта о письме сведений, касавшихся Орлова, не содержало⁸. Последним по письму Пущина был спрошен 2 апреля С.М.Семенов. Следователей интересовал тот же вопрос: «По какому поводу и с каким намерением вы отдали оное для доставления генерал-майору Орлову?» В ответе Семенов подчеркнул, что письмо хотели показать Орлову как человеку «принимавшему участие в делах общества»⁹. Это свидетельство могло стать в руках следователей сильным аргументом против позиции Орлова.

15 февраля Комитет допросил Трубецкого о его письме к Орлову. Следователей интересовали вопросы, почему Трубецкой сделал именно Орлову «столь опасное предложение» приехать в Петербург к моменту восстания, почему он был уверен в согласии Орлова, на чем основывал свою уверенность в большой власти Орлова и его способности повлиять на ход восстания. Трубецкой дал весьма знаменательные показания. Он, по его словам полагал, что Орлов «по каким-нибудь причинам только притаился, но образа мыслей своего не переменял». Трубецкой «приметил» также расположение к Орлову «главных членах общества, ибо Пущин очень настаивал, чтоб к нему написать и Рылеев изъявлял желание»¹⁰.

В феврале началось расследование плана царевубийства Муханова, предложенного им в декабре 1825 г. Из показаний Митькова (4 февраля) и И.Д.Якушкина (24 февраля) выяснилось, что в декабре 1825 г. Муханов дважды вызывался убить Николая I для спасения арестованных петербургских членов. Происходило это первый раз на квартире Орлова и в его присутствии¹¹. Как показывал Якушкин, Орлов, в ответ на предложение Муханова якобы молча «взял его за ухо и поцеловал» (док. № 15/12)¹². Таким образом Якушкин в показаниях сознательно приписал Орлову осуждение пред-

¹ ВД. Т. IV. С. 83.

² ВД. Т. XVI. С. 59.

³ ВД. Т. IV. С. 98, 118.

⁴ ВД. Т. IV. С. 273.

⁵ ВД. Т. III. С. 13, 16.

⁶ ВД. Т. XIV. С. 408; Т. III. С. 64, 200.

⁷ ВД. Т. III. С. 70, 75.

⁸ ВД. Т. II. С. 217.

⁹ ВД. Т. XVIII. С. 184, 191.

¹⁰ ВД. Т. I. С. 56, 59.

¹¹ ВД. Т. III. С. 148, 152.

¹² В действительности Орлов выразил одобрение плану Муханова. «Услышав этот вызов, — вспоминал Якушкин впоследствии, — М.Орлов взял его за ухо и поцеловал за такое намерение в лоб» (Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 131, 147—148).

ложения Муханова, чему, как показывают материалы следствия, Комитет поверил или сделал вид, что поверил. 2 и 3 марта были допрошены основные участники разговоров, состоявшихся 19 декабря 1825 г. у Орлова и Митькова. Получил вопросы 2 марта и Орлов. Он отказался подтвердить, что был участником разговора о цареубийстве, сославшись на плохую память (док. № 15/12)¹. Муханов был непосредственно спрошен: «По какому поводу вы сделали генерал-майору Орлову столь опасное предложение и на чем основана была уверенность ваша, что он не изменит доверенности вашей?»² Пространный ответ Муханова не давал материала против Орлова, он подчеркивал случайный характер разговора, его повышенную эмоциональность. Муханов отметил лишь, что Орлов вместе с Якушкиным «соболезновал о заточенных в крепость» (док. № 15/12). «Если даже я имел предполагаемую мысль, — показывал Муханов, — то какое содействие мог я ожидать от Орлова без службы, без солдат, без связи и в гонении»³. Комитет расследовал проект покушения Муханова длительное время, и 2 апреля при допросе Муханов вновь был спрошен об участии в разговоре Орлова. Он повторил, что «ни генерал Орлов, ни господин Якушкин ничего возмутительного и противузаконного не говорили»⁴.

Другим объектом расследования, связанного с именем Орлова, стал один из тех проектов выступления, которые стихийно возникали среди членов тайного общества в декабре 1825 г. 10 февраля 1826 г. И.В.Поджио впервые рассказал о разговоре, состоявшемся между ним, его братом Александром, Лихаревым и Давыдовым при получении известия об аресте Пестеля. Речь шла о предложенном А.В.Поджио плане покушения на царя. Обязательным условием успеха А.Поджио считал участие М.Орлова и принятие им в командование гвардии⁵. Допрошенные 16 февраля остальные участники разговора подтвердили показание И.Поджио⁶. Его брат Александр присовокупил, что предложил Орлова, «зная родство и связи его дружественные со многими из членов и прежние его сношения с благоденствием»⁷. Отметим, что эти сведения, весьма красноречиво свидетельствующие о сохранении авторитета Орлова в тайном обществе, совершенно не отражены в его следственном деле; они не вошли ни в свод показаний о нем, ни в записку А.Д.Боровкова.

В те же февральские дни Комитет получил некоторые новые сведения, относившиеся к Орлову. Стало известно, что в 1824 г. С.Г.Волконским была сделана печать для вскрытия бумаг, касавшихся исхода дела Орлова после отстранения его от командования 16-й дивизией⁸. Волконский «сознался, — зафиксировано в журналах заседаний Следственного комитета от 18 февраля, — что сделал себе фальшивую печать генерал-аудитора 2-й армии с тем, чтобы мог, распечатывая посылаемые от него бумаги, услужить генерал-майору Михайле Орлову уведомлением о ходе дела его». Комитет принял решение «спросить самого Орлова»⁹. Тот в ответе на присланный ему 2 марта вопрос «объявил, что князь Сергей Волконский никогда ему никаких сведений не сообщал»¹⁰ (док. № 12/8). Однако 9 марта Волконский признался, что о результатах вскрытия одного документа он сообщил Орлову. Тот, как показывал Волконский, «был даже недоволен, что я в виде оказать ему услугу решился на такое дело»¹¹.

Действия Орлова в период командования им 16-й дивизии также интересовали следователей, так как Комитету было ясно, что «все сии дела [события 1822 г. в 16-й дивизии] имеют связь с существовавшим во 2-й армии секретным обществом»¹². Представленный от аудиториатского департамента Главного штаба на царскую конфирмацию доклад об Орлове был в январе 1826 г. направлен в Комитет и принят им во внимание¹³. В связи с этим А.Г.Непенин — командир 32-го егерского полка 16-й дивизии

¹ ВД. Т. XVI. С. 119. Ответы Орлова на вопросы от 2 марта 1826 г. см. в следственном деле П.А.Муханова (ВД. Т. III. С. 155—156).

² ВД. Т. III. С. 156.

³ ВД. Т. III. С. 157—159.

⁴ ВД. Т. III. С. 167.

⁵ ВД. Т. XII. С. 172.

⁶ ВД. Т. XX. С. 208, 211; Т. XI. С. 56, 60; Т. XII. С. 93, 95.

⁷ ВД. Т. XI. С. 60.

⁸ ВД. Т. X. С. 144; Т. XII. С. 177.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 106.

¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 119.

¹¹ ВД. Т. X. С. 151.

¹² ГАРФ. Ф. 48. Д. 272. Л. 1 об.

¹³ Там же.

и В.Ф.Раевский — майор того же полка получили 2 февраля вопросы о деятельности Орлова. «Во время нахождения вашего в 16-й дивизии, которою командовал генерал-майор Орлов (известный член тайного общества), — спрашивали Непенина, — какие именно заметили вы действия его (в духе общества), служившие поводом к ослаблению военной дисциплины в нижних чинах и к другим беспорядкам?» Ответ Непенина мало мог удовлетворить Комитет, ибо он дал лишь скудные показания о том, что было хорошо известно — запрещении Орлова «солдат наказывать, палками особенно...»¹ Запрос Комитета Раевскому о действиях Орлова в духе тайного общества был связан с вопросом о пропагандистской деятельности самого Раевского в юнкерской школе 16-й дивизии. Раевский, не признававший себя виновным в течение всего следствия по его делу, не дал положительного ответа, подчеркнув, что он «ни от кого не получал наставлений о распространении вольных мыслей между юнкерами»².

Одним из второстепенных моментов следствия по делу Орлова было выяснение вопроса о существовании секты, обвинявшей Александра I в нарушении религии. Сообщивший об этом 24 января 1826 г. Митьков сослался на слова Орлова, он же подтвердил свое показание 25 апреля, указав подробности разговора на эту тему между ним и Орловым³. Орлов 21 марта категорически отказался подтвердить показание Митькова. Он заявил, что «ничего подобного никогда не говорил и что такая секта существует только в воображении г[осподина] Митькова»⁴. Отголоски следствия по этому вопросу имеются также в деле И.И.Пушина⁵ (док. № 13/9).

Многочисленные упоминания об Орлове в делах других членов тайных обществ сведены в традиционную для следственных дел декабристов выписку или свод из показаний, которая, как отмечалось выше, не отличается полнотой (док. № 14/11).

Исход дела М.Ф.Орлова целиком определялся заступничеством его брата А.Ф.Орлова, ближайшего советника Николая I, активного участника подавления восстания 14 декабря. Следы его влияния на следствие по делу М.Ф.Орлова очевидны: содержание Орлова в лучших по сравнению с другими заключенными условиях, разрешение встреч с братом и другими родственниками, позволение Орлову вести переписку с родными, отсутствие вызовов Орлова в Следственный комитет, очных ставок с подследственными декабристами. А.Орлов информировал брата о ходе следствия, иногда ему, по-видимому, удавалось даже изменять в лучшую для брата сторону показания членов тайного общества⁶. Несмотря на ненависть Николая I к Михаилу Орлову, Алексей неоднократно обращался к нему с просьбами о смягчении участи брата. 6 июня 1826 г. он письменно просил об этом царя⁷, но решил, вероятно, судьбу декабриста разговоров, состоявшийся между А.Орловым и Николаем, когда они направлялись в церковь⁸. Донесение Следственной комиссии было в целом благоприятно для Орлова.

15 июня 1826 г. последовало «высочайшее повеление» в виде резолюции на докладной записке о М.Орлове: «Продержав еще месяц под арестом, и в первом приказе отставить от службы с тем, чтобы впредь никуда не определять. По окончании же срока ареста отправить в деревню, где и жить безвыездно; местному начальству иметь за ним бдительный надзор»⁹ (док. № 16/13). В записку о М.Орлове вошла также справка из доклада о нем аудиторiatского департамента в связи с «неустойчивости в 16-й дивизии». 16 июня был дан приказ об отставке Орлова. На следующий день зачитывалась резолюция Николая I на докладной записке о М.Орлове¹⁰. Это был последний день заседаний Следственной комиссии (комитета).

Распоряжение Николая I о месячном аресте Орлова было им же отменено. Так, уже 16 июня Орлов с фельдгегерем был вывезен из Петропавловской крепости¹¹. После кратковременного пребывания в Москве Орлов в июле того же года выехал с семьей в свое имение с. Милятино Масальского уезда Калужской губернии, где находился под

¹ Наст. том. Д. 96 (А.Г.Непенина). Док. № 5/4, 6/5.

² Наст. том. Д. 149 (В.Ф.Раевского). Док. № 8/8, 9/9.

³ ВД. Т. III. С. 201, 205, 208.

⁴ ВД. Т. XVI. С. 140.

⁵ ВД. Т. II. С. 223, 227.

⁶ Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 148; Волконская М.Н. Записки. Л., 1924. С. 36; Гершензон М.О. Указ. соч. С. 58—61, 71—73.

⁷ ГАРФ. Ф. 48. Д. 463. Л. 85—86.

⁸ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 103.

⁹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 40. Л. 4—10.

¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 221.

¹¹ Декабристы. Биографический справочник. С. 135—136.

тайным надзором¹. Местному гражданскому губернатору приказано было ежемесячно доносить о поведении Орлова². Впоследствии, 12 мая 1831 г. Орлов получил разрешение переехать в Москву, где также находился под секретным наблюдением.

Относительно «мягкое» наказание, понесенное Орловым, вызвало недоумение вел. кн. Константина. 14 июня 1826 г. он писал Николаю: «Одно меня удивляет... — это поведение Орлова и то, что он как-то вышел сух из воды и остался непреданным суду»³. Тот же Константин спустя несколько месяцев, на коронации Николая I в Москве заявил А.Ф.Орлову: «А жаль, что твоего брата не повесили!»⁴

Помимо указанных выше документов в следственное дело М.Ф.Орлова входят: его послужной список (док. № 2/10) и переписка 1827 г. между В.Ф.Адлербергом и канцелярией дежурного генерала Главного штаба о местопребывании Орлова (док. № 17/14, 18/15).

Следственное дело М.Ф.Орлова в своей значительной части издавалось ранее⁵. Документы № 1, 2/10, 12/8, 13/9, 14/11 публикуются впервые. Следует отметить, что документы № 4/0, 5/1, 7/3 публиковались ранее не в оригинале, а в весьма несовершенном переводе с французского языка. В настоящем издании перевод тщательно выверен.

Следственное дело М.Ф.Орлова хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 83. По современной нумерации в деле 58 листов, заполненных текстом. Сохранилась также нумерация чиновника Следственного комитета А.И.Карасевского, сделанная при формировании дела. Он учел 55 листов. Листы документов № 1, 3/0, 4/0 не были им пронумерованы.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания М.Ф.Орлова по разным вопросам, не вошедшие в состав дела № 83.

1. Дело № 200 (А.М.Исленьева), л. 6—6 об. (показание от 24 января 1826 г.).
2. Дело № 191 (И.П.Липранди), л. 2 (показание от 12 февраля 1826 г.).
3. Дело № 356 (П.А.Муханова), л. 30 об. — 31 (показание от 2 марта 1826 г.); см.: Восстание декабристов. Т. III. М.—Л., 1927. С. 155—156.
4. Дело № 303, л. 131 (показание от апреля 1826 г.).
5. Дело № 5 «О совещании Коренной думы в 1820 году и о членах Коренного совета Союза благоденствия», л. 27 (показание от 11 мая 1826 г.); см.: Наст. том. С. 31.
6. Дело № 106 (П.Х.Граббе), л. 6 (показание без даты); см.: Наст. том. С. 233.

БУРЦОВ

полковник, бывший командир
Украинского пехотного полка

На 26 листах

№ 1

О П И С Ь

делу о полковнике Бурцове

Число бумаг	Страницы в деле
1. Начальный допрос, снятый с Бурцова [господином] генерал-адъютантом Левашовым	1—2
2. Вопросы и ответы полковника Бурцова, данные в Тульчине 19 декабря 1825	3—6
3. Вопросные пункты от Комитета полков[нику] Бурцову 15 генваря	7—10
4. Ответы его, Бурцова	11—18
5. Вопрос Комитета Бурцову 17 генваря	19
6. Ответ его	20
7. Выписка из письменных ответов полков[ника] Бурцова	21—22 ²
8. Копия с записки о Бурцове с означением высочайшей резолюции	23—26
	26

Надворный советник Ивановский // (л. 5)

¹ Вверху листа помета карандашом «95». Число исправлено с «96».² В подлиннике ошибочно: «22—22».

От командира Украинского пехотного полка г[осподина] полковника Бурцова требуется точное и ясное объяснение о нижеследующем²:

1) Не принадлежали ли вы когда-нибудь к какому ученому, гласному или тайному обществу, где и под каким наименованием оное существовало?

2) В чем заключалась цель сего общества, какие были занятия членов его при общих и частных // (л. 5 об.) собраниях, по каким причинам и когда вы уклонились от одного?

3) Со времени нахождения вашего во 2-й армии было ли вам известно о составившемся // (л. 6) тайном обществе, не участвовали ли в оном сами и знали ли как имена членов, так и цель его? А если сами вы в таком обществе не участвовали, то не заметили ли вы о его существовании из разговоров и поступков сослуживцев ваших?

На 1-е. В течение целой жизни моей не принадлежал я ни к какому тайному обществу, ниже к масонскому, что я и объявил при отобрании подписки в силу высочайшего указа, состоявшегося в 1822 году. К гласному же обществу принадлежал я с 1815-го до 1819 года в звании действительного члена: оное именовалось Обществом *военных наук*, составлено было при Гвардейском Генеральном штабе бывшим начальником одного штаба г[осподином] генерал-адъютантом Сипягиным и удостоилось получить высочайшее утверждение.

На 2-е. Цель сего общества состояла в образовании молодых офицеров предпочтительно в военных науках, но причем поставляемо было в похвалу // (л. 5 об.) приобретение и прочих знаний. На каковой предмет и была учреждена библиотека, в коей кроме военных сочинений содержались и другие, а к чтению оных приглашаемы были все гвардейские офицеры. В то же время общее стремление к снисканию сведений весьма много было усилено объявленной в газетах речью государя императора произнесенною в г. Варшаве при собрании сейма Царства Польского, в коей изложено было высочайшее намерение распространить со временем и на Россию подобное образование гражданского управления. Сие важное явление возбудило в членах военного общества рвение сделаться полезными правительству в достижении цели оного, а для сего надлежало обогатить себя всеми сведениями, кои бы могли быть употребленными в исполнении общественных // (л. 6) обязанностей. При сих же обстоятельствах сделалось известным сочинение г[осподина] Грибовского, сколько я могу припомнить, касательно освобождения крестьян, напечатанное в небольшом числе экземпляров (и как слышно было) удостоившееся высочайшего внимания государя императора; равномерно дарованная свобода крестьянам в Лифляндии — все сии соединенные причины явственно представляли виды правительства и заставляли стараться по мере сил каждого приобретать политические знания и распространять понятия о благодетельных намерениях его величества. Смело могу сказать, что я готов был в точном смысле сделаться орудием правительства; а посему подобно многим гвардейским офицерам в свободные часы от // (л. 6 об.) службы я посещал профессоров Германа, Галича, Куницына, преподававших лекции о политических науках, и всемерно старался приобретать таковые знания. От сего общего стремления могло случиться, что иногда невольно вырывались суждения о делах государственных, коих существа и важности я не мог

¹ Вверху листа помета чернилами: «№ 2».

² Три первые строки на полях отчеркнуты карандашом.

4) Не были ли вы посланы от членов общества, здесь // (л. 6 об.) находящегося, депутатом в Москву к тамошним членам оного для объяснений, в чем оные состояли, к кому именно обращались вы с тем поручением и не было ли там сделано вам предложений, которые вами отвергнуты и были причиной вашего отклонения? // (л. 7)

5) Одни ли вы или с кем другим из членов ездили туда в качестве депутатов?

6) По возвращении вашим из Москвы было ли в Тульчине заседание членов помянутого общества и один из них (наименуйте его) говорил ли речь, в которой объяснив причины преобразования Общества благоденствия в либеральное, заключил, что если кто из тогдашних членов // (л. 7 об.) на себя не надеется, тот может новое общество оставить?

7) Не воспользовались ли вы каким предложением для отклонения себя от общества и кто еще из членов в одно с вами время удалился от оного? // (л. 8)

8) Кого из членов сего общества заметили вы сами (или слышали) наиболее действующими и имеющими влияние на умы других?

Призыв ваш и данное объяснение сохранить в строгой тайне.

достаточно постигать. Тот, кто бы наблюдал меня в сие время, мог действительно причесть к числу людей, посвятивших себя какой-либо политической цели, но таковое направление умов продолжалось незначительное время и вскоре каждый мог заметить, что оное обращало на себя неблаговоление правительства. Убедившись в том, я решился удалением из Петербурга прекратить все прежние занятия // (л. 7) и, предавшись единственно военной службе в армии, посвятить себя исполнению воли начальства. Назначение г[осподина] генерал-майора Киселева начальником главного штаба 2-й армии, доставило мне случай исполнить мое желание.

На 3-ье. Со времени поступления моего во 2-ю армию, деятельная служба составляла предмет всех моих помышлений. Удостоившись внимания начальства, я посвящал все свое время единственно исполнению приказаний оного. С сей минуты не только служба, но и самая моя [жизнь] под непосредственным надзором г[осподина] начальника главного штаба, и я прибегаю к смелости сослаться на свидетельство как его превосходительства, так и его сиятельства // (л. 7 об.) господина главнокомандующего, от коего также удостоивался получать неоднократно поручения: ознаменовал ли я себя каким-либо поступком, суждением, даже самою мыслию, которые бы показали во мне скрытые замыслы, противные правительству? Безусловная покорность к моим начальникам, беспредельная преданность к государю руководили мною на пути службы и доставляли от щедрот монарха все те награды, коих я не успел еще заслужить в полной мере, но, конечно, обладал полною к тому готовностью и рвением. Получив по доверию начальства в командование полк, я в управлении оным неотложно следовал правил благоразумной строгости к подчиненным и покорности к старшим, в чем // (л. 8) снова ссылаюсь на всех г[оспод] начальников, в ведении коих ныне состою.

Поступки сильнее нежели слова могут объяснить характер и образ мыслей человека, а равно и отвергнуть те сомнения, коим и невинный подвергается действием клеветы.

Таким образом я объявляю, что как я сам не участвовал ни в каком тайном обществе, так и не мог знать никого из членов оного, удаляясь всемерно от всякого прикосновения к суждениям вольнодумцев. Присем, однако, почитаю за долг не умолчать и о самомалейшем случае, который мог бы остаться на моей ответственности. Проезжая в 1820-м году чрез Смоленскую губернию, в какой был в то время ужасный голод, я участвовал в одной подписке в пользу несчастных жителей, и которая, как я слышал, обратила на себя неблаговоление правительства. // (л. 8 об.)

Генерал-адъютант Чернышев
Генерал-адъютант Киселев
Декабря 19-го дня 1825 г.¹

¹ Подписи А.И.Чернышева и П.Д.Киселева и дата на полях отчеркнуты карандашом.

На 4-е. Согласно вышепредставленным объяснениям, не мог я быть послан в Москву в виде депутата, но в течение всего времени я два раза был в Москве: первый раз в 1820-м году по приказанию г[осподина] начальника главного штаба приезжал к генерал-майору Нейдгарту для узнания правил жалонеров и боевых порядков; а во второй раз в 1824 году по случаю недавней женитьбы моей ездил в отпуск к родственникам и был в Москве по тяжбному делу, о коем и утруждал просьбою его императорское величество.

На 5-е. В вышеприведенном объяснении показал я, что в первый раз ездил в Москву один, а во второй — с моею женою.

На 6-е, 7-е и 8-е. Ничего более не могу сказать, ибо в 1-м пункте объявил уже, что ни в каком тайном обществе не находился.

Все вопросы, предложенные мне, как равно и призов сей обязываюсь я хранить в совершенной тайне. Все же объявленное мною готов подтвердить под присягою.

Командир Украинского пехотного полка полковник Бурцов¹ // (л. 3)

Декабря 19-го дня
1825-го

М.Тульчин

№ 3 (1)²

№ 124

Украинского пехотного полка коман[дир] Бурцов

Принадлежите ли вы обществу тайному и какое в оном брали участие?

В конце 1818 или в начале 1819 предложили мне в Петербурге к[нязь] Трубецкой, Муравьев и Пестель взойти в тайное общество. После многих объяснений, удостоверивших, что цель общества не заключала в себе ничего противозаконного, я согласился на вступление в оное. В сие время членами общества были г[оспо]да Муравьев³, двое Калошиных³, двое Шиповых³, Абаленский³, Пущин³, Нарышкин³, Кавелин³ и многие другие, которых не упомяну. В начале 1819 году, назначен был адъютантом [к] ген[ерал]-адъ[ютанту] Киселеву, я оставил Петербург и поехал в Тул[ь]чин. Здесь нашел из членов Пестеля³ и⁴ Комарова³, с коими был в сношении. В 1820 году присоединились Юшневский³, Ивашев³ (адъ[ютант] граф[а] Витг[енштейна]), Барятинский³ и двое Крюковых³. В 1821 году, видя, что общество приняло совершенно другое направление, я желал от оного отстать или содействовать даже к его разрушению. Я был в Москве, где воспользовавшись разномнением всех членов, на совещании у Фон Визена³ я предложил о разрушении общества, что и было принято большею частию. С сим известием // (л. 3 об.) возвратился я в Тульчин, где в полном собрании тамошних членов объявил оное. Пестель тогда объявил⁵, что Московское общество не вправе было оное разрушить и что он со своей стороны намерен продолжать и надеется на содействие прочих. После сего сношения мои⁶ как с Пестелем, так и с другими⁷ членами по делам общества совершенно прекратились, и с тех пор видел, что они действия свои от меня скрывали. По сей⁸ скрытности утвердительно не знал, что общество продолжается, но подозревал, что оное суще-

¹ Показания написаны И.Г.Бурцовым собственноручно. Ответы скреплены внизу его подписью: 1-й ответ: «Командир», 2-й — «Украинского», 3-й — «пехотного», 5-й — «полка», 6-й, 7-й, 8-й — «полковник Бурцов».

² Вверху листа помета карандашом: «В Петр[опавловскую] крепость».

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Слово «и» вписано над строкой.

⁵ Первоначально было: «сказал».

⁶ Далее зачеркнуто: «совершенно».

⁷ Далее зачеркнуто одно слово.

⁸ Далее зачеркнуто: «же».

ствуется, по слухам, доходившим насчет собраний в Каменке у Давыдовых¹ и в Киеве на контрактах. С тех пор мне совершенно сделалось все неизвестно. Я не знал ни действий их, ни сообщений с прочими² отраслями, ни занятий³ на новое устройство в государстве, о чем утвердительно ничего не могу сказать. Признаюсь виновным, что все вышесказанное // (л. 4) умолчал ген[ерал]-адъ[ютанту] Чернышеву, но сие единственно⁴ опасаясь вовлечь невинных в ответственность⁵ за действия давно прошедшие.

Командир полка полковник Бурцов⁶

Ежели я чего теперь не показал, то готов оное исполнить по первому востребованию⁷.

Генерал-адъютант Левашов // (л. 9)

№ 4 (3)⁸

1826 года генваря 15 дня в присутствии высочайше учрежденного следственного Комитета командир Украинского пехотного полка полковник *Бурцов* спрашиван в дополнение прежних его показаний.

В начальных ответах, данных в Тульчине 19 декабря 1825 года, вы решительно отреклись, что в течение целой жизни вашей не принадлежали ни к какому тайному обществу, ниже к масонскому, а были только действительным членом общества *военных наук*, существовавшего с 1815 до 1819 года при штабе Гвардейского корпуса, и удалились от оного коль скоро приметили, что занятия членов его обратили на себя неблаговоление правительства; в допросе же, отобранном здесь, хотя вы и сознаетесь, что еще с конца 1818 или в начале 1819 года по предложению Пестеля, князя Трубецкого и Сергея Муравьева вы вступили в тайное общество и оставались членом оного на юге до 1821 года; но или выпускаете // (л. 9 об.) известные вам обстоятельства, или недостаточно объясняете оные.

И потому Комитет требует от вас откровенных и сколь можно ясных показаний о нижеследующем:

1

Кто были членами того тайного общества в Петербурге, в которое вы начально вступили, кроме лиц, наименованных вами в первом допросе, какие были цели его, т[о] е[сть] *объявленная* всем членам и *сокровенная*, только некоторым известная, в чем состояли главнейшие занятия членов и под каким названием общество сие существовало?

2

По прибытии вашем в Тульчин в 1819 году, где нашли двух сочленов своих Пестеля и Комарова, вы ли и Пестель были основателями общества на юге, и в каком точно значении или духе?

Кто были члены оного, как начально принятые, так и вступившие впоследствии? И вы ли приняли в сие общество // (л. 10) генерал-интенданта 2-й армии Юшневского?

3

При объявленном вами в 1821 году по возвращении из Москвы уничтожении Союза благоденствия, кто именно из членов вместе с Пестелем решились не пре-

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Далее зачеркнуто: «об».

3 Далее зачеркнуто: «их».

4 Далее зачеркнуто: «убоясь».

5 Далее зачеркнуто «за», ошибочно написанное дважды.

6 Показания подписаны И.Г.Бурцовым собственноручно.

7 Приписка сделана И.Г.Бурцовым собственноручно.

8 Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 16 генв[аря]».

ствует, по слухам, доходившим насчет собраний в Каменке у Давыдовых¹ и в Киселе на контрактах. С тех пор мне совершенно сделалось все неизвестно. Я не знал ни действий их, ни сообщений с прочими² отраслями, ни занятий³ на новое устройство в государстве, о чем утвердительно ничего не могу сказать. Признаюсь виновным, что все вышесказанное // (л. 4) умолчал ген[ерал]-адъ[ютанту] Чернышеву, но сие единственно⁴ опасаясь вовлечь невинных в ответственность⁵ за действия давно прошедшие.

Командир полка полковник Бурцов⁶

Ежели я чего теперь не показал, то готов оное исполнить по первому востребованию⁷.

Генерал-адъютант Левашов // (л. 9)

№ 4 (3)⁸

1826 года генваря 15 дня в присутствии высочайше учрежденного следственного Комитета командир Украинского пехотного полка полковник Бурцов спрашиван в дополнение прежних его показаний.

В начальных ответах, данных в Тульчине 19 декабря 1825 года, вы решительно отреклись, что в течение целой жизни вашей не принадлежали ни к какому тайному обществу, ниже к масонскому, а были только действительным членом общества военных наук, существовавшего с 1815 до 1819 года при штабе Гвардейского корпуса, и удалились от оного коль скоро приметили, что занятия членов его обратили на себя неблаговоление правительства; в допросе же, отобранном здесь, хотя вы и сознаетесь, что еще с конца 1818 или в начале 1819 года по предложению Пестеля, князя Трубецкого и Сергея Муравьева вы вступили в тайное общество и оставались членом оного на юге до 1821 года; но или выпускаете // (л. 9 об.) известные вам обстоятельства, или недостаточно объясняете оные.

И потому Комитет требует от вас откровенных и сколь можно ясных показаний о нижеследующем:

1

Кто были членами того тайного общества в Петербурге, в которое вы начально вступили, кроме лиц, наименованных вами в первом допросе, какие были цели его, т[о] е[сть] объявленная всем членам и сокровенная, только некоторым известная, в чем состояли главнейшие занятия членов и под каким названием общество сие существовало?

2

По прибытии вашем в Тульчин в 1819 году, где нашли двух сочленов своих Пестеля и Комарова, вы ли и Пестель были основателями общества на юге, и в каком точно значении или духе?

Кто были члены оного, как начально принятые, так и вступившие впоследствии? И вы ли приняли в сие общество // (л. 10) генерал-интенданта 2-й армии Юшневского?

3

При объявленном вами в 1821 году по возвращении из Москвы уничтожении Союза благоденствия, кто именно из членов вместе с Пестелем решились не пре-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Далее зачеркнуто: «об».

³ Далее зачеркнуто: «их».

⁴ Далее зачеркнуто: «убоясь».

⁵ Далее зачеркнуто «за», ошибочно написанное дважды.

⁶ Показания подписаны И.Г.Бурцовым собственноручно.

⁷ Приписка сделана И.Г.Бурцовым собственноручно.

⁸ Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 16 генв[аря]».

кращать своих действий и учредили свою управу? Говорили ли при сем случае: Юшневский об опасности такого предприятия, а Пестель и Аврамов о пользе и необходимости исполнения оного, заключив из них последний, что если бы и все члены отстали, то общество будет существовать в нем одном?

4

Кто из членов наиболее стремился к исполнению сих намерений общества советами, сочинениями и влиянием на других? // (л. 10 об.)

5

Какие средства и надежды имело Южное общество к достижению цели его, т[о] е[сть] на какие именно войска и почему всего более полагалось, и кого из высших лиц в государственной службе почитало своими покровителями или потому, что знали о существовании его, или по правилам и образцу мыслей подавали надежду на содействие?

6

Читали ли вы конституцию, написанную Пестелем под именем «Русской Правды», равно составленные обществом две прокламации к народу и к войскам и ложный «Катехизис»; и не упомяните ли // (л. 11), в чем заключались главные черты оных?

7

Какого рода, когда и чрез какие лица Южное общество имело сношения с Северным?

8

Какие тайные общества существуют еще в России и Малороссии, где находятся их управы или думы и отделения, кто в них начальствует, какая цель каждого их тех обществ и кто суть известные члены оных?

9

Какие и где существуют общества собственно в Польше, о ком из членов имели вы сведения, кто из них приезжал в Бердичев и на киевские контракты для переговоров с Южным обществом, кто со стороны сего последнего производил оные и в чем состояли взаимные условия? // (л. 11 об.)

10

Не слышали ли вы чего от Пестеля или от кого другого о том, что польские общества находятся в сношениях с тайными обществами в Германии, Италии, Франции и других европейских государствах; а Южное имеет сношение с французскими обществами и что для сего поехал во Францию граф Полиньяк?

11

Комитет имеет в виду достоверные показания, что вы взяли скрытно и сожгли список членам тайного общества, упавший со стола при пересмотре в главном штабе 2-й армии бумаг, найденных 32-го егерского полка у майора Раевского.

Поясните: каким образом сие происходило и чьи имена значились в истребленном вами списке?

Впрочем, присовокупите здесь с тою же искренностью все, что вам // (л. 12) известно касательно тайных обществ и лиц, к оным принадлежащих. // (л. 13).

№ 5 (4)

На вопросы, мне предложенные от высочайше учрежденного следственного Комитета по чистой совести и по духовному увещанию имею счастье представить все известные мне обстоятельства существовавшего в России тайного общества под названием *Союза благоденствия* и то, что знаю о других обществах. В ответах, данных мною начально в Тульчине 19 декабря 1825 года, я не сознался в том, что находился некогда в Союзе благоденствия как по опрометчивости, с каковою принял я столь

важное дело, так и по вкоренившемся от воспитания и общежития предрассудку, чтобы не вводить в ответственность людей, кои давно отстали от своих прежних занятий и сделались безвредными: наиболее я потому сие учинил, что правительству известны уже были все подробности дела, и я уверен был, что виновные не избегнут наказаний. Неосновательность мою я сам признаю существенною виною; но ныне стараюсь изгладить оную чистейшим раскаянием и показанием.

Союз благоденствия учрежден был в Москве¹ во время пребывания там гвардии в 1818 году. Мне предложено было в оный вступить по возвращении гвардии в конце того же года к[нязем] Сер[геем] Трубецким², Никитою Муравьевым² и, сколько припомню, уговаривал к тому и Пестель².

На 1-е.

Не помню ясно, кто назван мною из членов в первом показании, я помяну обо всех мне // (л. 13 об.) известных. Членами общества в Петербурге были кн[язья] Сер[гей] и Петр Трубецкие, Ник[олай] Тургенев, к[нязь] Долгорукий, Шиповы, Кавелин, Лунин, Муравьевы: Александр, Михайло, Никита, Сергей и Матвей, Колошины, Семенов (л[ейб]-г[вардии] егерского полка), Семенов (секретарь мос[ковского] генер[ал]-губер[натора]), к[нязь] Оболенский, Пушкин, Вальховский, Нарышкин (л[ейб]-г[вардии] Москов[ского]), Скалон, Оленин старший, Римский-Корсаков, Горсткий, к[нязь] Голицын (л[ейб]-г[вардии] Преобр[аженского]), Полторацкий (л[ейб]-г[вардии] Изм[айловского]), Бригген, Глинка, Грибовский, Охотников (адъютант к[нязя] Трубецкого), Воейков (л[ейб]-г[вардии] Москов[ского]), один офицер, перешедший из егерского полка майором в Орловский полк³, Корф (л[ейб]-г[вардии] егерского). Также почитались принадлежащими обществу генералы: к[нязь] Лопухин, Мих[аил] Орлов и профессор Воейков, и полковник Бакунин⁴, коих я лично не знал. Прочих же членов не упомяну, но готов утвердительно или отрицательно сказать, если мне назовут чье-либо имя.

Объявленная цель союза была распространение просвещения, благотворительности и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренять пороки, невежество и злоупотребления. Сокровенная цель понимаема была не совершенно одинаково, ибо она нигде положительно не была выражена, и большая часть моих приятелей видели цель в следующем: приготавливать общественное мнение к новому устройству // (л. 14) в государстве, коего ожидали от государя императора, и к освобождению крепостных людей, каковые перемены могли не нравиться дворянству: почему для отвращения неудобств я и не считал законопротивным служить правительству в достижении таковой цели. В истине сего ссылаюсь на генерала Шипова², коего 7 лет не видал, но с коим в то время разделял искренно мой образ мнения. Занятия членов состояли единственно в умножении числа и в приобретении полезных знаний для приуготовления себя к государственной службе. Устав общества именовался «Зеленою книгою» и был рукописный в числе 30 или более экземпляров.

На 2-е

В мае месяце 1819 года приехав в Тульчин, я нашел там Пестеля, который, прибыв за полгода прежде, принял в общество Комарова², и мы все вместе стали распространять число членов, я действовал в том духе, как и прежде, а Пестель² сначала подделывался к моему мнению, но впоследствии начал понемногу восставать против оного, к чему склонял и своих приятелей, как насмешками, так и убеждением. Он утверждал, что для образования нравов нужны века, но надлежало исправить правление, от коего уже и нравы исправятся. Я же непоколебимо оставался в прежних правилах и почитал за великое счастье, если бы в течение своей

¹ Строка от слов «Союз благоденствия...» на полях отчеркнута карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Слова «один офицер... в Орловский полк» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «7».

⁴ Все фамилии в ответе на 1-й вопрос подчеркнуты карандашом. Над именами и фамилиями: Сер[гей] и Петр Трубецкие, Скалон, Оленин старший, Римский-Корсаков, к[нязь] Голицын, Полторацкий, Корф, профессор Воейков, полковник Бакунин карандашом поставлены соответственно цифры «1—6», «8—10».

жизни хотя // (л. 14 об.) на одну каплю успел улучшить в своем малом кругу действия. Таковое несогласие в коренном мнении убеждало меня, что обществу с разнородными частями существовать нельзя, почему и принял я твердую решимость устремить все силы к разрушению общества. Генерал-интендант Юшневский принят был более Комаровым нежели мною: он с ним был прежде знаком, а я только привез «Зеленую книгу» в его дом и при том находился. Прочие члены были Краснокутский, Кальм, Непенин, Любимов, Фон-Визин (прибывший из Москвы с 38-м полком), к[нязь] Волконский, Астафьев, к[нязь] Барятинский, Ивашев, Крюковы, Аврамов, Басаргин, доктор Вольф, сын графа Витгенштейна, Филипович¹ (умер), Руге, майор Раевский и Бистром (умер), три обер-офицера, прибывшие с 37-м егерским полком из Москвы: Сурнин, Чумпалов (оба в отставке) и Алимский (служит капит[аном]),

Сих
я не
знал.

{	38-го полка капи[тан] Великошапкин, подполковник Хотяинцов,
	майор Юмин ² .

Кроме находившихся в Тульчине, прочие в собраниях не участвовали.

На 3-е

По возвращении из Москвы в марте 1821 года (где на общем съезде нескольких членов Союз благоденствия по представлению моему уничтожен) я собрал всех наличных тульчинских членов³ и объявил им о сем действии. // (л. 15) На таковое объявление Пестель возразил, что московское собрание не вправе было уничтожить союза⁴, но токмо изменять учреждения одного, и что он намерен завести новое общество. Некоторые из прочих членов изъявили мне тогда свое негодование. Аврамов⁵, кажется, сказал, *что не он общество, а оно его искало, и потому удивляется, что оно же его и оставляет*. Слов Юшневского⁵ вовсе не помню, ибо произнеся уничтожение союза, я удалился. Все сии фразы я принял [за] действие оскорбленного самолюбия и знал, что внутренне мне многие были обязаны. Со мною вышел Вольф и тотчас поблагодарил меня за сию решимость⁶.

Что же прочие после меня учинили, мне нисколько неизвестно: вражда Пестеля⁵ сделалась ко мне неукротимою, и он начал обещать меня агентом тайной полиции. В продолжение того же года выехал он из Тульчина, и все наши столкновения совершенно пересеклись; не менее я долгом считал наблюдать за последствиями и вскоре услышал, что Аврамов⁵, Ивашев⁵, Комаров⁵, старший Крюков⁵ решительно отделились от Пестеля⁵ и каждый объявлял удовольствие в разрушении прежних связей. Юшневского⁵ я полагал в таковом же мнении, ибо неоднократно слышал его невыгодные отзывы о характере Пестеля⁵. Отсутствующие же члены как прежде, так и после никакого действия не оказывали. Итак, к концу 1821 года из // (л. 15 об.) всех преданных ему оставался один только Барятинский⁵, но и тот, не имея никакого значения в Тульчине, казался нисколько не опасным. Поэтому я утвердился в мнении, что пестелевы намерения никакого успеха не возымели. Но в 1824-м году в январе месяце, проезжая через Киев в Рязанскую губернию, я виделся с Комаровым⁵, который, бывая часто в доме генерала Раевского⁵ и в других, заметил, что будто Пестель заводит связи с молодыми Раевскими⁵, Давыдовыми⁵, Бестужевым⁵ и пр[очими] и что Юшневский⁵ также с ними сближается. Это меня сильно поразило, и я отвечал, что кроме Юшневского⁵ я всех их мало знаю, да и примечать связи их не буду иметь возможности, ибо чрез два дня еду

¹ Строка со словами «Вольф, сын графа Витгенштейна, Филипович» отмечена на полях знаком «NB».

² Все фамилии от слов «Краснокутский, Кальм...» подчеркнуты карандашом. Над фамилиями: Сурнин, Чумпалов, Великошапкин, Юмин поставлены карандашом соответственно цифры «11, 12, 13, 14».

³ Строка со словами: «я собрал всех наличных тульчинских членов» отмечена на полях карандашом знаком «NB».

⁴ Текст от начала ответа подчеркнут карандашом.

⁵ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁶ Строка со словами: «Со мною вышел... решимость» подчеркнута карандашом и отмечена на полях знаком «NB».

к родным, а потом надеюсь получить в командование полк, к которому был уже представлен; но если он, оставаясь в Киеве, откроет что-либо значительное, то должно донести начальству.

Возвратившись в мае 1824 года из внутренних губерний во 2-ю армию, я оставил Тульчин и жил до сего времени уединенно в м[естечке] Гранове, занимаясь исключительно службою, не поддерживая ни с кем никаких связей и не имея средств наблюдать за другими. Все же, что я мог заметить касательно поведения Пестеля¹ и его единомышленников // (л. 16) состояло в следующем. По возвращении его из Петербурга в конце 1824 года он изъявил желание прекратить его многолетнее ко мне негодование и, живя в 35 верстах от меня, соблюдать некоторую приязнь. Я от этого не отказался и видел его раза три, но по склонности моей ко всем предметам службы, он, не находя удобства предлагать мне что-либо об обществе, вскоре отстал и начал всеми скрытными мерами злословить мое не только наружное, но даже домашнее поведение, на что есть много достоверных в Тульчине свидетелей. Потом в течение 1825 года, находясь с полным в дивизионном лагере, я встретился с ком[андиром] 1-й брига[ады] 19 дивизии к[нязем] Волконским 1-м, который сначала увидев вверенный мне полк, превозносил его устройство, но вдруг однажды вошел со мною в неожиданный разговор следующего содержания: «Поведение твое в полку вовсе не соответствует ожиданию каждого; ты с офицерами обращаешься слишком строго и грубо, а с солдатами употребляешь телесные наказания; от этого хотя полк и выучен, но в нем все тебя не любят. Ты опять вводишь в 19-й дивизии палки, которые я отчасти успел изгнать. По прежней нашей связи я ожидал, что ты будешь стараться привлекать к себе подчиненных, дабы иметь их во всегдашней своей власти». На все это // (л. 16 об.) я ему отвечал: «Князь, прежняя наша связь 5 лет уже как разрушена, и я служу с единою целию довести полк до наилучшего фронтового и внутреннего устройства, дабы тем оправдать лестное доверие государя и ходатайство генерала Киселева». Он замолчал, сказав, что если так, то он никогда более со мною об этом говорить не будет. С сего времени недоброжелательство его сделалось ко мне очевидным, и он даже довел до сведения высшего начальства мое, будто бы жестокое, в полку обращение. Обязан еще присовокупить, что все сношения его и свидания² с Пестелем делались не по прямому пути через мою квартиру, но посторонними дорогами для сокрытия от меня их связи.

На 4-е

Во время существования Союза благоденствия в Тульчине наиболее имели влияние на прочих кроме Пестеля¹ Юшневский¹ и Комаров¹. Касательно сочинений, то таковых никем в духе общества не было писано; да и время было непродолжительно. Мною самим в целые 7 лет написана одна только статья «Бой полковника Тиховского с закубанскими черкесами» и напечатана в «Отечественных записках» 1820 года. Материалами для оной послужили бумаги, собранные // (л. 17) генералом Киселевым¹ в Екатеринодаре. Прочие члены, сколько мне известно, ничего значительного не писали и не печатали.

На 5-е

По объявленной мною выше цели, к которой стремились мои действия, мне никогда не представлялось нужным употребление войска, напротив того, я видел большую возможность успеть в жизни гражданской и потому иногда желал, чтоб какой-либо государственный человек подобно Мордвинову¹, Сперанскому¹ или приближенная особа к государю приняла первоначальное общество под свое покровительство и направила согласно воле правительства. Пестель¹ же, сколько заметно было, все внимание устремлял на войско и домогался места в военных поселениях дежурного штаб-офицера.

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слова «и свидания» вписаны над строкой.

На 6-е.

Всех тайных сочинений Пестеля¹ я не видал и не читал; кроме разномыслия нашего о цели общества препятствовало и самолюбие его, чтоб отдать какое-либо творение на мой разбор. Он всякий раз выходил из себя, когда маловажная деловая бумага, им написанная, попадалась в мои руки.

На 7-е.

В 1819 году Пестель ездил с главнокомандующим в Петербург и доставил // (л. 17 об.) сюда все сведения о членах Южного общества, а в 1820 году летом проехали чрез Тульчин Никита Муравьев¹ с Луниным¹ и сообщили известия о Петербурге, наконец, осенью прислан был из Москвы Якушкин¹ для приглашения в Москву кого-либо из членов на совещание. После же сего общество более не существовало.

На 8-е.

О других тайных обществах, в России и Малороссии существующих, я совершенно ничего не знаю, кроме того, что при исследовании происшествия Семеновского полка открыто было полицией в Петербурге много тайных обществ и из них² одно именовалось «Зеленой лампы», в котором был членом камер-юнкер Всеволожский. Это я слышал от полковника Глинки. Также говорили, что есть большое общество мистическое, в котором действовал г[осподин] Лабзин¹. Но обо всем этом я поистине ничего точного не знаю.

На 9-е.

О Польском обществе я слышал только от Комарова, но без всяких подробностей, и не знаю, кто приезжал в Бердичев и Киев для сношений с Южным обществом. С искренностью открывая все, что мне известно в сем смысле про Россию, тем более // (л. 18) готов бы был представить правительству обо всем, существующем в Польше. Знаю только, что молодой Швейковский¹, двоюродный брат Потоцких, был содержим под стражею по повелению его высочества цесаревича за нахождение в каком-то тайном обществе³.

На 10-е.

Вовсе никогда и ничего не слыхал о предмете сего вопроса.

На 11-е.

Донесение, сделанное Комитету касательно сожжения⁴ мною списка, найденного в бумагах майора Раевского, никакой не имеет основательности, и я представляю сие дело в истинном виде. Во время происшествия, случившегося в 16-й дивизии, я был с генералом Киселевым в Кишиневе в тот день, когда наказаны были солдаты Камчатского полка за их буйство. Поспешая донести о сем главнокомандующему, он приказал мне отправиться в Тульчин и отвезти туда две бумаги: одну к его сиятельству, а другую — к дежурному генералу. Я немедленно прибыл в Тульчин и, найдя дежурного генерала за обедом, вручил ему бумагу, которую он распечатал и притом из нее выпала маленькая бумажка, на которой было написано несколько имен. Он просмотрел ее и, согласуя с содержанием бумаги, сказал: «Вероятно, Павел Дмитриевич вложил сюда эту записку // (л. 18 об.) по неосторожности, ибо она к бумаге не принадлежит». Тогда я ее взял, пошел к графу, подал ему конверт, объяснил словесно, что было приказано, и, получа отправление, в тот же час поспешил в Одессу, где, явившись к генералу Киселеву, доложил ему, что в бумаге дежурного генерала нашелся какой-то список, который ему и представил. В этом я призываю его превосходительство во свидетели, ибо проступок такого рода достоин высшего наказания, и я сам почел бы себя презрительным и не за-

¹ Фамилия подчеркнута карандашом.

² Слово «их» вписано над строкой.

³ Последняя строка ответа от слов «нахождение в...» на полях отчеркнута карандашом.

⁴ Первая строка ответа на полях отчеркнута карандашом.

служивающим ни малейшего доверия. Изменение же обстоятельства произошло оттого, что каждый, узнав о списке, пересказывал иначе другому, и вскоре мне самому рассказывали уже это иначе, так что я не в силах был восстановить истину. В списке заключались имена: Орлова, Пестеля, Волконского, Юшневского, Комарова, Ивашева, Аврамова, Бярятинского, Крюковых, Астафьева и мое. Не было никакой надобности скрывать списка, ибо в то время общество уже не существовало.

Представив все замечательные обстоятельства из хода Союза благоденствия, я на последний запрос имею счастье представить, что кроме вышепоименованных лиц принадлежали еще к оному: в *1-й армии* полковник Граббе, майор Каверин¹ и несколько офицеров квартирмейстерской части или адъютантов, коих // (л. 19) я не знаю; в *Малороссии*: Новиков, бывший секретарь князя Репнина и Лукашевич, предводитель дворянства²; в *Москве*: Дмитрий Давыдов³, сочинитель Раич⁴, помнится, Чадаев⁵, бывший адъютант генерала Васильчикова, и еще некоторые, коих я имен не знаю. Что же касается до известия, по слухам распространившегося, о коем я имел честь отвечать на словесный вопрос, то оное заключало следующее. До учреждения еще Союза благоденствия в Москве зимою 1818 или 1817, не знаю, несколько молодых людей проводя вечер в нетрезвом виде, возымели ужасную мысль посягнуть на жизнь покойного государя императора; в том числе был Якушкин; но на другой день, придя в себя, каждый из них устранился самого даже помышления. С тех пор Якушкин предался семейной жизни, и я ничего более об нем не слышал.

За всем сим обязываюсь доложить, что на все пополнения и пояснения, которые благоугодно будет Комитету от меня потребовать, я всегда готов отвечать с тою же откровенностию, с каковою сие ныне исполнил.

В довершение же оправдания моего осмеливаюсь представить на рассмотрение поведение мое, как вообще по службе, так особенно в последние горестные дни, протекшие со времени кончины обожаемого монарха. // (л. 19 об.)

Имея счастье служить государю четырнадцать лет в чине офицера и находившись в разных службах и должностях, я утвердительно могу думать, что ни один из начальников моих не упрекнет меня ни в усердии, ни в безусловной покорности. В удовлетворение сего имею право прибегнуть к свидетельству господ генералов: Нейдгарта, Сипягина, Киселева, Корнилова, у коих более или менее находился в команде.

Со времени же начальствования полком поведение мое может быть исследовано самым строжайшим образом, и это будет для меня наилучшее свидетельство. Вверенный мне полк⁶, едва в два года из числа последних, поставлен всеми начальниками на степень одного из лучших в армии. Но таковые успехи не могли сделаться иначе как пожертвованиями, превышающими мое состояние, и утверждением строгой дисциплины.

В протекшем декабре месяце, когда все недоброжелатели правительства обнаружили явно свои умыслы, поведение мое также не подлежало никакому двусмыслию. По получении известия о горестной кончине государя императора и пока повеление о новой присяге не последовало, господин главнокомандующий изволил призвать меня в главную // (л. 20) квартиру для командования войсками, охранявшими оную и кои состояли из 2-х баталионов Одесского и 1-го баталиона вверенного мне полка. В сие время начальник главного штаба приказал мне поспешно объехать штабы ближайших полков: Пермского, Уфимского и Казанского для извещения полковых командиров о воспоследовавшем бедствии и предупреждения, чтобы доколе не объявится новая присяга, а горестная весть разнесется, все на-

¹ Слова «майор Каверин» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «15».

² Слова «Лукашевич, предводитель дворянства» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «16».

³ Слова «Дмитрий Давыдов» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «17».

⁴ Слова «сочинитель Раич» подчеркнуты карандашом, над ними поставлена цифра «18».

⁵ Фамилия подчеркнута карандашом и отмечена цифрой «19».

⁶ Слово «полк» написано на полях.

чальники усугубили осторожность к удалению всякого малейшего беспорядка. Я исполнил это, и можно спросить полковников, в чем состояло мое извещение. Сверх того, полковнику Мартынову, у коего служил в полку полковник Леман, я от себя добавил, чтоб он принял особенное наблюдение по той причине, что г[осподин] Леман, как было слышно, вошел в знакомство с Пестелем.

Прибыв в штаб вверенного мне полка и приняв все меры осторожности к обеспечению оного от всякого могущего произойти волнения между жителями, я призывал одного доверенного унтер-офицера по имени Рожкова и велел ему послать жидов в баталионные квартиры Вятского полка, дабы строго наблюдать за распоряжениями полковника Пестеля. Мог ли я сделать более к исполнению в высшей точности обязанности верноподданного? // (л. 20 об.)

Потом, по получении повелений о двукратной присяге государю цесаревичу и благополучно царствующему государю императору, я привел полк к исполнению сего долга с священным благоговением и преданностию, и ни один из подчиненных моих не дерзнул явить малейшего знака непокорности.

Наконец, получив приказание прибыть в С[анкт]-Петербург, и в то же время разнеслось известие о возмущении Черниговского полка на расстоянии от меня 150 верст, я поспешил сдать полк старшему по себе, предписав ему все меры осторожности к соблюдению строжайшего порядка, и поспешно прибыл сюда, зная решительно причину требования и уповая на милосердие государя, которого заслужить надеюсь искреннею преданностию и неизменным усердием.

Командир Украинского пехотного полка
полковник Бурцов¹

16 января 1826 года // (л. 21)

№ 6 (5)²

Высочайше учрежденный следственный Комитет требует от командира Украинского пехотного полка полковника Бурцова следующее дополнительное и открытое показание³:

В поданных ответах вчерашнего числа полковник Бурцов, объясняя, каким образом во время происшествия в 16-й пехотной дивизии попался ему в руки на четвертушке бумаги список членам Союза благоденствия, в котором помещены были имена его, Бурцова, Пестеля, Юшневского, Михайлы Орлова, князя Сергея Волконского, Аврамова и пр[очих], не поясняет, начальник главного штаба 2-й армии нашел ли его в бумагах 32-го егерского полка майора Раевского или доставлен был к нему от генерала Сабанеева⁴; также умалчивает, что начальник штаба сказал ему, когда Бурцов вручил ему сей список по возвращении // (л. 21 об.) из главной квартиры. На все сие Комитет требует от полковника Бурцова точнейшее объяснение с показанием, готов ли он подтвердить сие в присутствии генерал-адъютанта Киселева.

Генваря 17-го 1826 года // (л. 20)

№ 7 (6)

Полковник Бурцов имеет честь представить⁵. Список членов получен г[осподином] начальником главного штаба, вероятно, от генерала Сабанеева, ибо это было в Кишиневе. Бумаг же майора Раевского ни я и никто в главном штабе армии не разбирал; но наверное не знаю, откуда сей список доставлен был к его превосход-

¹ Показания написаны И.Г.Бурцовым собственноручно. Подпись отчеркнута на полях карандашом.

² Внизу листа помета чернилами: «Посылан к нач[альнику] Гл[авного] шт[аба]».

³ Первый абзац на полях отчеркнут карандашом.

⁴ Далее стерто слово, вписанное чернилами между строк.

⁵ Первая строка ответа на полях отчеркнута карандашом.

дительству. Что же касается до слов генерала Киселева при вручении мною¹ сего списка, то оные состояли в следующем: «Вот и тебя полагают в обществе с Раевским; скажи, чем ты мог навлечь на себя сие подозрение?». На сие я отвечал: «Раевский по дружбе с Комаровым был некоторое время проездом в главной квартире и случался в домах тех чиновников, с коими я дружен, посему, вероятно, этот список заключает имена его знакомых и в том числе мое». Тогда генерал Киселев сказал мне, что как бы то ни было, а «я представляю его главнокомандующему». Вот, сколько я припомню, смысл сего разговора, и я готов подтвердить в присутствии г[осподина] генерал-адъютанта Киселева.

Генваря 17 дня 1826 года² // (л. 23)

№ 8 (7)³

Выписка из письменных ответов полковника Бурцова от 16 генваря 1826.

Ответ 11-й

«Донесение, сделанное Комитету касательно сожжения мною списка, найденного в бумагах майора Раевского, никакой не имеет основательности, и я представляю дело сие в истинном виде. Во время происшествия, случившегося в 16-й дивизии, я был с генералом Киселевым в Кишиневе в тот день, когда наказаны были солдаты Камчатского полка за их буйство. Поспешая донести о сем главнокомандующему, он приказал мне отправиться в Тульчин и отвезти туда две бумаги — одну к его сиятельству, а другую — к дежурному генералу. Я немедленно прибыл в Тульчин и, найдя дежурного генерала за обедом, вручил ему бумагу, которую он распечатал, и притом выпала из нее маленькая бумажка, на которой написано было несколько имен. Он просмотрел ее и, согласуя с содержанием бумаги, сказал: "Вероятно, Павел Дмитриевич // (л. 23 об.) вложил сюда эту записку по неосторожности, ибо она к бумаге не принадлежит". Тогда я ее взял, пошел к графу, подал конверт, объяснил словесно, что было приказано, и, получив отправление, в тот же час поспешил в Одессу, где, явившись к генералу Киселеву, доложил ему, что в бумаге дежурного генерала нашелся какой-то список, который ему и представил. В этом я призываю его превосходительство во свидетели, ибо проступок такого рода достоин высшего наказания, и я почел бы себя презрительным и не заслуживающим ни малейшего доверия. Изменение же обстоятельства произошло оттого, что каждый, узнав о списке, пересказывал иначе другому, и вскоре мне самому рассказывали уже это иначе, так что я не в силах был восстановить истину. В списке заключались имена: Орлова, Пестеля, Волконского, Юшневского, Комарова, Ивашева, Аврамова, Барятинского, Крюковых, Астафьева и мое. Не было никакой надобности скрывать списка, ибо в то время общество уже не существовало». // (л. 24)

В словесном показании, отобранном в присутствии Комитета 15 генваря и тогда же вкратце отмеченном, полковник Бурцов объявил следующее:

«Когда после разрушения общества в 1821 году открылись беспорядки в 16-й дивизии, я вручил дежурному генералу от генерал-адъютанта Киселева пакет, из которого при распечатании упал лоскуток бумаги, на коем были написаны имена всех членов Тульчинского общества. Дежурный генерал, видя, что это не принадлежит к присланной ему бумаге, отдал мне оный лоскуток, который я и представил начальнику главного штаба. Генерал Киселев сказал мне, что этот список был ему дан генералом Сабаневым, полагавшим меня и всех прочих названных сопричастными к делу майора Раевского, чему он, генерал Киселев, верить не хотел». // (л. 25)

¹ Слово «мною» вписано над строкой.

² Ответ написан И.Г.Бурцовым собственноручно.

³ Вверху листа помета чернилами: «К свед[ению]», внизу листа: «Посылана к нач[альнику] Глав[ного] шт[аба]».

О полковнике
Бурцове

На подлинной собственной его императорского величества рукою написано: «За то, что не объявил при подписке и за упорство в первом показании посадить на шесть месяцев в крепость и отправить на службу к старшему».

Высочайшим приказом, 8 апреля 1826 года отданном, переведен в Колыванский пехотный полк¹

Командир Украинского пехотного полка полковник Бурцов сознается, что в конце 1818 года вступил он в Союз благоденствия по приглашению князя Трубецкого, Никиты Муравьева и Пестеля. Цели сего союза были: объявленная всем членам — распространение просвещения, благотворения и нравственности, дабы собственным примером и внушениями искоренить пороки, невежество и злоупотребления, сокровенная же — нигде положительно не была выражена и понималась неодинаково; он, Бурцов, и большая часть сочленов видели ее в том, чтобы приуготовить общественное мнение к новому // (л. 25 об.) устройству в государстве, коего ожидали от государя императора и к освобождению крепостных людей, каковая перемена не могла нравиться дворянству, и потому для отвращения неудобств он, Бурцов, и не считал противным служить правительству в достижении таковой цели. В истине сего ссылается на генерал-майора Шипова, который также разделял образ мнений его. Занятия членов состояли единственно в умножении членов и в приобретении полезных знаний для приуготовления себя к государственной службе; устав общества именовался «Зеленою книгою» и был рукописный. В мае 1819 года, // (л. 26) приехав в Тульчин, нашел там Пестеля, который прибыв туда за полгода прежде, принял Комарова. Тут все трое стали распространять число членов. Он, Бурцов, действовал в том же духе, а Пестель восставал против одного и увлекал за собою других, утверждая, что для образования нравов нужны века, а надлежит исправить правление, от коего уже и нравы исправятся. Такое несогласие в мнениях решило его, Бурцова, устремиться к разрушению общества, которое начинало принимать направление, противное цели «Золотой книги». В бытность свою в Москве в начале // (л. 26 об.) 1821 года он успел согласить сие многих членов, и Союз благоденствия тогда же объявлен был уничтоженным. По возвращении из Тульчина в марте того года, он собрал наличных членов и объявил им о сем уничтожении. Пестель возразил, что московские члены не вправе уничтожить союз и что он намерен завести новое общество. Засим он, Бурцов, удалился и более не принимал ни малейшего участия. О существовании тайного общества наверное не знал, и с членами его в сношениях не был. Пестель, озлобленный удалением его от союза, впоследствии не упустил вредить ему // (л. 27) различным образом, да и князь Волконский по той же причине делал ему иногда неприятности по службе.

При отобрании [господином] генерал-адъютантом Чернышевым ответов в Тульчине, он, Бурцов, скрыл все вышеприведенные подробности из одного предубеждения, чтобы не вводить в ответственность людей, кои давно отстали от общества.

¹ Слова «Высочайшим приказом... полк» написаны другим почерком и чернилами.

Полковник Бурцов, наименовав всех известных ему членов Союза благоденствия, дополняет, что со времени удаления своего от одного, посвятив себя совершенно службе, занимался единственно точным исполнением своих обязанностей и столько // (л. 27 об.) был счастлив, что успел обратить на себя лестное внимание начальства.

Майборода,
князь Волконский,
Юшневский, Авра-
мов, Комаров и
князь Трубецкой

Капитан Майборода, генерал-майор князь Волконский, генерал-интендант Юшневский, полковник Аврамов, подполковник Комаров и полковник князь Трубецкой свидетельствуют, что полковник Бурцов со времени объявленного им в Тульчине уничтожения Союза благоденствия удалился от общества и не принимал более никакого участия; поясняя из них, Юшневский, что Пестель видел в Бурцове всегдашнего противника политическим его мнениям. // (л. 28)

Затем ни один из прочих членов Южного общества не говорит, чтобы Бурцов с кем-либо имел такое сношение или в чем-нибудь участвовал.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

Вопросные пункты Иванскому 1 февраля 1826 года	3 и 6
Исключения его пункты	7, 8 и 9
Вопросные пункты 21 февраля 1826 года	
с ответами	
1. Иванскому Пестелю	10
2. Генерал-интенданту Юшневскому	11
3. Генерал-майору князю Волконскому	12
4. Подполковнику Демидову	13
5. Подполковнику Марии Мухомовой-Анстому	14
6. Подполковнику Сергею Мухомову-Анстому	15
7. Подполковнику Валуеву-Рюмину	16
8. Копия с письма к Неплюеву	17 и 18
9. Выписка из дел канцелярии [канцелярия] канцелярского попри-	19

Ивановский составил Ивановский // (л. 2)

1. Выходит из печати канцелярием: 4-го 2-го. Число канцелярии: 2-87.

2. Пункты 11 и 12 являются другими канцеляриями.

Полковник Бурцов, наименовав всех известных ему членов Союза благоденствия, дополняет, что со времени удаления своего от оно́го, посвятив себя совершенно службе, занимался единственно точным исполнением своих обязанностей и столько // (л. 27 об.) был счастлив, что успел обратить на себя лестное внимание начальства.

Майборода,
князь Волконский,
Юшневский, Авра-
мов, Комаров и
князь Трубецкой

Капитан Майборода, генерал-майор князь Волконский, генерал-интендант Юшневский, полковник Аврамов, подполковник Комаров и полковник князь Трубецкой свидетельствуют, что полковник Бурцов со времени объявленного им в Тульчине уничтожения Союза благоденствия удалился от общества и не принимал более никакого участия; поясняя из них, Юшневский, что Пестель видел в Бурцове всегдашнего противника политическим его мнениям. // (л. 28)

Затем ни один из прочих членов Южного общества не говорит, чтобы Бурцов с кем-либо имел такое сношение или в чем-нибудь участвовал.

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

1. Внесенные пункты Исаеву 2 февраля 1826 года	3 и 6
2. Внесенные его пункты	7, 8 и 9
Внесенные пункты 23 февраля 1826 года	
с ответами	
3. Писемнику Пестелю	10
4. Генерал-интенданту Юшневскому	11
5. Генерал-майору князю Волконскому	12
6. Подполковнику Демидову	13
7. Подполковнику Матвею Мурашину-Анатолию	14
8. Подполковнику Сергею Мурашину-Анатолию	15
9. Подполковнику Богуславу-Рябицу	16
10. Копию с списков и Исаева	17 и 18
11. Вписаны на акт канцелярии [Исаева] дежурного гонимого	19

Надворный советник Ивановский // (л. 1)

1 Вверху листа имеется карандашом: «№ 26». Число исправлено в «27».

2 Пункты 13 и 14 написаны другим карандашом.

Имя видного члена Союза благоденствия, командира Украинского пехотного полка Ивана Григорьевича Бурцова прозвучало на первом заседании Следственного комитета 17 декабря 1825 г. при чтении доклада И.И.Дибича от 4 декабря того же года. Основываясь на доносе А.И.Майбороды, Дибич писал, что в числе «отклонившихся» от общества был полковник Бурцов⁶. Комитет предложил «вытребовать» Бурцова в Петербург, что было санкционировано Николаем I на следующий день⁷. 19 декабря военный министр А.И.Татищев направил во 2-ю армию распоряжение: Бурцову и Аврамову прибыть в Петербург, где они «нужны по делам службы»⁸. 30 декабря главнокомандующий 2-й армией П.Х.Витгенштейн передал приказ Бурцову⁹. Он прибыл в Петербург поздним вечером 10 января 1826 г. На следующий день Бурцов явился к начальнику Главного штаба, откуда был направлен к петербургскому коменданту Башуцкому. Там ему было объявлено об аресте¹⁰. После предварительного допроса Бурцов был направлен в

1 Письма М.Ф.Орлова к московскому военному генерал-губернатору Д.В.Голицыну // Красный архив. 1925. № 6/13. С. 171—173.

2 ГАРФ. Ф. 48. Д. 43. Л. 12 об.

3 Междуцарствие... С. 196.

4 Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа... С. 300.

5 Документы № 3/0, 4/0, 5/1, 6/2, 7/3, 16/13 публиковались П.Поповым в журнале «Красный архив», 1925. № 6/13. С. 148—173; документы № 8/4, 9/5 издавались М.В.Довнар-Запольским в кн.: Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 1—23, а также С.Я.Боровым и М.И.Гилельсоном в кн.: Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 78—95; документы № 10/6, 11/6 см.: Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа... С. 96—97.

6 Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. I. С. 242; ВД. Т. IV. С. 9.

7 ВД. Т. XVI. С. 27, 30.

8 ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 178.

9 ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 179.

10 ГАРФ. Ф. 48. Д. 293. Л. 261, 261 об.

Петропавловскую крепость и посажен в «арестантский каземат» № 8 Трубецкого бастиона¹. Согласно записке Николая I его предписывалось «содержать строго»². Впоследствии Бурцов был переведен в каземат № 10 Невской куртины³.

Первый допрос Бурцова состоялся в Тульчине 19 декабря 1825 г. А.И.Чернышев и П.Д.Киселев, проводившие начальное следствие, получили сведения об участии Бурцова в тайном обществе раньше, чем об этом стало известно в Петербурге. Донос Майборода показал, что основным источником сведений его о Бурцове были Пестель и Н.Крюков. Майборода сообщал, что узнал от них об участии Бурцова в Московском съезде и выходе его затем из общества⁴. Бурцов был вызван в Тульчин и допрошен на основании показаний Майборода⁵. Он принял тактику полного отрицания, заявив, что никогда ни к какому тайному обществу не принадлежал, но только к гласному «Обществу военных наук» (док. № 2/2)⁶. Ответы Бурцова были отправлены в Петербург и приобщены впоследствии к его делу.

На первом допросе в Петербурге, снятом В.В.Левашовым, Бурцов резко изменил линию поведения. Он признал, что был членом тайного общества, вступил в него в конце 1818 или в начале 1819 г., участвовал в Московском съезде, затем вышел из тайного общества и не поддерживал с его членами никаких отношений (док. № 3/1). Изменение тактики Бурцова на следствии связано с поступлением большого количества показаний о нем членов тайного общества, о чем Бурцов узнал, вероятно, на допросе 11 января. К этому дню имелись декабрьские показания Комарова, Орлова, Трубецкого, а также полученные в первой декаде января новые свидетельства Орлова, Краснокутского, Никиты Муравьева, Комарова. Они называли Бурцова в числе коренных членов-учредителей тайного общества, делегатом от Тульчинской управы на Московском съезде 1821 г. Орлов, Трубецкой и Никита Муравьев отметили, что Бурцов «впоследствии совершенно оставил общество»⁷. Комаров «дал совет» Комитету: «Полезно запросить Бурцова об устройстве общества, он уличит и всех запирающихся»⁸.

Накануне первого допроса Бурцова в Петербурге, следователи получили показание Майборода, вызвавшее впоследствии к Бурцову особое внимание Комитета. 10 января Майборода сообщил об уничтожении Бурцовым в 1822 г. списка членов тайного общества, попавшего в руки начальства при аресте В.Ф.Раевского. Майборода привел слова Пестеля, рассказавшего ему об этом эпизоде: «Бурцов человек весьма благородный... наши ему за одну вещь должны быть очень обязаны...»⁹ Расследование этого обстоятельства шло очень быстро. 13 января был спрошен Пестель, признавший достоверность слов Майборода. Затем вопросы получили Аврамов, Юшневский и Лорер. Они подтвердили, что этот факт имел место. Аврамов и Юшневский сослались на слова самого Бурцова¹⁰.

15 января Бурцов был допрошен в Комитете. Ему был задан обширный круг вопросов, как по истории Союза благоденствия, так и деятельности Северного и Южного обществ (док. № 4/3). В ответах Бурцов вновь признал себя членом Союза благоденствия, дал обширный список его членов¹¹, подчеркивал просветительский характер организации, стремившейся, по его словам, создать общественное мнение в пользу преобразований, якобы ожидаемых от царя. Увидев, что Тульчинское общество делается все более радикальным под влиянием Пестеля, Бурцов, по его показаниям, стремился «разрушить» общество, а при неудаче — вышел из него, прекратив с ним все связи (док. № 5/4). Центральным в этом допросе стал для Бурцова вопрос о сожжении им списка членов тайного общества. Он защищался весьма продуманно, подчеркивая, что

¹ ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 180—183.

² Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 272.

³ ГАРФ. Ф. 48. Д. 28. Л. 96.

⁴ ВД. Т. IV. С. 24.

⁵ Датировка допроса в Тульчине либо Майборода (22 декабря), либо Бурцова (19 декабря) ошибочна. Из материалов следует, что допрос Майборода предшествовал допросу Бурцова. О следствии в Тульчине см. комментарии Б.Е.Сыроечковского к тому IV «Восстания декабристов». С. 422.

⁶ ВД. Т. IV. С. 37, 41, 43.

⁷ Наст. том. Д. 213 (Н.И.Комарова). Док. № 2/1; Д. 83 (М.Ф.Орлова). Док. № 5/1, 8/4; ВД. Т. I. С. 17, 32, 299; Т. XII. С. 67.

⁸ Наст. том. Д. 213. Док. № 3/2.

⁹ ВД. Т. IV. С. 77.

¹⁰ ВД. Т. XII. С. 41, 48, 194, 196; Т. X. С. 56, 64.

¹¹ Имеется специальное дело: ГАРФ. Ф. 48. Д. 243 «Справки о членах тайного общества, собранные по показанию полковника Бурцова».

последний человек, видевший список, был начальник штаба 2-й армии П.Д.Киселев. Ему Бурцов, якобы и вернул документ, найденный им случайно в бумагах. Бурцов был абсолютно убежден, что допрашивать Киселева не будут и его собственное участие в уничтожении списка не будет доказано¹. Журналы заседаний Комитета скупно зафиксировали допрос Бурцова: «сознался, что принадлежал обществу до разрушения оно в 1821-м году, но потом оставил»². При чтении ответов Бурцова в Комитете 16 января помечено: «Из ответов Бурцова выписать и доложить о тех лицах, кои прежде в виду не были»³. 17 января Бурцов получил новый вопрос об уничтоженном списке, где прямо ставился вопрос о действиях Киселева (док. № 6/5). Бурцов повторил свой прежний ответ, выразив готовность к очной ставке с Киселевым (док. № 7/6). Следующий документ № 8/7 — копия ответа Бурцова от 16 января об истории исчезновения списка, к ней приложена также запись устного показания его об этом документе при допросе в Комитете 15 января. Следует отметить, что в журналах заседаний подобная запись отсутствует; она имеется только в ежедневных докладных записках Николаю I⁴.

На этом, несмотря на обилие новых показаний декабристов, расследование о Бурцове было формально прекращено. Прослеживается общность дела Бурцова с делом Грибоедова. Следствие о Грибоедове было оборвано из-за связи его дела с вопросом об А.П.Ермолове⁵, дознание о Бурцове было приостановлено из-за связи его дела с вопросом об отношении к тайному обществу начальника штаба 2-й армии П.Д.Киселева.

Дела Следственного комитета сохранили бесчисленное количество показаний о Бурцове. Помимо приведенных выше, оставили свидетельства его участия в тайном обществе, в январе: Нарышкин, А.Н.Муравьев, М.Фонвизин, Муханов, Митьков, А.Поджо, Волконский, Комаров, Орлов, Лорер, А.Крюков, Барятинский, М.Муравьев-Апостол, Оболенский, Павел Колошин, Аврамов, Ивашев; в феврале: Якушкин, Фаленберг, М.Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин; в марте: Пестель, Вольф, Басаргин, Оболенский; в апреле: Н.Крюков; в мае: Оболенский и Пущин.

В ряде показаний освещались принципиальные моменты деятельности Бурцова в Союзе благоденствия. Так, М.Муравьев-Апостол назвал Бурцова в числе авторов 2-й части «Зеленой книги»⁶. Оболенский и Никита Муравьев отметили, что Бурцов имел свою управу в Петербурге до отъезда во 2-ю армию⁷. Басаргин указал на споры Пестеля и Бурцова о республиканском правлении⁸, большинство отмечало руководящую роль Бурцова вместе с Пестелем в Тульчинской управе Союза благоденствия. Им были приняты в тайное общество Пущин, Аврамов, Юшневский, Нарышкин, Оболенский⁹. Все эти показания не остановили внимания следователей, лишь о руководстве Бурцовым Тульчинской управой были опрошены Аврамов и Лорер (в январе) и Пестель (в марте)¹⁰.

24 февраля, страдая от неизвестности свой участи, Бурцов обратился с письмом на имя Николая I, в котором признавал свою вину (участие в тайном обществе до 1821 г.) и просил о снисхождении. На письме имеется помета царя: «Если степень вины дознана, то участь его решить пора»¹¹.

18 марта Следственный комитет заслушал записку о Бурцове с «высочайшей» резолюцией: «За то, что не объявил при подписке и за упорство в первом показании посадить на шесть месяцев в крепость и обратить на службу к старшему» (док. № 9/8)¹².

27 марта Бурцов был отправлен из Петропавловской крепости¹³. 8 апреля 1826 г. переведен в Колыванский пехотный полк. Сохранился в Бобруйской крепости. 19 июля 1826 г. освобожден и «обращен на службу»¹⁴.

1 Семенова А.В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 162, 163, 171—173.

2 ВД. Т. XVI. С. 61.

3 ВД. Т. XVI. С. 61.

4 Эйдедьман Н.Я. Журналы и докладные записки Следственного комитета по делу декабристов // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 166.

5 Нечкина М.В. Следственное дело Грибоедова. М., 1982.

6 ВД. Т. IX. С. 193, 244.

7 ВД. Т. I. С. 252, 316.

8 ВД. Т. XII. С. 307.

9 ВД. Т. II. С. 232; Т. X. С. 461; Т. XII. С. 191; Т. XIV. С. 404; ГАРФ. Ф. 48. Д. 244. Л. 14.

10 ВД. Т. IV. С. 139; Т. XII. С. 40, 192.

11 ГАРФ. Ф. 48. Д. 36. Л. 3—4 об.

12 ГАРФ. Ф. 48. Д. 36. Л. 22—25; ВД. Т. XVI. С. 133.

13 ГАРФ. Ф. 48. Д. 30. Л. 184.

14 Декабристы. Биографический справочник. С. 33.

Фрагменты показаний Бурцова публиковались Н.П.Павловым-Сильванским в его работе о Пестеле¹.

Следственное дело И.Г.Бурцова хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 95. По современной нумерации в деле 27 листов. Сохранилась также нумерация А.А.Ивановского, согласно которой в деле было 26 листов. Документ № 1 не был пронумерован Ивановским.

Ниже указаны дела Следственного комитета, в которых имеются показания И.Г.Бурцова по различным вопросам, не вошедшие в состав дела № 95.

1. Дело № 240 В.Д.Вольховского, л. 4 (показание от 1 февраля 1826 г.). Наст. том. С. 446.

2. Дело 100 Р.В.Любимова, л. 4—5 (показание от 5 февраля 1826 г.). См. Наст. том. С. 225.

3. Дело № 254 Баранова, л. 2 (показание от 7 февраля 1826 г.).

4. Дело № 191 И.П.Липранди, л. 3 (показание от 12 февраля 1826 г.).

5. Дело № 293 «О деньгах и вещах, принадлежащих арестованным лицам», л. 260—261 об. (прошение от 18 февраля 1826 г.).

6. Дело № 252 В.А.Глинки, л. 6 (показание от 20 февраля 1826 г.). Наст. том. С. 464.

7. Дело № 36 «О непридании Верховному уголовному суду И.А.Фонвизина, Ф.Г.Кальма, М.Н.Муравьева, П.Х.Габбе, А.Г.Непенина, Е.В.Фон-Руге, Р.В.Любимова, И.М.Юмина наряду с 42 членами «Союза благоденствия», л. 3—4 об. (письмо от 24 февраля 1826 г.).

8. Дело № 98 Е.В.Руге, л. 12 (показание от 24 февраля 1826 г.). Наст. том. С. 220.

9. Дело № 253 С.Н.Бегичева, л. 6 (показание от 18 марта 1826 г.). Наст. том. С. 472.

10. Дело № 300 «О казенных претензиях, открывшихся на бывших полковых командиров и прочих офицеров, прикосновенных к делу о тайном обществе», л. 38—38 об. (рапорт от 21 марта 1826 г.).

11. Дело № 413, Ф.Б.Вольфа, л. 23 (протокол очной ставки от 22 марта 1826 г.); см: «Восстание декабристов». Т. XII. М., 1969. С. 117.

12. Дело № 293, л. 249 «а» (расписка от марта 1826 г.).

КОМАРОВ (Николай)

коллежский советник, переименованный из
подполковников Квартирм[ейстерской] части

На 29 листах

№ 1

О П И С Ь

делу о подполковнике Комарове

№	Листы
1. Показание подполковника Комарова 27 декабря 1825 года	с 1 по 14
2. Ответные пункты Комарова	с 14 по 22
3. Выписка о членах общества	с 22 и 23
4. Письмо государю императору Комарова 30 декабря	24 и 25
5. Дополнительная записка Комарова 11 января	26 и 27
6. Письмо к генерал-адъютанту Левашову от Комарова 20 января	на 28-м
7. Справка с означением высочайшей резолюции	29
	29

Надворный советник Ивановский // (л. 1 «в»)

¹ Вверху листа помета карандашом: «№ 212».

Во имя господ бога и по внушению чистой совести приступаю к изложению здесь вкратце всего того, что по истине знал и помню относительно введения и распространения общества во 2-й армии — общества под названием «Союза благоденствия».

Первый, водворивший преступный союз сей во 2-й армии в начале 1818 года, — был Павел Пестель в год вступления графа Витгенштейна в начальствование 2-ю армию и у которого Пестель был адъютантом.

По всему вероятно, Пестель был один, если не первый, то из первых основателей сего общества в С[анкт]-П[етербурге] в конце [1]815-го или в начале [1]816 года, и, сколько могу припомнить, гораздо впоследствии уже из слов его же самого, Пестеля, что коренные члены-учредители сего общества были следующие: два брата Муравьевы, князь Шаховской, Якушкин (все бывшего Семеновского полка), князь Трубецкой, Александр Муравьев*, Михайла Муравьев, Никита Муравьев (все Гвардейского штаба), Фон-Визин старший, Бурцов, Гвардейского же штаба, и едва ли не оба брата Колошины также из сего же штаба². Им подле// (л. 1 «в» об.)жит это решить по совести.

Но что несомненно, так это то, что Пестель привез с собой в главную квартиру 2-й армии начальный зародыш, — и вот как приступал он к развитию соблазна на новом поприще для деятельного и проницательного ума своего.

По крайней мере, способ действия убеждений на меня и, вероятно, и на других отдельно в то же время состоял в том:

Внушая, что наш долг есть необходимо стремиться к пользе общей двумя путями: это ускоряя нравственное образование ума и чувствований, чтоб уметь приложить их со временем на общепользное, к чему надобно готовить себя внимательным чтением подобных авторов, как Бекариа, Филанжери, Махиаделя, Вольтера, Гельвеция, Цей, Смита и прочих в сем роде, политической экономии и философии, яко бы рассуждающих о возвышенных обязанностях человека-гражданина.

Что без этих понятий и сведений не достигнешь быть полезным ни себе, ни обществу, ни отечеству, что даже скрытная воля монарха стремится усиленным образом к развитию подобных идей в российском юношестве и в войсках, // (л. 2) указывая и опираясь различными³ доводами на речь, произнесенную государем в Варшаве к представителям народным, как на сокровенную мысль его⁴ и которую надобно нам самим стараться постигнуть и усовершенствовать до времени тайно, чтоб сделаться достойными к принятию и к разумению приготавливаемого нового правительствования; словом, вот почти в чем состоял главный смысл начальных и постепенно вводимых идей к нам, сопровождаемых разными удостоверениями, что известность этой истины не достигла еще до отдаленных краев 2-й армии, коснеющей во мраке, а созревает уже весьма в Петербурге и в других местах в кругу людей образованных высшего класса и звания. Между коими для обоюдного сообщения мыслей и понятий своих составились вечерние частые соединения для чтения и суждений⁵ в часы отдохновений от служебных занятий и как лучший способ взаимного друга друга познания и передания сведений⁶, мыслей и откровений общепользных.

Таким образом понемногу и исподволь начинались вводиться в главной квартире вечера чтения, суждений и разных толков, прежде // (л. 2 об.) едва ли бы многим из нас понятные по названию, а не токмо по сущности своей. Пестель⁷,

* Александр Муравьев, обратившийся после постигшего его несчастья в Москве, когда он был арестован лично покойным государем или вслед после женитьбы своей, в совершенный мистицизм, так что его товарищи не могли впоследствии присообщить к себе.

¹ На полях вертикальная помета карандашом: «Докладывано к соображению при допросах».

² Восемь строк от слов «что коренные члены-учредители...» на полях отчеркнуты карандашом.

³ Слово «различными» вписано над строкой.

⁴ Далее зачеркнуто «и», ошибочно написанное дважды.

⁵ Против строки со словами «соединения для чтения и суждений» поставлен на полях вопрос.

⁶ Далее зачеркнуто «и».

⁷ Фамилия подчеркнута карандашом.

находившись весьма долгое время при графе и умея постоянно притворничать и скрывать от него свой образ мыслей, пользовался давней его доверенностью и уважением от своих товарищей, а по способностям своим скоро начинал получать явный перевес мнениями своими не только в главной квартире, но и в армии. Во время отъездов на смотры войск, сопутствуя графу, имел случай скоро ознакомиться в армии и составить связи потом, имея притом и по занятию своему в составлении отчетов и записок об успехах в полках по фронтовой части влияние значительное на полковых и батальонных командиров; он умел в свою пользу извлекать из всего выгоды для достижения преднамеренной цели в распространении своего образа мыслей. Он сохранил подобное влияние еще некоторое время и по назначении начальником штаба генерала Киселева на место генерала Рудзевича, расположением которого Пестель постоянно пользовался и, следственно, тем еще более умножал вес свой в армии и в штабах, умея соединить расположение двух первых лиц в армии, что весьма содействовало // (л. 3) к успеху его намерений, чтоб утвердить положительно и довольно скоро первородный корень общества¹.

Скоро с назначением генерала Киселева присоединились к Пестелю ревностные сначала сотрудники ему: Бурцов², адъютант нач[альника] штаба и майор Аврамов³, но как они также пользовались расположением своего начальника генерала Киселева, желавшего и скоро успевшего отобрать смотровую часть и другие отрасли по управлению в штабе от Пестеля в свою зависимость, то от сего столкновения самолюбий на один и тот же предмет, яко более прочих дающий вес в армии, произошли несогласия между Пестелем⁴ и Бурцовым, и каждый старался действовать отдельно в своих видах, желая усилить всякий свою сторону большим числом приверженцев.

Но Пестель упреждал перевес во мнениях в свою пользу, и правила общества, изложенные в так называемой «Зеленой книге» (1-й части) (а о последующих никогда известно мне не было, да едва ль они и составились), распространялись им успешнее других, переходя далеко и за пределы сей книги, ибо в сей первой части, которой один // (л. 3 об.) экземпляр только я видел у Пестеля, сколько я припомнить могу, ничего не было особенно противного долгу честного человека, и смею сказать, исключая токмо *скрытности* ее от правительства.

В ней неприкосновенна была ни господствующая вера, ни главные обязанности в отношении государя и государства, даже вменялось в долг раскрывать всякого рода злоупотребления властей, равно военных, как и гражданских, и доносить об них, сохранять нравственность в высочайшей степени, не нарушая существующего порядка в правлении⁴, предлагать, однако же, лучшие замечания, а главное, чтоб⁵ распространять кротость обращения в войсках с офицерами и солдатами, крепостными людьми и поселянами, и на образование нравственное, как выше сего объяснял я.

В таком или, может, несколько усиленном виде у некоторых членов вновь поступивших оставались понятия об обществе довольно долгое время во 2-й армии и почти в течение всего [18]19-го и половины⁶ [18]20-го годов. Правило было то, чтоб // (л. 4) принимаемые вновь члены не имели права сами принимать, а только коренные члены сохраняли сие право себе; отчего [о] некоторых и неизвестно, ибо они не извещали всегда о своих приобретениях.

Эпоха, когда начались раскрываться глаза, может, у многих новобранцев, когда показались на сборищах в Тульчине люди высшего разбора, принадлежащие к обществу уже прежде⁷ или вновь поступившие с образом мыслей несравненно более смелым противу прежнего в отношении к суждению о правительстве. В числе коих: генерал-интендант Юшневский, фон-Визин, поступивший с полком в состав

¹ Семь строк от слов «которого Пестель постоянно пользовался...» на полях отчеркнуты карандашом.

² Фамилия подчеркнута карандашом.

³ Далее стерто вписанное над строкой слово «Аврамовым».

⁴ Слова «в правлении» вписаны над строкой.

⁵ Слово «чтоб» вписано над строкой.

⁶ Слово «половины» вписано над строкой.

⁷ Слово «прежде» вписано над строкой.

2-й армии, Орлов (Мих[аил] Федорович), Охотников, майор 38-го егерского полка, к[нязь] Сергей Волконский, Лунин, бывший в Кавалергардском полку и Муравьев Никита¹ (оба сии были проездом из Одессы). Тогда же сделалось известным, что вообще общество приобрело много ревностных членов и по другим местам, а пред-почтительно в кругу военном. Вот об ком // (л. 4 об.) дошло до сведения моего, сверх состоящих в Тульчине и кроме вышепоименованных.

В Тульчине

Николай Комаров	{	Квартирмейстерской части
Руге ²		
Николай Филиппович		

Адьютанты графа Витгенштейна

Князь Барятинский	{	слабо принадлежал всегда
Ивашев		
Крюков		
Баранов		
Граф Витгенштейн, что флигель-адьютантом		более знал о существов[ании] обще[ства] ³ , чем принадлежал к нему, и завлечен Пестелем и Барятинским для наружности

Юшневский, Пестель, Бурцов, Аврамов, об коих уже сказано, Охотников, Орлов, Фон-Визин, Волконский.

Полко[вник] Остафьев	— что ныне, кажется, генералом был полковой командир
Полко[вник] Кальм	— что генер[ал] в 19-й див[изии], был полко[вым] ком[андиром] 28-го егер[ского] полка
Полко[вник] Непенин	— принадлежал поверхностно, полко[вой] командир 32-го егер[ского] полка
Майор Раевский	— 32-го егер[ского] полка
Майор Юмин ²	— того же полка
Подпол[ковник] Лип-ранди ²	— отставной Квартир[мейстерской] части, жил в Кишиневе
Полко[вник] Краснокутский	— бывший полковой командир Олонецкого полка, с выступлением полка скоро из армии он потерян был из виду общества, потом оставил службу и, может быть, и общество. Он теперь обер-прокурор. Пестель должен знать об нем короче // (л. 5)
Басаргин — адъютант генерала Киселева	— всегда был слабо привержен и едва ль не отстал
Вольф	— доктор при главной квартире

Об членах, кои сделались известны по слухам.

Пестель должен всех ближе знать это:

Полков[ник] Раевский	— бывший адъютант М.Ф.Орлова, отставной, Московского полка
Полко[вник] Швейковский	
Александр Исленьев	— бывший адъютант М.Ф.Орлова, отставной, Московского полка
Его брат Николай Исленьев	— едва принадлежал

¹ Фамилии подчеркнуты карандашом; две строки с фамилиями Орлов, Охотников, Волконский, Лунин на полях отмечены двумя крестами.

² Фамилия отмечена крестом карандашом.

³ Слова «о существов[ании] обще[ства]» вписаны над строкой.

Николай Тургенев — служивший при министерстве
Василий Львович Давыдов — отставной гусарского полка
Его брат Александр — не знаю, принадлежал ли
Львович

*Стояновский*¹, служивший в комиссариате 2-й армии, более известен по ревностному масонству.

Иностранец *Фурнье*¹.

Полковник *Глинка* — состоявший при графе Милорадовиче.

Калошины, Гвардейского штаба, и, кажется, оба давно отстали, особенно старший, служащий теперь в Министерстве финансов.

Пушин — генерал-майор, что был в² 16-й дивизии.

Пушин — что воспитывался в Лицее.

Грабе, полковник гусарского полка, кажется, отстал совершенно³. // (л. 5 об.)

В это же время почти сделались известными доселе скрываемые от некоторых члены Коренного совета общества (о коих в самом⁴ начале сказано) и вообще уже развитие общества принимало вид более самостоятельный⁵, и заметно более⁶ решимости во мнениях. Но тогда, как оно думало начинать приходить в зрелось и приумножаться, волею провидения угодно было поселять несогласия и раздоры, и тайно влагать в разум некоторых холодность и даже отвращение к нему, ибо оно преступило меру ожидаемости от первоначальных условий и уверений⁷. Даже в Орлове оно становилось иногда заметным; отнести ли это к священным узам супружества⁸, обращавшим взор его иногда в будущность! Я давно начал питать мысль низложения общества, но надлежало скрывать благодатную мысль до времени удобного, ибо по мере раскрытия ближайшего, многих из членов, из смирения принявших тон преподавателей дерзких правил, нельзя было предвидеть кроме гибельного конца со временем, тем паче, что действия правительства далеко, как видно было⁸, // (л. 6) не поощряли к подобному распространению правил⁹, а всячески оказывалось уже¹⁰ противно тому, к чему сначала самого *Пестель* поощрял нас, — а потом обратил это в вину непостоянства самого правительства, якобы не имеющего ни твердости, ни силы к достижению полезного. Но сии умствования были тщетны, ибо я, как и многие, увидели давно¹¹ обман из опыта и познания людей самих. Обстоятельства о¹² сказанных выше несогласиях, возникших в мнениях различных при последних сборищах (наичаще происходящих у *Пестеля* и у *Юшневского*), подкрепляли мои надежды.

Пестель подал мысль свою, между прочим, об учреждении временного¹³ диктаторства для прекращения вкравшегося беспорядка в обществе (имея, конечно, в виду себя) и с тем, чтобы избранного уполномочить властью сделать постановления пространнейшие и более самовластные, чем ничтожные правила, изложенные в Зеленой книге, и что это было только для робких душ на первый раз (вот почти слова его). Многие различно рассуждали о сем, но никто не принял // (л. 6 об.) сей мысли; одни говорили, что этого не вправе сделать без совещания всех налицо чле-

¹ Фамилия отмечена крестом карандашом.

² Слова «что был в» вписаны другими чернилами.

³ Слова «кажется, отстал совершенно» подчеркнуты карандашом.

⁴ Слово «самом» вписано над строкой другими чернилами.

⁵ Слово «самостоятельный» исправлено с «самостоятельности».

⁶ Слова «заметно более» вписаны над строкой другими чернилами.

⁷ Исправлено с другого слова.

⁸ Слова «как видно было» приписаны другими чернилами.

⁹ Слова «подобному» написано вместо стертго, слова «распространению правил» вписаны над строкой.

¹⁰ Слово «уже» вписано другими чернилами.

¹¹ Слово «давно» вписано над строкой.

¹² Слово «о» вписано над строкой.

¹³ Слово «временного» вписано над строкой.

нов, другие что это изменяет коренное правило, что это слишком самовластно, и заменяли эту мысль составлением триумvirата; — но после жарких споров и личных подозрений и это оставалось непринятым. Я желал и надеялся поколебать все здание, если не разрушить его собственный раздор, предложением, чтоб¹ зимой собраться в Москве доверенным членам от разных мест и там уже положить изменения, в полной надежде, что неожиданность новых лиц и мнений еще скорее положит разногласия в суждениях и в мерах к преобразованию общества и что оно рушиться только может в отсутствии Пестеля, как самого ревностного члена и самого опасного. В противном же случае, я дал себе клятву, — бог мне свидетель! — что если в Москве не достигну желаемого конца, то обнаружить это сословие, ибо оно принимало решительно вид *желания* ввести конституцию со временем, как скоро усилятся в своем составе². // (л. 7) Так как Пестелю не могло быть особого повода самому ехать в Москву, ибо известно было всем, что у него ни родства, ни связей особых там нет, то он неохотно принял эту мысль, но большинство голосов превозмогло, тем паче, что Орлов, Фон-Визин, Охотников, Бурцов и я без того намерены были ехать этой зимой в Москву. Главным уполномоченным от Тульчинского общества, невзирая на мое старание быть предпочтительно избранным самому, дабы успешнее действовать в предположенном смысле, однако ж избран был Бурцов, а я ему в виде помощника, ибо признали члены под видом необходимости послать коренного члена, хотя я имел все право скорее думать, что меня уже подозревали и потому не выбрали одного. Невзирая на то, что Фон-Визин и Пестель во многом не сходились и часто оканчивали споры личностями, но как оба ревностные члены, то Фон-Визин и отправился из Тульчина прямо в С[анкт]-Петербург для совещаний по сему делу // (л. 7 об.) и сообщить Коренному совету о сделанном предположении в Москве; а между тем и отобрать его мнение на это.

Приехавши в Москву, начались у него и собрания в его доме. Из Петербурга прислан был Николай Тургенев, скоро приехал *Габбе*, *Якушкин* и многие еще из членов, Михаила Муравьев, Охотников и прочие. Фон-Визин предложил мысль, вероятно по совещанию в С[анкт]-Петербурге, чтоб общество разделить на три разряда. Один высший *неизвестных*, в виде постоянного главного совета, который должен будет управлять и составлять законы обществу. Второй разряд, от него зависящий, — *исполнительный*, приводящий их положения к исполнению, из него же должны командироваться члены для объездов и наблюдений хода общества по разным местам, а прекратить обязывали³ всякого рода переписку. И, наконец, // (л. 8) третий разряд — *нововводимых*. Сии мысли поддерживались его партией в Москве, именно, *Габбе*, Волконский⁴, *Якушкин*, *Фон-Визин* меньшей. *Охотников* и *Бурцов*, которые и жили у него в доме, кроме Волконского⁵. Тургенев, которого я в первый раз в сем случае видел, и пользуясь их уважением избран был в председатели совещаний на все время сего временного сборища. Он казался весьма умеренным; я старался сблизиться с ним, посещал его часто и в доме его до собраний, и всячески старался, откровенно говоря с ним, наклонить его к уничтожению общества, что ему удобнее теперь, чем кому-нибудь, излагая и даже увеличивая⁶ ему, что во второй армии оно имеет вид якобинства и угрожает со временем безначалием⁷ и гибелью; я давал ему чувствовать опасения со стороны полиции во время наших съездов⁸, словом: все, что могло содействовать к цели моей. Я нашел в нем скоро⁹ — по притворству ли, или по чувству, но весьма не чуждым // (л. 8 об.) от сего, и он как умный человек вел дело очень осторожно к цели: он опровергал реши-

1 Слово «чтоб» написано вместо зачеркнутого «к».

2 Слово «конституцию» вписано над строкой.

3 Слово «обязывали» вписано над строкой.

4 Фамилия вписана над строкой.

5 Слова «кроме Волконского» вписаны над строкой.

6 Слова «и даже увеличивая» вписаны над строкой.

7 В подлиннике: «безначалием со временем», цифрами «1», «2» над словами указано как следует читать.

8 Семь строк от слов «его к уничтожению общества...» на полях отчеркнуты карандашом, слова «во время наших съездов» вписаны над строкой.

9 Слово «скоро» вписано над строкой.

тельно предположенную таинственность Фон-Визиным¹, и, кажется, Орлов¹ также не соглашался с этим распоряжением. Я старался, сколько можно было как не коренному члену, опровергать или по крайней мере, находить во всех предположениях к новому устройству везде и во всем менее или более неудобства; чтоб² медлить, тянуть и наскучить этой медленностью нетерпеливым и пылким характерам, каковы *Гравбе, Фон-Визины, Якушкин* и *Охотников*. Показывая различным партиям и усердие, и опасение, Бурцов по обыкновению был умерен в предложениях и правилах. *Калошин*, как замечен был мною³, робкого нрава, я не скрыл с ним дурные последствия всего⁴ и опасения; он начал отставать и редко очень ездить; я пропустил два приглашения к⁵ собранию: раскрыло ли это сильнее еще // (л. 9) прежнего подозрения их на меня⁶, ибо однажды Якушкин¹ (один из самых пылких нравов), мне прямо сказал, *что он читает на челе моем противное благу общества*. «Да, — отвечал я⁷ ему, — если оно⁸ не взойдет в пределы первых правил». — «Это невозможно!»

И точно уже невозможно было, я это знал. Заметно в последний вечер, как я был у Фон-Визина, во всех какую-то вдруг⁹ умеренность, и вечер сей казался быть более частным, чем политическим. Орлов не был, Тургенев¹ скоро уехал. На другой день является ко мне Охотников и объявляет, что ездили они с Фон-Визиным уговаривать и упрасивать Орлова, ибо¹⁰ он прислал накануне письмо *отречения от общества*; старания были напрасны, он, говорят, не согласился и уехал с тем. Тургенев по убедительнейшей просьбе моей созвал членов¹¹, и Бурцов охотно пристал тут к уничтожению решительному // (л. 9 об.) общества формальным образом. Надобно, и справедливость требует заметить здесь, что полковник Кальм в то время был с полком своим 28-м егер[ским] в Москве¹² в карауле, ибо полк сей перешел из 2-й армии в 5-й корпус. Он знал от меня о собраниях в Москве. Я просил его участвовать в моем намерении и чтоб ездить начать к Фон-Визину, но он настоятельно не хотел ни того, ни другого, ни содействовать к уничтожению, ни к устройству. И не разу не был. Александр Муравьев, как сказывал мне Бурцов, что он был тогда в Москве, но не пожелал быть в обществе.

Таким образом положено и сделано было Тургеневым¹³ объявление от имени всех коренных членов по праву, как¹⁴ доверенного об уничтожении совершенном общества по несходствию и мыслей, и правил и по убеждению общему положить ему конец. Это было, кажется, в конце февраля 1821-го года. Я полагал и уверен // (л. 10) был в душе моей, что все наконец рушилось, ибо ход всего дела натурален. Отречение Орлова надобно было полагать откровенным, ибо он негодовал уже сильно на первенство, принимаемое партией Фон-Визина, и не один раз повторял, что надобно еще долго времени пройти, покамест члены откинут личности, частные выгоды и партии, что это — заговор в заговоре, и не один раз с неудовольствием оставлял собрания у¹⁵ Фон-Визина. С потерей же его общество оставалось как бы оскорбленным, это видно было на лицах об нем жалевших. Тургенев и Бурцов ослабевали жаром и, казалось, непритворно приступали к уничтожению. Последний из них, яко присланный по уполномочению из Тульчина, получил от

1 Фамилия подчеркнута карандашом.

2 Перед словом «чтоб» зачеркнуто «будь».

3 Слова «замечен был мною» вписаны над строкой.

4 Слово «всего» вписано над строкой.

5 Слово «к» вписано вместо зачеркнутого «на».

6 Слова «на меня» вписаны над строкой.

7 Слово «я» вписано над строкой.

8 Далее зачеркнуто: «пре».

9 Слово «вдруг» вписано над строкой.

10 Слово «ибо» вписано вместо зачеркнутого «на что».

11 Слово «членов» вписано над строкой.

12 Далее зачеркнуто «и».

13 Фамилия вписана над строкой.

14 Слово «как» вписано вместо зачеркнутого «его».

15 Слова «собрания у» вписаны над строкой.

Тургенева объявление об уничтожении общества для доставления во 2-ю армию¹. Бурцова отпуск продолжался еще, и он отправился к себе в деревню, чтоб оттуда быть в Тульчине. Мой же отпуск оканчивался, и я должен был ехать. Я, прибывши в Тульчин, старался прежде² приватно до приезда Бурцова приготовить порознь членов к принятию радостного // (л. 10 об.) для меня извещения им, и, зная *Ивашева* и *Басаргина* гораздо менее прочих³ привязанными к обществу, сообщил им; они приняли, кажется, с удовольствием, смешанным с удивлением. Я просил их принять как следует и не допускать Пестеля их переуверить в невыгодную сторону. Но Пестель, от проницательности которого не скрылось, когда я уверял его, что⁴ как Бурцов настоящий их депутат, то он и остался в Москве⁵ до окончательного их⁶ извещения своим приездом, а я, как редко ездил в общество от сильных раздоров, но не⁷ предвижу, чтобы кончилось удачно.

Надобно знать Пестеля и его ужасную ревнительность к успеху общества, чтоб видеть его сокрушение от сей новости внезапной, разрушающей все его усилия и старания многих лет; догадываясь об уничтожении и умея скрыть однако ж, что он жалел бы совершенно об этом, дабы не подать мне подозрение, что он намерен противиться этому и сослаться с петербургскими товарищами, он сказал только, что они не в праве были уничтожить, что не ими одними основано было. // (л. 11) Как я не старался ему доказывать, что тут большое количество было людей доверенных, но он упорствовал во мнении до приезда Бурцова, который, созвавши вместе всех⁸ членов при Пестеле, объявил им, то же самое, что я говорил⁹ им порознь. Представил им акт объявления. Я приглашал их стараться изгладить в душе и мысль прошедшего и удалился. Бурцов меня уверял, что не только все приняли и сам Пестель покорился необходимости, но и поспешил он, как и обязан был, сообщить и в армию разным¹⁰ членам об уничтожении общества.

Богом клянусь, что убежден был совершенно до сего¹¹ времени, что с тех пор не оставалось никакого следа, что везде все прервано, разрушено, забыто и даже думаю и теперь, что если Пестель опять¹² основал что-нибудь подобное, то едва ль многие пристали к нему из вышепоименованных в главной квартире.

Я торжествовал в душе моей успешным содействием к¹³ прекращению общества¹⁴ и некоторым образом облегчил душу мою от тягостного гнета, давившего ее три года, что меня еще более убеждало в этой мысли, // (л. 11 об.) что все совершенно кончено в Тульчине, ибо в возникшем чрез год после сего происшествия в Бессарабии, по управлению 16-ю дивизиею генералом Орловым и прикосновенных к сему делу Раевским, Охотниковым, Непениным и некоторыми офицерами его полка, не открылось никакого следа и связи с прежним: это был новый род идей, проистекших, как кажется, от самого Раевского и в его только¹⁵ полку, ибо¹⁶ по всем тщательным изысканиям генерала Сабанеева и Киселева никакого сношения не было¹⁷ открыто с прежними членами главной квартиры, или в армии с другими членами¹⁸.

Раевского я знал с малолетства, обучаясь с ним вместе в Москве, с [18]12 года, приняв различные службы, мы не встречались до 1816 года; он был принят в об-

1 Слова «для доставления во 2-ю армию» вписаны над строкой.

2 Далее зачеркнуто: «чем».

3 Слово «прочих» вписано над строкой.

4 Слово «что» вписано над строкой.

5 Слова «в Москве» вписаны над строкой.

6 Слово «их» вписано над строкой.

7 Слово «не» вписано над строкой.

8 Слова «вместе всех» вписаны над строкой.

9 Далее зачеркнуто: «и».

10 Слово «разным» вписано над строкой.

11 Далее зачеркнуто: «пор».

12 Слово «опять» вписано другими чернилами. Далее зачеркнуто: «и».

13 Слова «содействием к» вписаны над строкой.

14 Слово «общества» вписано над строкой.

15 Слово «только» вписано другими чернилами.

16 Слово «ибо» вписано другими чернилами.

17 Слово «было» вписано над строкой.

18 Слова «с другими членами» вписаны другими чернилами.

щество в 1819 году, в проезд свой чрез Тульчин в Бессарабию, где квартировал его полк: с тех пор я его не видал. Он не мог не знать об уничтожении общества кроме того, что Бурцов сообщил ему, а еще более от самого // (л. 12) Орлова, при коем он находился до арестования его уже¹ в звании начальника школы юнкеров 16-й дивизии. Но полагать надобно, что он по уничтожении главного общества основал сам отдельное в 32-м Егер[ском] полку, кажется, сие не² объяснилось в деле военного суда, над ним производимого.

Говоря³ здесь⁴ об общем предмете, не мог, чтоб не изложить и частных, которые знакомят ближе с понятием о главном предмете. В Москве теперь я видел двух офицеров второй армии: Басаргина⁵, возвращавшегося к своему месту из отпуска, и состоящего в отпуску квартир[мейстерской] части подпоручика Горчакова⁵ и знал их прежде за невоздержанных в суждениях своих, но удостоверяю, что теперь в два раза, как они были у меня в Москве⁶, я ни одного слова не слышал от них противного долгу, при нынешних обстоятельствах. А Басаргин прежде был в обществе⁷.

С уничтожением общества в Тульчине, я осмелюсь сказать об моих частных отношениях: я ждал окончания высочайшего смотра армии, чтоб оставить оную навсегда, слухи о смотре сем почти за год были известны в армии, // (л. 12 об.) я более чем когда-нибудь удвоил снова⁸ бдительное внимание к распознаванию и наблюдению за образом мыслей в главной квартире, и где можно было и в полках, но никак и ничего заметить нельзя было, и все казалось совершенно утихшим. Я с этой мыслью и оставил армию 2-ю после смотра.

Вот, всемилостивейший государь, откровение души моей, навсегда вам признательной: излагаю сие по приказанию вашему с подтверждением лично мною вам сказанного, но излагаю во имя Бога и по гласу совести.

Клянусь честью, благородным званием офицера и неограниченной преданностью к покойному государю и к вам, государь, что объяснил здесь все то, что по краткости времени мог припомнить главнейшего, — если бы что пропустил или забыл, не повините, государь и благодетель мой: в подобные минуты не всегда управляешь связью мыслей и памятью точной в ходе действий и времени, и лиц: — но мог забыть или не знать⁹ иных, но никого не назову напрасно // (л. 13) или увеличу по пристрастию оттого я и отделил тех, об которых знал по слухам. Пусть отзовется это мне и детям моим, если хоть сколько-нибудь думал покривить совестью.

Всемилоостивейший государь! Я ничего не ищу, ничего не желаю теперь, кроме мирного покоя совести и семейного благополучия. Вы мне его возвращаете: мне остается благословлять имя ваше под благотворным правлением вашим, ибо оно таково будет непременно, как начало его было справедливо грозно. Но единожды, государь, очистя дух в войсках от вкравшейся в офицерах¹⁰ нравственной заразы, вы обеспечите и мир себе и нам. Прошу, умоляю однако же об¹¹ одной милости, и оного слова вашего на это¹² достаточно будет: не презирать меня как доносчика, но как желавшего // (л. 13 об.) давно исполнить долг свой без гибели не от моей руки, а от собственных заблуждений виновных, если они продолжали еще таить намерения свои, когда я полагал их совершенно уничтоженными как бы в самом себе.

Осмеливаюсь просить еще ваше императорское величество поручить себя в случае надобности покровительству вашему, ибо нельзя, чтоб когда-нибудь¹³ не сде-

1 Слово «уже» вписано над строкой другими чернилами.

2 Слово «не» вписано над строкой.

3 Перед словом «говоря» зачеркнуто «я».

4 Слово «здесь» вписано над строкой вместо зачеркнутого «к».

5 Фамилия подчеркнута карандашом.

6 Слова «как они были у меня в Москве» написаны вместо стертых слов. Слова «были у меня в Москве» вписаны над строкой.

7 Слова «А Басаргин прежде был в обществе» написаны другими чернилами.

8 Слово «снова» вписано над строкой.

9 Слова «не знать» вписаны над строкой.

10 Слова «в офицерах» вписаны над строкой.

11 Слово «об» вписано над строкой.

12 Слова «на это» вписаны над строкой.

13 Слова «когда-нибудь» вписаны над строкой.

лалось некоторым известными¹ сии² откровения мои, кои могут³ ожесточить ненависть в их родных или в⁴ друзьях, но я готов, государь, запечатлеть кровью своей неограниченную преданность мою к особе священной вашей, наследнику и дому вашему.

27 декабря
10 часов вечера

Всемилоостивейший государь,
нижайший верноподданный
Николай Комаров⁵ // (л. 14)

№ 3 (2)⁶

По лично мне сделанному спросу г[осподином] д[ежурным] г[енералом] Г[лавного] шт[аба] его и[мператорского] в[еличества], требовались ли расписки при вступлении в общество?

На сие ответствовать честь имею, что из положения «Зеленой книги» (названной, кажется, единственно по цвету первой обертки своей, под которыми она находилась), что точно в правилах ее положено было давать расписки и двоякого рода.

Одну в удостоверение того, что вступил в общество и обещается действовать точно по смыслу этой книги и сохранять это в тайне (я, сколько мог припомнить содержание ее, объяснил вкратце оное в первом донесении моем, — точно такую, в каком содержании⁷ она дошла до меня, — я много, если раза два ее видел, ибо Пестель очень редко и неохотно ее показывал впоследствии).

Другая расписка требовалась в том, что⁸ по воле сколько пожертвует ежегодно денег, то будет производить ежегодно сию сумму.

Хотя это было в 1818 году, но, сколько припомнить могу за себя, не знаю, как другие, но что я упорствовал дать первую расписку и не давал оной, как Пестель впоследствии даже не настаивал. Я отзывался тем, что в этой самой книге я готов расписаться, но кто мне поручится, что под этой же оберткой и названием не составится впоследствии что-нибудь другое и мне даже неизвестное // (л. 14 об.) и что я решительно не дам отдельной расписки, которая может примениться и к чему-нибудь другому. Он мне отвечал, что⁹ не принято в книге расписываться, а как наберутся расписки, то припишутся к книге, но сколько я могу припомнить, я не давал и не дал, ибо¹⁰ он имел неосторожность (в чем и сознался сам мне), что не следовало бы ему объявить мне об обществе, пока не возьмет хотя предварительной расписки, но что он это сделал единственно по доверенности ко мне, которую я с первым шагом уже нарушаю, и что уверен он, что я последую примеру других и впоследствии дам, а насчет другой о взносе денежном сказал, что это относится более до достаточных людей¹¹, ибо это назначается для бедных — «а вы сами небогаты».

При сем случае осмеливаюсь здесь присовокупить в дополнение к сделанному мною изложению о начале общества во 2-й армии, представленному госуд[арю] импер[атору] чрез господ[ина] во[енного] мин[истра] и¹² особому письму еще к е[го] в[еличеству], врученному от меня чрез г[осподина] д[ежурного] генер[ала] Г[лавного] штаба, где я стремился только по внушению долга, совести и истины объяснить все то, что знал или слышал, но не обращался почти нигде существенно

¹ В подлиннике: «известным некоторым», цифрами «1», «2» над словами указано как следует читать.

² Слово «сии» вписано над строкой.

³ Слова «кои могут» написаны вместо стертых слов.

⁴ Слово «в» вписано над строкой.

⁵ Показания написаны Н.И. Комаровым собственноручно.

⁶ Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 3 генваря 1826». Слева на полях вертикальная помета карандашом: «Иметь в виду при допросах, в особенности членов Южного общества и бывших на съезде в Москве».

⁷ Слова «в каком содержании» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «как».

⁸ Далее зачеркнуто: «вступив».

⁹ Далее зачеркнуто: «это».

¹⁰ Слово «ибо» вписано над строкой.

¹¹ Слово «людей» вписано над строкой вместо зачеркнутого «их».

¹² Слова «чрез господ[ина] во[енного] мин[истра] и» вписаны над строкой.

ко собственной защите моей, ибо думал, что с чистой совестью и с разрушением общества и после лично мне сказанного госуд[аре]м императором, не полагающим уже меня виновным¹, ничего мне не остается говорить собственно про себя, а полагал, что по сему сказанному² изложению моему об обществе меня позовут предстать пред высокий³ совет, высочайше учрежденный для исследования, где я подтверждаю с некоторыми подробностями мною сказанное и, если нужно, и к собственному⁴ оправданию самого себя. Ибо я, излагая // (л. 15) ход общества менее всего думал *о самом себе*, кроме того, что отец сердцеведец внушал мне к искоренению его: ибо всегда мне казалось, что⁵ отстать одному (что я в душе моей давно сделал), но этого мало, рано ли, поздно ли, но беззаконность обнаружится, они меня не пощадят, что я давно отстал. Я все буду причастен к их преступлению. Я мог отстать в Тульчине и всегда и везде, но спрашиваю, к чему это меня привело бы? Я питал одну мысль, кажется, дерзкую в начале своем, это общего уничтожения общества⁶ или обнаружения его в противном случае; — и вот почему⁷ предложил собраться [в] 1820 году⁸ в Москве, куда и собрались в зиму в декабре, и, кажется, до февраля 1821 года продолжались раздоры, распри, приведшие к уничтожению формальному, а не закрытию временному (ибо акт был такового свойства).

Руководствуясь тем же несчастным откровением и святостию долга моего, принимаю смелость сказать утвердительно, что если я оставался в заблуждении, что оно уничтожено, то я не добровольно поддался на обман, ибо все то, что может только уверить в ереси — все было сделано и весь ход наружных обстоятельств убеждал меня в этом.

Я с Москвы, то есть с начала 1821 года будучи убежден в существенном и формальном уничтожении общества с тем вместе почитал себя совершенно непричастным ни действием⁹, ни мыслью, ни воспоминанием даже к бывшим заблуждениям. И сколь¹⁰ они непродолжительны были по вступлении моем, так ревностно в продолжение 5-ти лет преследовал их. Никогда и прежде мнениями моими не возвышался чрез пределы *«Зеленой книги»*, а как скоро¹¹, познавши Пестеля короче, его безнравственность, его порочность души сухой, хитрой и способной на все гнусное, — я ревностно стал // (л. 15 об.) противиться и скрытно, и явно, сколько было возможно¹², его образу мыслей и успехам, и образовал из него себе¹³ впоследствии ненавистного врага, и так уверен, что он убежден, что это¹⁴ я открыл все прежнее до 1821 года, — ибо если было что после им устроено, то¹⁵ он лучше всех должен знать, что мне ничего не было известно.

Таким образом, не принадлежа и прежде¹⁶ к обществу *ни расписками, ни словом*, впоследствии¹⁷ которое я возвратил себе своими мыслями и¹⁸ действиями, противными к дальнейшему устройству, и давно уже ни разумом, ни совестью моей, я с уничтожением в Москве с 1821 года¹⁹, полагал себя совершенно правым и чистым пред богом и государем и потому впоследствии в расписках, требуемых по указу

1 Слова «не полагающим уже меня виновным» вписаны над строкой.

2 Слово «сказанному» вписано над строкой.

3 Слово «высокий» вписано над строкой.

4 Далее зачеркнуто: «защиты».

5 Слова «всегда мне казалось, что» вписаны над строкой.

6 Слово «общества» вписано над строкой.

7 Далее зачеркнуто: «едва».

8 Слова «1820 году» вписаны над строкой.

9 Слова «ни действием» вписаны над строкой.

10 Далее зачеркнуто одно слово.

11 Слова «как скоро» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «скоро».

12 Слова «сколько было возможно» вписаны над строкой.

13 Слово «себе» вписано над строкой.

14 Слово «это» вписано над строкой.

15 Слова «им устроено, то» вписаны над строкой.

16 Слова «и прежде» вписаны над строкой.

17 Слово «впоследствии» вписано над строкой.

18 Слова «мыслями и» вписаны над строкой.

19 Так в подлиннике. Слова «с 1821 года» вписаны над строкой.

е[го] и[мператорского] в[еличества] насчет масонских лож и тайных обществ, я показал себя непринадлежащим ни к тем, ни к другим, к первым я точно, по истине, никогда не принадлежал. Но обвиняю себя и теперь и прежде обвинял¹, во всей полноте² сознающей³ души, в моей робости или слабости⁴ поползновения на пример других; — для чего я не показал тогда, что я был в том обществе, хотя оно и уничтожено было более года, кажется, прежде, чем требовались расписки сии. Вот только⁵, что могу принести к этому в извинение, если оно может быть уважено⁶, и чем тогда остановился (и чего однако ж⁷ никогда себе не прошу).

1-е. Я был тогда в Тульчине убежден в разрушении общества, расписки напрасно давались явно, открыто на общем листе по принадлежности частей⁸ управления. То думал, прежде чем дойдет это от Главн[ого] штаба в С[анкт]-П[етер]бурге и так еще заметят ли // (л. 16) это в общей массе, как меня здесь уничтожат (если что-нибудь у них кроется), а если уничтожение было откровенно они тоже скажут, что и я, точно было на основании такой-то⁹ «Зеленой книги», но все уничтожено с февраля 1821 года, — а я или погибну, по предложению первого случая¹⁰, а по другому осрамлюсь, но в обоих не принесу никакой пользы правительству. Богом клянусь, вот то, что я тогда и после думал¹¹.

Я¹² уже имел честь сказать выше, что я не поместил многих частных в первом моем донесении, — краткость¹³ ни время, ни необходимость никакая меня к тому не понуждала, я думал по чистоте моей совести¹⁴, немедленно по изложению всего, что я знал¹⁵, получить формальное запрошение от¹⁶ государя императора, после его превратного, мне лично сделанного¹⁷, или предстать пред совет, высочайше учрежденный, где, подтверждая все, что знаю, может, еще могу объяснить некоторые статьи краткого моего изложения, — а потому и проект сего добровольно. Но клянусь всем, что для меня есть бесценного в мире, сверх моего долга пред богом, государем и человечеством, если бы в те немногие и не целые вечера, в которые я бывал у Фон-Визина // (л. 16 об.) в Москве, едва ль если более 3-х или 4-х во все время двух месяцев моего отпуска, и то в различные интервалы, хотя у него многие (как я уже объяснил в первом донесении моем) из членов жили в доме, и, вероятно, с утра до вечера совещались и рассуждали различно¹⁸ о преобразовании общества: но свидетельствуюсь еще раз¹⁹, что я собственно сверх споров, распрей и личностей²⁰ собственно об этом предмете ничего не слышал. Бог мне свидетель, что не пощадил бы с тою же откровенностью сказать в первом²¹ донесении моем или теперь, если б что-нибудь знал, или припомнил: мне не трудно было б это, ибо я всегда, что знал сам по себе, или по слухам, наичаще чрез Охотникова, ибо они собственно от меня могли скрываться; я вел всегда²² краткий жур-

1 Слова «и теперь и прежде обвинял» вписаны над строкой.

2 Далее зачеркнуто одно слово.

3 Первоначально было: «сознавшейся».

4 Слово «слабости» вписано над строкой вместо зачеркнутого «скорбного».

5 Слова «Вот только» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «Одно».

6 Слова «если оно может быть уважено» вписаны над строкой.

7 Слова «однако ж» вписаны над строкой.

8 Слова «принадлежности частей» вписаны над строкой.

9 Слова «такой-то» вписаны над строкой.

10 Далее зачеркнуто «или».

11 Десять строк от начала листа отчеркнуты на полях карандашом.

12 Перед словом «Я» зачеркнуто «в».

13 Слово «краткость» вписано над строкой.

14 Слова «по чистоте моей совести» вписаны над строкой.

15 Слова «всего, что я знал» вписаны над строкой.

16 Слово «от» вписано над строкой.

17 Далее зачеркнуто: «е[го] в[еличеством]».

18 Слово «различно» вписано над строкой.

19 Слова «еще раз» вписаны над строкой.

20 Слова «распрей и личностей» вписаны над строкой.

21 Слова «в первом» вписаны над строкой.

22 Слово «всегда» вписано над строкой.

нал у себя дома¹ и долго еще сохранял его и после не один раз его перечитывал. Оттого многое и помню почти буквально, а не по смыслу только², и жалею душевно³, что уничтожил его впоследствии в 1823 году уже.

Но, воистину бога, при мне ничего не бывало, кроме толков, споров, буйного беспорядка⁴ и рассуждений в том, как поставить членов⁵ общества в большую зависимость и покорность друг от друга учреждением должностей, классов, их названий, их обязан// (л. 17)ностей и приучать их к порядку в⁶ совещаниях и рассуждениях, ибо подлинно всегда наичаще⁷ бывало, что все⁸ говорят и кричат в одно время, одни ходят, другие сидят, курят трубки, рассуждают о постороннем и, не вслушиваясь о чем⁹, вмешиваются. Словом, это был хаос примерный¹⁰.

Но сколько ни запрашиваю совесть и память мою, мне не изменявших, не слышал никогда, чтоб при мне говорили о каких-либо намерениях к введению со временем конституции, или к нарушению тогда или после¹¹ спокойствия¹² в Москве или где-нибудь; да и кажется мне невозможным, чтоб они могли затевать тогда что-нибудь подобное (если эта мысль¹³ и скрывалась в душе¹⁴ кого-нибудь впоследствии), ибо они никак не успевали еще в организации внутреннего устройства общества, к которому усердно стремились, но не сходились в способах и мерах.

Избави меня бог быть их защитниками из пристрастия¹⁵. Но в той же единственной мысли и долга откровения присоединяю сии подробности к сказанному уже, // (л. 17 об.) чтоб подробностями некоторыми дополнить и объяснить более состояние духа и мыслей¹⁶, в каковом я оставил общество пред уничтожением его формальным.

В подтверждение чего, обратить полагаю должным внимание на то, что если бы они имели какие-нибудь намерения действительные к нарушению спокойствия тогда в Москве, то Фон-Визин бы не упустил бы¹⁷ из виду¹⁸ ухаживать за полковником *Кальмом* (который, как я сказал уже прежде, стоял с полком своим в Москве и содержал караул), но я в 3-й или 4-й раз, которые был у Ф[он]-Визина¹⁹, не только ни разу Кальма не встречал²⁰ в обществе у него, но едва ль он и приглашался ими²¹. Я ссылаюсь на него самого, *Кальма*. Когда я его встретил где-то в доме²² (но не у него только был) и отозвавши его²³ сообщил ему мое удивление, что он не приглашается к Фон-Визину, и старался склонить его приехать, ибо зная полк[овника] Кальма во 2-й армии²⁴ всегда очень²⁵ умеренным, я уверен был, что он не согласится ни на какое преобразование общества по новому пред-

1 Слова «у себя дома» вписаны над строкой.

2 Слова «Оттого многое и помню... только» вписаны между строк.

3 Слово «душевно» вписано над строкой.

4 В подлиннике: «беспорядка буйного», цифрами над словами «1», «2» указано как следует читать.

5 Слово «членов» вписано над строкой.

6 Слово «в» вписано над строкой.

7 Слово «наичаще» вписано над строкой.

8 Слово «все» вписано над строкой.

9 Слова «о чем» вписаны над строкой.

10 Далее зачеркнуто: «а как».

11 Слова «или после» вписаны над строкой.

12 Слово «спокойствия» вписано над строкой вместо зачеркнутого «порядка».

13 Слова «эта мысль» написаны над строкой вместо зачеркнутого «она».

14 Слова «в душе» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

15 Слова «из пристрасти» вписаны над строкой.

16 Далее зачеркнуто: «на».

17 Слово «бы» вписано над строкой.

18 Далее зачеркнуто: «Пов».

19 Слова «в 3-й или 4-й раз, которые был у Ф[он]-Визина» вписаны над строкой.

20 Далее зачеркнуто: «у».

21 Далее зачеркнуто: «и».

22 Слова «в доме» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

23 Слово «его» вписано над строкой вместо зачеркнутого «удивился».

24 Слова «во 2-й армии» вписаны над строкой.

25 Слово «очень» вписано над строкой.

положению, а кроме как было описано в «Зеленой книге» и, может, еще¹ окажет мне содействие к уничтожению общества // (л. 18). Но он не пожелал ни того, ни другого. Пусть спросят его: был ли он хоть раз, но я его там решительно не видал, и не знаю уже, по каким видам и по чьему ходатайству² он перешел впоследствии снова во 2-ю армию.

Таким образом, в последний раз пред сим я был у Фон-Визина; происходили в (вышесказанном виде) разговоры³ и несогласия. Видя, что он многих наклонил в своем смысле, я решительно перестал ездить, ибо много переносил и личных неудовольствий⁴, и на многие приглашения не являлся, отзываясь болезнью отца моего (который подлинно был болен тогда в Москве⁵). Но, наконец, дней десять спустя Охотников убеждает⁶ меня, говоря, что меня начинают⁷ явно подозревать и поносить в обществе⁸ (я⁹ старался узнать от него¹⁰, на чем они остановились теперь. «Все по-старому, не клеится наше преобразование», — помнится, он сказал мне). Я не помню собственно, что ему говорил, но в том смысле, что если они захотят что-нибудь вводить противу принятого, я отойду; обещал ему приехать в назначенный день, и, приехав довольно рано, их¹¹ не могло еще было. Этого последнего моего вечера я никогда не забывал и не забуду: — в первой комнате от¹² гостиной слышу¹³ // (л. 18 об.) шум, а войдя застаю в сильном споре генерала Орлова с Фон-Визиним, Якушкиным, Охотниковым¹⁴ и еще кто-то из кричавших. Не бывши при самом¹⁵ начале спора¹⁶, точно не знаю, о чем, но догадываюсь явно, что Орлов¹⁷ опровергал предположения¹⁸ Фон-Визина и с жаром¹⁹, а как сего последнего придержались²⁰ с ним живущие, то в эту-то минуту у него вырвалось с неудовольствием²¹, что это похоже на заговор в заговоре. Никогда не забывал этих слов, ни тотчас же возникшего моего разговора, ибо он же был и последний. Как скоро²² попритихло, я отнесся к Орлову в этом смысле, а может и в этих²³ словах самых²⁴, ибо они не раз и после²⁵ пробегались в моем журнале (который и вел у себя дома²⁶) и на случай, если общество не разрушится в Москве²⁷, то чтоб было чем хотя несколько²⁸ уличить при обнаружении его. Говорю ему: «Я очень понял, что ваше превосход[ходительство] хотели сказать первым словом; но значения второго я не понимаю, к чему вы применяете?»

1 Слова «может, еще» вписаны над строкой вместо зачеркнутого слова.

2 Слова «и по чьему ходатайству» вписаны над строкой.

3 Далее зачеркнута строка.

4 Слова «ибо много переносил... неудовольствий» вписаны над строкой.

5 Слова «тогда в Москве» вписаны над строкой. Далее зачеркнуто несколько слов.

6 Слово «убеждает» вписано над строкой вместо зачеркнутого «приглашает».

7 Слово «начинают» вписано над строкой.

8 Далее зачеркнуто: «по», «но».

9 Далее зачеркнуто «не хот[ел]».

10 Слова «от него» вписаны над строкой.

11 Слово «их» вписано над строкой.

12 Далее зачеркнуто: «залы».

13 Далее зачеркнуто: «слабый».

14 Фамилия вписана над строкой.

15 Слово «самом» вписано над строкой.

16 Слово «спора» вписано над строкой.

17 Слова «догадываюсь явно, что Орлов» вписаны над строкой вместо зачеркнутых «явно, что Фон-Визин».

18 Далее зачеркнуто: «пред».

19 Слова «и с жаром» вписаны над строкой.

20 Далее зачеркнуто: «многие».

21 Слово «неудовольствием» вписано над строкой.

22 Слово «скоро» вписано над строкой вместо зачеркнутого «только».

23 Слово «этих» вписано над строкой.

24 Далее три слова вписаны над строкой и зачеркнуты.

25 Слова «и после» вписаны над строкой.

26 Слово «дома» вписано над строкой.

27 Слова «в Москве» вписаны над строкой.

28 Слова «хотя несколько» вписаны над строкой.

Ибо подлинно нетрудно было постигнуть, что *первым* словом «заговор» Орлов определил ясно партию Фон-Визина, которая жила под одним кровом, пила и ела его хлеб и соль за одной с ним¹ трапезой, // (л. 19) мыслила², судила и решала по его мановению, ибо он был и умней и ревностней всех³, имел твердость во мнениях постоянную и⁴ упорчивую. Один Бурцов, сколько я его разумею, лежал⁵ всех их слабее к нему⁶ и на слово которого надеюсь в уверении об уничтожении общества и на формальное объявление, которое у него после⁷ читал. Орлов молчал⁸. Я продолжал: «Исключите меня из общества⁹ и называйте потом его¹⁰, как хотите; я к нему не принадлежу ни записью¹¹, ни сердцем¹², давно уже и¹³ ничем». Обращаюсь к¹⁴ Охотникову и говорю: «Ты меня пригласил от имени кого приехать? Я уже десять дней, как¹⁵ не был, и потом что вхожу, так¹⁶ слышу подобные слова!» Якушкин меня прервал и сказал тут¹⁷, что давно уже читает на челе моем противное благу или успеху¹⁸ общества. Не помню наверное, кто именно из членов, не Тургенев ли или Охотников, сказал, что я слишком буквально беру значение слов и особенно в минуту еще горячих¹⁹ споров вырвавшихся, что никакого заговора нет и что я, верно, этого и сам не полагаю в душе; а что это не первая подобная²⁰ выходка моя с тех пор, как²¹ в Москве и которую относят многие²², как придирку²³ к разрыву. // (л. 19 об.) Помнится, я не полагал ничего подобного на заговор, да и мудрено было ему тогда²⁴ составиться, когда ничто не ладилось к начальному устройству еще общества.

Орлов, который долго молчал и продолжал, кажется, не обращать [внимания] на Фон-Визина, но²⁵, наконец, отвечал мне в²⁶ подобном смысле²⁷. «Знаете ли вы, господи[и]н Комаров, вы²⁸, который так буквально все²⁹ принимаете, что тайное общество есть тот же заговор — это синонимы»³⁰. И начал мне доказывать определением слов³¹ очень дельно. Я возражал ему, сколько мог, и почти³² в этом смысле, что мы, может, сойдемся в определении слов, но никак в сущности принятого

1 Слова «с ним» вписаны над строкой.

2 Слово «мыслила» вписано над строкой.

3 Далее зачеркнуто: «и».

4 Слово «и» вписано над строкой.

5 Слово «лежал» вписано над строкой вместо зачеркнутого «был».

6 Далее зачеркнуто: «ибо».

7 Слово «после» вписано над строкой.

8 Слова «Орлов молчал» вписаны над строкой, зачеркнуты и снова восстановлены.

9 Слово «общества» вписано над строкой вместо зачеркнутого «оного».

10 Слово «его» вписано над строкой.

11 Далее зачеркнуто «не», вписанное над строкой.

12 Слова «ни сердцем» вписаны над строкой, далее зачеркнуто: «и».

13 Слово «и» вписано над строкой.

14 Слова «Обращаюсь к» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «ибо».

15 Далее слово вписано над строкой и зачеркнуто.

16 Слово «так» вписано над строкой вместо зачеркнутого «то».

17 Слово «тут» вписано над строкой вместо зачеркнутого «мне».

18 Слова «или успеху» вписаны над строкой.

19 Слово «горячих» вписано над строкой.

20 Слово «подобная» вписано над строкой.

21 Слова «с тех пор, как» вписаны над строкой.

22 Слово «многие» вписано над строкой.

23 Далее зачеркнуто: «что».

24 Слово «тогда» вписано над строкой.

25 Слова «и продолжал, кажется, не обращать [внимания] на Фон-Визина, но» вписаны над строкой.

26 Далее зачеркнуто: «подо».

27 Слово «смысле» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

28 Слово «вы» вписано над строкой.

29 Слово «все» вписано над строкой.

30 Слова «это синонимы» вписаны над строкой.

31 Слова «определением слов» вписаны над строкой.

32 Слово «почти» вписано над строкой.

значения их. Наше общество¹, по-моему, как его я понимаю², *порочно* только было скрытностью³ своей от правительства, а *заговор* может быть различных свойств и всегда несет с собой мысль⁴ преступления.

Обращаясь⁵ тут⁶ ко многим, я сказал, что такая таинственность⁷ к новому преобразованию общества решительно меня заставляет оставить его и теперь, чтоб оно уничтожилось; Пестель // (л. 20) только и стремится принимать военных, несмотря кто он, и мне перед отъездом из Тульчина поручал сказать это членам (мне странно было это поручение Пестеля, тогда как я в душе моей одного и желал, только не только военных, но и статских и всех привести к⁸ уничтожению⁹ с обществом вместе или обнаружить его немедленно).

После сего разговора я незаметно вышел и уехал с тем, чтоб и не быть никогда, а¹⁰ остальное известно из первого моего донесения, что я приглашен был к Ф[он]-Виз[ину] после¹¹ для сведения об уничтожении общества формальным актом.

Я почел долгом вслед за первым объяснением о ходе общества¹² написать и эти подробности в мое собственное оправдание. Остается теперь мне, чтоб совесть им внушила то, что если¹³ память над честью скрыть пожелает. // (л. 20 об.)

1-е¹⁴. Остается мне представить 15-й год службы моей в офицер[ском] чине, из коих от [18]12 до [18]18 были, смею сказать, *без оттенка*, ни ареста, ни выговора, как и впоследствии¹⁵, [18]18-й год был год заблуждений, [18]19-й уже начал¹⁶ освещать меня противу, [18]20-й внушил мысль противиться оным решительно. А в начале 1821-го совершенно свергнул их и был все время чист совершенно пред богом¹⁷ и совестью, царем покойным и царем царствующим.

Невзирая на то, что имел и имею много недоброжелателей и врагов даже во 2-й армии и везде по открытому и непокорному¹⁸ моему характеру, но им вручаю — подозрительный даже их чести и негодованию противу меня — сказать, что знают: говорил ли я после уничтожения общества хотя с кем-нибудь из них о чем-нибудь новом или о протекшем. В Москве жил¹⁹, в Киеве был проездом, в С[анкт]-Пет[ербурге] в 1823-м году был в отпуску долгое время. Пусть скажет кто-// (л. 21)ни-будь и что-нибудь:

Как я вел себя по службе все время и прежде и после [18]21 года?

Как я вел себя у г[рафа] Тол[стого] и во время всех последних происшествий²⁰?

Был Трубецкой, был Муравьев, было много кавал[ергардских] и всех полков офицеров, которые замешаны в последнем событии. Спросите их: видел ли кто и²¹ где-нибудь, чтоб говорил я с ними о чем-нибудь, был ли у них или они у меня?

Пушин все время²² служил в Мос[кве] при к[нязе] Голицыне, а я уже третий год при графе Толстом, я знаю, что он до [18]21 года принадлежал к обществу.

1 Слова «Наше общество» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «Одно», далее над строкой вписано слово «тайное», впоследствии зачеркнутое.

2 Слова «как его я понимаю» вписаны над строкой, далее зачеркнуто: «до».

3 Слова «было скрытностью» вписаны над строкой вместо зачеркнутых: «было преступно».

4 Слово «мысль» вписано над строкой вместо зачеркнутого: «какое».

5 Перед словом «Обращаясь» зачеркнуто: «гово».

6 Слово «тут» вписано над строкой.

7 В подлиннике: «таинственность такая», цифрами над словами «1», «2» указано как следует читать.

8 Слова «привести к» вписаны над строкой вместо зачеркнутого «вместе».

9 Первоначально было «уничтожить».

10 После слова «а» зачеркнуто: «далее».

11 Слова «к Ф[он]-Виз[ину] после» вписаны над строкой.

12 Слова «о ходе общества» вписаны над строкой.

13 Слово «если» вписано над строкой.

14 Далее зачеркнуто: «Пусть».

15 Слова «как и впоследствии» вписаны над строкой. Далее зачеркнуто: «с».

16 Слово «начал» вписано над строкой.

17 Далее зачеркнуто: «царем покой[ным]».

18 Слова «и непокорному» вписаны над строкой.

19 Слово «жил» вписано над строкой.

20 Далее зачеркнуто: «я».

21 Слово «и» вписано над строкой.

22 Слова «все время» вписаны над строкой.

Спросите его, позволил ли я себе, видев его иногда в разных домах, коснуться чего-нибудь из этого и был ли я у него или он у меня хоть раз? // (л. 21 об.)

1. Я за [...] ¹ охотно прочих лиц.

2. Я был в Петербурге в 1823 году и сказал про одного себя покой[ному] госуд[арю], ибо не про кого [...] ² сказать более имел сил.

3. Наконец я жил в Пет[ербурге] у Вязем[ского] ³.

И, наконец, одного прошу, рассмотреть мои объяснения: я наказан уже по обстоятельствам более виновных. Представив государю об этом, и прошу одного, отпустить меня — гнев или милость его. Суд найдет меня. Спокойствие жены и семейства от этого зависит.

Полезно запросить Бурцова об устройстве общества, он уличит и всех запирающихся ⁴. // (л. 22)

№ 4 (3)

Выписка

Квартир[мейстерской] част[и] подпол[ковник] Руге. Точно был принят Бурцовым до 1821 года, хотя находили затруднение в принятии ⁵ его, потому что он иностранец, не родившийся в России и не имеющий собственности, ибо г[осподин] Руге из Норвегии или Дании уроженец.

Баранов жил с Пестелем в Тульчине в одном доме, хотя и г[осподин] Клейн жил тогда же вместе, но принимавши меня, Пестель об Баранове именно сказал мне, что он принадлежит к обществу, // (л. 22 об.) а насчет Клейна, напротив того, советовал об нем никогда не говорить ему. Баранов очень скоро после сего оставил Тульчин, в котором управ тогда еще не было, и я после с ним не видался и не слышал ничего об нем.

Г[осподин]н Лишин был предложен Охотниковым, но им ли был принят после, наверное не знаю. Полагаю, что Бурцов должен знать больше.

О Каверине (служившем прежде майором в гусарском [...] ⁶ полку), при// (л. 23) помнив себе, что он, кажется, в 1820 году был принят ⁷, я подал о сем записку г[осподину] военному министру особенно.

Стояновский известен был мне собственно, что он масон, как я и показал об нем.

О Пущине, отставном генерал-майоре и о Липранди я показал по слухам, равно как и об иностранце Фурнье.

Из числа 44-х лиц, мною показанных вообще, 8 лиц, которых я показал, известных мне по слухам только // (л. 23 об.) и требующих точнейшего сведения.

Адрес:

В Москве на Пречистенке в доме Аблязовой будет жить коллежский советник Комаров ⁸. // (л. 24)

№ 5 (4) ⁹

Всемиловейший государь!

Просматривая не один раз еще черновое донесение мое с представленного от меня вашему императорскому величеству чрез военного министра и написанное хотя быстро, в одну ночь, по движению души восторженной и успокоенной вашей благодатью, но по руководству памяти и совести — светильников всегда надежных к всемогущей истине и которую еще раз обязываюсь подтвердить сим по внимательному рассмотрению.

¹ Одно слово неразборчиво.

² Два слова неразборчиво.

³ Слова «у Вязем[ского]» зачеркнуты и восстановлены.

⁴ Показания написаны Н.И.Комаровым собственноручно.

⁵ Строка от слов «хотя находили...» на полях отчеркнута карандашом.

⁶ В подлиннике пропуск.

⁷ Далее зачеркнуто одно слово.

⁸ Выписка сделана Н.И.Комаровым собственноручно.

⁹ Вверху листа пометы чернилами: «№ 178», «9 января 1826», «К свед[ению]», на полях: «Приобщить к показаниям Комарова», перед этим зачеркнуто: «Отдать к допр[осу]».

Но три обстоятельства внушили мне мысль осмелиться озаботить вас, всемилостивейший государь, письмом сим.

1-е. Чтоб ваше императорское величество из общего изложения моего о ходе общества до уничтожения его в Москве, уничтожения, принятого мною за существенное и несомненное, не заключили б: что я притворно хотел убедить себя самого в справедливости самого действия и поддался на обман по одному только движению собственного // (л. 24 об.) желания оставить общество. Нет! Всемилоостивейший государь! Я мог заблуждаться на сей счет, но не обманывать себя добровольно. Я думал и всегда мог бы отстать и прежде в Тульчине, но мне казалось этого недостаточно. Я желал и полагал святым долгом, сколько от меня зависеть может, — действовать всеми способами к истреблению корня вообще, а в противном случае обнаружить его.

2-е. Чтоб из поверхностного описания моего не заключили б ваше императорское величество, что я мыслю (допусая даже¹, что уничтожение общества было всеми исполнено откровенно) извинять начальных виновников к изобретению сего зла и распространителей ревностных — нет! Всемилоостивейший государь! Они в глазах и в сердце моем столько кажутся преступными, как пагубны их соблазны. Не в их власти истребить сделанные ими несчастные впечатления в умах пылких, не от них уже зависит возратить нарушенный покой совестям, мгновенно // (л. 25) предавшимся их соблазну, не в их воле и ни в чьей вознаградить мне минуты тягостного страдания, почившего целое трехлетие в душе ослепленной и даже не мыслящей быть совершенно спокойной и после очищения словом покойного государя!

И, наконец, чтоб не помыслили, государь, что я старался облегчить некоторых в описании моем. Я сказал, что знал, что слышал, что помнил; уверен и желаю, чтоб мои слова были поверены с запросами другим и чтоб они приступили к объяснениям с той же чистотой в совести и памятью в рассудке, каковыми угодно всевышнему было внушить меня в представленном донесении моем вашему императорскому величеству.

Прошу вас, всемилостивейший государь, те лица, кои я отметил знаемые по слухам, приказать принять в особую статью замечания, // (л. 25 об.) как требующих точнейшего сведения от других. Да не падут упреки невинных на совесть мою по словам только других.

Всемилоостивейший государь, не лишите меня милости и счастья удостоиться принесть в чреде прочих мое искреннейшее поздравление вам на Новый год о благоденствии вашем, государь! Прискорбно, тягостно б было отвергнутым быть, хотя в душе оно равно исполнено будет.

Всемилоостивейший государь!

Вашего императорского величества наипреданнейший
верноподданный Николай Комаров²

30 дек[абря] // (л. 26)

№ 6 (5)³

Дополнительная записка.

Со всей доброй волею припомнив с первого раза все подробности, относящиеся до сущности по делу бывшего общества в Тульчине, я позабыл было совершенно упомянуть о бывшем внезапном прибытии в Тульчин г[осподин]а Якушкина⁴, последовавшего в конце осени 1820 года и, кажется, прямо из С[анкт]-П[етер]бурга.

Сколь известно мне сделалось, поводом приезда сего было, сколько могу припомнить:

¹ Слово «даже» вписано над строкой.

² Письмо написано Н.И.Комаровым собственноручно.

³ Вверху листа помета карандашом: «Чит[ано] 15 генв[аря]», чернилами: «20 зас[едание]. К свед[ению]». На полях помета карандашом: «О принадлежности к обществу бывшего л[ейб]-г[вардии] в егерском, а потом в пех[отном] принца Вильгельма полку, а ныне находящемся в отставке подполк[овнике] Норове спросить Пестеля».

⁴ Фамилия подчеркнута карандашом.

1-е. Уведомление чрез него Тульчинскому или Южному¹ обществу, что утверждено в Коренном совете собраться в Москву в продолжение сей зимы для продолжения лета в Тульчине и дошедшие до них, заставляют принять удобнейший способ к соглашению мыслей о² преобразовании правил общества.

2-е. Чтоб постараться согласить³ расположение членов к преобразованию и внушить осторожность в сношениях, общих и частных, по почте.

Не знаю и не помню⁴ точно, поехал ли г[осподи]н Якушкин⁵ из Тульчина куда-нибудь далее или возвратился в С[анкт]-П[етер]бург, но едва ль он не отправился к Фон-Визину⁶, который был у себя в деревне, и с ним уже, может, прибыл в Москву потом. Но что основательно, что он пробыл в Тульчине у нас с небольшим сутки, и я его видел тогда // (л. 26 об.) в первый раз в жизни моей, по случаю неожиданного собрания, от его приезда последовавшего, у Пестеля⁷, у которого, кажется, он остановился, либо у Бурцова⁸.

Перебирая часто в памяти моей сообщенные мною различные сведения и припоминая себе, где и кого из главных членов общества я в первый раз увидел, я при мысли сей об Якушкине⁹ припомятовал сии обстоятельства, хотя неважные по существу своему; но не менее того с воспоминанием об них обязывающие меня довести до сведения и соображения общего. Что вменяю себе в неперемный долг всегда сообщать для дополнения того, что я сам знал, что слышал от других и вспомнил по миновании пяти лет.

Обстоятельство сие об назначении собраться в Москву, сообщенное чрез Якушкина¹⁰, заставляло меня думать тогда, как и теперь, что подобная мысль моя по сему¹¹ в разговорах и распрях, продолжавшихся во время лета в Тульчине, могла быть передана в С[анкт]-П[етер]бург и принята: хотя мысль одинакая, но цели и желания¹² были разные ей, ибо я (как имел уже честь объяснить мою) стремился к разрушению общества, тогда как в С[анкт]-П[етер]бурге члены его¹³, вероятно желали и приняли или встретились с этой мыслью в намерении к вящему устройству оного, с чем и был, кажется, предпочтительно прислан Якушкин в Тульчин¹⁴. Могло быть и то, что Фон-Визин¹⁵, который // (л. 27) (после высочайшего смотра в 1820-м году в Умани его полка (38-го егерского), будучи генералом уже и отчисленным по армии), оставаясь долгое время в Тульчине, передал сие предположение о соединении в Москве как от себя, ибо мысль сия ему нравилась, потому, может, больше еще, что он имел зимою постоянно пребывание в Москве, а с Тульчинским обществом, покидая 2-ю армию, должен был расстаться.

Но как бы сие ни объяснялось предположение в отношении к другим¹⁶, оно же в моем смысле было для меня приятнейшею мыслью, ибо вело меня непосредственно к двум путям: или к разрушению, или к обнаруживанию общества. Не скрывая, однако же, что последнее мне было более¹⁷ по силам, чем первое, и едва ль бы¹⁸ последовало б уничтожение без настоятельности М.Ф.Орлова, решившегося также в Москве оставить общество¹⁹ (как я уже объяснял сие).

1 Слова «или Южному» вписаны над строкой.

2 Слово «о» вписано над строкой.

3 Слово «согласить» написано по стертому тексту.

4 Слова «и не помню» вписаны над строкой.

5 Фамилия подчеркнута карандашом.

6 Слова «либо у Бурцова» подчеркнуты карандашом.

7 Слова «об Якушкине» подчеркнуты карандашом.

8 Слова «чрез Якушкина» подчеркнуты карандашом.

9 Слова «мысль моя по сему» вписаны над строкой.

10 Слова «и желания» вписаны над строкой.

11 Слово «его» вписано над строкой.

12 Слова «прислан Якушкин в Тульчин» подчеркнуты карандашом.

13 Слова «что Фон-Визин» подчеркнуты карандашом.

14 Далее зачеркнуто: «но».

15 Слово «более» вписано над строкой.

16 Далее стерто одно слово.

17 Две строки от слов «последовало б уничтожение...» подчеркнуты карандашом.

Проходя записку мою¹ о членах, которые принадлежали к обществу и известны мне были по слухам, я припомнил себе на днях о *Норове*, кажется служившем (а может и служащим еще) в одном из гвардейских пехо[тных] полков (едва ль не егерском)². Я слышал об нем, помнится мне, от Пестеля³. Вменяя долгом себе припомнить, наименовать его, но убедительнейше прошу прежде получить более // (л. 27 об.) надежнейшие сведения (тем паче, что я сам в лицо его не знаю). Избави меня боже сказать понапрасну.

Осмеливаясь сим покорнейше просить принять сии сведения, как новый признак исполнения окончательного моего долга и не повинить меня в забвении их при первом изложении, ускоренным по желанию дать начальные сведения немедленно⁴, не столь подробные как впоследствии, но не менее истинные.

Подполковник Комаров⁵

Генв[аря] 11-го // (л. 28)

№ 7 (6)⁶

Ваше превосходительство!

Запрос, сделанный мне насчет г[осподин]а Астафьева, о котором в донесении моем неопределительно было сказано по неизвестности мне, обязывает меня просить покорнейше ваше превосходительство представить на благоуважение Комитета, высочайше учрежденного, что в подлинном донесении моем показаны две статьи о лицах, мне известных. В первой — мне точно известные как принадлежащие. Во второй — известные только по слухам от других; об таковых особенно я просил вместе с донесением моим особым письмом чрез г[осподин]а дежурного генерала к государю императору, чтоб не основываться собственно на сем, а получить надежнейшие сведения, подобно как и о *Норове* по последней // (л. 28 об.) записке моей, и умоляю еще раз принять сие во уважение. Сколь ни желательно было бы мне пропустить кого-нибудь, а еще прискорбнее было б обнести неосновательно. Но если имел несчастье от неизвестности быть причиной неудовольствия, сделанного одному Астафьеву вместо другого, я не от намерения, а от неизвестности действовать в моем показании.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть вашего превосходительства покорнейший к услугам.

Николай Комаров⁷

20 ген[варя] // (л. 29)

№ 8 (7)

Выписка из докладной записки Комитета
о LVI заседании 11 февраля 1826

5) Генерал-адъютант Левашов объявил, что подполковник *Комаров* просит дозволения возвратиться в Москву к семейству своему. Положили: по неимению более надобности в присутствии его здесь ни для открытий, ни для улик, испросить высочайшего соизволения на просьбу его и повеление дать ему аттестат.

На одной записке собственною его императорского величества рукою написано: «Дозволить».

Верно: над[ворный] сов[етник] Ивановский

P.S. В декабре 1825 г[ода] Комаров вызван был по высочайшему повелению из Москвы не арестованным и здесь не находился под арестом, а велено ему было не отлучаться впредь до повеления.

¹ Слово «мою» вписано над строкой.

² Слова «(едва ль не егерском)» вписаны над строкой.

³ Фамилия подчеркнута карандашом.

⁴ Слово «немедленно» написано по стертому тексту.

⁵ Пязкания написаны Н.И.Комаровым собственноручно.

⁶ Вверху листа пометы чернилами: «23 генваря». «К свед[ению]».

⁷ Письмо написано Н.И.Комаровым собственноручно.

Имя Николая Ивановича Комарова — члена Союза благоденствия, стало известно следственному Комитету на первом заседании Комитета 17 декабря 1825 г. В этот день был зачитан доклад И.И.Дибича от 14 декабря 1825 г. с результатами начального расследования о тайном обществе. В докладе цитировались строки доноса А.И.Майборода. Среди «отклонившихся» от общества он назвал квартирмейстерской части полковника Комарова, подчеркнув, что Комаров, вероятно, не отказался бы «в открытии дальнейших сведений». В докладе указывалось также местонахождение Комарова⁷. На основании доклада Дибича Комитет предложил «вытребовать отклонившихся от сего общества полковых командиров... Бурцова., Аврамова... и квартирмейстерской части подполковника Комарова»⁸. На следующий день поступила «высочайшая резолюция» — «вытребовать сюда»⁹. 19 декабря Комаров прибыл в Москву не арестованным. Во время следствия арестован не был. Ему было велено лишь «не отлучаться впредь до повеления» (док. № 8/7). В то же время, как известно, генералы А.И.Чернышев и П.Д.Киселев проводили начальное расследование в Тульчине. 22 декабря при допросе Майборода, они обратились к нему с вопросом, точно ли Комаров давно отошел от общества и уверен ли Майборода, что Комаров подтвердит его показание. Майборода отвечал, что об оставлении Комаровым общества он узнал от Пестеля, что он надеется на участие Комарова в расследовании, но полностью не уверен¹⁰.

Показания о тайном обществе, которые Комаров начал вскоре давать, по существу представляли собой доносы на руководителей Южного общества, главным образом на Пестеля. Это отмечали и сами декабристы, назвавшие его впоследствии доносчиком, «человеком не совсем чистых правил», которому еще в 1821 г. — «не очень доверяли»¹¹.

1 ВД. Т. XVI. С. 170.

2 ВД. Т. XVI. С. 217.

3 ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 15.

4 ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 10—11 об.

5 ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 17.

6 ГАРФ. Ф. 48. Д. 37. Л. 22. Текст «аттестата» см. в комментариях к делу Ф.Ф.Гагарина.

7 Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. I. С. 242; см. также: ВД. Т. IV. С. 9; Т. XVI. С. 27.

8 ВД. Т. XVI. С. 27.

9 ВД. Т. XVI. С. 30.

10 ВД. Т. IV. С. 24, 25, 39.

11 Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 365; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 61; Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 114.

Первые показания по приезде в Петербург из Москвы Комаров сделал 27 декабря, вероятно, сразу после разговора с царем. Он пытался показать деятельность тайного общества в Тульчине до 1821 г. и созыв Московского съезда, приведшего к ликвидации Союза благоденствия. Показания полны обвинений Пестеля, представленного Комаровым главным вдохновителем тульчинской организации, ее наиболее радикальным членом. Описывая Московский съезд, Комаров приписал себе главную роль в ликвидации Союза благоденствия, что далеко не соответствовало действительности. Комаров не был полностью информирован о содержании прений на съезде, ибо как свидетельствовали впоследствии декабристы, он не был допущен на основные заседания как «некоренной» член, а также потому, что он не пользовался доверием многих¹.

В Москве Комаров сознательно был приглашен на заседание, где объявлялось об уничтожении Союза благоденствия, но о принятом решении возобновить деятельность тайного общества, он не знал. В показаниях Комаров убеждал следователей, что он не был осведомлен о продолжении общества, однако, как показали последующие допросы декабристов, он, вероятно, предполагал существование тайного общества после 1821 г., если не был в этом уверен. В заключении показаний Комаров, сознавая всю неблагоприятность роли доносчика, просил покровительства Николая I при возможной мести со стороны родных и друзей обвиненных им членов тайного общества (док. № 2/1). Действительно, показания Комарова были важным источником сведений для следователей. 29 декабря, заслушав «изложение» Комарова, Комитет принял решение: «список о показанных... лицах сообразить с сведениями, имеющимися в Комитете и о истребовании тех, кои вновь окажутся, составить докладную записку для представления государю императору»².

Через несколько дней Комаров, воспользовавшись заданным ему вопросом о необходимости давать расписки при вступлении в общество, подал в Комитет новые показания. Они были выдержаны в стиле предыдущего донесения и почти не содержали новых сведений, за исключением подробностей спора, возникшего на Московском съезде (док. № 3/2). 3 января Комитет читал это «дополнение Комарова к изложению его о начале и ходе тайного общества, причем он объяснял невинность свою и присовокупил, что более сказанного им ничего показать не может. Положили: присоединить к прежнему его изложению и иметь в виду при допросах в особенности членов Южного общества и бывших на съезде в Москве»³. Комаров представил также в Комитет отдельную выписку о некоторых членах Союза благоденствия (док. № 4/3).

30 декабря Комаров обратился с письмом к Николаю I, где вновь пытался объяснить свои действия по отношению к тайному обществу стремлением «действовать всеми способами к истреблению корня вообще, а в противном случае обнаружить его» (док. № 5/4).

11 января последовала «дополнительная записка» Комарова, где он сообщил подробности приезда Якушкина в 1820 г. в Тульчин с приглашением на Московский съезд. Он также сообщил об участии в тайном обществе В.С.Норова, и Комитет принял решение провести о нем расследование (док. № 6/5)⁴.

Последний документ, принадлежащий Комарову в его деле, — небольшое письмо к Левашову с разъяснением своих предыдущих показаний об участии в тайном обществе разных лиц.

11 февраля на заседании Следственного комитета Левашов объявил, что «подполковник Комаров просит дозволения возвратиться в Москву к семейству своему». Было решено: «по неимению более надобности в присутствии его здесь ни для открытий, ни для улик испросить высочайшее соизволение на просьбу его и повеления дать ему аттестат»⁵.

«По высочайшему повелению» Комаров был отпущен с оправдательным аттестатом, который получил 15 февраля 1826 г.⁶

Имя Комарова часто упоминается в следственных делах декабристов, особенно в «выписках показаний» о том или ином участнике тайного общества — то есть из его показаний черпался обширный обвинительный материал.

1 Волконский С.Г. Указ. соч. С. 411; Якушкин И.Д. Указ. соч. С. 114, 116.

2 ВД. Т. XVI. С. 41.

3 ВД. Т. XVI. С. 46.

4 ВД. Т. XVI. С. 60.

5 ВД. Т. XVI. С. 96.

6 ГАРФ. Ф. 48. Д. 32. Л. 61.

С другой стороны, в материалах следствия имеются многочисленные высказывания о самом Комарове и его деятельности как участника тайного общества. Членом Союза благоденствия называют его Пестель, Бурцов, Н.Крюков, Юшневский, Волконский, А.Крюков, Аврамов, Ивашев, Басаргин, Бобришев-Пушкин, Якушкин, Майборода. «Уклонившимся» от общества он проходит в делах Юшневского, Волконского, Бярятинского, Бурцова, Вольфа, Крюкова, Ивашева, в доносе Майбороды.

Из материалов дела Бурцова (показание от 15 января) следует, что Комаров, отойдя от общества, тем не менее не терял из виду его членов и наблюдал за ними. Так, в январе 1824 г. он сообщил Бурцову в Киеве, что у Пестеля тесные связи с Давыдовыми, молодыми Раевскими, Бестужевым. Комаров информировал Бурцова о существовании польского тайного общества. Бурцов также показал, что в Тульчинской управе Союза благоденствия Комаров имел большое влияние¹. В мартовских показаниях В.Ф.Раевского содержался рассказ о приеме его в 1819 г. в тайное общество Комаровым. От него Раевский впервые узнал о существовании общества².

Пестель в ответах на вопросы от 8 апреля сообщил, что вернувшись из Петербурга в 1820 г., он передал тульчинским членам, в том числе и Комарову, решение Коренного совета ввести республиканское правление. Никто из членов этому не противоречил, заметил Пестель, кроме Бурцова³.

Все эти сведения, обвинявшие в определенной степени Комарова, игнорировались Следственным комитетом. Дознание о самом Комарове и его участии в тайном обществе не велось. Лишь одним показанием, связанным с Комаровым, заинтересовались следователи. 18 января Волконский показал, что первую мысль Тульчинской управе о существовании тайного общества в Кавказском корпусе дали разговоры на этот счет между Комаровым и Ивашевым⁴. Следственный комитет в это время уже проводил специальное расследование о существовании тайного общества в Отдельном Кавказском корпусе и, исходя из показаний Волконского, задал вопросы некоторым декабристам⁵. Однако 16 февраля 1826 г., согласно записи в журнале заседаний Следственного комитета Кавказское общество считалось несуществующим по воле Николая I, не желавшего проводить дальнейшее расследование по этому вопросу⁶.

Фрагменты следственного дела Комарова публиковались М.В.Довнар-Запольским в книге «Мемуары декабристов»⁷.

Следственное дело Н.И.Комарова хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 213. По современной нумерации в деле 30 листов. Сохранилась также нумерация, проставленная А.А.Ивановским при формировании дела. Согласно ей в деле было 29 листов. Документ № 1 не был пронумерован А.А.Ивановским.

О следственном деле П.И.Колошина

Имя члена Союза спасения и Союза благоденствия, сотрудника Министерства финансов Петра Ивановича Колошина (старшего) стало известно в начале следствия. В одном из первых допросов (снятых до 19 декабря 1825 г.) Трубецкой назвал братьев Колошиных в числе членов Союза благоденствия; 23 декабря, составляя большой список членов тайного общества, Трубецкой отметил: «Петр и Павел Колошины — оба отстали»⁸. 25 декабря был дан приказ об аресте Колошина⁹. Он был тотчас арестован и допрошен Левашовым в присутствии Николая I. Затем по распоряжению царя освобожден (док. № 4/3). Бумаги, взятые при аресте Колошина, были ему возвращены¹⁰.

Колошин — старейший член тайного общества, один из авторов «Зеленой книги» на допросе представил ранние декабристские организации литературными просветительскими организациями. Он заявил, что покинул общество в 1820 г. (док. № 2/1).

¹ Наст. том. Д. 95 (И.Г.Бурцова). Док. № 5/4.

² Наст. том. Д. 149 (В.Ф.Раевского). Док. № 18/19, 19/20.

³ ВД. Т. IV. С. 177.

⁴ ВД. Т. X. С. 123.

⁵ ВД. Т. XII. С. 162, 255, 263; Т. XIII. С. 101.

⁶ ВД. Т. XIX. С. 367—375, 484.

⁷ Довнар-Запольский М.В. Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 27—46.

⁸ ВД. Т. I. С. 9, 30.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 35. Таким образом Колошин ошибался, говоря, что его допросили 24 декабря (док. № 4/3).

¹⁰ ВД. Т. XVI. С. 45.

ШИПОВ (Иван)

полковник л[ейб]-г[вардии] Преображенского полка

На 11 листах

№ 1

О П И С Ь

делу о полковнике Иване Шипове

№	Листы
1. Письмо государю императору полковника Шипова 8 февраля . . .	на 1 и 2
2. Вопросные пункты Комитета Шипову [...] ² февраля	3, 4, 5 и 6
3. Таковые же с ответами Шипова 24 февраля	7, 8 и 9
4. Список членам общества	10
5. Справка	11
	11

Надворный советник Ивановский // (л. 1)

¹ Вверху листа помета карандашом: «№ 229».² В подлиннике пропуск.

Всемиловейший государь!

Его императорское высочество великий князь Михаил Павлович изволил объявить мне, что из числа злоумышленников, ныне открытых, полковник Павел Пестель показал меня принадлежащим к заговору, в 1819 году составленному, и участвовавшим в их преступных замыслах, а подполковник Сергей Муравьев-Апостол объявил, что одно из заседаний того общества было в квартире моей и что на оном определено было учредить в России республиканское правление. В юных летах мог я быть по неопытности и пылкости увлечен в заблуждение, но исполнен будучи всегда беспредельной преданности к августейшему престолу, я одного имени заговора всегда гнушался. Дерзаю умолять ваше императорское величество дабы с кротостию, вам свойственною, вы удостоили принять чистосердечное изложение обстоятельств, до сего относящихся.

В 1816 году означенный Павел Пестель, с коим видался я весьма часто в доме отца его, рассуждал со мною об обязанности каждого благомыслящего человека образоваться на пользу службы и отечества, предлагал // (л. 1 об.) мне доставить знакомство некоторых приятелей его, убеждая, что познания и способности их могут мне быть полезны. Согласясь на оное, я познакомился с полковником князем Сергеем Трубецким и капитаном Никитой Муравьевым. Ум и сведения сих людей, заставив меня почувствовать недостаток собственного воспитания своего, возродили во мне желание воспользоваться их познаниями и советами. Совершенная неопытность моя возбудила во мне пагубную к ним доверенность, которая увлекла меня в их сообщество. Имея тогда двадцать лет от роду, я был обманут благовидною целию, мне представляемою и, чуждаясь замысла, не предполагал ничего предосудительного в поступке своем. В беседах с сими людьми и другими, у них встречаемыми, говорили нередко о злоупотреблениях, в некоторых частях управления усматриваемых, и о том, что многие от сего страждут; рассуждали о средствах к предотвращению такового зла и о других подобных предметах, имевших пользу общую единственную целию, как полагал я тогда в неведении своем. Замечав часто в сих разговорах предосудительное вольнодумство, не подозревал я никакого заговора против священной особы в бозе ныне почившего обожаемого государя или членов августейшего его дома, и хотя некоторые из людей, к сему обществу принадлежавших, у меня иногда бывали, но заседания сего // (л. 2) общества никогда в квартире моей не происходили¹. О водворении же в России безначалия или, как они называют, об учреждении республиканского правления, не было при мне никаких совещаний, и несмотря на тогдашнюю безрассудную к ним доверенность мою, нелепость такового намерения меня и тогда бы устрасила.

Когда же впоследствии рассудок утвердился во мне некоторою опытностию, усмотрев, что образ мыслей многих из сих людей противен моим правилам и понятиям об обязанностях, честию и законом возлагаемых, я решился удалиться от их сообщества и, наконец, в исходе 1819-го или в 1820-м году прервал с ними сношения. В собраниях сих не находился я ни разу с которым-либо из Тургеневых. Слышав в 1821 году об уничтожении сего общества, я полагал оное навсегда прекратившимся и заключал, что лета произвели на других то же полезное действие, которое испытал я на самом себе; и с тех самых пор посвятив себя совершенно службе государя, я употребил все старания, чтобы сделаться достойным милостивого внимания, мне начальством оказываемого.

Утешаясь убеждением совести, что никогда не был я причастен порочным сим замыслам, я терзаюсь мыслию, что прежние сношения мои с людьми, оказавшимися ныне преступными, могут навлечь на меня подозрение; и потому как единственную милость смею просить о доставлении // (л. 2 об.) мне способа доказать, сколь лживы в отношении ко мне показания сих людей, представляющих в виде преступления² неумышленное заблуждение, коего одно воспоминание тяготит издавна душу мою. Безмерно счастливым я почел бы себя, государь, если б когда-

¹ Строка от слов «общества никогда...» на полях отчеркнута карандашом.

² Две строки от слов «мне способа доказать...» на полях отчеркнуты карандашом.

нибудь имел случай жертвою жизни запечатлеть чувствования беспредельной и никогда не изменяемой преданности к священной особе твоей и глубочайшего благоговения, коим исполнен к тебе.

Февраля 8 дня
1826 года
С[анкт]-Петербург

Верноподданный Иван Шипов
лейб-гвардии Преображенского полка
полковник¹ // (л. 7)

№ 3 (3)²

На вопросы сделанные высочайше учрежденным Комитетом полковник Иван Шипов имеет честь представить следующие ответы.

Февраля 24 дня 1826 года³
Ответы

Вопросы

1

Когда, где и кем именно вы были приняты в тайное общество, под именем «Союза благоденствия» существовавшее? Что побудило вас вступить в оное и кто были все известные вам члены оного?

В сообщество людей, составлявших Союз благоденствия, введен я был в 1816 году полковником Павлом Пестелем: желание сблизиться с людьми более меня сведующими, образовывать себя и по мере сил моих быть полезным ближнему было единственною причиною вовлекшего меня в сие общество. Список членам, сколько по давности времени могу припомнить, при сем прилагаю.

2

Кто были первоначальные основатели сего общества и какие причины подвинули их к учреждению оного?

Первоначальные основатели сего общества, равно как и причины, к учреждению оного побудившие, мне совершенно неизвестны.

3

В чем заключалась прямая цель или намерения Союза благоденствия и какими средствами предполагалось исполнить ее? // (л. 7 об.)

Будучи в совершенном неведении о скрытых намерениях людей, впоследствии преступными оказавшихся, я полагал, что единственная цель сего общества состояла в том, чтобы приобрести точные сведения о всех частях государственного управления и стараться усовершенствовать способности свои, дабы // (л. 7 об.) впоследствии быть полезным службе государя и отечества и благотворить по мере сил каждого.

4

Кто из членов наиболее стремился к распространению и утверждению мнений общества советами, сочинениями и личным влиянием на других?

Я полагаю, что из всех членов Павел Пестель и Никита Муравьев наиболее имели на других влияние и наиболее старались об увеличении общества.

5

Комитету достоверно известно, что в 1819 году в квартире полковника Федора Глинки происходили собрания членов Коренной думы³ союза (рассуждавших о образе правления в России), в числе коих и вы находились.

В 1818 или в 1819 году мне случалось быть иногда у полковника Федора Глинки в его квартире, видеть там людей вышеупомянутых и некоторых других, мне неизвестных; случалось, кажется около двух или трех раз, быть там и во время собрания многих членов общества, случалось слышать там суждения о злоупотреблениях, вкравшихся в разные части управления, о

¹ Письмо написано И.П.Шиповым собственноручно.

² В деле на листах 3—6 находится не воспроизведенный здесь документ № 0 (2) вопросы Комитета И.П.Шипову, повторенные им при ответах в настоящем документе. Отдельные разночтения оговариваются в подстрочных примечаниях. Вверху листа 3 помета чернилами: «Читано 2 марта».

³ Первоначально: «управы».

И потому объясните откровенно:

а) Сколько раз и кто именно из членов Коренной думы собирались в квартире Глинки для совещания по означенному предмету и был ли в числе их нынешний подполковник Лунин?

б) Князь Илья Долгоруков (в качестве блюстителя) по общему ли согласию и именем присутствующих предлагал Пестелю изложить выгоды и невыгоды правлений монархического и республиканского с тем, чтобы каждый объявил свое мнение, которое из двух правлений почитает удобным для России? // (л. 8)

в) После же того, когда Пестель представил свое изложение и когда по оному возникли между членами словопрепия, было ли решено, чтобы каждый из них сказал положительно, кого желает: монарха или президента и произнес ли на сие (в свою очередь) Николай Тургенев: *«Президента, без дальних толков!»*?

г) Затем присутствовавшие в собрании, не исключая и Глинки (говорившего прежде в пользу монархического правления и предлагавшего императрицу Елизавету Алексеевну) приняли ли единодушно *республиканский образ правления*?

д) Сие решение Коренной думы было ли тогда же сообщено всем управам и с того времени республиканские мысли остались ли господствующими в обществе?

6

Комитету также достоверно известно, что вскоре после совещания¹, бывшего у Глинки, происходили таковые же у вас в квартире, занимаемой в Преображенских казармах.

Объясните чистосердечно:

1) Сколько раз и кто именно из членов Коренной думы были в собраниях, у вас происходивших и точно ли находился в числе их Лунин?

2) Кто именно из двух, Пестель или Никита Муравьев, говоря о средствах введения в России народного правления, *коснулся* // (л. 8 об.) *до необходимости в смерти царствовавшего тогда императора*?

средствах исправления оного и тому подобное, но чрез семь или восемь лет я не в состоянии припомнить и сказать по совести, кем из находившихся там особ какие говорены именно речи и кто какое имел мнение. Однако же с достоверностию сказать могу, что мне не случалось никогда там видеть подполковника Лунина и Николая Тургенева и что в присутствии моем не было никакого суждения о пользе введения в России республиканского правления, ибо заблуждение мое до того никогда не простиралось, чтобы разделить такие мнения, и я не дозревал даже, чтобы республиканские мысли существовали в сем обществе. // (л. 8)

Что же касается до решения Коренной думы ввести в России таковое правление, то мне показалось бы нелепым и здравому смыслу противным, если бы в присутствии моем сия дума, составленная из нескольких молодых людей, не имеющих ни значительной власти, ни влияния политического, приняла на себя делать определения или решения о введении в государстве обширном и сильном какого-либо нового образа правления.

Собрания общества никогда не происходили на квартире моей в Преображенских казармах; подполковник Лунин никогда не бывал на оной. Многие из членов, в приложенном списке означенных, приезжали иногда ко мне, но кто из них когда и сколько раз бывал, о чем именно кто из них когда говорил, какие именно происходили между ними споры — того, по истине, теперь чрез семь или восемь лет припомнить не в состоянии. Утвердительно же сказать могу, что в присутствии моем никогда не было речи о каком-либо покушении на жизнь покойного императора, ибо подобные слова из памяти не изглаживаются. // (л. 8 об.)

¹ В подлиннике: «совещаний».

3) Действительно ли все присутствовавшие кроме Пестеля и Никиты Муравьева отвергли сие противное предложение и доказывали, что сие злодейство произведет анархию и гибель России?

4) Но Пестель уверял ли, со своей стороны, что общество может отвратить анархию учреждением временного правления, облеченного верховною властью для удержания порядка и введения нового правления?

5) Мысль сия нашла ли защитника в одном только Никите Муравьеве, но всеми прочими была отвергнута?

6) В особенности же восстал ли против нее князь Илья Долгоруков и завел ли с Никитою Муравьевым сильный спор, которым кончилось и самое собрание членов, ничего решительного не положивших?

7

Какое участие принимали вы в действиях Союза благоденствия после вышеприведенных совещаний? Долго ли еще находились в обществе и с кем из членов были в сношениях и каких?

В заключение присовокупите все вам известное о тайном обществе и о членах, к оному принадлежащих, сверх изложенных здесь вопросов.

Все сношения мои с членами общества подробно изложены в сих ответах; кроме же сего я никакого участия в действиях того общества не принимал.

Удостоверясь впоследствии, что большая часть членов в правилах и в понятиях о вере и обязанностях различествовали совершенно со мною, я принял намерение отклониться от сего общества, с коим прекратил в 1819 или 1820 году // (л. 9) всякое сношение. Впоследствии я виделся иногда с Никитою Муравьевым, с Трубецким и некоторыми другими, но никогда не входил с ними ни в какие суждения об обществе. В 1821 году Никита Муравьев сказывал мне, что общество сие совершенно уничтожилось. Полагая, что лета и опытность произвели на других то же полезное действие, которое испытал я на самом себе, я почел известие сие справедливым и о возобновлении сего общества или о каком другом заговоре не имел никакого сведения.

Вот чистосердечное изложение всего, что о сем обществе мне было известно.

Когда лета и некоторая опытность заставили меня отклониться от сего союза и чуждаться всякого тайного общества, я удвоил усердие свое в исполнении обязанностей, по службе на меня возлагаемых, стараясь сделать себя достойным благосклонного расположения, начальством мне оказываемого. В течение пяти лет был я батальонным, а прежде сего ротным командиром. По вниманию ко мне начальства и по доверенности моих подчиненных пос-

тупки мои и даже суждения должны были неминуемо иметь влияние на состояние части, мне порученной, в особенности в нравственном отношении. // (л. 9 об.) Поведение мое с подчиненными, положение части, мне вверенной, правила мои и даже образ мыслей моих были начальству моему известны, и потому начальники, под командою коих я имел счастье продолжать службу, могут объяснить, имело ли поведение мое нечто сомнительное и похожее на действия человека, злоумышляющего разрушение общественного порядка или, напротив того, поступки мои не были ли свидетельством пламенного усердия к пользам службы и верноподданнической приверженности к священной особе августейшего монарха.

Полковник Шипов¹ // (л. 10)

№ 4 (4)²

Список членам, кого я могу припомнить

Полковник Павел Пестель
Капитан Никита Муравьев
Полковник князь Сергей Трубецкой
Полковник Федор Глинка
Полковник флигель-адъютант Кавелин³
Полковник князь Илья Долгорукий³
Подполковник Сергей Муравьев-Апостол
Полковник Александр Муравьев
Полковник Иван Бурцов
Граф Толстой, служил в Академии
Семенов, видал его во фраке, но где он служит, не знаю
Полковник флигель-адъютант Годеин³
Генерал-майор князь Лопухин³
Полковник Бриген, служивший в лейб-гвардии Измайловском полку⁴. //

(л. 11)

№ 5 (5)

Полковник Иван Шипов по высочайшему повелению оставлен без внимания, как член Союза благоденствия и неучаствовавший в возникших после 1821 года тайных обществах.

¹ Вопросы и ответы написаны И.П.Шиповым собственноручно.

² Вверху листа карандашом поставлен крест.

³ Фамилия отчеркнута на полях карандашом.

⁴ Список написан И.П.Шиповым собственноручно.

Об участии в Союзе благоденствия, и ранее в Союзе спасения, полковника Преображенского полка Ивана Павловича Шипова стало известно в конце декабря 1825 г. Его имя упомянул в первых допросах С.П.Трубецкой; доносчик А.И.Майборода в показании от 22 декабря, данном в Тульчине, назвал его в числе «самых старейших из нынешних членов»¹.

Имя И.П.Шипова в дальнейшем часто упоминается в материалах делопроизводства Следственного комитета, в следственных делах декабристов. Однако его собственное следственное дело невелико по объему. Причина этого известного противоречия заключается в том, что расследование подлинной роли Шипова в тайном обществе не было доведено до конца. Дело Шипова по своему содержанию тесно примыкает к делу № 5, целиком посвященному заседанию Коренной думы Союза благоденствия в 1820 г., связано оно также с делами И.А.Долгорукова, Ф.Н.Глинки и других участников петербургских совещаний 1820 г.

Под арестом Шипов не находился.

Первые показания о Шипове Трубецкого и Майбороды не привлекли особого внимания Николая I, и он освободил Шипова в начале января 1826 г. «от дальнейшего изыскания»².

Однако 13 января Пестель дал подробные показания о заседании Коренной думы Союза благоденствия в 1820 г. на квартире Ф.Глинки, о своем докладе и принятом там решении стремиться к введению республиканского правления. Среди участников этого совещания он назвал И.Шипова³. Вопрос о совещании 1820 г. вызвал особое внимание Комитета и стал тщательно расследоваться. Было получено подтверждение его главных участников: С.Муравьева-Апостола от 1 февраля и Никиты Муравьева от 1 и 3 февраля⁴. Причем С.Муравьев-Апостол дополнил показание Пестеля и сообщил, что после заседания у Глинки, состоялось собрание на квартире И.Шипова, где «в первый раз было говорено о цареубийстве»⁵. После этого Комитет составил для Николая I специальную докладную записку «о лицах, участвовавших в совещаниях Коренной думы Союза благоденствия»⁶. В записке И.Шипов назывался в числе членов тайного общества, «которые вовсе еще Комитетом не допрошены и не очищены надлежащим изысканием». Комитет предупреждал, что «если действия и участие в тайном обществе» Шипова и других лиц «по вновь открытым обстоятельствам, столь сильно их обвиняющим, останутся без исследования, то высочайше порученное Комитету толико важное дело не будет совершенно полное...»⁷ Записка была зачитана в Комитете 7 февраля⁸. Содержание ее было доведено до И.Шипова вел. кн. Михаилом Павловичем, и 8 февраля Шипов обратился с оправдательным письмом к царю. Он убеждал его в своей невиновности, заявлял, что никогда не присутствовал на совещаниях, где бы обсуждались планы введения республики, утверждал, что и на его квартире не было заседаний общества. Шипов признал, что был членом тайного общества с 1816 г., но отошел от него в конце 1819 или в 1820 г. (док. № 2/1). Письмо Шипова Комитет зачитал 12 февраля, в тот же день было получено распоряжение Николая «составить допросные пункты [...] полковнику Ивану Шипову и для отобрания [...] письменных ответов вручить оные допросные пункты его императорскому высочеству великому князю Михаилу Павловичу»⁹. Ответы на представленные вопросы Шипов дал 24 февраля. По содержанию они близки к его письму Николаю I. Шипов сознавался, что был принят в тайное общество в 1816 г. Пестелем, но заявлял о своем полном неведении подлинных целей Союза спасения и Союза благоденствия. Он отверг показания других членов тайного общества о своем участии в совещании 1820 г. у Глинки, хотя и отметил, что бывал у него вместе с некоторыми участниками организации. Также он продолжал ут-

¹ ВД. Т. I. С. 9; Т. IV. С. 10.

² ВД. Т. XVI. С. 90. Наст. том. Д. 5. Док. № 3/4.

³ ВД. Т. IV. С. 101.

⁴ ВД. Т. I. С. 312.

⁵ ВД. Т. IV. С. 291.

⁶ Текст записки см.: Наст. том. Д. 5. Док. № 4/3; ВД. Т. XVI. С. 89—91.

⁷ ВД. Т. XVI. С. 90.

⁸ ВД. Т. XVI. С. 88—89.

⁹ ВД. Т. XVI. С. 97.

верждать, что особого заседания общества с обсуждением вопроса царубийства на его квартире не было. В заключение он отметил, что прекратил все отношения с тайным обществом в 1819 или 1820 году (док. № 3/3). К ответам Шипов приложил список членов тайного общества, известных ему (док. № 4/4).

Основным приемом защиты Шипова был метод занижения значения важных совещаний, о которых его спрашивали, превращение их в незначительные, обычные встречи членов тайного общества. Этот прием сочетался с категорическим отказом его признать свое участие в совещаниях Коренной думы, состоявшихся в 1820 г. Комитет, однако, не довольствовался показаниями Шипова и при чтении их 2 марта принял решение продолжать «исследование»¹. Следует отметить, что очных ставок Шипов ни с кем не имел. Сведения о Шипове поступали до мая 1826 г. Помимо приведенных выше показаний его имя упоминалось в ответах Оболенского, М. Муравьева-Апостола, Лунина, Митькова, Краснокутского, А. Поджо, Бярятинского, Волконского, Бриггена, Свистунова, Павла Колошина². В большинстве показаний он характеризовался как один из первых членов общества, отошедший впоследствии от организации. В то же время Бярятинский отмечал, что в 1823 г. в Петербурге вел с Шиповым общие разговоры насчет общества; А. Поджо показывал, что хотя Шипов с 1823 г. «уклонился от общества», но знал о его существовании³.

Эти показания не оказали влияния на решение участи Шипова. По «высочайшему повелению» он как и Долгоруков был «оставлен без внимания» (док. № 5/5). Имя Шипова как «прошенного» Николаем I было упомянуто в Секретном объяснительном прибавлении к докладу Следственной комиссии (см. комментарии к предыдущему делу). Однако, как многие лица, связанные с движением декабристов, он был вынужден покинуть Петербург. 21 февраля 1826 г. его назначили командиром Сводного полка, образованного из солдат, участвовавших в восстании 14 декабря. 27 февраля полк выступил из Петербурга на Кавказ⁴.

Следственное дело И. П. Шипова хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 231. По современной нумерации в деле 13 листов, заполненных текстом. Сохранилась также нумерация А. А. Ивановского, согласно которой в деле насчитывалось 11 листов. Документ № 1 не был им пронумерован.

Ниже указывается дело Следственного комитета, в котором имеется собственноручная записка И. П. Шипова, не вошедшая в состав дела № 231.

1. Дело № 343 Н. А. Панова, л. 10 (записка от 15 января 1826 г.); см.: Восстание декабристов. Т. II. С. 110.

Граф ВИТГЕНШТЕЙН

флигель-адъютант

На 3 листах

№ 1

О П И С Ь

делу о флигель-адъютанте графе Витгенштейне

Число
бумагНа каких
листах

1. Начальный допрос, снятый генерал-адъютантом Левашовым с флигель-адъютанта графа Витгенштейна	на 1
2. Выписка из показаний на графа Витгенштейна	2
3. Выписка из журнала Комитета о XXVII заседании	3
	3

Надворный советник Ивановский // (л. 1 «в»)

¹ Вверху листа помета карандашом: «№ 234».

№ 2 (1)¹

№ 127 Флигель-адъютант г[раф] Витгенштейн

В 1820 году князь Барятинский известил меня о существовании тайного общества, имеющего единственную цель — благодеяние. Он предложил мне в оное взойти, и не видя в положении одного ничего противозаконного, я на сие согласился. Ничего не заметил я в обществе сем политического и в продолжение всего 1820 года был² с членами в весьма малом сношении. В 1821 году по возвращении моем из Лайбаха, узнал я³ от Комарова или Барятинского, что общество сие рушилось. С тех пор ни с кем из членов я сношения насчет общества не имел и твердо полагал⁴, что оное более не существует.

Граф Витгенштейн⁵

Генерал-адъютант Левашов // (л. 2)

№ 3 (2)

Выписка показаний на флигель-адъютанта графа Витгенштейна

Горожанский

Член общества (83). С[траница] 8.

Свиштунов

Член общества (61). С[траница] 3. // (л. 3)

№ 4 (3)

Выписка из журнала Комитета 12 генваря 1826
заседания XXVII-го

2) Генерал-адъютант Левашов объявил высочайшее повеление, чтобы флигель-адъютанта графа Витгенштейна, который при допросе оказался невинным, не считать прикосновенным к делу о возмутителях. Положили: о сем записать в журнал.

¹ Вверху листа помета карандашом: «Высочайше освобожден».

² Далее зачеркнуто: «я».

³ Слово «я» вписано над строкой.

⁴ Слово «полагал» вписано над строкой вместо зачеркнутого слова.

⁵ Показания подписаны Л.П.Витгенштейном собственноручно.

Имя флигель-адъютанта, ротмистра Кавалергардского полка Льва Петровича Витгенштейна, сына главнокомандующего 2-й армией, впервые было названо на следствии в числе членов тайного общества 24 декабря 1825 г. П.Н.Свистуновым¹. 27 декабря Н.И.Комаров также сообщил об участии Витгенштейна-младшего в тайной организации, отметив, что он «более знал о существов[ании] обще[ства], чем принадлежал к нему, и завлечен Пестелем и Барятинским для наружности»². Следует иметь в виду, что сведения Комарова ограничивались 1821 г., о деятельности тайного общества в последующий период он не знал. 30 декабря выписка из показаний Комарова с именами участников общества зачитывалась в Комитете, на следующий день последовала царская резолюция: «поименованных... лиц взять, кроме флигель-адъютанта графа Витгенштейна». Было решено «сию высочайшую волю привести в исполнение и флигель-адъютанта Витгенштейна вызвать не арестованного»³.

В первых числах января Витгенштейн дал краткое показание Левашову. Он объявил, что в 1820 г. вступил в тайное общество, цель которого была — благодеяние. Принимал в нем малое участие, после 1821 г. отошел от общества и впоследствии «твердо полагал, что оно более не существует» (док. № 2/1).

12 января на заседании Комитета Левашов объявил «высочайшее повеление, чтобы флигель-адъютанта графа Витгенштейна, который при допросе оказался невинным, не считать прикосновенным к делу о возмутителях» (док. № 4/3)⁴.

На этом расследование о Л.П.Витгенштейне было закончено. Следственное дело Витгенштейна одно из самых кратких личных дел декабристов, однако, оно далеко не отражает подлинного его участия в тайных обществах. После формального оправдания Витгенштейна в материалах следствия отложились новые показания, в которых имелись о нем сведения. Показания П.В.Аврамова от 15 января, И.Г.Бурцова от 16 января и С.Г.Волконского не расходились с собственным показанием Витгенштейна: они назвали его членом общества в Тульчине в 1819 г. — то есть Союза благоденствия⁵. Однако М.Муравьев-Апостол в январском допросе у Левашова сообщил, что знал Витгенштейна членом общества на севере (имелся в виду период — 1824—1825 гг., после перевода Витгенштейна из Тульчина в Петербург)⁶. 23 января членом тайного общества, действовавшего в Петербурге перед восстанием, назвал Витгенштейна А.С.Горожанский⁷. 26 января Спиридон Булгари сообщил: «Молодой Депрерадович говорил Николаю [Булгари], что флигель-адъютант граф Витгенштейн сказал, что у них во 2-й армии давно все готово»⁸. Это показание не прошло мимо внимания Комитета, и следователи вернулись к нему 19 февраля при допросе Николая Булгари. Он отвечал, что Депрерадович слышал эти слова не от Витгенштейна, а также как он сам — от Вадковского. Однако Н.Булгари подтвердил, слышанное им от Депрерадовича, что «граф Витгенштейн должен быть членом общества сего»⁹. В.Л.Давыдов 1 февраля, говоря о восстановлении общества после Московского съезда 1821 г. указал, что к нему «пристал» молодой гр[аф] Витгенштейн¹⁰. О встречах и беседах о делах тайного общества Витгенштейна с Вадковским и Пестелем в Петербурге в 1824 г. сообщил в февральских показаниях И.Ю.Поливанов¹¹. Н.С.Бобринцев-Пушкин, отвечая на вопросы от 29 марта, отметил, что он знал в числе членов тайного общества сына командующего 2-й армией флигель-адъютанта Людвиг Витгенштейна¹². Особенно характерны показания М.И.Мура-

¹ ВД. Т. XIV. С. 336.

² Наст. том. Д. 213 (Н.И.Комарова). Док. № 2/1.

³ ВД. Т. XVI. С. 42, 43.

⁴ ВД. Т. XVI. С. 58.

⁵ ВД. Т. X. С. 115; Т. XII. С. 194; Наст. том. Д. 95 (И.Г.Бурцова). Док. № 5/4.

⁶ ВД. Т. IX. С. 189.

⁷ ВД. Т. XVIII. С. 258.

⁸ ГАРФ. Ф. 48. Д. 156. Л. 10 об.

⁹ ВД. Т. XIII. С. 121, 122.

¹⁰ ВД. Т. X. С. 200.

¹¹ ВД. Т. XIII. С. 55.

¹² ВД. Т. XII. С. 353.

вьева-Апостола от 12 апреля: «На совещании, в котором Пестель принял Свистунова в бояры, [1824 г., Петербург] это было на квартире Ф.Вадковского, находился также граф Витгенштейн — он разделял мысли Пестеля и был им принят в Тульчине, когда он еще был адъютантом отца его»¹.

Все приведенные выше сведения не были учтены на следствии; таким образом, участие Витгенштейна в тайном обществе после 1821 г., одобрение им линии Пестеля осталось «без внимания» Комитета. Причин такого, далеко не единичного, решения несколько. Это, во-первых, стремление Николая I в определенный момент ограничить число лиц, привлеченных к следствию, отсечь второстепенных членов тайного общества². Во-вторых, нежелание выявлять принадлежность к тайной организации сына командующего крупнейшей армией, в которой созрел заговор, что еще более усиливало бы значение и размах тайного общества. На решении отказаться от расследования действительного участия в организации младшего Витгенштейна могло отразиться и личное отношение к нему Николая I, царский произвол, который характерен для всего процесса декабристов.

Следственное дело Л.П.Витгенштейна хранится в ГАРФ, в фонде № 48, под № 236. По современной нумерации в деле 5 листов, по более ранней, проставленной А.А.Ивановским при формировании дела, — 3 листа. Документ № 1 не был им пронумерован.